

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
образования
«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Лягушкина Людмила Алексеевна

**«СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В РСФСР В
ХОДЕ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА (1937-1938 ГГ.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ БАЗ ДАННЫХ ПО РЕГИОНАЛЬНЫМ "КНИГАМ
ПАМЯТИ"»**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н., проф. Л.И. Бородкин

Москва – 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	46
1.1. Источники исследования	46
1.2. Методы исследования	110
ГЛАВА II. ДИНАМИКА РЕПРЕССИВНЫХ ВОЛН БОЛЬШОГО ТЕРРОРА: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА.....	118
2.1. Алтайский край	118
2.2. Башкирская АССР.....	130
2.3. Горьковская область	135
2.4. Карельская АССР	145
2.5. Северо-Осетинская АССР	153
2.6. Сравнение динамики репрессий в пяти регионах РСФСР.....	160
ГЛАВА III. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОВОЗРАСТНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА РЕПРЕССИРОВАННЫХ.....	183
3.1. Гендерный состав репрессированных.....	184
3.2. Возрастная характеристика.....	202
3.3. Национальный состав.....	218
ГЛАВА IV. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕПРЕССИРОВАННЫХ	241
4.1. Соотношение численности городского и сельского населения	242
4.2. Образовательный уровень	245
4.3. Характеристика партийности	252
4.4. Распределение по социальному положению.....	256
4.5. Профессиональный состав репрессированных служащих	284
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	299
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	318

ВВЕДЕНИЕ

Большой террор 1937-1938 гг. – один из самых трагичных периодов истории СССР. Менее чем за два года было расстреляно (приговорено по т.н. «первой категории») беспрецедентно большое количество людей – более 680 тыс. человек. Всего в этот период было арестовано по политическим обвинениям более 1,5 млн человек, 1,3% взрослого населения страны¹. Долгое время в центре внимания исследователей оставались преимущественно аресты занимавших высокое положение партийных руководителей, военных, известных деятелей искусств и науки. Эта ситуация постепенно начала меняться после открытия архивов в начале 1990-х гг. Рассекреченные документы показали, что террор затронул гораздо более широкие слои населения. Однако достоверно утверждать, какие именно категории населения пострадали в результате репрессий, по этим официальным отчетам невозможно – статистика репрессий НКВД преимущественно оценивает «социальное прошлое» арестованных и, к тому же, на различных уровнях могла подвергаться серьезным фальсификациям².

Этот факт обуславливает **актуальность** темы. Полную картину Большого террора можно восстановить, только имея сведения о том, против граждан каких социальных категорий были направлены репрессии 1937-1938 гг. Выделить эти категории позволяют электронные базы данных репрессированных, составленные на основе «Книг памяти». Электронные базы данных жертв репрессий начали вводить в научный оборот с 1990-х гг.,

¹ В данном случае используется ведомственная оценка числа жертв Большого террора, см., например: Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация). // Отечественные архивы. 1992, № 2. С. 28-29; Кропачев С.А. От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937-1945 годах. СПб, 2011. С. 25-27. Однако существуют и другие оценки, которые во многом зависят от системы подсчета. Историко-просветительское общество «Мемориал» сделало предположение, что в период Большого террора погибли более 750 тыс. человек. М. Эллман приходит к выводу, что общие потери населения в период Большого террора (включая смерти заключенных ГУЛАГа и некоторые другие показатели) составляли 950 тыс. – 1,2 млн человек, см. подробный анализ различных версий в статье: Ellman M. Soviet Repression Statistics: Some Comments // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54, no. 7. P. 1162.

² Никольский В.М. Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в УССР, 1937-1938 годы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1, апрель-июнь 2010 г. С. 25-26; Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 86; Кабацков А.Н. Репрессии 1937-1938 гг. против рабочих Прикамья // Там же. С. 182.

однако наиболее широкое распространение их анализ получил в последние 10 лет. Подробное изучение социального аспекта чисток позволяет выявить некоторые черты репрессивной политики советского государства. Помимо того, эта работа, а также исследования похожей тематики позволят найти сходства и различия репрессивной политики в различных регионах СССР, а это, в свою очередь, внесет вклад в дискуссию о причинах, целях и основных движущих силах Большого террора, нашедшую отражение в историографии.

Наконец, рассмотренные в работе вопросы важны не только с точки зрения истории, но и потому, что, по данным опросов общественного мнения, в 2015 г. 45% населения России считали, что жертвы сталинской эпохи были оправданы «великими целями и результатами»³. В данной ситуации очень важно появление все большего числа работ, которые показывали бы масштаб террора и непредвзятый портрет его жертв.

Объектами исследования в данной работе являются «Книги памяти» жертв политических репрессий РСФСР, а также процесс, который они описывают – Большой террор в пяти регионах РСФСР (Алтайский край, Башкирская АССР, Горьковская область, Карельская АССР, Северо-Осетинская АССР). **Предметом** данного исследования являются социальный портрет арестованных в этих регионах в годы Большого террора, а также динамика репрессий в каждой из республик, области и крае.

Территориальные и хронологические рамки исследования. Хронологические рамки работы ограничены периодом Большого террора, под которым, согласно распространенному в историографии подходу, в данной работе понимается процесс реализации массовых репрессий, который начался с операции по приказу № 00447 (т.н. «кулацкая» операция) в конце июля – начале августа 1937 г., а закончился в ноябре 1938 г. постановлением о завершении массовых операций⁴.

³ Сталин и его роль в истории страны [Электронный ресурс] // Аналитический центр Юрия Левады : [сайт]. [2015]. URL: <http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/> (дата обращения: 12.12.2015).

⁴ Хотя большинство современных исследователей ограничивают Большой террор указанными выше хронологическими рамками, некоторые склонны считать 1937-1938 гг. лишь «апогеем Большого террора», длившегося все 1930-е гг., а в ряде случаев даже называют таким образом весь период сталинизма. В числе

В работе анализируются социальные аспекты реализации Большого террора на территории РСФСР, причем наиболее детально рассмотрены репрессивные процессы в пяти регионах: Алтайском крае, Башкирской АССР, Горьковской области, Карельской АССР и Северо-Осетинской АССР. Данные регионы были выбраны по ряду причин. Во-первых, исследование проводилось на территории нынешней Российской Федерации, поэтому особый интерес представляли те из регионов, которые входили в конце 1930-х гг. в состав РСФСР. Во-вторых, население трех регионов по национальному составу было преимущественно русским (Горьковская область, Алтайский край⁵ и Карельская АССР), а двух других – национальным (Башкирская АССР и Северо-Осетинская АССР). Таким образом, стало возможно проверить гипотезу о влиянии национального состава регионов на характер репрессий. Третьей причиной стало то, что среди регионов есть как внутренние области (Горьковская область, Башкирская АССР, Северо-Осетинская АССР), так и имеющие пограничное положение (Алтайский край, Карельская АССР). Кроме того, эти регионы имели различный экономический профиль, а также в связи с этим разный социальный состав населения. Наконец, одной из основных причин для выбора именно этих пяти регионов стала репрезентативность их «Книг памяти» – мартирологов, в которых хранится биографическая информация о репрессированных. Были отобраны только те области РСФСР, где в базе данных, составленной на основе «Книг памяти», представлены все или почти все репрессированные.

Основными **целями** данного диссертационного исследования являются построение социального портрета жертв Большого террора в пяти регионах РСФСР, а также выявление динамики репрессивных процессов в этих областях. В соответствии с поставленными целями можно выделить следующие **задачи**:

последних, например: Литвин А. Российская историография большого террора // История. 1999. № 33; Данилов В.П. Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 9.

⁵ Без учета Ойротской автономной области, ныне – Республика Алтай.

- выявить и проанализировать источники, которые можно использовать для построения социального портрета жертв Большого террора, провести их источниковедческий анализ и оценить их информационный потенциал;
- охарактеризовать социальную динамику репрессий в пяти регионах РСФСР;
- проанализировать основные характеристики социального портрета репрессированных в 1937-1938 гг. (пол и возраст, национальный состав, соотношение городских и сельских жителей, партийность, уровень образования и социальное положение репрессированных);
- выявить влияние этих характеристик на последующий приговор;
- провести микроанализ ряда характеристик, рассмотрев подробнее отдельные следственные дела.

Понятие «социальный портрет» нередко используется в исследовательской литературе для изучения социальных характеристик групп людей, которых объединяет принадлежность к определенной организации, общественная деятельность или судьба. Эти характеристики могут относиться к социальному положению этих людей, национальности, профессии, уровню образования и т.д.

Для решения поставленных задач была привлечена соответствующая **источниковая база**. Основным источником, использованным в работе, стала электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР»⁶, изданная в 2007 году обществом «Мемориал». В ней содержатся краткие биографические справки на более чем 2,6 млн человек, репрессированных за весь период советской власти, в том числе на примерно 450 тыс. человек, арестованных в 1937-1938 гг. База данных основана на «Книгах памяти» жертв репрессий, а те, в свою очередь, преимущественно на архивных

⁶ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М.: Звенья, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

следственных делах арестованных. Данные по некоторым регионам СССР представлены в базе достаточно полно, по другим - фрагментарно или совсем не представлены.

Кроме того, в данном исследовании с целью оценки информационного потенциала и точности сведений «Книг памяти» изучался комплекс прекращенных архивно-следственных дел репрессированных в Москве и Московской области, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Ф. 10035 – фонде Управления Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области. Эти источники сопоставлялись с данными книг памяти «Бутовский полигон»⁷, чтобы выявить точность сведений в этих книгах. «Бутовский полигон» – одни из самых подробных «Книг памяти», и есть основания полагать, что именно в Москве работа по созданию этих книг велась наиболее аккуратно. Соответственно, наша задача заключалась в том, чтобы на примере «Бутовского полигона» оценить, какая вообще точность достижима при переносе сведений из архивно-следственных дел в «Книги памяти». На практике в других регионах ошибок могло быть больше. Кроме того, архивно-следственные дела использовались для микроанализа репрессивных процессов периода Большого террора. Другими источниками данной работы стали опубликованные документы, характеризующие проведение массовых репрессивных операций в различных регионах СССР, вошедшие в различные сборники. Особенно активно использовались документальные сборники «Трагедия советской деревни»⁸ и «Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности»⁹.

Стоит отметить, что в данной работе дается статистически обоснованный социальный портрет репрессированных, полученный путем анализа «Книг памяти». Безусловно, косвенно к этой теме относится и вопрос

⁷ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 1–8. М., 1997–2004.

⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 5. / Под ред. В. Данилова. Кн. 1., М., 2004. Кн. 2., М., 2006.

⁹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2004.

о том, как представляли этот облик власти, а также сами жертвы террора. В этой связи целесообразно было бы обратиться к материалам официальной печати, к мемуарам и письмам пострадавших. Можно предположить, что власти в официальной прессе представляли арестованных «врагами народа» и шпионами. Сами арестованные могли ощущать себя как случайными жертвами (в то время как остальные были будто бы по-настоящему виновны), так и быть в корне несогласными с государственной политикой. Тем не менее, глубокое изучение вопроса о представлении о социальном портрете репрессированных – тема для самостоятельного исследования, в данной работе она фактически не будет затрагиваться.

Научная новизна работы. В данной работе впервые вводится в научный оборот ряд источников, которые ранее не использовались, в том числе большой массив сведений о репрессированных в годы Большого террора, включающий более чем 61 тыс. индивидуальных биографий арестованных. При выборе пяти регионов РСФСР была проведена оценка репрезентативности «Книг памяти», их информационного потенциала. Кроме того, в работе производится сопоставление социальных характеристик жертв террора в пяти регионах РСФСР.

Методологическая основа работы – принципы объективности, историзма, научности и системности. В исследовании используются как общеисторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный), так и методы компьютерной обработки статистических данных.

Положения, выносимые на защиту.

1. База данных «Жертвы политического террора в СССР», основанная на «Книгах памяти» жертв репрессий в различных регионах страны и включающая более 2,6 млн записей, предоставляет возможности для анализа социального портрета репрессированных. Проведенная оценка репрезентативности базы показала, что в отдельных

регионах для периода Большого террора ее данные достаточно представительны.

2. Методы и технологии, использованные при составлении баз данных, а также методы компьютеризованного статистического анализа позволяют наиболее точно реконструировать социальный портрет репрессированных в период Большого террора.
3. По социальному положению репрессированные в пяти регионах – в основном рабочие и колхозники. Доля этих советских трудящихся крайне высока как среди всех арестованных (38-60% в зависимости от региона), так и среди расстрелянных (в 31-56%). Если учитывать служащих, большинство из которых также было рядовыми сотрудниками различных учреждений, то суммарная доля рабочих, колхозников и служащих среди репрессированных составляла 65-91%.
4. Проведенный анализ выявил различия в репрессивной политике по отношению к различным половозрастным и национальным группам репрессированных. На материалах пяти регионов были выявлены следующие зависимости: женщин арестовывали и приговаривали к расстрелу значительно реже, чем мужчин; пожилых людей приговаривали к расстрелу значительно чаще, чем в среднем, а молодежь – значительно реже; наиболее активно аресты шли среди лиц «инонациональностей» (немцев, поляков, латышей, финнов), их же ожидали более суровые приговоры.
5. Динамика репрессий в пяти регионах сходна, их пик приходился на ноябрь-декабрь 1937 г., однако есть и существенные отличия. В Алтайском крае и Карельской АССР репрессии активно продолжились в 1938 г. (в связи с продолжением «кулацкой» операции). Средняя продолжительность следствия (время от ареста до осуждения) во всех регионах в 1937 г. была значительно меньшей, чем в 1938 г.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно расширяет подходы к изучению социальных характеристик репрессированных. Используемая методика источниковедческого анализа может быть применена для анализа репрезентативности других региональных «Книг памяти». Подходы к статистическому анализу самих баз данных репрессированных могут быть использованы на материалах других регионов страны, что позволит проводить сравнительные исследования. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы для составления общих и специальных курсов по истории России XX века и источниковедению, истории Большого террора и периода сталинизма.

Апробация результатов исследования. В ходе работы над исследованием диссертант выступила с докладами на следующих научных конференциях и школах: конференции «Ломоносов – 2011», «Ломоносов – 2012» (диплом I степени за лучший доклад на секции); конференции в РГАСПИ «Клио – 2012»; конференциях Ассоциации «История и компьютер» в 2010, 2012 и 2014 гг.; международной научной конференции из цикла «История сталинизма» «Жизнь в терроре: социальные аспекты репрессий» (Санкт-Петербург, 2012 г.); международной летней школе для молодых исследователей из России и Германии «Государство, Общество и Личность: уроки прошлого, конструирование будущего в работах молодых исследователей: новые источники, новые подходы» (Пермь, 2013 г.); международном семинаре Research Design Course of the ESTER network (Верона, Италия, 2013 г.).

Основные результаты и выводы работы отражены в 14 научных публикациях (общим объемом 6,8 п.л.), из которых шесть представляют собой тезисы выступлений, а восемь являются статьями, включая три статьи в журналах, рецензируемых ВАК РФ. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура работы подчинена достижению научных целей и задач исследования. Диссертация включает в себя введение, четыре главы, в каждую из которых входит несколько параграфов, заключение, список литературы и источников, а также приложения.

* * *

Перед тем, как перейти к собственно анализу историографии, охарактеризуем основные черты репрессивной политики 1937-1938 гг. Начало массовых репрессий, как уже говорилось выше, принято связывать с появлением приказа № 00447 «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.¹⁰. Согласно тексту документа, с 5 августа 1937 г. в большинстве республик, краев и областей СССР начиналась операция, неофициально названная «кулацкой». Приказ утверждал основные категории, подлежащие репрессиям: бывшие кулаки, социально опасные элементы, члены антисоветских партий, «бывшие белые, жандармы, чиновники», сектантские активисты, церковники (которые находились на тот момент в тюрьмах и лагерях), уголовники (бандиты, грабители, рецидивисты, контрабандисты) и др.

Каждой из республик, краев, областей выделялся свой «лимит» на количество арестованных по «первой категории» (под которой подразумевался расстрел¹¹) и по «второй категории» (как правило, заключение в тюрьмы или лагеря на срок от 8 до 10 лет). «Лимиты» должны были быть составлены на основе данных, представленных наркомом республиканских НКВД в ходе подготовки операции. Однако центр поступил с этими лимитами по-разному: в одних областях запросы местных

¹⁰ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 273-281.

¹¹ В литературе существуют упоминания о случаях, когда приговоренных к ВМН не расстреливали, а казнили другими жестокими способами. Например, в Карелии на месте массовых захоронений в Сандармохе ряд репрессированных, по данным расследования, забили до смерти деревянными плаками и острыми металлическими тростями (См.: Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920-1939. М., 2011. С. 355; Чухин И. Карелия – 37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С. 127.). Поскольку, судя по всему, такие случаи были исключениями, в данном исследовании расстрел является синонимом казни осужденных к ВМН.

руководителей на число репрессированных урезались, в других – наоборот, увеличивались, в третьих – оставались примерно теми же¹². Согласно букве приказа, можно было арестовать меньше человек, чем полагалось по «лимиту», но о каждом превышении необходимо было запрашивать центр.

Следствие нужно было проводить «ускоренно и в упрощенном порядке», а дело арестованного должно было рассматриваться т.н. тройками. Эти органы создавались во всех республиках, краях и областях, принимавших участие в операции, и состояли из трех членов (отсюда и их название). Как правило, это были начальник областного управления НКВД, секретарь обкома ВКП(б) и прокурор области, либо их заместители. Судьи не видели обвиняемых, сам процесс происходил очень быстро – об этом говорит статистика приговоров. В один день тройка могла осудить 200-500 человек¹³, а были случаи, когда и больше тысячи. Например, в Виннице на Украине тройка в один день осудила более 1560 человек¹⁴. «Перегрузки» испытывали и оперативные работники НКВД: если в относительно «спокойные» годы середины 1930-х гг. каждый из них в среднем доводил до суда около 3 дел в год, то в 1937-1938 гг. им приходилось готовить более 20 дел в год¹⁵. Все это говорит об имитации следствия и суда в период Большого террора.

Первоначально предполагалось завершить «кулацкую» операцию в четырехмесячный срок, но впоследствии ее неоднократно продлевали. Особенно остро вопрос о том, продолжать ли ее или нет, стоял в январе 1938 г., когда на пленуме ЦК ВКП(б) шла осторожная критика «огульных, валовых» репрессий. 31 января Политбюро издало постановление «Об

¹² Подсчеты и подробный анализ этих изменений см.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 40-46. Как отмечают авторы, сокращения коснулись прежде всего тех запросов из республик, краев и областей, в которых суммарно запрашивалось более 4000 жертв. При этом сокращения коснулись прежде всего лиц, предполагавшихся к аресту по «первой категории». В. Хаустов и Л. Самуэльсон полагают, что таким образом руководство НКВД хотело «перестраховаться» от невыполнения намеченных планов по количеству репрессированных, см.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М., 2009. С. 268. Однако версии могут быть различными. См. также попытки проанализировать изменения лимитов: Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // *Europe-Asia Studies*. 2010. 62 (6). P. 922.; Gregory P. *Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin (an Archival Study)*. Yale, 2009. P. 225-230.

¹³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 53.

¹⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 39.

¹⁵ Gregory P. *Terror by Quota*. P. 217-218.

антисоветских элементах», согласно которому 22 краям, областям и республикам выделялись новые «лимиты»¹⁶. Окончательно тройки прекратили свое действие только 16 ноября 1938 г. в связи с соответствующим постановлением¹⁷. Всего, судя по статистике ведомства, в ходе «кулацкой» операции к 1 ноября было осуждено 767 397 человек¹⁸.

В ходе Большого террора проводились и другие, не менее значимые операции, которые получили общее название «национальные», потому что они предполагали репрессии по принципу национальной принадлежности. Первой из них и самой массовой была «польская» операция по приказу № 00485 от 11 августа 1937 г.¹⁹ Операция должна была начаться 20 августа и закончиться 20 ноября 1937 г., но ее окончание, в традициях времени, постоянно откладывалось - вначале до 10 декабря, затем до 1 января 1938 г., до 15 апреля и, наконец, до 1 августа 1938 г.²⁰.

Для проведения «польской» операции создавался новый порядок осуждения – «альбомный». Суть его состояла в том, что следователи на местах составляли на каждого арестованного справки, которые собирались в альбомы и рассматривались так называемой «двойкой» - комиссией из двух человек - начальника НКВД–УНКВД и прокурора. «Двойка» определяла арестованным степень наказания и направляла альбомы в Москву на утверждение наркому внутренних дел Ежову и главному прокурору Вышинскому. Там список утверждали и отправляли обратно на места для приведения в исполнение. В итоге со следственным делом работал непосредственно только следователь. Лица, которых считали «верхушкой» польской «шпионско-диверсионной сети», подлежали суду Военной коллегии Верховного суда СССР или военных трибуналов. Когда аресты по национальным операциям достигли своего апогея, центральный аппарат

¹⁶ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 467-468.

¹⁷ Там же. С. 606.

¹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 2. С. 305.

¹⁹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 301-303.

²⁰ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-1938 гг. [Электронный ресурс] // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm> (дата обращения: 30.03.2015).

НКВД понял, что не справляется с потоком альбомов из регионов страны и не успевает их утверждать. Тогда в сентябре 1938 г. были созданы Особые тройки, на которых легла задача утвердить альбомы. В целом по «польской» операции было осуждено почти 140 тыс. человек²¹.

Другой масштабной «национальной» операцией была «немецкая». С 29 июля 1937 г. началась операция по приказу № 00439, первоначально направленному только против германских подданных²². Собственно «немецкая» массовая операция по примеру польской с «альбомным» оформлением дел началась на Украине в сентябре 1937 г., несколько позже – в Москве и Ленинграде, и к ноябрю 1937 г. уже шла полным ходом²³. Пик арестов в ходе операции приходится на март-апрель 1938 года, а упрощенный порядок следствия сохранялся до 1 августа 1938 г. Дальше дела арестованных, как и в рамках «польской» операции, рассматривались Особыми тройками.

Массовость арестов лиц «инонациональностей» в регионах зависела не только от численности проживавших в них немцев. Например, в одних регионах число репрессированных составляло 0,3–0,5% от численности немцев, в других – 8–10%, но есть и регионы, где этот процент в несколько раз выше. Исследователи объясняют такую пеструю картину разными причинами: наличием в регионе предприятий оборонных отраслей и немецких национальных районов, а также настроением руководителей УНКВД на местах, их интерпретацией директив центра, установками, которые они давали своим подчиненным²⁴. Всего в СССР по «немецкой» операции было осуждено около 55 тыс. чел²⁵.

Помимо «польской» и «немецкой», существовали также «харбинская» операция по приказу № 00593 от 19 сентября 1937 г.²⁶, латышская, греческая,

²¹ Там же.

²² Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 270-272.

²³ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 43.

²⁴ Там же. С. 68-70.

²⁵ Там же. С. 71.

²⁶ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 366.

афганская и другие «линии». К 17 ноября 1938 г. все «массовые операции» были завершены.

Проводились органами НКВД и массовые операции против определенных «контрреволюционных групп». Одной из самых крупных операций в Сибири стала «ровсовская» операция. В июне 1937 г. начальник УНКВД Западно-Сибирского края С. Н. Миронов сообщил, что в регионе раскрыта «кадетско-монархическая и эсеровская организации, которые по заданиям японской разведки и «Российского Обще-Воинского Союза» готовили вооруженный переворот и захват власти»²⁷. Для подавления заговора решением Политбюро ЦК ВКП(б) еще в конце июня в Западно-Сибирском крае была создана тройка в составе начальника УНКВД Миронова, секретаря крайкома ВКП (б) Р. Эйхе и краевого прокурора²⁸. Она действовала уже с 9 июля 1937 г., став прообразом троек, организованных по всей стране в рамках «кулацкой» операции²⁹. «Ровсовская» операция была очень тесно взаимосвязана с «кулацкой». Арестованных и по той, и по другой осуждали одни и те же тройки, иногда в рамках одних и тех же лимитов, и не всегда исследователям удастся отличить одну от другой³⁰. На 1 марта 1938 г. по делу «РОВС» было осуждено 25876 человек, из них по 1 категории (расстрел) - 21300 человек³¹.

Многие современные исследователи, придерживающиеся в целом различных взглядов на Большой террор, сходятся на том, что нужно отделять «массовые операции» периода Большого террора – «кулацкую», «национальные» и другие – от репрессий против номенклатуры и партийных

²⁷ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Т. 5., Кн. 1. С. 256.

²⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О вскрытии в Западной Сибири контрреволюционной организации среди высланных кулаков», 28 июня 1937 г. // Там же. С. 258.

²⁹ Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 343.

³⁰ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. С. 744.

³¹ Сводка №33 ГУГБ НКВД об арестованных и осужденных на основании приказа НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5, кн. 2. С. 56.

деятелей³². Как именно должно происходить это деление – предмет дискуссий³³. Не сходятся исследователи и в вопросах терминологии – как лучше называть эти репрессии различных уровней³⁴.

Хотя активные репрессии в верхах и совпадали по времени с Большим террором, принято считать, что они носили несколько иную логику. Аресты видных руководителей четко контролировались из центра, их дела могли расследоваться многие месяцы с привлечением свидетелей, а на последнем этапе могли оканчиваться открытым «показательным» судебным процессом. В ходе «массовых операций» приговоры всегда выносились секретно и заочно, а также в ускоренном порядке. Жертв этого вида операций подбирали местные сотрудники НКВД, руководствуясь самыми различными мотивами вплоть до случайных арестов³⁵.

Репрессии против руководящих работников отличались и иной механикой. Подавляющее большинство жертв такого рода террора проходило по так называемым «сталинским расстрельным спискам». Их имена были включены в альбомы со списками людей, подлежащих репрессиям, которые подавались на подпись лично Сталину и другим членам Политбюро. После того, как приговоры были утверждены «сверху» (а в основном в книгах репрессированные по первой категории – расстрел), подавляющее число попавших в списки людей были осуждены Военной коллегией Верховного суда. Как правило, в этих документах можно найти

³² См., например: Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец – Николай Ежов. М., 2009. С. 119; Ширер Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском союзе в 1920-1950 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 213; Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010. С.23; Самуэльсон Л. Черты чисток в Челябинске, 1936-1939 годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной конференции. М., 2011. С. 166-167; McLoughlin, B. Mass Operations of the NKVD, 1937–1938: a survey // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. London, 2003. P. 144.

³³ Так, например, Л. Самуэльсон предлагает выделять не два, а три уровня репрессий: 1) против партийной верхушки – оппонентов Сталина; 2) против партийных кадров, военачальников, номенклатуры в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте; 3) против рядовых граждан. См.: Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 166-167.

³⁴ Например, Л. Наумов предлагает называть репрессии на высшем уровне «большой чисткой», а массовые операции – «большим террором»: Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010. С.23. Д. Ширер предлагает противоположные формулировки. По мнению Ширера, массовые операции скорее стоит называть «массовыми чистками» или «большой чисткой», так как они ставили перед собой задачу очищения общества: Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 гг. М., 2014. С. 358-359.

³⁵ Ширер Д. Сталинский военный социализм. С. 359.

«руководящих работников партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, а также... наркомов и их заместителей, крупных хозяйственных руководителей, видных военных работников, писателей, руководителей культуры и искусства»³⁶.

Всего в «сталинских расстрельных списках» около 44,5 тыс. человек – около 3% от общего количества репрессированных в годы Большого террора. Между тем, именно эта категория жертв, как правило, находится в центре внимания огромного количества авторов научной и публицистической литературы.

В данном исследовании проводится четкое разграничение между «массовыми операциями» НКВД и более точечными и прицельными репрессиями против отдельных руководящих работников. Прежде всего о «массовых операциях» пойдет речь в историографическом обзоре.

Историографический обзор

Периоду Большого террора в целом посвящен значительный объем литературы. Полноценный обзор историографии этой тематики может являться предметом отдельного исследования³⁷. Поэтому в данной диссертации было решено ограничиться лишь кратким обзором основных проблем, поднятых в историографии Большого террора. В нем исследуются вопросы, которые максимально важны именно для данного исследования: в чем были причины террора, с кем его инициаторы хотели бороться? Каковы были отношения центра и регионов, кто подстегивал репрессии, а кто, напротив, мог пытаться тормозить? Данная диссертация не ставит задачу напрямую ответить на эти вопросы, однако исследование необходимо вписать в общий контекст. Во второй части обзора подробно разбираются более близкие к основной теме диссертации исследования, посвященные

³⁶ Сталинские расстрельные списки. Введение // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». [Электронный ресурс]. – URL: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (дата обращения: 13.05.2015).

³⁷ См., например: Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; Кропачев С.А. От лжи к покаянию. С. 25-27.

реконструкции и анализу «социального» или «коллективного» портрета жертв репрессий.

Историография Большого террора четко делится на период до «архивной революции» начала 1990-х годов и после. В первый период возможности изучения репрессий 1937-1938 гг. были сильно ограничены как в СССР, так и на Западе – не только из-за политической ситуации и сильного идеологического давления, но и из-за отсутствия источниковой базы. Абсолютное большинство важнейших документов, определявших ход террора, были недоступны для исследователей. В это время в историографии шли активные дискуссии даже о том, сколько хотя бы примерно человек пострадало от Большого террора – в наши дни этот вопрос практически закрыт³⁸. Однако уже в это время в историографии были намечены некоторые черты террора, зародились основные подходы и оценки.

Дискуссионные моменты в изучении Большого террора

Исторический опыт показывает, что репрессии являются частым спутником диктатур. Крайне интенсивными репрессии были в период сталинизма, однако в 1937–1938 гг. они приобрели «рекордные» масштабы. Тем не менее, вслед за другими исследователями³⁹ стоит различать, **в чем причины** в целом репрессий эпохи сталинизма и 1930-х гг., а в чем – причины именно Большого террора, под которым мы понимаем прежде всего массовые операции НКВД.

Первые же работы, посвященные Большому террору, возлагали ответственность за развязывание репрессий лично на Сталина, который таким образом пытался укрепить и расширить собственную диктатуру. При этом исследователи концентрировались на личности Сталина – считалось, что он оказался во власти страха, ярости или паранойи – и поэтому решил

³⁸ Дискуссии идут скорее о том, кого нужно включать в число жертв Большого террора, см.: Ellman M. Soviet Repression Statistics. P. 1162.

³⁹ См. различные монографии, авторы которых пытаются обобщить причины репрессий: Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 289.; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 243. Ширер Д. Государственное насилие... С. 209.

побороть своих многочисленных врагов, как реальных, так и вымышленных. Исследователи различных политических воззрений – как принимавших, так и не принимавших в целом социализм – Р. Конквест, С. Коэн, Р. Медведев, Д. Волкогонов, В. Роговин или Ф. Волков⁴⁰ объясняли репрессии прежде всего волей Сталина и его жаждой власти⁴¹.

Соответствующая логика прослеживается, в частности, в работе Р. Конквеста «Большой террор: сталинские чистки 30-х гг.», увидевшей свет в 1968 году⁴². Именно по названию его книги репрессии 1937-1938 гг. стали называть Большим террором. Книга построена на немногочисленных доступных исследователю источниках: официальных публикациях протоколов судов, письменных и устных воспоминаниях современников репрессий, бежавших на Запад. Решающую роль в репрессиях Конквест отводил Сталину, а НКВД считал проводником воли Центра: «В конечном счете весь характер террора определялся личными и политическими побуждениями Сталина»⁴³.

Далеко не всех исследователей удовлетворял этот подход. С середины 1960-х гг. в англо-американской историографии стали появляться попытки пересмотреть этот подход к событиям Большого террора⁴⁴. Так появилось ревизионистское направление, у истоков которого стоял американский исследователь А. Гетти⁴⁵. Этот автор предположил, что одну из главных ролей в терроре играли региональные руководители, которые имели свои собственные цели и фактически вышли из-под контроля центра. По мнению

⁴⁰ См.: Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991; Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992; Волкогонов Д.В. Сталин. Политический портрет. М., 1992; Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М., 1988; Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Роговин В.З. 1937. М., 1996.

⁴¹ Теория тоталитаризма стала крайне популярна в России в первые годы после распада Советского союза. С. Журавлев полагает, что это произошло просто потому, что эта теория позволила переписать историю «со знака плюс на знак минус»: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000. С. 12-13.

⁴² В СССР официально книга Конквеста была издана только в 1989 г.

⁴³ Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 10. С. 115.

⁴⁴ Меньковский В.И. Изучение репрессий сталинского периода в англо-американской ревизионистской историографии // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 78-79.

⁴⁵ Getty J. A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. New York, 1985.

Гетти, в результате конфликта между центром и периферией фактически процесс террора развивался неконтролируемо, хаотично.

«Архивная революция» несколько скорректировала позицию ревизионистов. Исследователи стали признавать центральную и координирующую роль Сталина в проведении репрессий, при этом по-прежнему утверждают, что процесс террора вышел из-под контроля центра⁴⁶, а в самом терроре были заинтересованы местные руководители или сотрудники органов НКВД⁴⁷. А. Гетти предположил, что на процессе репрессий отражались традиции партийной дисциплины, общий менталитет, собственные интересы партийной элиты, политические связи и столкновения в номенклатуре, в различных группах внутри партии, страхи элиты и осознание взаимоотношений между государством и обществом⁴⁸. Российский исследователь Ю. Жуков пошел еще дальше, утверждая, что Сталину буквально навязало репрессии «широкое руководство страны» (члены ЦК ВКП(б), первые секретари крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, главы общесоюзных и республиканских ведомств), якобы опасавшееся выборов в Верховный совет по новой Конституции⁴⁹. При этом автор, пытаясь, по сути, «оправдать» Сталина, крайне вольно интерпретирует источники, из-за чего его концепция подвергалась серьезной критике⁵⁰.

В целом большинство ведущих российских исследователей, в том числе О. Хлевнюк, Н. Петров, В. Хаустов, а также ряд западных авторов, например П. Грегори или П. Хагенлох, полностью отвергают предположения о том, что террор мог выйти из-под контроля Сталина. Такая жесткость может объясняться, в частности, тем, что в современных российских

⁴⁶ Thurston R. Life and terror in Stalin's Russia, 1934-1941. New Haven, 1996. P. 106, 136. Наймов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010. С. 403.

⁴⁷ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М., 2003. С. 438. Wheatcroft, S. G. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror. Australian Journal of Politics and History: Volume 53, Number 1, 2007. P. 39.

⁴⁸ Getty J.A., Naymov O. The road to terror: Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven and London, 1999.

⁴⁹ Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина. М., 2010. С. 29.

⁵⁰ Павлова В.И. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. М., 2003. № 10. С. 20-36.

условиях ревизионизм может служить оправданием Сталина. В западной историографии разброс мнений более широкий.

Обратимся к другим предположениям о том, в чем причины Большого террора. Одна из самых популярных и кажущихся обоснованными версий в современной историографии связывает террор с ухудшением международной обстановки и появлением реальной угрозы войны.

О репрессиях как о попытке обезопасить страну от появления «пятой колонны» говорят многие ведущие исследователи Большого террора, в том числе О. Хлевнюк, Н. Петров, В. Хаустов и многие другие⁵¹. Суть этой концепции состоит в том, что в условиях осложнения международной обстановки, гражданской войны в Испании и роста угрозы со стороны Германии советское руководство (и прежде всего Сталин) опасалось измен – как среди высокопоставленных лиц, так и среди широких масс населения. В жестокой борьбе за укрепление власти Сталин и его соратники хотели физически истребить всех «потенциальных изменников». Примечательно, что именно борьбой с «пятой колонной» репрессии объясняли сподвижники Сталина – Молотов, Каганович, Хрущев. «1937 год был необходим... Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны», – утверждал много лет спустя Молотов⁵².

Такие исследователи, как Н. Петров, А. Рогинский и Н. Охотин справедливо подчеркивают, что внешнеполитический фактор был, очевидно, одним из главных при проведении «национальных» массовых операций. По их мнению, если «кулацкая» операция была нацелена на уничтожение «традиционных» врагов советской власти (различных «бывших» людей – «кулаков», помещиков, царских офицеров и чиновников, бывших членов партий, «церковников»), то «национальные» операции – на мифические «шпионско-диверсионные базы» стран «капиталистического окружения». Авторы акцентируют внимание на том, что к приказу 00447 не было

⁵¹ Хлевнюк О.В. Сталин. С. 222-227; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. С. 326-327; Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец. С. 122.

⁵² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 390. См. об этом же: Хлевнюк О.В. Там же. С. 227.

приложено объясняющего его появления документа, потому что борьбу с «антисоветскими элементами» власть вела уже давно, и его издание было «естественным». К приказам по «национальным операциям», наоборот, прилагались подробные объяснения, почему сотрудникам НКВД нужно бороться с врагами, и какие обвинения им надо выдвигать⁵³.

Д. Ширер доказывает, что «очистка общества» от неблагонадежных элементов шла и ранее в 1930-е гг., однако только в 1937 г. под влиянием представлений о «пятой колонне» террор приобрел совершенно новые масштабы. У советских лидеров появилось убеждение, что в условиях приближающейся войны их «традиционные враги» – оппозиционеры и иностранные агенты – заняты организацией «пятой колонны», в которую войдут широкие массы недовольного советскими порядками населения⁵⁴. Именно этим Ширер объясняет специфику Большого террора, ударившего во многом по сельским слоям населения, а не по городским «маргиналам», как в предыдущие годы.

Не все исследователи склонны ставить во главу угла именно внешнеполитический фактор. Многие указывают, что в ходе Большого террора была сделана попытка в корне изменить советское общество, освободив его от «неблагожелательных элементов». Как отмечают немецкие исследователи М. Юнге и Р. Биннер, в первые годы советской власти провозглашалось, что преступников можно перековать через труд, однако со второй половины 1930-х годов власть постепенно стала приходить к выводу, что врагов «либо совсем нельзя интегрировать в советское общество, либо это можно сделать только путем чрезмерных усилий». Таким образом, террор превращается в «инструмент социальной технологии»⁵⁵. Французский историк Н. Верт видит основную причину и цель репрессий в «социальной инженерии». В ходе чисток происходила «замена одной элиты (для простоты – несталинской) другой, более молодой, часто более образованной, более

⁵³ Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч.; Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ. соч.

⁵⁴ Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм. С. 398.

⁵⁵ Биннер Р., Юнге М. Как террор стал «Большим». М., 2003. С. 245.

послушной в политическом и идеологическом отношениях»⁵⁶. Практика же репрессий 1930-х годов в целом ставила перед собой целью изъятие из «нового социалистического общества» социально и этнически «вредных» элементов, часто – их буквальное физическое уничтожение⁵⁷. Н. Петров и М. Янсен подчеркивают, что истребление чуждых элементов, которые не могли принять социализм, помогало Сталину ускорить «процесс стирания граней между классами»⁵⁸.

П. Хагенлох соглашается, что аресты в рамках массовых операций были действительно своего рода «социальной инженерией», однако, по его мнению, так было только на первом этапе. Как отмечает исследователь, после того, как в течение нескольких месяцев были репрессированы все те, кто находился у НКВД под наблюдением как бывшие «кулаки» и др. антисоветские элементы, сотрудники органов госбезопасности перешли к более «случайным» арестам – причем как по «кулацкой», так и по «национальным» операциям⁵⁹.

М. Юнге и Р. Биннер пытаются связать репрессии с увеличением социальной напряженности после принятия Конституции 1936 г., которая декларировала равные права всех граждан⁶⁰. Анализируется в историографии и связь Большого террора с выборами в Верховный совет по этой новой Конституции. Н. Петров и М. Янсен обращают внимание на тот факт, что операцию по приказу № 00447 планировалось завершить к выборам в Верховный совет 12 декабря 1937 г. По мнению авторов, «региональные партийные руководители опасались, что «классовые враги» извлекут для себя выгоду из свободы, предоставляемой выборами»⁶¹.

⁵⁶ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 237.

⁵⁷ Там же. С. 235.

⁵⁸ Петров Н., Янсен М. Указ.соч. С. 125.

⁵⁹ Hagenloh P. Stalin's police: public order and mass repressions in the USSR, 1926-1941. Washington D.C., Baltimore, 2009. P. 286.

⁶⁰ Биннер Р., Юнге М. Указ.соч. С. 244.

⁶¹ Петров Н., Янсен М. Указ.соч. С. 124.

Помимо причин репрессий, в литературе активно обсуждается роль Москвы и лично Сталина в развязывании террора, **взаимодействие центра с регионами**. Насколько Кремль контролировал ход операций? Подталкивали ли он увеличение размаха репрессий, или это происходило помимо его воли?

Историки-ревизионисты неоднократно обращали внимание на то, как сильно отличались первоначальные лимиты и сроки «кулацкой» операции от ее итогов. Вместо четырех месяцев операция продлилась 15, в ряде регионов первоначальные лимиты были превышены во много раз. Процедура утверждения новых лимитов не до конца ясна исследователям⁶² (на очень многие лимиты письменных разрешений Политбюро нет, либо найти их не удалось⁶³). По мнению Л. Наумова, тот факт, что в некоторых областях первоначальные лимиты были превышены в десять раз, а в некоторых остались первоначальными, сам по себе свидетельствует о потере центральным руководством контроля над НКВД⁶⁴. Обращают «ревизионисты» внимание и на то, что фактически конечный выбор жертв массовых операций оставался за местными органами госбезопасности. «Сталинские центральные власти не имели понятия, кто в итоге будет убит... Массовые операции были чем-то вроде слепой пальбы по толпе»⁶⁵, - заключает А. Гетти.

Такие российские исследователи, как О. Хлевнюк, Н. Петров, В. Хаустов, придерживаются противоположного мнения. Они подчеркивают, что весь ход массовых операций жестко контролировался Москвой и Сталиным. Исследователи отмечают, что Большой террор начался и завершился четко по указу из Москвы, лимиты на аресты и расстрелы по «кулацкой» операции утверждались властями в Москве (во многих случаях – устно; поэтому повышения не отложились в архивах). Как отмечает О.

⁶² Getty J. A. 'Excesses are not permitted': Mass Terror Operations in the Late 1930s and Stalinist Governance // The Russian Review. 2002. № 61. P. 130, 133-134.

⁶³ По подсчетам Л. Наумова, письменная санкция Политбюро отсутствовала на аресты 264 тыс. человек: Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2013. С. 122. При этом Н. Петров и М. Янсен пишут о том, что Ежов утвердил аресты около 300 тыс. человек: Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец. С. 225.

⁶⁴ Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М., 2010. С. 399.

⁶⁵ Getty J. A. 'Excesses are not permitted'. P. 135.

Хлевнюк, Сталин не только отдавал приказы об арестах и расстрелах, но и лично «с патологической тщательностью» контролировал этот процесс⁶⁶.

Кроме того, авторы полагают, что террору был намеренно придан характер кампанейщины, в результате операция обрела огромный масштаб. «Всю ответственность за чистки и перегибы в действительности несет сам Сталин», – подчеркивают М. Янсен и Н. Петров⁶⁷. О. Хлевнюк отмечает, что Центр подстегивал регионы на увеличение размаха репрессий и кампанейщину, предоставив возможность повышать лимиты по «кулацкой» операции. «Всем было ясно, что такое право является на самом деле обязанностью», – пишет О. Хлевнюк⁶⁸. Различия в проведении массовых операций в регионах исследователь объясняет «стихийностью» и «инициативой», которая была запланирована, вытекала из сути приказов центра⁶⁹. По мнению В. Хаустова и Л. Самуэльсона, Сталин регулировал масштаб репрессий через свою систему страха – некоторых начальников он посадил за то, что они «не проявили должной активности в арестах», а других назначал за «рвение»⁷⁰. О полном контроле за сотрудниками НКВД пишет и О. Мозохин⁷¹. П. Грегори подчеркивает, что отсутствие письменных утверждений новых лимитов по «кулацкой» операции может говорить о том, что таким образом Сталин в своей обычной манере готовил НКВД на роль «козлов отпущения»⁷².

М. Юнге и Р. Биннер полагают, что органы НКВД располагали «большой свободой действия»⁷³. По их мнению, в период Большого террора фактически «обычные инструменты и механизмы государственного контроля за деятельностью НКВД были ограничены или вообще не применялись»⁷⁴. Тем не менее, контроль все-таки осуществлялся в первую очередь за счет

⁶⁶ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 299.

⁶⁷ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 230.

⁶⁸ Хлевнюк О.В. Сталин. С. 211.

⁶⁹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 322.

⁷⁰ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 239, 293.

⁷¹ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953). М., 2011. С. 15.

⁷² Gregory P. Terror by Quota. P. 190.

⁷³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 425.

⁷⁴ Там же. С. 163

регулярных, подробных отчетов органов внутренних дел, а также издания приказов, циркуляров и директив, ротации кадров и выделения лимитов. Последние служили инструментом ориентации, поощрения, стимулирования, наказания и регулирования. Исследователи называют положение НКВД «контролируемым обособлением»⁷⁵.

Сходной точки зрения придерживался В. Данилов. Исследователь находил в исторических документах свидетельства сопротивления некоторых руководителей на местах политике репрессий⁷⁶. А сам ход «кулацкой операции» как в регионах, так и в центре, был, по мнению Данилова, довольно хаотичным: «Местный произвол имел место, но по существу своему являлся продолжением произвола центра»⁷⁷. Данилов подчеркивает, что величина лимитов не имела никакого значения — они могли корректироваться как угодно, и с самого начала не имели ничего общего с реальностью⁷⁸.

Существуют исследования, авторы которых предлагают вести не абстрактную дискуссию о «вкладе» центра и регионов, а четко прописать их функции, таким образом сделав дискуссию более предметной. В этом ключе, например, выдержана статья нидерландского исследователя М. Эльмана⁷⁹. Автор соглашается, что центральную роль в появлении приказа № 00447 играло советское руководство, однако подчеркивает, что при реализации этого приказа на местах у НКВД было достаточно много свобод. Более того, центральные власти не могли не находиться под влиянием информации, которую они получали с мест. Региональные руководители могли влиять на выбор целевых групп террора, увеличение размаха террора и продление операции, решали, кто в конечном итоге будет арестован, и, наконец, в некоторых случаях могли выходить за рамки лимитов⁸⁰.

⁷⁵ Там же. С. 164.

⁷⁶ Данилов В.П. Указ. соч. С. 34.

⁷⁷ Там же. С. 36.

⁷⁸ Там же. С. 45.

⁷⁹ Ellman, M. Regional influences on the Formulation and Implementation of NKVD order 00447 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 62, N. 6, August 2010. P. 915-931.

⁸⁰ Ibid. P. 930.

Существуют попытки проанализировать отношения центра, НКВД и регионов в годы Большого террора с точки зрения различных социально-экономических теорий. Например, британский исследователь Н. Барон в монографии на примере истории Карелии в 1920-1930-е гг. анализирует взаимоотношения центра и периферии, опираясь на теорию пространства французского философа и социолога А. Лефевра⁸¹. По мнению Барона, некоторые исследователи ошибочно принимают «региональный обструкционизм, протекционизм, корыстность и безапелляционность» за проявление оппозиции или автономии. Исследователь полагает, что это было ничем иным, как естественное «периферийное сопротивление» при вмешательстве центра: это сопротивление влияло на ход репрессий, причем как в регионе, так и в Москве⁸². С точки зрения экономиста пытается взглянуть на террор П. Грегори. В нескольких статьях⁸³ и книге⁸⁴ этот американский автор реконструирует модель «рационального диктатора» (диктатора, который принимает решение, исходя из собственных расчетов и выгоды, а не из-за эмоций, обозленности или паранойи). Для объяснения отношений Сталина и НКВД он использует модель «принципал-агент», которая подразумевает, что тот, кто отдает приказы, и тот, кто их выполняет, могут преследовать различные цели⁸⁵.

Изучение социального портрета репрессированных в региональном разрезе

Существует достаточно большое количество исследований различных аспектов Большого террора, выполненных на уровне отдельных регионов. Во многих — особенно ранних — работах анализируется прежде всего «политическая история» террора. Однако в данном исследовании нас

⁸¹ Барон Н. Власть и пространство. С. 359.

⁸² Там же. С. 375-377.

⁸³ Gregory P. Simplified methods and efficiency: Stalin's terror managers // Journal of Comparative Economics. 2009. № 37. P. 207-216; Gregory P. R., Schröder P.J.H., Sonin K. Rational dictators and the killing of innocents: Data from Stalin's archives // Journal of Comparative Economics. 2011. №34. P. 34-42.

⁸⁴ Gregory P. Terror by Quota.

⁸⁵ Ibid. P. 6, 8.

интересовали прежде всего социальные аспекты репрессий, и мы решили ограничиться работами, в которых содержатся те или иные количественные социальные характеристики репрессированных в различных регионах СССР. Стоит отметить, что существует довольно обширная литература, в которой реконструируется социальный портрет раскулаченных в начале 1930-х гг., «лишенцев» более раннего периода, жертв красного террора и др.⁸⁶ В этих работах сходной тематики, как правило, анализируется существенно меньший объем данных, и соответственно методика подсчетов несколько отличается от использованной в данном диссертационном исследовании. Кроме того, для сравнения с нашими данными эти книги и статьи не подходят. Поэтому в кратком обзоре мы сосредоточимся именно на литературе, посвященной периоду Большого террора.

Самую базовую статистическую информацию о характеристиках репрессированных пытались обобщить составители «Книг памяти» – списков жертв репрессий в регионе. Например, такого рода сведения содержатся в московских книгах «Бутовский полигон», где есть данные о поле, годе и месте рождения, национальности, партийности, образованию, роду занятий, месту жительства, дате ареста, осудившему органу, дате осуждения, дате расстрела и сведениях о реабилитации⁸⁷. В статистике по ключевым параметрам учитываются как реабилитированные, так и нереабilitированные лица (по данным на 2003 г., около 5600 из 20700 были не реабилитированы). При этом используется специфическая классификация «рода занятий» репрессированных. Из нее следует, что 18% репрессированных были рабочими, 14% – служащими, 9% – колхозниками,

⁸⁶ См., например: Раков А. А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.). М., 2012; Бахтин В.В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 538-545; Силина И.Г. Архивно-следственные дела как источник по профессиональному составу населения Алтайской губернии в 1919-1930 гг. // Историческое профессиональное: источники, методы, технологии анализа. Барнаул, 2008; Ушвицкая Э.Е. Жертвы политических репрессий в России. 1918-1922 годы // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции АИК. М., 1997. Смирнова Т.М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917-1920 годов // Социальная история. М., 2000 и др.

⁸⁷ См. раздел «статистические сведения» в кн.: Бутовский полигон 1937-1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 7. М., 2003. С. 302-311.

6% – «духовенством и мирянами», 6% – лицами без определенных занятий, 6% – «экономистами, бухгалтерами, финансовыми работниками», 4% – железнодорожниками, 4% – принадлежали к администрации заводов, фабрик, трестов и др. учреждений, 4% были работниками сферы обслуживания и торговли и т.д. (далее еще 22 параметра)⁸⁸. Из такой классификации, представляющей собой смесь классификаций по соц. положению и по отрасли, из которой был «изъят» репрессированный, сложно сделать однозначные и сравнимые с другими регионами выводы.

Есть подобные сведения и в «Ленинградском мартирологе» о репрессированных в Ленобласти. Статистика содержит сведения о возрасте репрессированных, месте рождения, национальности, партийности, роде занятий, о том, кем выносились приговоры, где был приведен в исполнение приговор о расстреле, дате расстрела⁸⁹. Классификация «рода занятий», как и в случае «Бутовского полигона», достаточно неоднородна, однако содержит существенно меньше полей – 15. Помимо рабочих и колхозников, в классификации присутствуют, например, железнодорожники и «другие транспортники», руководители (советские, партийные, хозяйственные), работники сферы обслуживания и торговли и т.д. Отдельной категории «служащих» в классификации нет, что не позволяет выделить даже основные группы репрессированных по социальному положению.

В подробных комментариях к «Книгам памяти» Республики Алтай приведен краткий статистический анализ: в таблице показано, сколько было всего репрессировано человек, их возраст, национальность, социальный состав, образование, форма репрессий, партийность, а также годы ареста⁹⁰. Статистика, приведенная в «Книге памяти», включает репрессированных за период с 1917 года и даже в послевоенное время. Поэтому в данной

⁸⁸ Посчитано по: Там же. С. 305-306.

⁸⁹ Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных [Электронный ресурс]: возвращенные имена // URL: <http://vizz.nlr.ru/search/stat.html> (дата обращения: 13.05.2015).

⁹⁰ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том I. Горно-Алтайск, 1996. С. 7-8. Т. 2. Горно-Алтайск, 1998. С. 11-12. Т. 3. Горно-Алтайск, 2003. С. 241.

диссертации целесообразнее использовать другие публикации местных архивистов.

Некоторые ключевые статистические данные по репрессированным, попавшим в тот или иной том, приведены и в сопровождающих статьях книг памяти Алтайского края. В краткой таблице содержатся сведения о разделении лиц по возрасту, национальности, полу, по мере наказания, число реабилитированных по годам, по роду занятий или месту работы⁹¹. Для последнего поля используется следующая, довольно общая классификация:

- 1) Члены колхозов, в том числе председатели колхозов.
- 2) Работники совхозов, в том числе директора совхозов,
- 3) Работники МТС, в том числе директора МТС,
- 4) Работники лесного хозяйства,
- 5) Работники железных дорог,
- 6) Работники заготовительных организаций,
- 7) Работники народного образования,
- 8) Работники здравоохранения,
- 9) Церковнослужители,
- 10) Без определенных занятий.

Подобная классификация не дает представлений о социальном положении репрессированных, а скорее говорит о том, какие отрасли хозяйства СССР были затронуты репрессиями. К минусам этих статистических данных можно также отнести то, что по ним сложно вычленить репрессированных именно в эпоху Большого террора по «массовым операциям» (в томах «Книг памяти» представлены более продолжительные периоды).

В «Книгах памяти» Хакасии (в исследуемый период – Хакасской автономной области Красноярского края) есть сведения о 3 339 людях, репрессированных в ходе Большого террора. Составители «Книг» выделили

⁹¹ Аналитические данные // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том III, часть II. Барнаул, 2001. С. 430-431.

три категории арестованных: рабочие (52%), крестьяне (27%) и интеллигенция (22%)⁹². Подобная классификация репрессированных представляется не слишком корректной хотя бы потому, что категория «интеллигенция» явно слишком широко трактуется.

Впрочем, даже такие скудные сведения есть далеко не во всех «Книгах памяти». Однако потенциал «Книг памяти» быстро стал понятен для исследователей. Появились работы, которые базировались на печатных изданиях. На издании «Ленинградского мартиролога» основана работа М. Илич «Большой террор в Ленинграде: количественный анализ» (*The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis*) 2002 года⁹³. Стоит отметить, что это исследование содержит в высшей степени интересный и подробный анализ «Книг памяти» Ленинградской области («Ленинградского мартиролога»), реконструирует социальный портрет жертв Большого террора, делая акцент на гендерных особенностях репрессивной кампании. Илич обращает внимание на низкий процент репрессированных женщин (всего 4%) и связывает это со слабой вовлеченностью женщин в экономическую деятельность и политическую активность. Те женщины, что все-таки были расстреляны, часто были связаны с церковью⁹⁴. Также исследователь обращает внимание, что 70% жертв репрессий были старше 40 лет – соответственно, режим опасался тех кто сформировался до революции⁹⁵. В целом, по данным Илич, основными социальными группами пострадавших были рабочие (47%), служащие (28%), колхозники (19%) и др.⁹⁶

Однако это исследование основано на 10%-ной выборке из двух первых томов издания, в которых содержатся сведения о жертвах репрессий (только осужденных по «первой категории»), расстрелянных в первые три месяца

⁹² Абдин Н. Лимит на расстрел [Электронный ресурс] // Хакасия. [2007. № 126]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20070710.htm> (дата обращения: 20.08.2015)

⁹³ Ilič M. *The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis* // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, No. 8. PP. 1515–1534; Ilič M. *The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis* // *Challenging traditional views on Russian history* / Ed. Stephen G. Wheatcroft. London, 2002.

⁹⁴ Ilič M. *The Great Terror in Leningrad*. P. 1529.

⁹⁵ Ibid. P. 1519.

⁹⁶ Ibid. P. 1524.

Большого террора (август-октябрь 1937 года). Вероятно, что автору были недоступны последующие тома «Ленинградского мартиролога» (а большинство из них вообще вышли позже, чем статья Илич), или тяжело было вручную считать столь большое количество данных, однако вполне вероятно, что выборка могла повлиять на социальный портрет репрессированных.

Производятся попытки и реконструировать «социальный портрет» репрессированных, обобщая и анализируя соответствующим образом официальные документы. А. Степанов приводит статистические характеристики репрессированных в Татарской АССР по «кулацкой» операции, опираясь на протоколы республиканской тройки, а также на внутреннюю статистику НКВД по региону⁹⁷. Всего, по данным исследователя, по «кулацкой» операции в регионе было осуждено 5362 человека. В исследовании сделана попытка построить «официальный» социальный портрет репрессированных по категориям, к которым якобы относились обвиняемые. Так, по данным протоколов, среди репрессированных было 3108 «кулаков» (58%), из них действительно раскулаченных было относительно немного – 1398 человек. Еще 394 было «кулака-торговца», 681 сыновей и дочерей кулаков и т.д. Значительное количество репрессированных относились к церкви и религиозным организациям: 138 человек из православного духовенства, несколько десятков активных верующих, 94 мулл и муэдзинов, 58 «сектантов»⁹⁸ (итого, по нашим подсчетам, 5,4% от всех репрессированных без учета верующих). По социальному положению Степанов выделяет следующие категории осужденных тройкой: рабочие – 25%, служащие – 19,5%, колхозники – 25%.

⁹⁷ Степанов А.Ф. Большой террор в Татарской АССР: Массовая «кулацкая» операция по приказу НКВД СССР № 00447 (по материалам протоколов республиканской тройки НКВД) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 183-190. См. также дополнительную статистическую информацию в следующей статье: Степанов А.Ф. Политические репрессии 20-30-х годов в СССР: этноконфессиональные и социальные аспекты (на примере Татарской АССР) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953-2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции. Часть II. Краснодар, 2013. С. 198-207.

⁹⁸ Степанов А.Ф. Большой террор в Татарской АССР. С. 188.

По возрасту основная группа – от 30 до 59 лет (77%), при этом от 30 до 39 лет – 23%, от 40 до 49 – 30%, от 50 до 59 – 65%. Женщин среди репрессированных было всего 3,5%.⁹⁹

Анализируя национальность репрессированных в ТАССР, Степанов приходит к выводу об уклоне в сторону репрессирования национальных меньшинств. Основную массу репрессированных в регионе составляли русские (52%, в то время как по переписи их доля среди населения региона составляла 43%), 39% осужденных были татарами (по переписи их было существенно больше – 48%), а «представители других национальностей» составляли 11% осужденных (по переписи их было всего 8%). Большую долю русских Степанов объясняет их преобладанием среди городского населения, среди рабочих таких профессий, как железнодорожники, а также среди «бывших» людей¹⁰⁰.

Несмотря на крайне интересную статистику репрессий по «кулацкой» операции и работе с протоколами тройки, работе А. Степанова не хватает важной технической составляющей. Если бы данные, собранные исследователем, можно было конвертировать в отдельную базу данных, результаты были бы гораздо более содержательными.

При составлении «Книг памяти» во многих регионах начали формироваться электронные базы данных репрессированных. В некоторых случаях они были более содержательными, чем «Книги памяти», в других – фактически повторяли их поля. В дальнейшем большинство этих баз, основанных на «Книгах памяти», вошли в масштабную электронную базу данных «Жертвы политического террора в СССР». Параллельно исследователи составляли и собственные базы данных под конкретные цели их работ. Охарактеризуем основные работы, в которых для изучения «социального портрета» активно применяются **электронные базы данных**.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

Одна из первых и передовых работ по анализу социального портрета репрессированных при помощи электронной базы данных была проведена в 1995 г. Томский историк В. Уйманов проанализировал базу данных, составленную при подготовке книги памяти репрессированных томичей «Боль людская»¹⁰¹. На момент анализа в базе содержалось почти 19,5 тыс. биографий арестованных в различные репрессивные кампании.

Уйманов выделил следующие основные категории репрессированных по социальному положению и высчитал, сколько в каждой из них было расстрелянных¹⁰²:

- Крестьяне
- Служащие
- Рабочие
- Лица без определенных занятий
- Учащиеся
- Военнослужащие
- Заключенные
- Служители культа

При этом сам автор этой категоризации отметил ее слабые стороны: в ней не учитывался весь разброс в профессиях служащих (в частности, нельзя было выделить «интеллигенцию»), а «лица без определенных занятий» в основном составляли пенсионеры¹⁰³. С этими доводами невозможно не согласиться. Уйманов также выделил средний возраст репрессированных по годам рождения, их гендерный состав (подчеркнув, что женщин расстреливали значительно реже), национальность и уровень образования.

В 2012 г. Уйманов выпустил новую книгу, в которой данные анализа базы данных были несколько уточнены¹⁰⁴. Количество репрессированных,

¹⁰¹ Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... : (Западная Сибирь в конце 20-х - начале 50-х годов). Томск, 1995. С. 47.

¹⁰² Там же. С. 48.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.). Томск, 2012.

вошедших в базу, увеличилось до 22 тысяч человек. В электронной базе данных каждый репрессированный описывается по 32 полям¹⁰⁵, что значительно больше, чем в «Книгах памяти». Исследователь в том числе приводит данные, что на территории нынешней Томской области в 1937-1938 гг. были расстреляны 79% арестованных. Тем не менее, в работе по-прежнему анализируются статистические показатели репрессированных за весь период советской власти, что осложняет сравнение этих данных с аналогичными по другим регионам. Можно лишь заключить, что среди репрессированных до 1940 г. было 5,6% женщин (22% из которых были расстреляны). По национальности жертвы террора были в основном русские (68%), а также поляки (7,2%), украинцы (5,5%), немцы (3,57). По социальному положению – крестьяне (34%), служащие (26%), рабочие (23,8%) и др.¹⁰⁶

С 1990-х гг. активно начали использовать базы данных для изучения социального портрета лишенцев и репрессированных в Нижнетагильском регионе Урала. Группа исследователей во главе с В. Кирилловым разрабатывала базу данных «Репрессированные по контрреволюционным делам 1930-1940-х гг.»¹⁰⁷. Основным источником стали следственные дела репрессированных. Вместе с «Мемориалом» исследователи разработали анкету репрессированного, содержащую от 14 до 53 признаков¹⁰⁸.

Базовый анализ «Книг памяти» Карелии был проведен И. Чухиным¹⁰⁹. Исследователь анализировал различные показатели – род занятий репрессированных, их национальность, динамику арестов и т.д. Однако основные статистические сведения автор изложил на уровне отдельных районов и городов Карельской АССР¹¹⁰. С одной стороны, этот принцип позволил проанализировать географию террора, выявить специфику

¹⁰⁵ Там же. С. 454.

¹⁰⁶ Там же. С. 459-460.

¹⁰⁷ Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблемы формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917-1980-е годы. Нижний Тагил, 1997. С. 21-28.

¹⁰⁸ Там же. С. 23.

¹⁰⁹ Чухин И.И. Карелия – 37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

¹¹⁰ Там же. С. 87-103.

пограничных областей и т.д. С другой стороны, суммарные данные по всему региону в книге отсутствуют; в итоге невозможно увидеть общую картину, а эту информацию невозможно сопоставить с другими регионами РСФСР.

Один из наиболее удачных сборников региональных исследований, посвященных Большому террору – книга «Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447»¹¹¹. По итогам масштабного проекта, координаторами которого выступили немецкие историки М. Юнге и Р. Биннер, а также директор Германского исторического института в Москве Б. Бонвеч, в издание вошло более 30 статей, написанных историками из разных регионов страны, а также из Украины и Германии. В основу сборника положены несколько тематик: «Жертвы», «Каратели» и «Региональные исследования», причем первые два раздела также написаны по региональным материалам.

В разделе «Жертвы» изучаются самые разные социальные группы репрессированных – «кулаки», рабочие и служащие, «попы, церковники и сектанты», меньшевики, «националисты», уголовники. Стоит отметить, что при этом авторы взяли за основу анализа скорее социальное происхождение и прошлое человека, а не настоящее. В следующей части, «Каратели», рассматриваются механизмы репрессий, роль отдельных репрессивных органов в них. В части «Региональных исследований» анализируется статистика «кулацкой операции» в Алтайском крае, Новосибирской области, украинском Донбассе, а также отдельно – в Краснозерском районе Западно-Сибирского края, селе Кояново Пермского района Свердловской области, Вышневолоцком и Фировском районах Калининской области. Исследователи строят графики, отражающие динамику арестов и приговоров, исследуют на статистических материалах вклад отдельных органов в репрессии, группируют репрессированных по «окраске» их обвинения, «месту изъятия», создают социальные портреты и вычисляют зависимости между разными

¹¹¹ Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.

параметрами. Все результаты их исследований можно отнести лишь к «кулацкой» операции.

Не останавливаясь на каждом из регионов, упомянутых в книге, можно отметить, что в целом авторы делают следующие выводы. «Степень репрессий» (соотношение числа репрессированных к населению) могла быть различной, так, в 5 изученных в работе регионах она составляла от 0,39% до 0,87% (только по «кулацкой» операции)¹¹². Различия в выборе целевых групп террора авторы объясняют тем, что власти отдельных регионов «совершенно очевидно» преследовали те группы, которые расценивали как проблемные для своего региона. Например, в сельскохозяйственном Алтайском крае управление НКВД сфокусировалось на «нарушителях спокойствия» в колхозах и совхозах, а также из-за пограничного положения региона делало акцент на арестах лиц с иностранными корнями и связями, и, наконец, в сосредотачивалось на арестах в отдельных районах, где ранее были крестьянские восстания¹¹³. Наконец, авторы делают вывод о том, что около 17% жертв «кулацкой» операции составляли члены маргинальных групп – туземцы, алкоголики, мелкие алкоголики и др.¹¹⁴

Стоит отметить, что в этой книге историки довольно часто привлекают электронные базы данных жертв политических репрессий для изучения характера и направленности репрессий 1937-1938 г. Базы данных (БД) могут быть составлены самим исследователем (например, небольшая БД участников Сорокинского восстания 1921 г. в Алтайском крае, репрессированных в 1937-1938 гг., на 134 человека¹¹⁵), архивной службой при подготовке «Книг памяти» (БД «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)», создана при подготовке книги «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» в 1997-2005 гг.,

¹¹² Там же. С. 45.

¹¹³ Там же. С. 46.

¹¹⁴ Там же. С. 52.

¹¹⁵ См. Юсупова Е.Р. Преследование участников Сорокинского восстания 1921 г. в Алтайском крае // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 119.

содержит данные на 46 226 чел.)¹¹⁶ либо общественными организациями (БД жертв политических репрессий Пермской области, составлена сотрудниками местного отделения «Мемориала» совместно с архивными работниками, данные на 7959 человек¹¹⁷). При этом работа с БД, как правило, сопровождается активными архивными изысканиями, анализом следственных дел жертв репрессий, изучением протоколов заседаний тройки, если таковые доступны. Некоторые исследователи анализируют не все данные, содержащиеся в базе, а делают механическую выборку из них и изучают подробно следственные дела¹¹⁸.

Достаточно объемная база данных была составлена в Смоленской области. В базу вбиваются данные из следственных дел, хранящихся в архивах местного ФСБ, с начала 1990-х годов и по сей день. В базе данных репрессированных на Смоленщине 32111 персоналий, из них 26872 относятся непосредственно к территории нынешней Смоленской области¹¹⁹. Карточка репрессированного состоит из стандартных для «Книг памяти» полей: место хранения дела и номер, ФИО, год рождения, место рождения, место жительства, национальность, социальное положение, партийность, место работы, профессия, дата ареста, кем арестован, место содержания, когда, кем и к какой мере наказания приговорен, дата исполнения приговора и дата реабилитации¹²⁰.

Подробным образом эта база данных проанализирована в работе Е. Кодина¹²¹. В первой главе, предваряя общий статистический анализ, Кодин говорит об особенностях базы данных, которые необходимо учитывать при

¹¹⁶ См. Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 // Там же. С. 720. К этой БД обращаются автор и другой статьи в этом же сборнике: Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г. С. 84.

¹¹⁷ См. более подробное описание этой БД в статье Кимерлинг А.С. Репрессии 1937-1938 гг. против служащих Прикамья Свердловской области в рамках приказа № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. С. 198, а также другие статьи в этом же сборнике, например, Шабалин В.В. Сельское население Прикамья как жертва массовой операции по приказу № 00447. С. 104., Кабацков А.Н. Репрессии 1937-1938 гг. против рабочих Прикамья Свердловской области в рамках приказа 00447. С. 177.

¹¹⁸ Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г. С. 84.

¹¹⁹ Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 41.

¹²⁰ Там же. С. 47.

¹²¹ Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953. М., 2011.

работе с ней. В частности, он пишет о том, что база постоянно пополняется, так как реабилитация до сих пор идет, о неполноте некоторых сведений в архивно-следственных делах (в частности, о расстрелах), а также о необходимости обобщать и упрощать некоторые формулировки (в особенности, мер наказания) первичных источников при составлении базы данных¹²².

Кодин описывает волны государственного террора на Смоленщине начиная с 1917 и заканчивая 1953 г., подробно останавливаясь на репрессированных в Гражданскую войну, в период раскулачивания и Большого террора. При этом его интересует не только «кулацкая операция», но и национальные операции. Автор исследования установил возрастной состав репрессированных, их партийный статус, а также национальный состав. Довольно подробно Кодин анализирует репрессии по национальному признаку. По его подсчетам получается, что на Смоленщине было репрессировано 1,2% проживавших там русских, 4,6% белорусов, 21% латышей, 25% поляков и, наконец, 56% немцев¹²³. В то же время, в некоторых случаях из его монографии нельзя понять, каким был в среднем, например, возраст репрессированных непосредственно во время Большого террора, что несколько затрудняет возможность сравнения результатов смоленских исследований с данными по другим регионам.

С использованием электронной базы данных «Мемориала» и областного Государственного общественно-политического архива Пермского края (ГОПАПО) написана коллективная монография «"Включен в операцию". Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг.». В ней исследуются разные аспекты Большого террора в Пермском крае: начиная от подробного описания некоторых крупных судебных дел в преддверии Большого террора, заканчивая реализацией «кулацкой операции» в одном из сел Прикамья. При этом социальный состав репрессированных в ходе

¹²² Там же. С. 9-12.

¹²³ Кодин Е.В. Электронная база данных... С. 47.

«кулацкой операции», построенный на основе базы данных, дается применительно к отдельным группам жертв Большого террора – служащим, крестьянам, рабочим¹²⁴. Данный подход оправдан в рамках этого исследования, и дает интересные результаты, однако затрудняет сравнение с обобщенными социальными портретами других регионов.

Успешно работают как с базами данных, так и с архивными свидетельствами алтайские историки. Есть целый ряд исследований и статей, посвященных социальному составу репрессированных в Алтайском крае: вышеупомянутые комментарии к «Книгам памяти», главы из книги «Сталинизм в советской провинции», в особенности, статистический анализ Г. Ждановой¹²⁵, монография с подробным разбором операций¹²⁶, и, наконец, сборник документов с их анализом, посвященный непосредственно репрессиям в крае¹²⁷.

Статистический анализ реализации «кулацкой операции» в Алтайском крае Г. Ждановой строится на протоколах тройки и 5%-ной выборки из числа репрессированных, а база данных используется историками для вспомогательных целей. Анализ достаточно подробный, содержит не только указания на пол, возраст, национальность и другие характеристики репрессированных, но и подсчет того, к кому чаще всего применялась «высшая мера наказания». Есть то, что выгодно отличает это исследование от анализа «Книг памяти» и общей базы данных, что было достигнуто благодаря работе с архивно-следственными делами: возможность проследить социальное происхождение репрессированных и их «политическое прошлое» (были ли они раскулачены, служили ли они в Гражданскую войну на стороне белых, например), большая полнота данных (например, в «Книгах памяти» нет сведений об уровне образования репрессированных, но эту информацию

¹²⁴ «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. М., 2009. С. 17.

¹²⁵ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447... С. 718-745. См. другие статьи сборника «Сталинизм в советской провинции», например: Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г.

¹²⁶ Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. Барнаул, 2005.

¹²⁷ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447 / сост.: Жданова Г. Д., Разгон В. Н., Юнге М., Биннер Р. М., 2010.

исследователю удалось получить из первоисточника – следственных дел). Автор делает выводы о том, что по социальному положению репрессированные были членами колхозов и совхозов (53%), рабочими (19,5%), служащими (10,2%), лицами без определенных занятий (5,9%), единоличниками и кустарями (4,9%), служителями религиозного культа (2,9%) и др.¹²⁸

Тем не менее, при наличии такой возможности целесообразно изучать не только выборку, как в случае со статистическим анализом «кулацкой операции» в Алтайском крае (в абсолютных числах – 612 человек¹²⁹), но и генеральную совокупность. Изучение уже существующей электронной базы данных позволяет работать быстрее и на большем объеме сведений, но получать менее детализированную картину. Помимо того, в рамках Большого террора «кулацкая операция» была лишь одной, хотя и самой крупной, массовой репрессивной кампанией. Для нас же интересно, кто были пострадавшие от всех репрессивных операций вместе.

Большая база данных «Покаяния» была создана в Республике Коми. В силу местной специфики многие из репрессированных в этом регионе были заключенными. Анализу небольшой части базы посвящен ряд статей¹³⁰.

Хотя А. Ватлин в своих работах не слишком активно использует статистические данные, его исследования можно с уверенностью назвать реконструкцией коллективного портрета репрессированных определенных категорий¹³¹, территорий¹³² или даже связанных общей школой¹³³. Ближе к тому значению, в котором в данном исследовании употребляется термин «социальный портрет», находится работа о репрессированных в Москве и Московской области немцах. А. Ватлин, работавший в фонде 10035

¹²⁸ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации... С. 734.

¹²⁹ Там же. С. 727.

¹³⁰ Жеребцова И. И., Мартынов Ю.И. База данных «Репрессированные немцы в Коми» и ее анализ // Информационный бюллетень ассоциации «Историк и компьютер». 2004. № 32. С. 95-96.

¹³¹ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936-1941 гг. М., 2012.

¹³² Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области в 1937-1938 гг. М., 2004.

¹³³ Мусиенко Н.С., Ватлин А.Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924-1938. М., 2014.

Государственного архива Российской Федерации, изучил многочисленные архивно-следственные дела и составил на их основании базу данных на 720 репрессированных¹³⁴. В базу вошли биографические справки в основном на тех лиц, которые когда-либо жили в Германии и приехали в СССР после окончания Первой мировой войны.

Исследователь подробно описывает то, как «немцы» прибывали в СССР, в каких условиях они работали и приспосабливались к советскому быту, и как затем происходили репрессии этого круга лиц. На основании многочисленных архивно-следственных дел Ватлин реконструирует все этапы «скорбного пути» репрессированных от отбора жертв и ареста до расстрела, высылки или другого приговора. Не остаются без внимания исследователя и процессы реабилитации. Сильной стороной исследования является и то, что Ватлин использует протоколы допросов бывших следователей. В своих показаниях бывшие сотрудники органов госбезопасности раскрывали, как именно происходили отбор жертв и следствие¹³⁵.

А. Ватлин анализирует статистику, как и когда репрессированные приехали в СССР, когда они вступили в Коммунистическую партию Германии, каков был их половозрастной состав, гражданство, какова была динамика арестов, какие приговоры выносились на разных этапах «национальных» операций и т.д.¹³⁶ Между тем, статистика в данном исследовании скорее служит «иллюстрацией», дополняет и подтверждает выводы исследователя, а не наоборот. Автор очень глубоко и подробно анализирует биографии ограниченного круга репрессированных, поэтому большинство выводов можно было бы сделать, не производя подсчеты. Подход Ватлина к исследованию комплекса следственных дел жертв Большого террора, безусловно, может служить образцом для подобного рода исследований.

¹³⁴ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». С. 20-21.

¹³⁵ См., например: Там же. С. 118-119,

¹³⁶ В основном статистика собрана в приложениях: Там же. С. 326-330.

При этом собственно база данных «Мемориала» в исходном виде – «Жертвы политического террора в СССР» – в историографии использовалась мало. Отметим некоторые единичные случаи. Напрямую на базу ссылается исследователь Л. Наумов. В своих работах при помощи базы он строил графики динамики репрессий против разных групп населения в разных регионах, например, советской «верхушки» и основной массы населения¹³⁷. В некоторых регионах он дает примерную динамику арестов лиц разных национальностей, разного уровня образования или партийности, однако все эти построения необходимы ему для иллюстрации собственных гипотез о различиях в политике местных органов НКВД. Задач построения социального портрета репрессированных Наумов перед собой не ставил, не проводил он также формальной работы по исследованию и описанию базы данных. Поэтому, например, то, что он в одних регионах строит динамику арестов одних национальностей (Московская область, 3 группы: 1) русские, украинцы, белорусы; 2) латыши, литовцы, эстонцы; 3) поляки), а для других регионов – других национальностей (Орджоникидзевский край, 3 группы: 1) русские; 2) немцы; 3) поляки), кажется адекватным в случае изучения политики отдельных местных УНКВД, но крайне затрудняет сравнение социального облика жертв репрессий в разных областях и краях СССР.

Работа с базой данных «Мемориала» ведется и на историческом факультете МГУ, в том числе, помимо автора данной работы, с 2013 г. этой темой занимается Е. М. Мишина. Она анализирует репрессии периода 1935 – первой половины 1937 гг. Исследователь комбинирует использование статистики из «Книги памяти» Алтайского края с анализом собственной выборки архивно-следственных дел в местном архиве¹³⁸.

* * *

¹³⁷ Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010. С. 545-554.

¹³⁸ См.: Мишина Е.М. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // Историческая информатика. 2013. № 3. С. 3-14; Мишина Е.М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 3. С. 45-56.

Таким образом, можно сказать, что хотя в целом Большому террору в историографии уделено достаточно много внимания, целый ряд проблем остаются дискуссионными и малоизученными. Самые горячие обсуждения в историографии касаются вопроса о том, кто был направляющей силой репрессий, и насколько органы НКВД были самостоятельны в проведении операций. В меньшей степени дискуссионным вопросом являются причины репрессий. В целом, почти все авторы соглашаются, что они были связаны со страхом руководства СССР перед «пятой колонной», желанием Сталина жесткими методами осуществить модернизацию страны и избавиться от той части населения, которая не вписывалась в новое «социалистическое общество».

Гораздо меньшее число исследователей поднимают вопрос о том, кто же в результате этого социального эксперимента был арестован в ходе массовых операций. Уже в 1990-х годах в некоторых «Книгах памяти» были опубликованы базовые статистические сведения о репрессированных. Однако с 2000-х появляется все больше исследований, в которых социальный портрет репрессированных изучается при помощи электронных баз данных. Такие работы есть по Смоленской и Томской областям, Алтайскому и Пермскому краям и т.д. Очень часто исследователи сопровождают анализ баз данных изучением отдельных архивно-следственных дел репрессированных.

Тем не менее, в основном исследователи изучают отдельные массовые операции НКВД, в особенности «кулацкую», или некоторые категории жертв (например, лиц определенных национальностей). Как правило, авторы придерживаются различных методов в классификации репрессированных. В итоге сравнительный анализ репрессий в различных регионах РСФСР становится фактически невозможным.

Кроме того, стоит помнить о том, что по большинству субъектов РСФСР обстоятельных исследований, реконструирующих социальный портрет жертв репрессий, просто нет. Исследователи в основном работают с архивно-следственными делами, анализируя их при помощи выборки, что

требует большого количества времени. Очень малое количество историков привлекают для анализа «Книги памяти» и обобщающую базу данных «Жертвы политического террора в СССР», этот источник по многим регионам остается неизученным. Поэтому анализ именно этого, социального аспекта в истории Большого террора на базе «Книг памяти» представляется достаточно перспективным и определяет новизну данного исследования.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Источники исследования

Несмотря на то, что Большой террор завершился более 75 лет назад, а проводившее репрессии советское государство не существует почти 25 лет, процесс увековечивания памяти жертв политических репрессий еще далек от завершения. Не существует единого органа, издания или базы данных, в которых родственники жертв репрессий могли бы гарантированно и быстро получить информацию о них. Создание такой базы на федеральном уровне только планируется¹. По оценкам правозащитных организаций², даже процесс реабилитации жертв репрессий не завершен. Доступ к следственным делам репрессированных в архивах для историков ограничен. В этих условиях исследователям, правозащитным организациям и иногда даже родственникам приходится буквально по крупицам собирать информацию о жертвах террора.

Самая масштабная попытка объединить сведения о репрессированных на территории бывшего советского государства была предпринята неправительственным международным историко-просветительским, правозащитным и благотворительным обществом «Мемориал». Несмотря на огромный объем (напомним, 2,6 млн кратких биографий), база данных «Жертвы политического террора в СССР» далека от полноты. Использовать сведения из нее, не разобравшись в первичных источниках информации, в профессиональных исследованиях невозможно. База данных формировалась постепенно преимущественно на основе «Книг памяти» жертв политических репрессий, которые, как правило, составлялись на основе архивно-следственных дел репрессированных (АСД).

¹ Об этом сказано в Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий № 1577-р, утвержденной председателем правительства в августе 2015 г. Документом предусмотрено создание «единой мультимедийной книги памяти, а также баз данных в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий».

² Предисловие [Электронный ресурс]: жертвы политического террора в СССР // Историко-просветительское общество «Мемориал». URL: <http://lists.memo.ru/index.htm> (дата обращения: 01.09.2015)

В первом разделе данной главы дано общее описание базы данных «Жертвы политического террора в СССР» и проанализированы источники, на основе которых она составлена. Во втором разделе главы охарактеризованы сильные и слабые стороны использования базы и «Книг памяти жертв политических репрессий» как источников по изучению истории Большого террора. Затем на конкретном примере книг памяти «Бутовский полигон» впервые проведено сравнение информационного потенциала базы данных и архивно-следственных дел репрессированных, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Наконец, в третьем разделе охарактеризованы прочие источники исследования. В их числе опубликованные сборники документов по истории репрессий как на уровне всего СССР, так и в отдельных регионах; архивно-следственные дела, хранящиеся в ГАРФ; итоги и подготовительные материалы советских переписей 1937 и 1939 гг.

1.1.1. Электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР»: пути формирования

В данном разделе дано общее описание базы данных «Жертвы политического террора в СССР», история ее формирования и структура. Кроме того, охарактеризованы источники, которые легли в основу базы данных – «Книги памяти» жертв Большого террора и архивно-следственные дела.

1.1.1.1. Общее описание базы данных

Историко-просветительское общество «Мемориал» вело работу над созданием базы данных «Жертвы политического террора в СССР» с 1998 года. Четвертое издание диска с базой опубликовано в 2007 г. к семидесятилетию Большого террора и включило в себя биографическую информацию о 2 614 978 репрессированных за все время существования СССР. На 2012 г. было запланировано переиздание новой версии диска,

однако пока идет лишь постепенное пополнение коллекции. По данным на август 2014 г., к четвертому изданию были добавлены около 30 тыс. биографических справок³. В основе издания лежат сотни томов «Книг памяти» различных регионов бывшего СССР.

Стоит отметить, что саму идею создания единой базы данных репрессированных высказывал не только «Мемориал», существовали и другие такого рода проекты, однако они оказались менее успешными. Один из самых амбициозных – запущенный в начале 2000-х проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена»⁴. В нем активно участвовал и «Мемориал». Однако в отличие от этой НКО, координаторы проекта ставили во главу угла не просветительские цели, а создание достаточно надежного исторического источника. Целью проекта являлось не столько объединение «Книг памяти» в одном месте, сколько систематизация имеющейся информации при условии, что она «будет проверена, исправлена, дополнена в соответствии со стандартом и снабжена ссылкой на источник»⁵. В рамках проекта были изданы ряд полезных сборников: о проблемах, с которыми приходится сталкиваться при составлении электронного банка данных жертв репрессий⁶, а также о состоянии работы над «Книгами памяти» в различных регионах⁷.

Однако итоги сбора информации о репрессированных в рамках проекта оказались не столь значительны: пилотная версия базы «Возвращенные имена», выложенная в интернете в 2002 г., включает всего чуть более 100 тыс. персоналий⁸; сам проект, судя по состоянию его сайта и отсутствию новых публикаций и новостей, был приостановлен. Согласно свидетельствам

³ Предисловие [Электронный ресурс]: жертвы политического террора в СССР.

⁴ Подробнее о проекте см. сайт проекта «Возвращенные имена», URL: <http://vi.krsk.ru>

⁵ Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена». Сборник материалов по итогам первого этапа проекта. 2000-2003 годы. Нижний Тагил, 2003. С. 62.

⁶ Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР: Сборник докладов участников международной научно-практической конференции 18-21 мая 2000 г. Нижний Тагил, 2000. Также информация о проекте опубликована на Интернет-сайте: <http://www.vi.krsk.ru/>.

⁷ Состояние работы над книгами памяти жертв политических репрессий в России, Казахстане и Украине: сборник материалов по проекту «Возвращенные имена» / Сост. В.М. Кириллов. Нижний Тагил, 2002. С. 30.

⁸ Проект «Возвращенные имена» - единый банк данных о всех репрессированных в СССР [Электронный ресурс] // Возвращенные имена. URL: <http://vi.krsk.ru/about.asp> (дата обращения: 01.09.2015)

некоторых участников⁹ и опубликованным материалам¹⁰, проект столкнулся с техническими сложностями из-за различия платформ, на которых создавались базы данных в различных регионах, а также испытывал некоторого рода «политические» трудности из-за разницы в подходах участников из разных регионов и стран постсоветского пространства. Собранные в ходе проекта «Возвращенные имена» данные были включены в четвертое издание диска «Жертвы политического террора в СССР».

Обратимся теперь к характеристике содержания базы данных «Мемориала». Основная часть биографических справок – около 1,5 миллиона¹¹ (по другим данным¹², 1,6 млн) – принадлежат лицам, арестованным по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ) и приговоренным различными судебными и внесудебными инстанциями (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.).

Еще около 1 млн справок¹³ содержат информацию о лицах, которые подверглись репрессиям в «административном» порядке. Самая массовая такого рода группа - высланные с места жительства в ходе «раскулачивания» крестьяне, которые стали «спецпоселенцами» в районах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Другая крупная группа пострадавших от репрессий в «административном» порядке - депортированные народы. Сведений об этих репрессированных значительно меньше. Данные о высланных национальных группах содержатся в «Книге памяти калмыцкого народа», «Книге памяти Кабардино-Балкарии», списках депортированных в 1939-1941 гг. из Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии, собранных польской программой общества «Мемориал».

⁹ Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 104.

¹⁰ См., например: Международный проект создания...; Проблемы создания Единого электронного банка...

¹¹ Предисловие [Электронный ресурс]: жертвы политического террора в СССР.

¹² Кропачев. С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937-1938 годах. Российская история. № 1, 2010. С. 166-172. С. 169.

¹³ Предисловие [Электронный ресурс]: жертвы политического террора в СССР.

Хотя в названии базы данных говорится о терроре во всем СССР, около 90% справок в базе - на репрессированных на территории России. Из других республик бывшего СССР достаточно полно представлены Казахстан (около 100 тысяч имен) и Белоруссия (около 80 тысяч). Есть фрагментарные сведения о репрессированных на Украине, в Киргизии, Узбекистане и Польше. Поскольку в странах Прибалтики «Книги памяти» издаются преимущественно на национальных языках, включить их в российскую базу не удалось¹⁴.

Преимуществом базы данных является также то, что в нее вошли сведения о репрессированных не только из опубликованных «Книг памяти», но и из ряда дополнительных источников. В частности, это данные о 750 тыс. репрессированных в «административном» порядке, полученные через отдел реабилитации МВД; данные о жертвах террора из регионов, где «Книги памяти» или их отдельные тома подготовлены, но еще не опубликованы; данные архивов самого «Мемориала» и др.

В целом оценить, какой процент репрессированных вошел в базу данных, довольно сложно. Стоит отметить, что существуют различные оценки общего числа репрессированных по политическим мотивам в СССР. Реабилитировано, по данным Генпрокуратуры РФ на 2002 год, было свыше 4 млн человек, из них более 2,5 млн были «осуждены в судебном и несудебном порядке к мерам уголовного наказания»¹⁵. Согласно справке МВД, датированной 1953 г., в 1917-1953 гг. органами внутренних дел за контрреволюционные преступления было арестовано 4,5 млн человек¹⁶.

В «Мемориале» полагают, что собранные в базе сведения составляют около 20% от общего числа жертв террора в СССР за весь период существования советского государства¹⁷. В правозащитной организации утверждают, что всего в СССР в 1921-1985 гг. были арестованы по

¹⁴ Там же.

¹⁵ Константинов П., Стуканов А. Институт реабилитации // Законность. М., 2004, № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_2713.html (дата обращения: 20.04.2015).

¹⁶ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960. М., 2000. С. 431-434.

¹⁷ См. Приложение к диску «Жертвы политического террора в СССР».

политическим обвинениям и осуждены от 5 до 5,5 млн человек, и еще 6,5-7 млн человек были подвергнуты репрессиям в «административном» порядке (спецпоселенцы, депортированные народы и т.д.). Эти оценки могут быть предметом специальной дискуссии, однако для данного исследования важно прежде всего то, сколько в базе репрессированных за период Большого террора. Наша оценка полноты базы данных «Мемориала» применительно к периоду 1937-1938 гг. будет дана ниже.

Остановимся также на некоторых общих соображениях о технических проблемах формирования единой базы данных репрессированных. Из-за различий в первоисточниках – «Книгах памяти» – создателям базы данных пришлось проделать огромную работу по унификации информации. При этом часть информации, которая есть в печатных версиях «Книг памяти», была неизбежно утрачена. Например, в печатных «Книгах памяти» Республики Карелия списки репрессированных публикуются по «месту жительства», поэтому заключенные, вольнонаемные и трудпоселенцы Белбалтлага попали в соответствующий раздел¹⁸. Поскольку принадлежность этих лиц к Белбалтлагу упоминается только в названии раздела, в электронной версии «Книг памяти» упоминаний об этом лагере уже нет, что является, на наш взгляд, существенным упущением.

Кроме того, в базе данных возможно дублирование информации. Так, один и тот же репрессированный может встречаться в нескольких региональных «Книгах памяти» из-за различного принципа их формирования. Например, финн Павел Адамович Хюппенен, который родился в деревне Тикковицы Ленинградской области и был расстрелян в 1938 г. в окрестностях Петрозаводска, попал и в «Ленинградский мартиролог» (по месту рождения), и в «Поминальные списки Карелии» (по месту жительства и расстрела). Создатели базы данных «Мемориала» утверждают, что часть таких повторяющихся справок была удалена, а часть

¹⁸ Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия. Часть II: Большой террор. 1937-1938. Петрозаводск, 2002.

умышленно оставлена для восполнения информации. Например, в упомянутых выше справках на Хюппена в разных «Книгах памяти» можно найти дополнительные сведения – о реабилитировавшем органе, партийности и т.д.

К ошибкам в электронных версиях Книг памяти могло привести и то, что около 20-25% материалов составителям базы пришлось сканировать самостоятельно. Наконец, некоторые базы данных из-за неунифицированного формата статей разработчикам включить в базу данных не удалось.

Структура базы данных. БД «Жертвы политического террора в СССР» создана в системе управления реляционными базами данных MySQL. Разработчики выбрали этот формат потому, что он позволяет работать с огромным объемом данных.

Пользователи могут осуществлять поиск по базе данных при помощи специальной программы, которая устанавливается на компьютер при первом использовании диска с базой (см. рис. 1-2). При помощи интерфейса этой программы можно искать по следующим полям: ФИО репрессированного, год рождения, национальность, место рождения, место жительства, образование, партийность, место работы, по диапазону дат ареста и суда, осудившему органу и статье. Кроме того, пользователь может выбрать из списка источник информации («Книгу памяти», определенные списки репрессированных и т.д.), а также задать условие – был человек расстрелян или нет.

Рис. 1. Работа в программе поиска по базе «Жертвы политического террора в СССР».

Victims of political terror in the USSR

Поиск Очистить Справка Настройки

Установочные данные Репрессия Найдено

Арестован с [date] по [date]

Осужден с [date] по [date]

Осудивший орган [text input]

Статья [text input]

все осужденные [dropdown]

Рис. 2. Работа в программе поиска по базе «Жертвы политического террора в СССР».

Victims of political terror in the USSR

Поиск Очистить Справка Настройки

Установочные данные Репрессия Найдено

Фамилия [text input]

Имя [text input]

Отчество [text input]

Год рождения с [date] по [date]

Национальность [dropdown]

☐ Учитывать вторые фамилии и псевдонимы

Место рождения [text input]

Место жительства [text input]

Образование [text input]

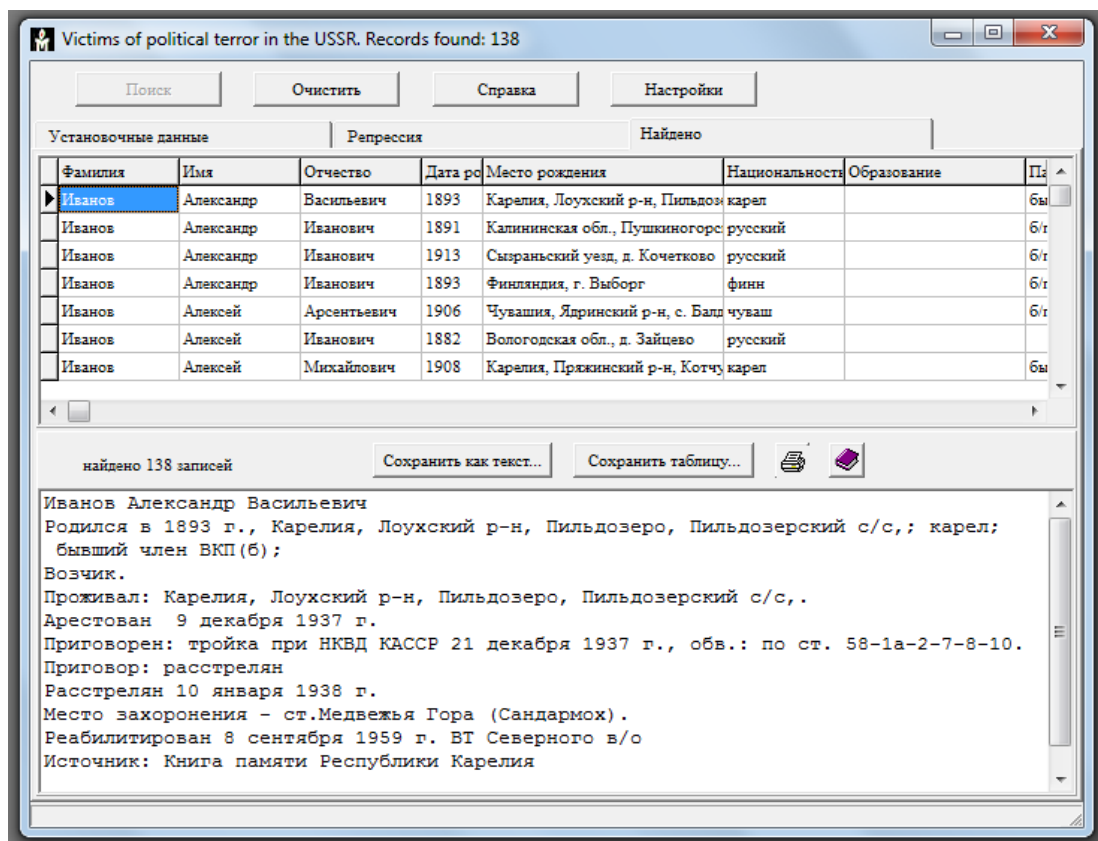
Партийность [text input]

Работа [text input]

Источник информации [dropdown]

Сделав запрос, пользователь переходит во вкладку «Найдено». Результаты представлены в виде таблицы (см. рис. 3). Программа предоставляет возможность сохранить эти результаты в отдельном файле, а также посмотреть справочную информацию об источнике данных – например, той или иной «Книге памяти».

Рис. 3. Результаты поиска по базе «Жертвы политического террора в СССР» в оригинальной программе.

Несмотря на то, что такой режим работы удобен для пользователей, которые ищут в базе своих репрессированных родственников, исследователя эта форма подачи результатов запроса сильно ограничивает. Результаты запросов выдаются в неудобном для анализа формате, выдача занимает длительное время, а при большом количестве результатов поиска вообще прекращает свою работу.

Гораздо более результативной оказалась работа с базой данных с применением СУБД. Как удалось установить, реляционная база состоит из сорока таблиц, одна из которых – persons – главная, все остальные 39 – подчиненные (см. табл. № 1). Первоначально на диске эти таблицы были

разнесены по двум базам (cdb, в которой одна таблица – persons, и books, включающая остальные 39 таблиц), однако между ними очевидны связи и в ходе исследования они были объединены в одну БД.

Табл. 1. Список таблиц базы данных «Жертвы политического террора в СССР».

Название таблицы	Назначение таблицы
Главная таблица	
Persons	Главная таблица с ключевым полем Personid, служащая для связи с остальными.
Таблицы, связанные с Persons напрямую	
Ages	Данные о возрасте человека (если есть)
Fnames	Фамилии репрессированных
Names	Имена репрессированных
Lnames	Отчества арестованных
Nations	Национальности арестованных
Works	Род занятий и места работы
Geoplace	Места жительства и одновременно - места рождения
Stat	Статьи обвинения
Sudorg	Осудившие органы
Prigovor	К какому наказанию были приговорены
Books	Источник информации о репрессированном
Таблицы, связанные с Persons через вспомогательные таблицы	
Arestorg	Органы, которые осуществили арест
Aresttyp	Обстоятельства ареста (заполняется, если человек был взят под подписку о невыезде, скрылся при аресте или же репрессией считается заведение нового дела при наличии предыдущих и т.д.)
Birthye	Таблица для хранения отличных от основного вариантов года рождения
Varnames	Таблица для хранения отличных от основного вариантов написания ФИО
Delos	Номер дела
Educat	Данные об уровне образования
Fams	Члены семьи
Mortplace	Место расстрела
Parties	Членство в партиях
Poddan	Гражданство, подданство, если не русское
Reaborg	Реабилитировавший орган
Reabreas	Причина реабилитации
Reprnext	Следующий хронологически арест (или другая репрессия)

	персоны
Reprprev	Предыдущие репрессии, которым подверглась персона
Служебные таблицы для связи Persons с некоторыми другими таблицами	
Linkarestorg	Таблица для связи с Arestorg
Linkaresttyp	Таблица для связи с Aresttyp
Linkbirthye	Таблица для связи с Birthye
Linkdelo	Таблица для связи с Delos
Linkeducat	Таблица для связи с Educat
Linkfams	Таблица для связи с Fams
Linkmortplace	Таблица для связи с Mortplace
Linkparty	Таблица для связи с Parties
Linkpoddan	Таблица для связи с Poddan
Linkreaborg	Таблица для связи с Reaborg
Linkreabreas	Таблица для связи с Reabreas
Linkreprnext	Таблица для связи с Reprnext
Linkreprprev	Таблица для связи с Reprprev
Linkvarfio	Таблица для связи с Varnames

Таблицы, включенные в базу данных, имеют различные функции (подробнее см. табл. № 1). Некоторые из них связаны с главной таблицей напрямую, другие – через вспомогательные таблицы. Помимо базовой биографической информации, в БД предусмотрена возможность вывода различных вариантов написания имени, года рождения, построения связей с репрессированными родственниками, предыдущими и последующими репрессиями.

Остановимся также чуть подробнее на главной таблице. В *persons* 21 поле, из них ключевое – *personid* (см. табл. № 2).

Табл. 2. Структура таблицы *persons* в БД «Жертвы политического террора в СССР», MySQL.

Название поля	Тип поля	Назначение поля
<i>personid</i>	<i>mediumint</i>	Ключевое поле
<i>fname</i>	<i>mediumint</i>	Код фамилии в таблице <i>Fnames</i>
<i>name</i>	<i>mediumint</i>	Код имени в таблице <i>Names</i>
<i>lname</i>	<i>mediumint</i>	Код отчества в таблице <i>Lnames</i>
<i>birthdate</i>	<i>mediumint</i>	Дата рождения
<i>birthplace</i>	<i>mediumint</i>	Код места рождения в таблице <i>Geoplace</i>
<i>nation</i>	<i>mediumint</i>	Код национальности в таблице <i>Nations</i>

awork	mediumint	Код рода занятий в таблице Works
liveplace	mediumint	Код места жительства в таблице Geoplace
arestdate	mediumint	Дата ареста
sudorgan	mediumint	Код судебного органа в таблице Sudorg
suddate	mediumint	Дата суда
stat	mediumint	Код статьи в таблице Stat
prigovor	mediumint	Код приговора в таблице Prigovor
rasstrel	char	Был расстрелян или нет
mortdate	mediumint	Дата смерти
reabdate	mediumint	Дата реабилитации
book	mediumint	Код источника информации в таблице Books
age	smallint	Код возраста в таблице Ages
gender	char	Пол репрессированного

Вероятно, чтобы облегчить работу СУБД с огромным массивом информации, в главной таблице практически нет текстовых полей и другой конечной информации о репрессированном. В основном эта таблица используется для связи с другими. Исключение представляют текстовые поля (тип char) rasstrel (варианта два – был он или нет) и gender (то есть пол человека, варианта тоже два – мужской или женский). Другие поля содержат число (тип mediumint и smallint), по которому программа ищет текстовые значения в других таблицах. Например, sudorgan (судебный орган, приговоривший репрессированного к наказанию) связан с таблицей sudorg через ключевое поле sudorgid таблицы sudorg.

Кроме того, в таблице persons в закодированном виде хранятся даты. Они представляют собой пятизначные числа. Разработчики базы создали собственную систему кодирования годов рождения, дат ареста, суда, расстрела и реабилитации. Отсчет ведется с 1800 года, при этом в каждом году разработчики заложили 16 месяцев, в каждом из которых – по 32 дня. Таким образом, в системе кодирования в году 512 «дней». Например, дате 1.07.1937 соответствует код 70369, году 1881 - код 41472.

Чтобы получить из пятизначного кода дату, необходимо:

- Для получения числа (в месяце) – получить остаток от деления кода на 32. В Microsoft Excel эта формула выглядит следующим образом: ОСТАТ(X1;32), где X1 – номер ячейки с кодом.

- Для получения месяца – разделить код на 32, а затем получить остаток от деления этого числа на 16, полученное значение округлить вниз до целого числа. В Microsoft Excel эта формула выглядит следующим образом: ОКРВНИЗ(ОСТАТ(X1/32;16); 1), где X1 – номер ячейки с кодом.
- Для получения года – разделить код на 512, прибавить 1800, округлить вниз до целого числа. В Microsoft Excel эта формула выглядит следующим образом: ОКРВНИЗ(X1/512+1800;1), где X1 – номер ячейки с кодом.

Для удобства в данной работе перевод дат в удобный формат осуществлялся в Excel. Число, месяц и год сливались в одной ячейке.

1.1.1.2. «Книги памяти» жертв Большого террора

«Книги памяти» – это сборники короткой биографической информации о жертвах политических репрессий, которые издаются в разных регионах бывшего СССР. Цель этой работы, начатой еще в середине 1980-х гг., – увековечение памяти жертв политических репрессий. Неформальным лозунгом сбора самых базовых сведений о репрессированных стала строчка из поэмы «Реквием» Анны Ахматовой – «Хотелось бы всех поименно назвать»¹⁹. Таким образом, перед создателями «Книг памяти» изначально стояли не столько исторические, сколько просветительские задачи облегчения поиска информации о репрессированных и донесения сведений о масштабе террора до населения.

Сбор информации и составление первых списков репрессированных по различным неофициальным и полуофициальным данным начались еще в середине 1980-х гг.²⁰ При этом первой «Книгой памяти», по некоторым

¹⁹ Характерно и продолжение этой строчки стихотворения – «Да отняли список, и негде узнать»; эта часть «Реквиема» датируется 1940 г.

²⁰ Кириллов В.М. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России (по материалам Книг памяти) [Электронный ресурс] // Возвращенные имена. URL: <http://vi.krsk.ru/Mat/KP3.doc> (дата обращения: 13.05.2015).

данным, считается «Боль и Память», изданная Южно-Сахалинским областным краеведческим музеем в 1990 г.²¹

С середины 1990-х гг. во многих регионах удалось наладить связи с архивами, «Книги памяти» начали составлять на основании первоисточников. Для упрощения этой работы в ряде регионов составлялись рабочие базы данных. Когда «Книг памяти» стало много, начались попытки собрать о них информацию²², систематизировать работу над ними, унифицировать их формат и, наконец, объединить в одну базу данных. С начала 2000-х заработал проект «Возвращенные имена», появились первые издания диска «Мемориала». Однако, как отмечает один из участников этих проектов, д.и.н. В. Кириллов, с середины 2000-х гг. процесс издания «Книг памяти» стал замедляться²³. Причиной стало ужесточение законодательства об архивах и усложнение доступа к следственным делам, свертывание государственной реабилитационной политики и т.д. Тем не менее, если по данным на 2003 г. в пределах бывшего СССР было издано 626 томов «Книг памяти» на 1,5 млн жертв репрессий, то к осени 2011 г. этих изданий стало уже 1022, а упомянутых в них персон – 2,62 млн²⁴.

Несмотря на огромный объем собранной информации, «Книги памяти» представляют собой очень разнородный источник. Поскольку не было принято единой государственной программы или стандарта по отбору информации для «Книг памяти», содержательная часть мартирологов сильно зависела от позиции составителей. При этом «Книги памяти» готовили и издавали самые различные структуры – как администрации регионов, местные архивные ведомства и органы, так и общественные организации.

²¹ Резникова А. Книги памяти как исторический источник [Электронный ресурс] // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»: сайт. URL: <http://www.memo.ru/memory/martirol/books.htm> (дата обращения: 13.05.2015).

²² В 2000-х вышли несколько аннотированных указателей со сведениями о книгах памяти: «Книги памяти жертв политических репрессий в СССР: Аннотированный указатель. СПб., 2004; и его продолжение - Новые книги памяти жертв политических репрессий в СССР. СПб, 2007.

²³ Кириллов В. Увековечение памяти...

²⁴ Данные составителя аннотированного указателя книг памяти А.Я. Разумова, приводятся в статье: Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. М., 2011. № 5. С. 71.

Подавляющее большинство «Книг памяти» составлено по региональному принципу. Однако и здесь нет единства. В некоторых случаях издатели «Книг памяти» отбирали лиц, которые родились в их регионе; в других случаях – лиц, которые проживали и подверглись репрессиям на территории региона. Однако существуют и другие подходы к формированию «Книг памяти»: 1) по местам захоронения жертв («Бутовский Полигон. 1937-1938 гг.»²⁵); 2) национальному признаку («Книга памяти» граждан польской национальности²⁶); 3) профессиональному признаку («Репрессированные геологи»²⁷); 4) религиозному принципу («За Христа пострадавшие: гонения на Русскую православную церковь. 1917-1956»²⁸.); 6) по местам заключения («Узницы «АЛЖИРа»²⁹).

Чаще всего в книги вносятся сведения о репрессированных в годы сталинизма, в особенности – Большого террора. Это можно объяснить, во-первых, преобладающим числом жертв репрессий в этот период, во-вторых, тем, что именно пострадавшие в это время были реабилитированы в первую очередь. Однако некоторые «Книги памяти» и архивные коллекции, включенные в БД «Жертвы политического террора в СССР», учитывают пострадавших от террора в 1920-е годы (например, «Распятые: Писатели [Ленинграда] — жертвы политических репрессий»³⁰), некоторые (например, база НИПЦ «Мемориал» в Москве) – арестованных уже после 1953 г.

Различаются «Книги памяти» и по категориям включенных в них жертв. В некоторых случаях в первую очередь издатели вносили в книги сведения о расстрелянных. «Книги памяти» Москвы («Бутовский полигон»), Санкт-Петербурга («Ленинградский мартиролог»), Тюменской области

²⁵ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 1–8. М., 1997–2004.

²⁶ Книга памяти [граждан польской национальности, расстрелянных в 1937 — 1938 годах по приговору тройки УНКВД Ленинградской области, а также Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР]. Т. 1. СПб, 1995.

²⁷ Репрессированные геологи: (Биогр. материалы). СПб., 1992.

²⁸ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956: Биограф. справ. М., 1997.

²⁹ Узницы «АЛЖИРа»: Список женщин — заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003.

³⁰ Распятые. Писатели – жертвы политических репрессий. Вып.1. СПб., 1993.

(«Книга расстрелянных»³¹) полностью состоят из имен приговоренных к высшей мере наказания. Это объясняется желанием в первую очередь увековечить имена тех, кто погиб в годы террора, а также спецификой архивных материалов и процесса реабилитации.

Большинство «Книг памяти» включает имена только тех лиц, которые были реабилитированы. Однако такой подход был близок не всем составителям. О необходимости расширения списка лиц, подлежащих реабилитации, говорили представители «Мемориала»³², координаторы проекта «Возвращенные имена»³³ и многие другие. Создатели некоторых «Книг памяти» уже на деле реализовывали этот подход. Так, например, составитель «Поминальных списков Карелии» Ю. Дмитриев полагал, что «расстрел явился превышением полномочий партийно-властных органов и в отношении чисто уголовных элементов»³⁴. Поэтому в мартиролог Карелии могли включить и нереабилитированных.

Биографические справки в «Книгах памяти» могут быть разного объема. В некоторых регионах данные о репрессированных минимальны (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место проживания). Некоторые, в том числе изданные в 2000-х «Книги памяти» не содержат даже даты ареста или осуждения (например, «Книга памяти» Московской области, в которой 30 000 имен³⁵). Это приводит к тому, что профессиональный исследователь не имеет возможности использовать подобные книги, ведь нельзя определить даже то, жертвой какой из репрессивных волн стал тот или иной человек.

Другие «Книги памяти» содержат гораздо более подробную информацию. Приведем два примера. Карточка из «Книги памяти» Московской области:

- Иванов Александр Захарович

³¹ Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Тюмень, 1999. Т. 1, 2.

³² Предисловие [Электронный ресурс]: жертвы политического террора в СССР.

³³ Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий...

³⁴ Там же.

³⁵ Помнить поименно. Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М., 2002.

- Родился в 1890 г., Смоленская обл., Вяземский р-н, д. Быково
- Учитель, Гридневская школа
- Проживал: Московская обл., Уваровский р-н, д. Гриднево
- Номер дела: дело 40824.

Карточка из книги памяти «Бутовский Полигон. 1937-1938 гг.»:

- Клотынь Эдуард Карлович;
- Родился в 1897 г., Латвия, Лифляндская губ., Валкский уезд, усадьбы Дерсол;
- Латыш;
- Образование низшее;
- член ВКП(б) с 1920;
- типография «Красный печатник» при обществе «Прометей»: инструктор наборных машин;
- Проживал: Москва, ул. Шереметьевская, 3-й проезд, д. 28, кв. 6.
- Арестован 10 февраля 1938 г.
- Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 23 марта 1938 г.;
- Обвинение: в том, что являлся членом контрреволюционной шпионско-националистической латышской организации.
- Расстрелян 7 апреля 1938 г.;
- Место захоронения - место захоронения - Московская обл., Бутово.
- Реабилитирован 11 июля 1956 г.
- Место хранения дела - ГА РФ.

Однако одной из ключевых проблем в использовании «Книг памяти» в исторических исследованиях, на наш взгляд, является отсутствие во многих из изданий информации о том, по каким источникам составлялись эти книги, а также других справочных сведений. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что в абсолютном большинстве случаев это архивные источники

– только первые «Книги памяти» составлялись на основе устных рассказов родственников жертв репрессий.

Серьезной проблемой для составителей «Книг памяти» является закрытость архивов. По данным В. Кириллова, «как правило, исследователи получают сведения о персоналиях репрессированных из рук архивных работников ФСБ и МВД, прокуратуры»³⁶. Вероятно, сотрудники госорганов, в свою очередь, получают эту информацию из внутренних архивных баз данных, архивно-следственных дел, либо документов, аккумулирующих краткие биографии репрессированных (например, протоколы заседаний «троек»). По наблюдениям Кириллова, реже составители «Книг памяти» берут информацию из фондов прекращенных архивно-следственных дел, переданных в ФСБ на хранение в государственные архивы. Наконец, «совсем редко» «Книги памяти» составляются по предписаниям и актам на расстрелы внесудебных и судебных органов³⁷.

Таким образом, в условиях содержательного разнообразия «Книг памяти», прежде чем их использовать в исследовании, всегда требуется изучить их происхождение, получить сведения о составителях, если это возможно, источниках информации и т.д.

«Книги памяти» шести регионов РСФСР, использованные в работе. Учитывая все вышесказанное, кратко охарактеризуем содержание «Книг памяти», которые были использованы в данной работе. В диссертационном исследовании анализировались «Книги памяти» восьми субъектов Российской Федерации: Алтайского края и Республики Алтай (эти два региона с сентября 1937 г. входили в единый Алтайский край), Республики Башкортостан, Москвы и Московской области («Бутовский полигон»), Республики Карелия, Нижегородской области, а также Республики Северная Осетия-Алания.

³⁶ Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий...

³⁷ Там же.

Чтобы оценить и сопоставить информационный потенциал каждой из этих книг, была составлена таблица наполненности полей в этих изданиях - см. Приложение № 1. Подсчет проводился по электронным версиям «Книг памяти» и только по справкам периода Большого террора (июль 1937 – ноябрь 1938 гг.).

«Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» - фундаментальное многотомное издание, содержащее не только биографии репрессированных, но и сопроводительную информацию, аналитические статьи и т.д. Репрессированные сгруппированы в алфавитном порядке по годам.

Первый том, покрывающий период 1919-1930 гг., был опубликован в 1998 г. К периоду Большого террора относятся том III, часть 1 и 2 (1937 г.), опубликованные в 2000 и 2001 гг., том IV (1938-июнь 1941), 2004 г., и дополнительный том VII (1920-1965), 2005 г.³⁸. Всего во всех томах этой книги памяти более 45 тыс. репрессированных.

Подготовку книг с 1996 года ведет управление по делам архивов краевой администрации³⁹, финансирование, по данным на 2003 г., также осуществляла администрация Алтайского края⁴⁰. Сотрудники управления вносили в базу данных сведения непосредственно из архивно-следственных дел, которые были переданы в государственный архив из краевого УФСБ.

В полях «Книги памяти» есть информация⁴¹ о ФИО репрессированных (в 7% случаев даны еще различные варианты написания ФИО), годе рождения, месте рождения (правда, преимущественно указана только губерния), национальности, месте работы, месте жительства, дате ареста, осудившем органе, дате вынесения приговора, статьях обвинения, приговоре. В большинстве случаев есть сведения о дате расстрела репрессированных (51% от общего числа справок) и месте расстрела (41%). Дату реабилитации

³⁸ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Том III, часть I. Барнаул, 2000. Том III, часть II. Барнаул, 2001. Том IV. Барнаул, 2004. Том VII, часть 1. Барнаул, 2005.

³⁹ Состояние работы над книгами памяти. С. 22.

⁴⁰ Международный проект создания единого электронного банка данных. С. 126.

⁴¹ Более подробно см. Приложение 1.

и реабилитировавший орган составители «Книг памяти» указали в 94% случаев, а причину реабилитации – в 74%. Из существенных упущений – в «Книгах памяти» почти нет информации об уровне образования репрессированных и их партийности.

«Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай» состоит из трех томов (I - 1996 г., II - 1998 г., III - 2003 г.)⁴². Имена в них расположены по районам в алфавитном порядке, справки изданы на русском и алтайском языках. В трех томах более 7 тыс. персоналий.

Создавалась книга на основе постановления президиума Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай, финансировалась республиканской администрацией. Для формирования «Книг памяти» был создан правительственный комитет по информационно-национальной политике и связям с общественностью, а в нем - специальная рабочая группа во главе с П. Чепкиным⁴³.

В отличие от Алтайского края, в книгах Республики Алтай есть сведения об уровне образования репрессированных (в 97% случаев)⁴⁴. Также в книгах содержатся сведения о ФИО персоналий (и в 2% случаев даются альтернативные варианты написания фамилий), годе рождения, месте рождения, национальности, месте работы, месте жительства репрессированных, дате ареста и приговоре. В случаях приговора к высшей мере наказания (ВМН) есть сведения о дате смерти (в целом в 42% справок).

«Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» построена по алфавитному принципу и включает биографии репрессированных с 1920 по 1950 гг. Том I - фамилии от А до В (1997), том II - от Г до И (1999), том III - от К до М (2001), том IV от Н до С (2003), том V

⁴² Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том I. Горно-Алтайск, 1996. Составители: Чепкин П.И., Вразовская О.Н., Бурак Т.А. Том II. Горно-Алтайск, 1998. Том III. Горно-Алтайск, 2003.

⁴³ Состояние работы над книгами памяти. С. 32.

⁴⁴ Более подробно см. Приложение I.

от Т до Я (2005) (создаются также дополнительные тома, включающие вновь реабилитированных)⁴⁵.

В Республике Башкортостан книги памяти составлялись в рамках государственной программы издания «Книг памяти» и возведения памятных знаков. При этом собирались данные только на осужденных по статье 58 УК РСФСР⁴⁶.

Сравнивая информационный потенциал «Книг памяти» республики Башкортостан с другими регионами, стоит отметить, что в ее биографических справках заполнены⁴⁷ два важных поля – партийность и уровень образования. Также в справках есть «стандартная» информация о ФИО репрессированных, годе рождения, месте рождения, национальности, месте работы, дате ареста и дате реабилитации. В 90% случаев мы можем узнать из книг, по какой статье был репрессирован человек, в 85% узнать его приговор, в 34% приводится дата смерти репрессированных.

«Бутовский полигон» - в состав книг вошли те репрессированные в Москве и Московской области, которые, согласно сохранившимся спискам, были расстреляны на одноименном секретном полигоне НКВД в подмосковном Бутово⁴⁸. Восемь выпусков «Бутовского полигона» были опубликованы в 1997-2004 гг. В них собрана информация о более чем 20700 репрессированных. Есть сведения о нереабилитированных лицах, расстрелянных на полигоне, однако таких персоналий немного.

Большинство томов предваряют статьи, посвященные тем или иным группам репрессированных или истории самого Бутовского полигона, написанные в том числе профессиональными историками. В книгах есть копии документов, фотографий и базовая статистическая информация.

⁴⁵ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан: [В 5-ти т.]. Уфа: 1997 -.2005.

⁴⁶ Состояние работы над книгами памяти. С. 30.

⁴⁷ Более подробно см. Приложение 1.

⁴⁸ Подробно о составлении книг см., например: McLoughlin B. Documenting the Death Toll: Research into the Mass Murder of Foreigners in Moscow, 1937-38 // Perspectives (American Historical Association Newsletter). Vol. 37. № 5. 1999.

В целом книги памяти «Бутовский полигон» – одни из самых богатых по содержанию⁴⁹, по крайней мере относительно других книг, использованных в данном исследовании. В них есть данные о ФИО репрессированных (в 2% дается альтернативное написание), дате рождения, месте рождения, национальности, месте работы, уровне образования, партийности, месте жительства, дате ареста, осудившем органе, дате вынесения приговора, дате расстрела и годе реабилитации. Кроме того, в книгах есть сведения о том, в каком архиве хранятся сведения о репрессированном.

«Поминальные списки Карелии». Второй том издания, опубликованный в 2002 г., полностью посвящен периоду Большого террора и содержит информацию примерно о 14 тыс. персоналий⁵⁰. Том предваряет большая статья И. Чухина с подробным описанием репрессий в регионе.

Карельские «Книги памяти» имеют некоторую специфику. Основными документами, из которых авторы черпали информацию, стали протоколы заседаний троек НКВД КССР, Комиссии Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР, особых троек НКВД КАССР⁵¹. Эти документы, по состоянию на начало 2000-х, находились в местном архиве ФСБ. По словам руководителя проекта Ю. Дмитриева, авторы сознательно работали именно с этим типом документов, а не со следственными делами. В протоколах указан полный перечень осужденных с их биографическими данными, в то время как часть АСД неизбежно оказывается недоступной для исследователей: «теряется, либо хранится в разных фондах одного архива, либо отослана в другие архивы»⁵².

Кроме того, только примерно в 80% случаев в книгах есть сведения о реабилитации. Частично это объясняется тем, что эти данные просто не удалось найти – справки о реабилитации приходилось искать отдельно в трех

⁴⁹ Более подробно см. Приложение 1.

⁵⁰ Этот том считается вторым, вероятно, потому, что тем же коллективом авторов ранее было подготовлено издание по месту массовых расстрелов в Карелии: Место расстрела Сандармох. Петрозаводск, 1999.

⁵¹ Поминальные списки Карелии. С. 62.

⁵² Международный проект создания... С. 30.

источниках – ИЦ МВД, архивных делах в УФСБ по РК, прокуратуре Карелии. При этом часть дел была переслана на хранение в другие области и сведений о реабилитации найти не удалось⁵³. Кроме того, по мнению составителей этих книг, далеко не все истинные жертвы репрессий попадают под текущие законы о реабилитации⁵⁴. Соответственно, авторы карельских «Книг памяти» были готовы включать в них лиц, которые заведомо не подлежат реабилитации⁵⁵.

В карельских «Книгах памяти» содержится⁵⁶ следующая информация о репрессированных: ФИО, дата рождения, место рождения, национальность, место работы и должность, партийность, место жительства, дата ареста, осудивший орган, дата вынесения приговора, статья обвинения, приговор. В тех случаях, когда человека осуждали к ВМН, есть дата его смерти (в 83% всех справок это поле заполнено), место расстрела (84%). Как уже было сказано, в книгу памяти включили не только реабилитированных, и не всегда в силу специфики первоисточника был установлен факт реабилитации, поэтому дата реабилитации и реабилитировавший орган указаны только примерно в 80% случаев.

«Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области» состоит из девяти томов, изданных с 1997 по 2006 гг.⁵⁷. Включает имена репрессированных с 1918 по начало 1950-х гг. Всего собрано около 40 тысяч справок⁵⁸. Причем составители «Книг памяти» включали в них максимальное количество лиц – например, тех, кто находился под следствием в течение одного месяца, но не был осужден⁵⁹. Основанием для

⁵³ Поминальные списки Карелии. С. 62.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Чтобы лучше понять гражданскую позицию авторов «Книг памяти», см. статью А. Эткінда, в которой рассказывается об их непростой судьбе и поисках мест захоронений репрессированных: Etkind A. Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror // *Constellations*. 2009. Vol. 16. № 1. P. 182-184.

⁵⁶ Более подробно см. Приложение 1.

⁵⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области [В 9 т.]. Нижний Новгород, 1997-2006.

⁵⁸ Фаворская И.М. Деятельность по восстановлению прав и увековечению памяти нижегородцев – жертв репрессий // Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс]: МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Нижний Новгород, 2012. URL: <http://www.gorbibl.nnov.ru/files/bibliographies/politreprsessii.doc> (дата обращения: 01.09.2015). С. 12.

⁵⁹ Книги памяти жертв политических репрессий в СССР: Аннотированный указатель. С. 75.

включения в «Книги памяти» было осуждение или пребывание под следствием по 58 статье⁶⁰.

Издавались «Книги памяти» при поддержке Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, ее секретаря, а также председателя Нижегородского общества прав человека С. Шимоволос и «Мемориала»⁶¹.

В нижегородских «Книгах памяти» некоторые поля справок на репрессированных содержат значительное число пропусков⁶². Так, национальность репрессированных указана в 88% случаев, место рождения – в 66%, дата вынесения приговора – в 67%, осудивший орган или другие обстоятельства суда над человеком приведены в 83% случаев. Более тщательно в «Книгах памяти» заполнены следующие поля: ФИО, дата рождения, место жительства, дата ареста, статья обвинения, приговор, номер дела репрессированных. В 35% случаев в «Книгах памяти» приведена дата смерти репрессированных.

«Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания»⁶³. Три тома книги изданы во Владикавказе в 1999-2007 гг. В книгу вошли репрессированные в регионе в 1920 – нач. 1950-х гг., всего – более 11 тыс. имен. Имена расположены по алфавиту. В книгу включены в том числе и раскулаченные.

Книга издавалась по инициативе республиканской общественной благотворительной ассоциации пенсионеров и инвалидов – жертв незаконных политических репрессий «Номараен» при поддержке Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при правительстве РСО-Алания. В составлении книги участвовали представители УФСБ и МВД республики.

⁶⁰ Фаворская И.М. Указ. соч. С. 12.

⁶¹ Состояние работы над книгами памяти жертв политических репрессий в России. С. 22.

⁶² Более подробно см. Приложение 1.

⁶³ Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т. 1. Владикавказ, 1999. Т. 2. Владикавказ, 2006. Т. 3. Владикавказ, 2007.

В «Книгах памяти» Республики Северная Осетия-Алания нет информации об очень важном моменте биографий репрессированных – дате ареста (она приведена всего в 2% случаев). Поэтому в данном исследовании использовались справки на осужденных в период Большого террора. В справках этих «Книг памяти» приведена следующая информация о репрессированных⁶⁴: ФИО, дата рождения, место рождения, национальность, место работы (в 94% случаев), дата вынесения приговора, осудивший орган и приговор. В 32% случаев указано место жительства репрессированных.

1.1.1.3 Следственные дела репрессированных и другие архивные источники

Для реконструкции социального портрета жертв политических репрессий необходимы массовые источники, в которых хранятся их биографические данные. Это могут быть различные документы, в первую очередь – следственные дела арестованных. Краткая биографическая информация о репрессированных также есть в протоколах заседаний внесудебных и судебных органов (например, «троек»), и в некоторых других документах. Однако основным и самым полным источником для исследователей, как правило, становятся все-таки следственные дела. Поэтому в данном параграфе речь пойдет прежде всего о них.

Следственные дела арестованных по политическим мотивам могут храниться как в ведомственных архивах ФСБ, МВД и прокуратуры, так и в фондах прекращенных дел, переданных в государственные архивы из ведомственных. Несмотря на ценность следственных дел для историков, доступ к ним для исследователей затруднен. Закон об архивном деле, нацеленный на защиту «тайны личной жизни», существенно осложняет работу исследователей, вынужденных получать согласие родственников пострадавших от репрессий на работу с их следственными делами.

⁶⁴ Более подробно см. Приложение 1.

Процесс формирования в архивах фондов прекращенных архивно-следственных дел пострадавших от политических репрессий тесно связан с процессом реабилитации. Массовая реабилитация жертв политических репрессий началась еще в 1950-е годы, после смерти Сталина и XX съезда КПСС. В 1954 г. было решено пересмотреть все уголовные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, отбывающих наказание в лагерях, колониях и тюрьмах, а также находящихся в ссылке на поселении. С тех пор до начала 1960-х гг. было реабилитировано около 800000 человек⁶⁵. В 1960-х гг. процесс реабилитации снова затормозился. Так продолжалось до конца 1980-х гг., когда руководство страны вновь вернулось к этой теме. В 1987 г. была создана комиссия Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30-40-х - начала 50-х гг. В 1989 г. было создано Всесоюзное историко-просветительское общество «Мемориал», которое своей главной целью поставило увековечение памяти жертв политических репрессий. Общество работало в более чем 180 городах СССР.

Принципиально ситуация с реабилитацией изменилась в 1991 г. с появлением закона «О реабилитации жертв политических репрессий», целью которого объявлялась «реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального ущерба». В это время создавались специальные Комиссии по восстановлению прав реабилитированных, а также Комиссия при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий.

Необходимо отметить, что процесс реабилитации, в разных субъектах страны проходивший немного по-своему, мог повлиять и на формирование «Книг памяти». Сначала реабилитировались лица, подлежащие этой процедуре по формальным признакам, то есть осужденные по ст. 58-10

⁶⁵ Кириллов В.М. Увековечение памяти...

(«контрреволюционная пропаганда и агитация»). Во вторую очередь реабилитировали остальных пострадавших по политическим статьям, а также тех, кто был обвинен по 58 статье в сочетании с другими статьями УК. Эта процедура была в основном завершена к 2002-2005 гг., когда в подавляющем числе регионов «Книги памяти» уже были изданы⁶⁶. К тому же, сведения о реабилитации не публикуются, не вносятся в единую базу данных, а просто подшиваются к делу, что затрудняет работу исследователей.

Рассмотрев проблемы доступа и работы с архивно-следственными делами, обратимся к оценке их информационного потенциала. В целом архивно-следственные дела содержат следующие группы документов (согласно классификации С. Журавлева⁶⁷): 1) документы о задержании и аресте; 2) документы о ходе следствия; 3) итоговые материалы следствия; 4) материалы, приобщенные к следствию; 5) материалы по реабилитации.

Все эти категории документов содержат ту или иную биографическую информацию, однако основные биографические сведения о репрессированных можно найти во второй группе — документов о ходе следствия (анкета арестованного, протоколы допросов и очных ставок, признательные показания в форме собственноручно написанного заявления, постановление об окончании следствия, обвинительное заключение). В частности, в краткой и удобной форме биографические данные перечисляются в анкете арестованного и в анкете, предваряющей первый протокол допроса. Остановимся подробнее на этих двух источниках.

В стандартных анкетах, которые следователи НКВД использовали в Москве и Московской области в период Большого террора (примеры анкет арестованных см. **Приложении V**), были следующие вопросы:

1. Фамилия;

⁶⁶ См. Приложение к диску «Жертвы политического террора в СССР».

⁶⁷ См.: Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 170–197.

2. Имя и отчество;
3. Год и место рождения (с указанием области, края, района, города, села);
4. Постоянное место жительства (адрес);
5. Место службы и должность или род занятий;
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, номер билета;
7. Имущественное положение в момент ареста (должны быть перечислены подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые сельскохозяйственные орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и пр., сумма налога сельскохозяйственного и индивидуального. Колхознику следовало указать имущественное положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз);
8. То же до 1929 г.;
9. То же до 1917 г.;
10. Социальное положение в момент ареста;
11. Служба в царской армии и чин;
12. Служба в белой армии и чин;
13. Служба в Красной армии (срок службы, воинская категория);
14. Социальное происхождение;
15. Политическое прошлое;
16. Национальность и гражданство;
17. Партийная принадлежность, с какого времени и номер билета;
18. Образование (подчеркнуть и указать точно, что закончил: варианты выбора — высшее, среднее, низшее, неграмотный);
19. Категория воинского учета;

20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение;

21. Состояние здоровья;

22. Состав семьи (перечислить родителей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, с указанием фамилии, имени и отчества, места службы и должности или рода занятий, адреса).

Первостепенный интерес для исследователя, занимающегося реконструкцией социального портрета репрессированного, представляют пункты о годе и месте рождения, месте работы, социальном положении на момент ареста, партийности, национальности и гражданстве, образовании, месте жительства. Кроме того, для поиска причин ареста можно проанализировать анкетные сведения об имуществе репрессированных, о политическом прошлом и службе в белой армии, предыдущих арестах. Вспомогательную роль для реконструкции социального портрета репрессированных играют сведения о составе семей репрессированных, о состоянии здоровья арестованных, членстве в профсоюзах и т.д.

Однако стоит отметить, что далеко не все поля анкет заполнялись с требуемой тщательностью. Так, арестованных в Москве и области редко расспрашивали об их имуществе, далеко не всегда заполнялось, какое учебное заведение окончил арестованный, с какого года состоял в партии, небрежно заполнялись, например, поля о семье репрессированного, о состоянии его здоровья.

Сведения о «пятнах» в биографии (например, о службе в белой армии) могли в дальнейшем вообще не влиять в ходе следствия, что говорит об их вторичности для следствия. Вряд ли на основании этих данных можно однозначно утверждать, что они стали главной причиной ареста. Например, в анкете С. А. Коршунова подчеркивалось, что его отец был кулаком с «тремя наемными рабочими», а в справке на арест было указано, что он был «личным секретарем Троцкого». Однако следователи, судя по материалам дела, решили не разрабатывать эти «линии», а построить обвинения на его

«шпионской» и «вредительской» деятельности, которая якобы началась с вербовки в 1937 г. в националистическую организацию⁶⁸. Латыша Я. Я. Балтауса, который имел два «пятна» в биографии («находился на территории Колчака с 1918 по 1919 гг.», «заходил в 1922 году в латвийское посольство») обвиняли в участии в контрреволюционной националистической организации⁶⁹. В ходе продолжительных допросов следователей, судя по всему, интересовала его текущая деятельность в латышском государственном театре «Скатувэ», а не социальное прошлое. Арест Балтауса, как кажется по его архивно-следственному делу, был скорее связан с раскручиванием дела об этом театре. В ходе этого группового дела по «латышской» операции была арестована большая часть труппы, включая худрука⁷⁰.

Возникает также вопрос о том, можно ли в целом считать материалы анкет достоверными, то есть об общем доверии или недоверии к этому источнику. На этих документах было указано, что: 1) «анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными»; 2) «анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу». По косвенным данным можно судить, что сотрудники НКВД относились к заполнению анкет «как к пустой формальности», и их заполнял вспомогательный персонал⁷¹ или даже сами арестованные от руки⁷². Это, безусловно, повышает степень доверия исследователей к информации анкет. Арестованные должны были опасаться давать ложную информацию, не желая иметь неприятные последствия и не зная наперед линии НКВД, а следователи на этапе сбора самых базовых

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-40747. Дело Коршунова С. А. Л. 5, 17.

⁶⁹ Там же. Д. П-26323. Дело Балтауса Я. Я. Л. 20-21.

⁷⁰ Там же. Л. 35.

⁷¹ См. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 359. В разгар массовых операций НКВД вообще привлекало к своей работе тех, кто имел к ней косвенное отношение. Например, пожарные службы, которые подчинялись наркомату. Об этом см.: Головова Л. А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации Новомучеников и Исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26). С. 209.

⁷² Об этом см., в частности: Журавлев С. В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010. С. 144. Определить, что анкету заполнял сам арестованный, особенно легко в том случае, если он иностранец и плохо знал русский.

биографических данных вряд ли имели время и желание их фальсифицировать.

Существуют, однако, свидетельства, что следователи НКВД в ряде случаев заполняли графы «национальность», «гражданство» и «предыдущие судимости» уже после получения подписи арестованного на анкете⁷³. Проверить, насколько массовым было это явление, фактически не представляется возможным.

Анкета, предварявшая первый протокол допроса, содержала примерно такой же набор вопросов, как в анкете арестованного, но в другом порядке (пример анкеты см. в приложении V). Основным отличием является наличие граф «паспорт», «социальное положение до революции», «какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.)», «участие в бандах, к.-р., организациях и восстаниях», «сведения об общественно-политической деятельности». Анкеты перед первым протоколом допроса в делах УНКВД по Московской области производят впечатление более подробных и проверенных. Часто бывало, что названия мест (особенно зарубежных), искаженные в анкетах, в протоколе допроса написаны правильно. Например, в анкете арестованного М. И. Кондрашина местом его рождения называлось село «Гнелец», тогда как, вероятно, правильное написание — «Гнилец» — было отражено в протоколе допроса⁷⁴. Чаше более подробно, чем в анкете, раскрывалось, какие учебные заведения окончил арестованный. Например, в анкете арестованного было указано, что Д. С. Кохас «окончил начальное училище», а из протокола допроса становится понятно, что ему удалось также пройти «два года вечернего рабфака»⁷⁵.

Следует также учесть несколько общих соображений о биографических данных из архивно-следственных дел. Если следователям нужно было фальсифицировать «анкетные» сведения (хотя, как указано выше, это не было обязательно), то, прежде всего, это были данные о социальном

⁷³ Ватлин А.Ю. Следственные дела 1937-1938 гг. // Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2004. С. 193.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-73733. Дело Кондрашина М. И. Л. 13, 15.

⁷⁵ Там же. Оп. 2. Д. 20745. Дело Кохаса Д. С. Л. 3, 16.

происхождении арестованных (во многих делах арестованные из «сыновей крестьян-середняков» превращаются в «кулаков»), об их имуществе до 1929 г., об их раскулачивании и службе в царской армии. При желании этими сведениями можно было «подкрепить» обвинительное заключение.

Кроме того, следователи могли быть заинтересованы в фальсификации национальности осужденных⁷⁶. Еврей, например, со звучащей на немецкий лад фамилией мог быть очень «удобен» для НКВД: его можно было выдать за немца и провести по «немецкой» национальной операции. Однако материалы следственных дел показывают, что жертвами «национальных» операций часто становились и русские, и украинцы и пр., которых в иностранном происхождении заподозрить было невозможно. На практике арестованных самых различных национальностей всегда можно было обвинить в связях со «шпионами», представлявшими соответствующую страну. Например, следователи Кунцевского районного отделения НКВД без каких-либо колебаний провели по «немецкой» операции шестерых членов семьи Пресновых, русских по национальности, проживавших в с. Крылатское. Поводом к их аресту и обвинению в шпионаже послужило то, что у них снимал дачу сотрудник немецкого посольства Шулле⁷⁷. Соответственно, подделка национальности репрессированных не была необходимостью при проведении «национальных» операций.

Стоит отметить еще одну проблему, которая затрудняет исследователям работу с анкетными данными: сами заполнявшие, похоже, не всегда понимали, о чем именно их спрашивали. Например, много вопросов вызывают зафиксированные в анкетах сведения о социальном положении и происхождении. Арестованные характеризовали свое социальное положение очень по-разному — как «деклассированный элемент»⁷⁸, «пенсионер-

⁷⁶ См., например, о фальсификациях национальностей репрессированных в Свердловской области: Киммерлинг А. Репрессии против служащих Прикамья // Включен в операцию. С. 202.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-60951. Дело Преснова В. П. Подробнее о деле семьи Пресновых см.: Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 169-172.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-73733. Дело Кондрашина М. И.

служащий»⁷⁹, а происхождение — «из кулаков-подрядчиков»⁸⁰, «из кулаков, отец торговец»⁸¹. Аналогичная путаница наблюдается и в других регионах. «Ответы арестованных свидетельствуют о том, что в народе не было четкого представления об определении социального положения», — отмечает И. Г. Серегина⁸².

Кроме того, в анкетах по правилам нужно было отмечать место работы на момент ареста. Так люди, лишившиеся поста незадолго до ареста, могли оказаться лицами «без определенных занятий», как, например, преподаватель Института востоковедения В. М. Крайнов, уволенный, по всей видимости, перед арестом⁸³.

Сопоставление информации из различных документов в деле позволяет лучше понять, какие моменты биографии репрессированных могли быть сфальсифицированы, а какие нет. Этот же метод признается обязательным при работе с протоколами допросов арестованных, в которых также содержатся некоторые биографические данные или подробности. Например, если у задержанного было то или иное «пятно» в биографии (участие в восстаниях, проживание за границей), его почти во всех случаях об этом подробно допрашивали. Как правило, это происходило уже на первом допросе, когда следователи также интересовались кругом общения обвиняемых и тем, был ли кто-то из их знакомых или родственников арестован НКВД. Можно согласиться с точкой зрения С. Журавлева, который утверждает, что подследственные довольно правдиво отвечали на такого рода вопросы, «опасаясь быть уличенными в неискренности и первоначально не зная версии следствия»⁸⁴.

Теоретически обвиняемый мог попытаться оправдать себя и, если тот или иной момент в его биографии был фальсифицирован, рассказать свою

⁷⁹ Там же. Оп. 2. Д. 19454. Дело Васюренко Ф. В.

⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. П-36037. Дело Кобзева С. Ф.

⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. П-54813. Дело Королева А. А.

⁸² Серегина И. Г. Крестьянство Калининской области в Большом терроре: следственные дела бывших кулаков как исторический источник // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. М., 2009. С. 162.

⁸³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28931. Дело Крайнова В. М.

⁸⁴ Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 187.

правдивую версию в ходе допроса. Однако на практике вычлениить достоверные данные из протоколов допроса нелегко: в период Большого террора эти документы редко насчитывали больше 4-6 страниц, причем с обвиняемыми проводилось всего 2-3 допроса⁸⁵. Очевидно, что в протоколы входило не все, о чем говорилось. Кроме того, на пике проведения массовых операций довольно часто сотрудники НКВД могли просто не фиксировать показания обвиняемого до тех пор, пока он не признает свою вину. Этим объясняются многочисленные «паузы» между арестом и первым допросом, который был задокументирован в деле. Например, известный ученый-генетик и директор московского Медико-генетического института С. Левит был арестован 11 января 1938 г., а первый и единственный его протокол допроса в деле датирован 27 марта 1938 г. Начинается допрос следующим образом: «На протяжении трех месяцев вы всеми путями пытались скрыть от следствия свою контрреволюционную деятельность и всячески уклонялись от дачи правдивых показаний... Предупреждаем вас, что вы будите (*так в тексте – Л.Л.*) полностью изобличены целым рядом свидетельских показаний»⁸⁶. После такого вступительного слова следователя в протоколе зафиксированы полностью признательные показания Левита. Вопрос о том, почему «неправдивые показания» не фиксировались ранее в протоколах допроса, остается открытым.

Более того, разумеется, существуют свидетельства полной фальсификации протоколов допроса. В некоторых случаях речь шла о пытках арестованных, в результате которых они давали ложные показания⁸⁷. В показаниях следователей Московской области присутствует точка зрения, что пытки наиболее широко практиковались преимущественно в 1938 г. по прямым указаниям начальства⁸⁸, однако достоверность этих сведений трудно

⁸⁵ Там же. С. 168.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25090. Л. 9.

⁸⁷ Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 41-42.

Например, Феодосья Шлихт, в 1937-1938 гг. занимавшая должность оперуполномоченной в УНКВД Московской области, показывала при передопросе в 1955 г. следующее: «Категорически утверждаю, что в период сентября-октября 1937 г. к арестованным мер физического воздействия не применялось. Когда я

проверить. Свидетельства того, что к арестованным применялись пытки, достаточно часто встречаются в документах о реабилитации подследственных (1950-х – 1960-х гг., а иногда и 1939 г.). Упоминаются и различные «меры физического воздействия» – побои, иногда с применением различных предметов, «стойки»⁸⁹ и «конвейерный способ допроса»⁹⁰ (когда арестованным не давали садиться в ходе продолжительных допросов, пока они без сил не падали с ног).

Чаще можно встретить в документах реабилитации объяснение, что показания давались не под прямыми мерами физического воздействия, а «под давлением» следствия. Людей уговаривали сознаться, шантажируя более мягкими условиями в камерах, скорым судом или тем, что их родных не тронут. Например, в 1956 г. сокамерник начальника финансового отдела железной дороги им. Дзержинского Михаила Суворова Георгий Грейсер показал: «Суворов сказал мне, что подписал неправду, то, чего не было в действительности... Причиной подписания ложных показаний было тяжелое условие следствия, а также то, что он имел плохое здоровье и что он любил свою семью, в отношении которой ему говорил следователь, что если он подпишет показания, какие показания Суворов не говорил, то его семью не тронут и разрешат передачи и свидания. В действительности, после того, как он подписал протокол допроса, ему стали носить передачи с продуктами питания и в камере он жил лучше, чем другие арестованные»⁹¹. Аналогичные методы практиковались и в Кунцево⁹². В архивных свидетельствах и литературе много упоминаний о случаях, когда подсудимые или свидетели подписывали чистые бланки протоколов⁹³, их подписи подделывали⁹⁴ и т.д. «Следователь заставлял подписывать пустые не заполненные бланки под

возвратилась из отпуска в феврале 1938 г., то мера физического воздействия широко практиковались при допросах арестованных». См. дело М. Ивлева, ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32320.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38850. Л. 53.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-28805. Л. 124. Дело Суворова М. А.

⁹¹ Там же. Л. 122.

⁹² Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. С. 48.

⁹³ Там же. С. 49.

⁹⁴ См. результаты графологической экспертизы о подделке подписи в деле М.М. Калягина: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51251. Л. 214.

нажимом и угрозами», – рассказывал один из обвиняемых по делу «контрреволюционной террористически-повстанческой организации кулаков-церковников»⁹⁵. А председатель Ново-Ивановского сельсовета С. Жирнов признавался, что буквально сочинял показания: «Он [следователь – Л.Л.] в это время поручил мне писать протоколы допроса, дал мне список чуждых людей, список свидетелей, указал даты, вернее составил конспект и по этому конспекту я сочинял показания свидетелей»⁹⁶. Некоторые осужденные утверждали, что им для подготовки «собственноручных показаний» выдавали отпечатанную типографским способом брошюру⁹⁷. В любом случае очевидно, что к содержанию протоколов допросов нужно относиться крайне критично.

Интересно было бы установить, почему тот или иной человек был арестован в ходе Большого террора – статистическая обработка такого рода информации позволила бы лучше понять процесс репрессий. Как показывает работа со следственными делами, иногда «причина» ареста явно крылась в биографических данных того или иного репрессированного – его национальности, месте рождения, социальном происхождении, судимости, наличия родственников за границей и т.д.⁹⁸ «Пятнами» в биографии могли быть раскулачивание самого арестованного или его родственников, участие в восстаниях против советской власти в ходе Гражданской войны, дворянское происхождение, длительное пребывание за границей, общение с представителями «инонациональностей» или иностранцами.

В ряде случаев задержание того или иного человека можно объяснить арестом его друзей или знакомых. Иногда причиной задержания была жалоба (или донос) соседей, сослуживцев или даже родственников. Например, довольно четко прослеживается причина ареста 71-летнего Н. Потапова – в

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-35299. Л. 294.

⁹⁶ ГА РФ Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32338. Л. 278. Ранее опубликовано в: Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. С. 159.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-28805. Л. 125. Дело М.А. Суворова, показания его сокамерника – Г. Грейсера.

⁹⁸ Ватлин А.Ю. Следственные дела 1937-1938 гг... С. 184.

деле есть фактически донос на него⁹⁹. Проживавшая вместе с пенсионером племянница утверждала, что у него собираются «антисоветски настроенные элементы». Даже следователям НКВД были очевидны причины, по которым эта женщина, ютившаяся с мужем и грудным ребенком в одной квартире с множеством других родственников, писала доносы. В октябре-ноябре 1937 г. сотрудники райотдела изучили ее жалобу, провели допросы свидетелей, но арестовывать Потапова не стали. Видимо, даже для осени 1937 г. оснований было недостаточно. Очередь Потапова пришла в 1938 г. – 10 февраля пенсионера задержали и через 18 дней расстреляли.

Тем не менее, приходится констатировать, что приведенный пример является редкостью и в абсолютном большинстве случаев определить даже формальную причину ареста каждого конкретного человека по его архивно-следственному делу не представляется возможным. Обработать такого рода информацию статистически и представить достоверные данные «причин арестов» с привлечением только следственных дел невозможно.

Охарактеризуем также коротко биографические сведения, которые содержатся в протоколах троек и других внесудебных органов. Как правило, в протоколы включались краткие выжимки из следственных дел (а возможно, и просто из обвинительных заключений) с информацией о ФИО репрессированного, годе его рождения, национальности, иногда – уровне образования, роде занятий, социальном происхождении, характере обвинения.

При этом исследователи сходятся во мнении, что данные о социальном происхождении (а в некоторых случаях и соцположении) в этих итоговых документах часто фальсифицировались с целью подогнать дело арестованного к одной из категорий, обозначенных в приказе № 00447 или других репрессивных приказах. Это происходило потому, что именно данные этих протоколов впоследствии включались в итоговую статистику о ходе операции. Украинский историк В. Никольский на основе архивных данных

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 22837.

приходит к выводу, что в Украинской ССР статистику УНКВД «корректировали» таким образом, чтобы в ней было больше «бывших людей», деклассированных, и меньше колхозников, рабочих, служащих, крестьян-единоличников¹⁰⁰. При этом изменять количество арестованных, входивших в некоторые социальные группы, могли на 70-80%. По всей видимости, Украинская ССР не была исключением. В Алтайском крае количество дел с ложными данными о социальном происхождении в обвинительном заключении и в протоколах тройки возрастало по мере увеличения размаха операции. По подсчетам исследователя В. Разгона, в августе 1937 г. доля фальсифицированных данных составляла 24%, в конце октября-ноябре 1937 г. – 30%, марте 1938 г. – 70%¹⁰¹. В Свердловской области в итоговых документах следствия рабочему могло быть приписано кулацкое происхождение, или, наоборот, бедняку – статус профессионального рабочего¹⁰², «подростки-колхозники становились матерыми кулаками-белогвардейцами, кадровые рабочие – эсерами, мирные служащие – повстанцами-террористами»¹⁰³.

Стоит отметить, что в большинстве случаев речь идет не о прямой фальсификации рода занятий обвиняемого, а о корректировке его происхождения и «пятен» в его биографии. При работе с архивно-следственными делами периода массовых операций видно, что в обвинительном заключении следователи пытались «подкорректировать» социальное происхождение и положение репрессированного, чтобы выставить его более «социально вредным» и подогнать под одну из категорий приказа № 00447. С учетом того, что формулировки обвинительных заключений почти дословно перекочевывали в протоколы троек, не стоит удивляться количеству фальсификаций в данном типе документов.

¹⁰⁰ Никольский В.М. Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в УССР, 1937-1938 годы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1, апрель-июнь 2010 г. С. 25-26.

¹⁰¹ Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г. С. 86.

¹⁰² Кабацков А.Н. Репрессии 1937-1938 гг. против рабочих Прикамья. С. 182.

¹⁰³ Там же.

Соответственно, «Книги памяти», составленные на основе данных протоколов троек, содержат несколько менее надежные сведения о социальном происхождении и частично – социальном положении репрессированных, чем архивно-следственные дела. В данной работе используется лишь одна «Книга памяти», про которую известно, что она составлялась не по архивно-следственным делам, а по протоколам судебных органов – «Поминальные списки Карелии». Тем не менее стоит отметить, что составители этой и других «Книг памяти» хорошо понимали факт массовых фальсификаций, и поэтому выбирали для включения в списки данные о месте работы репрессированных на момент ареста, а не более размытые категории вроде социального положения. Место работы все-таки было сложнее фальсифицировать, и к этому прибегали реже. Фальсификациям подвергались прежде всего «пятна» в биографии, которые составителей «Книг памяти» почти не интересовали. Все это в наших глазах делает «Книги памяти» достаточно достоверным источником.

1.1.2. Электронная база данных «Жертвы политического террора»: возможности анализа

Рассмотрев в общих чертах пути формирования базы данных и основные источники входящих в нее «Книг памяти», обратимся к непосредственному анализу содержания базы данных «Жертвы политического террора в СССР». В этом параграфе анализируется вопрос о том, можно ли использовать базу для реконструкции социального портрета репрессированных и насколько она представительна.

Поскольку «Книги памяти» в различных регионах формировались по-разному и в разное время, сначала будет проанализирована полнота базы в различных краях, областях и республиках бывшего СССР. Вторая часть раздела посвящена изучению содержания самих «Книг памяти», в ней на основе сопоставления с архивно-следственными делами проводится анализ наиболее распространенных ошибок.

1.1.2.1. Репрезентативность базы данных

Как уже отмечалось выше, большинство биографических справок базы данных «Жертвы политического террора в СССР» относятся к периоду Большого террора. Репрессированных в это время реабилитировали в первую очередь, их же биографии в большинстве регионов первыми начали вводить в базы данных (во многих случаях этим и ограничились).

По данным официальных документов, всего в 1937-1938 гг. органами НКВД по обвинениям в политических преступлениях было арестовано 1 575 259 человек, из них к расстрелу приговорено 681 692 человека¹⁰⁴. В базе содержатся данные на чуть менее чем 230 тыс. человек расстрелянных (следовательно, около 30% от общего числа) и еще 220 тыс. арестованных, но не расстрелянных (28%).

Далеко не все регионы издали свои «Книги памяти» и, соответственно, вообще представлены в базе данных. По информации «Мемориала» на 2007 г., в Приморье, Вологодской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Костромской, Пензенской, Камчатской областях, в Чувашии, Кабардино-Балкарии материалы «Книг памяти» были подготовлены, но не издавались из-за отсутствия финансирования. В ряде регионов, в том числе Бурятии и Челябинской области книги находились в процессе подготовки. В Брянской и Волгоградской областях, Дагестане, Карачаево-Черкесии к подготовке «Книг памяти» еще не приступали¹⁰⁵.

С учетом того, что некоторые регионы в БД не представлены вообще, некоторые заведомо неполно, было решено на уровне каждого региона сопоставить имеющиеся в базе данные с суммарным количеством репрессированных. Итоги анализа можно найти в Приложении 2. Опишем подробнее процесс составления таблицы и анализа репрезентативности базы данных двумя способами.

¹⁰⁴ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1909-1939 / Отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М., 2000. С. 318.

¹⁰⁵ См. Приложение к диску «Жертвы политического террора в СССР».

В первой графе таблицы в приложении № 2 регионы обозначены так, как они назывались в приказе № 00447, выпущенном летом 1937 г. С учетом того, что к концу 1938 года административное деление СССР изменилось в сторону увеличения числа регионов, в столбце появились строки, содержащие и название региона на июль 1937 г., и выделенную из него впоследствии область.

Справки с биографиями репрессированных, содержащиеся в БД, были распределены по регионам. Нужно иметь в виду, что «Книги памяти» в основном ориентированы на современное административно-территориальное деление, а итоговые цифры по репрессированным в каждой области взяты из отчетов времен Большого террора. Поэтому сопоставление имеет некоторую долю условности. Если территории не менялись кардинально, данные современных региональных «Книг памяти» учитывались как сведения о репрессированных в тех или иных областях, краях или республиках в 1937-1938 гг. Если несколько современных регионов входили в состав территориальных единиц 1937-1938 гг., данные из их «Книг памяти» суммировались. Однако с небольшим количеством регионов так просто обойтись не удалось, и приходилось выбирать справки на репрессированных по местоположению осудившего органа (в названиях «троек», как правило, указывалось, в какой области они действовали) или по месту их жительства. Например, Псковская область в 1937-1938 гг. была поделена между Ленинградской и Калининской областями. Соответственно, для анализа пришлось точно так же делить справки из «Книг памяти» Псковской области по месту жительства репрессированных. Часть данных при этом была утеряна. Особенно часто эти ситуации возникали, когда данные о месте жительства были прописаны без подробностей (например, не был указан район, а только деревня). Кроме того, далеко не все внесудебные органы, которые действовали в период Большого террора, имели региональное представительство – например, репрессированные по «национальным» операциям осуждались в центре по решению «двойки». Наконец, одну книгу

памяти – Владимирской области – не удалось включить в таблицу никаким способом, потому что ни наименований осудивших органов, ни унифицированных адресов в ней нет, а сама область в современных границах в конце 1930-х гг. не существовала.

Описанная выше схема деления справок из базы данных по регионам далека от идеала. Более точным было бы разделение справок по месту жительства репрессированных или осудившему органу. Но далеко не все «Книги памяти» содержат эту информацию в унифицированном виде, кроме того, многие справки при таком поиске теряются. Например, в довольно подробных московских «Книгах памяти» около 20 тыс. человек, а если провести поиск по месту жительства арестованных в Москве и Московской области, получится всего 17 тыс. человек. Для каждой «Книги памяти» нужно разрабатывать индивидуальный подход, а задача данного, начального этапа изучения базы, была просто наметить в общих чертах картину и выбрать наиболее перспективные регионы для дальнейшего изучения.

Из всех персоналий, имеющих в БД, в каждом регионе были отобраны только те, кто был арестован с 1 июля 1937 г. по 17 ноября 1938 г. В тех случаях, когда в «Книгах памяти» не было дат ареста, отбор производился по датам осуждения. Почему были выбраны именно эти даты, стоит объяснить отдельно. Как уже говорилось, традиционно начало массовых репрессий соотносят с началом «кулацкой операции» по приказу № 00447, «во всех республиках, краях и областях» – с 5 августа, в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР – с 10 августа, в Дальневосточном и Красноярских краях, Восточно-Сибирской области – с 15 августа. Однако поскольку есть свидетельства того, что массовые аресты по этой операции начались еще в июле, нижней границей поискового запроса стал арест с 1 июля 1937 г., чтобы включить арестованных ранее, но приговоренных по «кулацкой» или «национальным» операциям. Верхней границей выборки стало 17 ноября 1938 г. – как уже говорилось, дата

появления постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», завершившего массовые операции.

Полученные по «Книгам памяти» данные нужно было сравнить с количеством арестованных в данном регионе. Однако полной официальной статистики на этот счет нет. В итоге анализ репрезентативности проводился двумя способами. Первый – суммирование данных о результатах проведения различных «массовых операций» в каждом из регионов по опубликованным документам. Наиболее подробные сведения содержатся в статистической таблице НКВД «Количество арестованных за время с первого октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. по органам»¹⁰⁶. Однако в ней содержатся данные только по «кулацкой операции» (приказ № 00447), и только по июль 1938 г. Существуют также данные по числу арестованных в различных регионах по «польской операции» (приказ № 00485) и «немецкой операции» (приказ № 00439), которые завершились 15 ноября 1938 г.¹⁰⁷ К полученной сумме также было добавлено число жертв, попавших в каждом из регионов в «сталинские расстрельные списки»¹⁰⁸ – альбомы подлежащих осуждению лиц, подписи на которых ставил лично Сталин и другие члены Политбюро.

Согласно этой методике подсчетов получается, что в базе есть около 25 регионов, где имеются справки на более чем 70% репрессированных (подробнее см. приложение № 2). Это Башкирская АССР, Иркутская область, Читинская область, Горьковская область, Дагестанская АССР, Дальневосточный край, Алтайский край, Кабардино-Балкарская АССР, Казахская АССР, Карельская АССР, Киргизская ССР, Кировская область, Коми АССР, Красноярский край, Куйбышевская область, Ленинградская область, Марийская АССР, Мордовская АССР, Омская область, Орджоникидзевский край, Свердловская область, Татарская область,

¹⁰⁶ Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 2. С. 161-162.

¹⁰⁷ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-1938 гг; Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 64-66.

¹⁰⁸ Электронная версия списков представлена на интернет-ресурсе: Сталинские расстрельные списки. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (дата обращения: 13.05.2015)

Удмуртская АССР, Узбекская ССР, Челябинская область, Чувашская область, Якутская АССР, Ярославская область.

Во многих случаях по этой системе подсчетов число справок в базе данных существенно превышает число репрессированных в регионе по документам. С чем это может быть связано? Во-первых, с существенным несовпадением регионального деления. Во-вторых, с разницей в принципах, по которым составлялись «Книги памяти» – например, если в мартирологи включали всех уроженцев данной области, репрессированных в самых различных регионах. В-третьих, с неполнотой данных в опубликованных документах. Например, около трети репрессированных в Карельской АССР составляли жертвы «финской» операции НКВД – в статистику по «польской» и «немецкой» операциям они, очевидно, не вошли. В итоге число справок в «Книгах памяти» превышает сумму данных из различных документов на 90%.

Второй путь анализа репрезентативности «Книг памяти» состоял в сопоставлении количества справок в БД с данными О. Мозохина, работавшего в архиве ФСБ. Этот исследователь в своей книге «Право на репрессии» приводит уникальную ведомственную статистику о количестве арестованных в каждом из регионов. С одной стороны, данные вызывают доверие: в отличие от первого метода подсчетов, в статистических данных автора по регионам распространены все 1,5 млн арестованных в период Большого террора. Это общее число арестованных нам известно из достоверных обобщающих источников. В то же время, автор книги не приводит точных ссылок на то, где и в каком виде хранятся опубликованные в его книге отчеты, а лишь указывает на то, что «в основном» он составлял статистические таблицы по материалам фонда № 8, описи № 1 Центрального архива ФСБ¹⁰⁹. Поскольку у редких исследователей есть возможность самим поработать с этим фондом, научная ценность этой статистики несколько

¹⁰⁹ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953). М., 2011. С. 334.

снижается. К тому же, не до конца ясно, какие именно категории задержанных были включены в статистику.

По итогам сопоставления количества справок в «Книгах памяти» и итоговых данных О. Мозохина можно выделить 11 краев, областей и республик, где имеются справки на более чем 70% репрессированных (подробнее см. приложение № 2). В числе этих регионов: Алтайский край, Башкирская АССР, Горьковская область, Казахская ССР, Карельская АССР, Коми АССР, Куйбышевская область, Мордовская АССР, Омская область, Северо-Осетинская АССР и Татарская АССР. Мы полагаем, что эти регионы в базе данных представлены достаточно полно, однако каждый отдельный случай лучше рассматривать отдельно.

Чем можно объяснить то, что в этих 11 регионах есть данные не о 100% репрессированных, а о 70-80%? Образовались ли эти «пропуски» в «Книгах памяти» естественным путем? Можно ли доверять результатам исследования, если по некоторым регионам есть лишь 70-80% справок, а не полная совокупность? Мы предполагаем, что данных все-таки достаточно. Во-первых, не все жители региона могли быть реабилитированы к моменту выпуска «Книг памяти». Например, составители электронной базы данных жертв террора в Смоленской области, в которую архивисты включали всех реабилитированных, отмечали, что она постоянно пополнялась. Так, только на основании реабилитации в 2002-2008 гг. к базе были присоединены справки на 1030 персоналий¹¹⁰. «Книги памяти», многие из которых были изданы в начале 2000-х, невозможно так оперативно редактировать, а «Мемориал», издавший их электронные версии, вряд ли имел возможность уследить за реабилитацией в каждом отдельном регионе. Тем более что, как уже упоминалось выше, сам процесс реабилитации идет довольно медленно, и далеко не все попавшие в сводную статистику НКВД до сих пор могут быть реабилитированы.

¹¹⁰ Кодин. Е. В. Репрессированная российская провинция. С.9.

Другим объяснением может быть то, что составители «Книг памяти» изначально заведомо отбирали для включения в книги только определенные категории репрессированных – например, осужденных только по 58 статье, а не, например, по сочетанию статей. Другие, менее типичные для периода «массовых операций» дела откладывались на потом из-за отсутствия ресурсов. Еще одна версия может быть связана с местом хранения дел жертв политических репрессий. Часть из них, как уже говорилось, хранится в архивах МВД, часть - в архивах ФСБ, поэтому составители «Книг памяти» могли обработать одни данные и оставить в стороне другие из-за ведомственных преград.

Однозначно утверждать, из-за чего именно справок не хватает, сложно из-за отсутствия подробных источниковедческих предисловий к большинству «Книг памяти», а также специальных публикаций. Тем не менее, подобного рода неполнота данных, наш взгляд, не должна существенно повлиять на социальный портрет репрессированных.

В результате проведенного анализа как по первой методике подсчетов, так и по второй, можно сделать вывод, что всю совокупность записей базы целиком использовать для изучения Большого террора не стоит. Однако отдельные коллекции записей о репрессированных в целом ряде краев, областей и республик являются перспективными для изучения.

Обратимся к **анализу репрезентативности «Книг памяти», использованных в данном исследовании.** Для начала рассмотрим, насколько корректно использовать данные «Книг памяти» современных областей Российской Федерации для изучения репрессий в них в конце 1930-х гг. с точки зрения административно-территориального деления. Коротко охарактеризуем историю территориальных изменений в каждом из пяти регионов.

Территория нынешнего Алтайского края с 1930 по 1937 г. входила в состав Западно-Сибирского края. В конце сентября 1937 г. Алтайский край был выделен в отдельный регион РСФСР с центром в Барнауле, причем в его

состав входила Ойротская автономная область. В 1991 году автономия была выделена из состава Алтайского края и была преобразована в Республику Алтай. В нашем распоряжении имеются как «Книги памяти» современного Алтайского края, так и Республики Алтай.

Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика была образована 23 марта 1919 года. В 1922 году к БАССР была присоединена Уфимская губерния, столицей Башкортостана стал город Уфа. С тех пор границы Башкирской АССР почти не менялись, и в 1992 году эта территория стала Республикой Башкортостан.

Горьковский край был образован в 1932 году из Нижегородского края. В 1934 году из него были выделены Кировская область и Удмуртская АССР. В 1936 году край был преобразован в Горьковскую область, из него были выделены также Марийская и Чувашская АССР. Свое историческое название Нижегородская область обрела только в 1990 году. С конца 1930-х годов в этом регионе не было значительных территориальных изменений, только в 1994 г. в состав Нижегородской области вошел Сокольский район Ивановской области площадью 2000 км².

Автономная Карельская ССР была создана в 1923 году, а в 1936 году в связи с принятием новой Конституции СССР была переименована в Карельскую АССР (КАССР). В мае 1938 года из состава КАССР был выделен Кандалакшский район и передан в состав Мурманской области, где он и находится по сей день. Площадь региона несколько увеличилась после советско-финской войны за счет передачи части Выборгской губернии и территории общин Сала и Куусамо. Сама КАССР была переименована в Карело-Финскую ССР. В 1944 году Выборгский и Кексгольмский (Приозерский) районы вошли в Ленинградскую область. КАССР вновь была восстановлена в 1956 году. Наконец, в 1992 году регион был реорганизован в Республику Карелию в составе Российской Федерации.

Северо-Осетинская АССР была выделена из состава Северо-Кавказского края в 1936 году. В 1944 году в эту область были переданы часть

территорий Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Ставропольского края. Затем в 1957 году, после восстановления Чечено-Ингушской АССР, часть этих территорий были возвращены. С 1993 года этот регион называется Республика Северная Осетия – Алания.

Таким образом, территория всех пяти регионов хотя и подвергалась изменениям, тем не менее не менялась кардинально с конца 1930-х гг. Обратимся к анализу репрезентативности «Книг памяти» пяти регионов РСФСР (см. табл. № 3).

Табл. 3. Оценка репрезентативности пяти «Книг памяти» жертв политических репрессий.

		Алтайский край	Баш. АССР	Горьк. обл.	Карел. АССР	Северо-Осетинская АССР
Кол-во арестованных по итогам массовых операций по опубликованным документам	По приказу № 00447 по 01.07.38 ¹¹¹	15 716	9250	8487	4885	1815
	По «немецкой операции» по 15.11.1938 ¹¹²	3171	386	608	8	82
	По «польской операции» по 15.11.1938 ¹¹³	1540	450	786	146	137
	По «Сталинским расстрельным спискам» ¹¹⁴	275	365	609	20	5
	Итого	20702	10451	10490	5059	2039
Данные О. Мозохина, кол-во арестованных в 1937-1938 гг. ¹¹⁵		24925	16035	15461	10484	2721
Наполненность базы данных	Кол-во арестованных с 07.1937 по 11.1938	27032	11456	11417	9455	2607
	В процентах к данным опубликованных документов	123%	110%	109%	187%	128%
	Кол-во арестованных в 1937-1938 гг.	27639	12494	12384	11039	2721
	В процентах к данным О. Мозохина	111%	78%	80%	105%	100%

В данной таблице № 3 количество справок в каждой из «Книг памяти» сравнивается с общим числом репрессированных в этих регионах. Сравнение проводилось двумя способами, уже описанными выше. В первом случае, напомним, речь идет о сравнении числа справок в базе данных за период

¹¹¹ См.: Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 2. С. 161-162.

¹¹² Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 64-65.

¹¹³ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-1938 гг.

¹¹⁴ См.: Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2013. С. 331-332.

¹¹⁵ Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 459, 463.

Большого террора (июль 1937 – ноябрь 1938 гг.) с числом репрессированных в регионе по данным опубликованных документов: по итогам «кулацкой» операции № 00447 на 1.07.1938 г., «немецкой» и «польской» национальных операций и по «сталинским расстрельным спискам». Во втором случае количество справок в базе данных с начала 1937 г. по конец 1938 г. сравнивалось с данными о репрессированных в каждом из регионов за два года по сведениям О. Мозохина.

По итогам сравнения получилось, что в «Книгах памяти» Алтайского края по данным документов 123% от общего числа репрессированных в регионе, в Башкирской АССР – 110%, в Горьковской области – 109%, в Карельской АССР – 187%, в Северо-Осетинской АССР – 128%. Превышение числа репрессированных в «Книгах памяти» объясняется прежде всего неполнотой сведений в использованных опубликованных документах. Например, почти треть репрессированных в Карелии – финны, которые проходили по «национальным» операциям, но, очевидно, не попали в статистику по «польской» и «немецкой» линиям. Таким образом, они просто не были учтены при наших подсчетах общего числа репрессированных.

Поэтому нам кажется целесообразным ориентироваться на сравнение с данными О. Мозохина. Согласно его сведениями, в базе есть сведения о 111% репрессированных в Алтайском крае (что может объясняться тем, что статистика НКВД не учитывала арестованных в регионе в тот период, когда Алтайский край был еще частью Западно-Сибирского края), 78% в Башкирской области, 80% в Горьковской области, 105% в Карельской АССР, 100% в Северо-Осетинской АССР. В целом, на наш взгляд, во всех регионах в «Книгах памяти» присутствует достаточное число справок для полноценного анализа социального портрета репрессированных.

1.1.2.2. Оценка информационного потенциала «Книг памяти» на примере издания «Бутовский полигон»

Проанализировав общую представительность базы данных, обратимся к оценке информационного потенциала ее основного источника – «Книг памяти». Как уже было сказано выше, при работе с «Книгами памяти» профессиональным историкам приходится сталкиваться с рядом проблем. Во-первых, не всегда ясен первоисточник информации, откуда именно составители брали сведения. Во-вторых, «Книги памяти» подвергаются критике из-за того, что они якобы упрощают биографию того или иного репрессированного, не всегда сохраняют все разнообразие данных, присутствующее в первоисточнике – архивно-следственном деле. В-третьих, нередко приходится сталкиваться с мнением, что «Книги памяти» содержат немало опечаток, сделанных в процессе оцифровки, а также ошибок, допущенных при сборе информации.

Между тем, попытки «проверить» «Книги памяти» на полноту и точность информации, а также оценить их информационный потенциал, достаточно редки. Помимо тематических работ автора данного исследования¹¹⁶, стоит также упомянуть о работе Е. Мишиной по «проверке» сведений «Книг памяти» Алтайского края за период, предшествовавший Большому террору, по следственным делам отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (ОСД УАДАК)¹¹⁷. Исследователь сравнивает коллекцию данных из «Книг памяти» за этот период (1758 чел.) и 10%-ную архивную выборку (246 чел.). В итоге Е. Мишина приходит к выводу, что самый большой процент расхождений в БД «Мемориала» выявлен в полях «дата ареста» (36 случаев, 14,9%), «род занятий» (22 случая, 8,9%) и «статья обвинения» (21 случай, 8,5%). Расхождения в датах в большинстве случаев составляют всего 1-2 дня, несколько реже – неделю, и определение точных дат во многом зависит от источниковедческого подхода исследователя. Расхождения в поле «род занятий» тоже далеко не всегда влекут за собой изменение социального

¹¹⁶ См., например: Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2. С.157-166.

¹¹⁷ Мишина Е. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. С. 6–7.

положения человека. В целом автор делает вывод о достоверности информации в алтайских «Книгах памяти»¹¹⁸.

Автор данного диссертационного исследования также пытался «проверить» достоверность алтайских «Книг памяти», но несколько другим способом – путем сравнения собственных результатов анализа «Книг памяти» с данными, полученными алтайскими историками на основании анализа выборки из комплекса архивно-следственных дел¹¹⁹. Поскольку местные исследователи анализировали только репрессированных по «кулацкой» операции, сравнивались только данные об осужденных «тройками». В итоге расхождения оказались незначительными.

В следующем параграфе сделана попытка проверить, насколько может быть велика доля подобных ошибок и несоответствий еще на одном конкретном примере – книге памяти «Бутовский полигон». Мартиролог сравнивается с данными и архивно-следственных дел репрессированных в г. Москве и Московской области, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)¹²⁰.

«Бутовский полигон» - одни из самых полных и подробных «Книг памяти», издание которых готовилось при участии профессиональных историков и с применением лучших методик. Каждый том этих книг сопровождался подробными статьями с исследованием отдельных групп репрессированных. Есть основания предполагать, что эти «Книги памяти» – один из лучших примеров такого рода мартирологов в принципе. Поэтому изучение количества несоответствий в «Бутовском полигоне» должно показать, насколько в принципе точными могут быть материалы «Книг памяти», каков «минимальный уровень» ошибок.

Кроме того, при выборе «Бутовского полигона» сыграли свою роль еще несколько факторов. Принципиально важной стала сама возможность работы

¹¹⁸ Там же. С. 7.

¹¹⁹ Результаты опубликованы в: Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе «Большого террора» (1937-1938 годы): анализ базы данных по книгам памяти Алтайского края и Республики Алтай // *Per aspera...* Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ 2011-2012 гг. исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып.4. М., 2012. С.37-48.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1, 2.

исследователя со следственными делами, которую предоставляют в ГА РФ. Далеко не во всех регионах, рассматриваемых в данном исследовании, историков, не имеющих разрешений от родственников жертв репрессий, допускают до этого источника. Важную роль сыграла и доступность для автора работы именно московского архива.

Тем не менее, Москва и Московская область в рамках данной диссертационной работы не будут рассматриваться наравне с Алтайским краем, Башкирской, Карельской и Северо-Осетинской АССР и Горьковской областью. Этот факт объясняется тем, что сравнение социального портрета только расстрелянных (а не всех категорий репрессированных) и только на «Бутовском полигоне» (в Москве и области были и другие места массовых расстрелов) с социальными характеристиками репрессированных в целых регионах представляется некорректным. Единой и достаточно полной «Книги памяти» репрессированных в Москве и Подмоскowie нет. Поэтому результаты анализа книг памяти «Бутовский полигон» используются в работе с большой осторожностью и только там, где сравнение уместно.

В рамках данного исследования была проведена выборочная проверка 153 биографических справок «Бутовского полигона». Это около 1% от всех справок в книге за период Большого террора.

Имеющиеся в справках сведения позволяют получить обобщенные данные о возрасте репрессированных, их национальности, партийности, уровне образования, о том, каким органом они были осуждены и к каким мерам наказания. На основе сведений «Книг памяти» можно также построить динамику арестов, осуждений, расстрелов, подсчитать продолжительность следствия. Проанализировав графу «место работы и должность» и обобщив эти данные, можно сделать выводы о социальном положении репрессированных. Также можно обобщить или нанести на карту места рождений арестованных и места их проживания¹²¹.

¹²¹ Попытки нанести на карту адреса людей, которых репрессировали в Москве и Московской области, делались в обществе «Мемориал», а также рядом отдельных исследователей. См.: Rivers of blood in Moscow: The Great Purge personified [Электронный ресурс] // Блог Дмитрия Скугаревского. URL:

Для анализа несоответствий в книгах памяти «Бутовский полигон» была создана специальная база данных (подробнее о ней см. ниже). Сразу стоит отметить, что «ошибки» в большинстве случаев не были случайными. Как правило, составители «Книги памяти» брали ту или иную информацию из документов, которые есть в деле. Однако автору данной работы на основании его собственных источниковедческих знаний и, возможно, чуть более продолжительного изучения дел, показалось более адекватным использование альтернативной информации из других документов, имеющих в деле. Поэтому в оценке числа «ошибок» неизбежно есть некоторая доля субъективности.

Табл. 4. Несоответствия в базе данных «Бутовский полигон».

Ошибки в полях		Число ошибок	Доля несоответствий
Фамилия		1	0,7%
Имя		3	2,0%
Отчество		1	0,7%
Год рождения		3	2,0%
Место рождения		15	9,8%
	Из них кол-во ошибок в написании географических наименований	13	8,5%
Национальность		1	0,7%
Образование		12	7,8%
	Из них из-за отсутствия информации о неоконченной образовательной степени	7	4,6%
Партийность		16	10,5%
	Из них из-за исключения незадолго до ареста	8	5,2%
Место работы и должность		17	11,1%
	Из них в названии места работы	5	3,3%
	Из них в названии должности	10	6,5%
	Из них с изменением соц положения	5	3,3%
	Из них нет данных в КП	4	2,6%
Место жительства		19	12,4%
	Из них ошибок в написании географических наименований	8	5,2%

	Из них ошибок в номерах домов	2	1,3%
	Из них не указано на проживание в лагере	6	3,9%
Дата ареста		21	13,7%
	Из них разница в 1 день	10	6,5%
	Разница в 2 дня	3	2,0%
	Разница более чем в 2 дня	8	5,2%
Осудивший орган		4	2,6%
Дата осуждения		2	1,3%
Дата расстрела		2	1,3%
Дата реабилитации		4	2,6%

Таким образом, наибольшее число несоответствий в «Книгах памяти» было выявлено в полях «дата ареста» (при сопоставлении была сделана корректировка в 14% случаев), «место жительства» (корректировка в 12,4% случаев), «место работы и должность» (11%) и партийность (10%). Меньше всего вопросов вызывают такие поля, как ФИО (1-2% ошибок), год рождения (2%), национальность (1%), дата осуждения и расстрела (1%). Остановимся на этих и других категориях подробнее.

Чаще всего в следственных делах и в «Книге памяти», на наш взгляд, дается неточная информация о дате ареста репрессированных. Это связано прежде всего с тем, что из дел не всегда ясно, из какого именно документа нужно брать эту дату. Составители «Бутовского полигона», по всей видимости, ориентировались на анкету репрессированного, где была отдельная графа – когда и кем арестован. Однако в делах, которые хранятся в ГАРФ, эта графа анкеты очень часто оставалась незаполненной. При составлении другой «Книги памяти» Москвы – расстрелянных на зоне «Коммунарка» – использовалась следующая логика: «В случаях отсутствия там [в анкетах – Л.Л.] этой даты составители определяли ее из сопоставления дат в ордере на арест и в протоколе обыска. Но ордер мог быть выписан за несколько дней до ареста (в эпоху массовых репрессий это была обычная практика), а обыск, в случае если человека арестовывали в командировке или на отдыхе, то есть не по месту постоянного жительства, мог быть произведен в его квартире и спустя какое-то время после ареста. И если в следственном

деле нет дополнительных сведений, подтверждающих одну из этих дат, то составители ориентировались на более раннюю из них»¹²².

В данной работе при определении даты ареста использовалась несколько иная логика. Как уже было сказано, в ходе интенсивного проведения массовых арестов поле с датой ареста в анкете репрессированных часто оставалось незаполненным. Анкеты в основном заполнялись после доставки задержанного в то или иное учреждение, подведомственное НКВД. Кроме того, при работе с делами складывается впечатление, что иногда в эту графу вносилась не дата ареста, а дата заполнения анкеты (которые могли не совпадать). На наш взгляд, более адекватным было бы считать датой ареста ту дату, которая зафиксирована в протоколе ареста и обыска. Например, Э. К. Ванаг, согласно протоколу ареста и обыска, был арестован 10 марта 1938 г., однако в книге указано, что 11 марта¹²³.

В целом при сопоставлении дат ареста в «Книгах памяти» и следственных дел ошибки в несколько дней или в совсем редких случаях месяцев (и те, и другие суммарно – 5% всех справок), которые связаны с невнимательностью составителей, встречаются не часто. В основном речь идет о разнице в один-два дня (8,5% всех справок). Часто эта разница обусловлена разными датами в анкетах и протоколах обыска. Наконец, вполне возможно, что определить точную дату было нелегко в принципе, так как аресты, как мы знаем по воспоминаниям очевидцев тех событий, в основном проходили ночью. «В нашем Доме правительства ночи не проходило, чтобы кого-то не увезли. Ночами «воронки» так и шастали», - вспоминала А. Миронова-Король¹²⁴.

Часто в «Бутовском полигоне» встречаются ошибки в написании географических наименований – места рождения (9,8%) и места жительства (12,4%), гораздо реже имен (суммарно ошибки в ФИО – в 3,4% дел).

¹²² Послесловие к спискам захороненных в «Коммунарке» [Электронный ресурс]: захоронение в Коммунарке // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/memory/communarka/> (дата обращения: 01.09.2015)

¹²³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-38129. Дело Ванага Э. К.

¹²⁴ Яковенко М. М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король. М., 1997. С. 109.

Особенно много описок, опечаток и ошибок в тех случаях, когда речь шла о репрессированных с необычными именами и фамилиями, а также родившихся за пределами Российской империи. Причем ошибки в «Книгах памяти» напрямую связаны с информацией из архивно-следственных дел – в 1930-е гг. эти имена и названия населенных пунктов звучали еще более экзотично и были незнакомы заполнявшим документы сотрудникам НКВД. Например, в «Книге памяти» Абрамсон Касриэль Абрамович назван Касриелем¹²⁵. Подобное написание – Касриель – встречается в ряде документов, которые есть в следственном деле – например, в постановлении об избрании меры пресечения. Однако, на наш взгляд, создатели «Книг памяти» должны были ориентироваться на анкету арестованного, первый протокол допроса и другие документы, которые, вероятно, доносят более проверенную информацию.

Составителям «Книг памяти» не всегда удавалось зафиксировать правильное написание географических наименований. Так, Чигиринский район на Украине в «Бутовском полигоне» оказался Черкизовским¹²⁶, деревня Ошурково стала Ущурковой¹²⁷. Применительно к местам рождения иногда используется дореволюционное административное деление, а иногда – 1930-х гг. Стоит отметить, что в следственных делах в разных документах встречаются по 3-4 различных написания географических наименований, и установить, какое из них верное, в некоторых случаях можно только с привлечением сторонних источников, а иногда и вовсе не представляется возможным.

Часть несоответствий связана с тем, что составители «Бутовского полигона» иначе подходили к описанию социального положения и места жительства заключенных, которых в период Большого террора повторно привлекли к ответственности. Для целей данного исследования принципиально, какое социальное положение репрессированный занимал на

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49657.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 19454. Дело Васюренко Ф. В.

¹²⁷ Там же. Оп. 1. Д. П-31783. Дело Зарубиной А. А.

момент ареста в период Большого террора, и очень важно понимать, сколько человек были «изъяты» из лагерей. Однако составители «Книг памяти» пытались дать информацию, полезную для родственников – место жительства до отправки в лагерь и род занятий до первого ареста. В итоге применительно ко всем 6 случаям ареста заключенных лагерей, которые есть в нашей выборке, в базе данных нет сведений, что человек был арестован уже в лагере, и дано его предыдущее место проживания. Из этих же шести в двух случаях в графе занятия у заключенных не указано, что они были в лагере, а приведена только их должность до первого ареста. Складывается впечатление, что составители «Книг памяти» намеренно хотели скорректировать биографии репрессированных заключенных. Например, заключенный Дмитлага Павел Глазцов в базе данных показан как «колхозник, заключенный», который проживает в Саратове. Между тем, из дела становится ясно, что Глазцов имел четыре судимости с 1929 г., что он «до заключения работал чернорабочим», а в другом месте говорится, что он был крестьянином до 1929 г.¹²⁸ Про работу в колхозе в деле ничего нет. Осудили Глазцова при этом за антисоветские высказывания в лагере, например: «Конституцию издали, чтобы народ мучить. Если раньше судили на 9 лет, то теперь будут судить на 25 лет и скоро кандалы наденут»¹²⁹.

Кроме того, нередко в «Бутовском полигоне» встречаются ошибки и опечатки в названиях мест работы и должностей репрессированных (11,1%). Однако большинство из этих несоответствий – в названиях должностей (6,5%) и учреждений (3,3%). Даже при подробном изучении следственных дел определить точное название и написание должностей и организаций сложно. Например, в постановлении на арест Я. М. Зильберштейн был назван «бригадиром» на электрозаводе АТЭ-1. В анкете он стал просто «слесарем по ремонту». В характеристике с места работы – «бригадиром по текущему ремонту станков». В анкете, предваряющей протокол допроса – снова

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-73224. Дело Глазцова П.И.

¹²⁹ Там же. Л. 18.

«слесарем»¹³⁰. На наш взгляд, в данном случае наиболее логично было бы ориентироваться на справку с работы, так как там должны были точно знать должность Зильберштейна (хотя мы знаем, что справки с работы точно так же фальсифицировались, как и все остальные документы). Составители «Книг памяти», тем не менее, ориентировались на анкету или протокол допроса, и назвали этого репрессированного просто «слесарем по ремонту».

Тем не менее, общий род деятельности, который говорит о социальном положении репрессированных, в «Книге памяти», как правило, передается верно. Серьезных ошибок, которые ведут к изменению социального положения по нашей классификации (о которой будет сказано ниже), по материалам архивно-следственных дел удалось найти всего 3,3%. Например, в базе данных утверждается, что 73-летний Назар Потапов «работал на Механическом Преснянском *(так в тексте – Л.Л.)* заводе». Между тем, и в анкете, и в письмах его детей в НКВД утверждается, то Потапов был пенсионером и получал пособие как инвалид II группы¹³¹. В нашей классификации по версии, изложенной в «Бутовском полигоне», Потапов был бы рабочим, тогда как по следственному делу его стоило бы отнести к категории пенсионеров и иждивенцев. Еще в 2,6% случаев данных о месте работы и должности репрессированных в «Книгах памяти» просто нет.

Отдельный предмет постоянных неточностей – сведения о партийности арестованного (эти данные нами были скорректированы в 10,5% справок). Во многих случаях аресту предшествовало исключение из партии, и почти всегда человека исключали после ареста, т. е. к моменту расстрела он уже был беспартийным. Какие сведения о партийности репрессированного стоит давать в «Книгах памяти» в такой ситуации? На наш взгляд, важно, чтобы во всех случаях был одинаковый подход к этой характеристике. Например, указывать партийность только на момент ареста или, допустим, за месяц до ареста. Единой политики в этом отношении в «Книге памяти» «Бутовский

¹³⁰ Там же. Д. П-27076. Дело Зильберштейна Я. М. Л. 1,4,6,7.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 22837. Л. 15.

полигон» нам выявить не удалось. В некоторых случаях составители указывали партийный стаж человека, в некоторых — отмечали, когда именно он был исключен, в других просто писали об отсутствии членства в партии. Например, у кандидата в члены ВКП(б) с 1931 г. Ф. Баяки в ходе обыска изъяли кандидатскую карточку, т.е., возможно, на момент ареста он оставался кандидатом¹³². Затем, когда Баяки уже находился под арестом, он был исключен. В «Книге памяти» этот человек назван просто беспартийным. Совершенно другая логика была применена к делу А. Я. Буша. При аресте этого давнего — с 1918 г. — члена ВКП(б) у него был изъят партбилет. Затем, очевидно, уже под арестом, его исключили из партии, что отразилось в обвинительном заключении¹³³. В «Книге памяти» этот человек был назван «членом ВКП(б)». В целом приходится признать, что сведения о партийности как в архивно-следственных делах, так и в «Книгах памяти» не слишком достоверны.

В 8% следственных дел встретились неточности в характеристике уровня образования репрессированных. Однако основная часть этих несоответствий объясняются различиями в классификации. Как правило, составители «Книг памяти» отмечали только завершённую образовательную ступень, однако в некоторых случаях они указывали и «неоконченное» образование (среднее, высшее). С методической точки зрения правильно было бы использовать только один из двух подходов. Пытаясь скорректировать это разнообразие, в собственной классификации мы учитывали и неоконченные ступени. Такого рода корректировки использовались в 4,6% дел. Например, студент Московского института механизации и электрификации с.х. Леонид Бовшис в «Книге памяти» проходит как человек со средним образованием, хотя даже в протоколе допроса указано, что у него «незаконченное высшее» образование¹³⁴. Еще в двух карточках репрессированных поле «образование» оказалось просто не

¹³² Там же. Оп.1. Д. П-44840. Дело Баяки Ф. Ф.

¹³³ Там же. Д. П-29097. Дело Буша А. Я. Л. 4, 38.

¹³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 26111. Л. 8. Дело Бовшиса Л.В.

заполнено (что тоже считалось как ошибка), остальные же три случая содержат действительно ошибки, а не неточности.

Завершая обзор типичных ошибок, стоит отметить, что наиболее тщательно составители «Книг памяти» заполняли ключевые поля для поиска репрессированных родными – их ФИО и годы рождения. Также важно, что по крайней мере по материалам архивно-следственных дел нам не удалось выявить значительного числа неточностей в графе «национальность», хотя можно было бы предположить наличие многочисленных фальсификаций в этом отношении.

Таким образом, на наш взгляд, хотя в «Бутовском полигоне» и есть ошибки, использование этого источника в целях составления социального портрета репрессированных представляется вполне оправданным. Сведения об имени, точные наименования места рождения и места жительства для статистической обработки, как правило, не нужны. Тем более, что однозначно правильные данные об этих деталях биографий не всегда просто найти и в следственных делах. Ошибки в дате ареста встречаются не слишком часто, и, как правило, разница в 1–2 дня не играет большой роли с точки зрения построения динамики массовых репрессий. Точные наименования должностей и мест работы арестованных для обобщающих исследований не так важны, главное, что верно передана суть — социальное положение репрессированных. Лучше с осторожностью использовать данные о партийности арестованных. Достаточно достоверны в «Книге памяти» сведения о дате рождения, национальности, уровне образования репрессированных. Можно изучать, каким органом они были осуждены к высшей мере наказания и когда были расстреляны.

«Книги памяти», безусловно, менее детальный и подробный источник, чем архивно-следственные дела. Последние дают больше информации о социальном происхождении и социальном положении репрессированных, их

семейном и материальном положении и других аспектах биографий. Сведения о предыдущей судимости, о членстве в дореволюционных политических партиях и об исключении из ВКП(б), имуществе до 1929 г. и раскулачивании, а также о круге знакомств позволяют исследователю предположить, почему каждый конкретный человек мог быть арестован (хотя речь может идти только о догадках, и чаще всего причина ареста не ясна даже из дела).

Однако следственные дела подвергались фальсификациям с различными целями. Сопоставление и выборочная проверка «Книги памяти» «Бутовский полигон» показывает, что, по крайней мере, в Москве и области в мартирологи включалась наиболее достоверная информация из архивных дел. Можно предположить, что в Москве, скорее всего, были созданы хорошие условия и в других регионах ошибок при переносе сведений из архивно-следственных дел в «Книги памяти» могло быть больше. Тем не менее, данное сопоставление показывает, что составители «Книг памяти» хорошо разбирались в источнике и производили отбор информации не механически, а производя первичную оценку достоверности информации. Эту же работу проделывал бы профессиональный исследователь. Поэтому, на наш взгляд, для базового представления о социальном портрете репрессированных использование «Книг памяти» представляется вполне эффективным.

1.1.3. Прочие источники исследования

В данной части главы коротко охарактеризованы другие источники, которые были использованы в диссертационном исследовании.

Опубликованные документы по истории Большого террора. В работе были использованы сборники основных документов, которые определяли ход массовых операций как на всесоюзном, так и на республиканском уровне. Все они хранятся в фондах Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), Российского государственного архива

социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Активно в исследовании использовался фундаментальный сборник «Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности», изданный в 2004 году, его составители - В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. В нем по хронологическому принципу опубликованы некоторые документы Политбюро, а также других высших органов государственной власти, судебных учреждений за 1937-1938 гг., причем «подавляющая часть документов отражает основные направления деятельности органов ГУГБ НКВД СССР»¹³⁵.

В работе часто использовались документы из пятого тома (книги первой и второй) сборника «Трагедия советской деревни» под редакцией В.П. Данилова. Издание посвящено прежде всего истории крестьянства, деревни и сельского хозяйства, однако в томе 5, охватывающем период 1937-1939 гг. (кн. 1. - 1937 г., кн. 2 - 1938-1939), авторы подробно остановились на «кулацкой операции», основной целью которой были как раз крестьяне. В «Трагедии советской деревни» есть тексты репрессивных приказов, телеграммы начальников УНКВД, статистические справки НКВД о ходе репрессий, которые были крайне необходимы для данного исследования. В работе использовалась некоторая статистическая информация из документального сборника «ГУЛАГ (Главное управление НКВД)»¹³⁶, четвертого тома «Истории сталинского ГУЛАГа»¹³⁷, издания «Население России в XX веке»¹³⁸ и пр.

Использовались в исследовании и сборники документов, посвященные Большому террору в некоторых регионах СССР, в частности, «Массовые

¹³⁵ Введение / Лубянка. Сталин и главное управление... С. 7.

¹³⁶ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960. М., 2000.

¹³⁷ История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания М., 2004.

¹³⁸ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1909-1939 / Отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиromская. М., 2000.

репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447»¹³⁹. Его составителями, помимо немецких исследователей М. Юнге и Р. Биннера, являются алтайские историки Г.Д. Жданова и В.Н. Разгон. В этом сборнике опубликованы протоколы тройки Алтайского края, приведены материалы типичных следственных дел арестованных, протоколы допросов бывших следователей, рассказывавших об организации массовых операций в регионе, сведения о реабилитации жертв репрессий. Все документы издания сопровождаются подробными комментариями и их анализом.

Использовался в работе и ряд документов, опубликованных впервые в монографиях. Так, некоторые телеграммы начальников УНКВД в Центр по поводу «кулацкой операции» впервые были опубликованы в книге М. Юнге, Г. Бордюгова, Р. Биннера «Как террор стал большим. История операции по приказу НКВД № 00447».

Также в работе использовались данные о количестве репрессированных по тем или иным регионам по «сталинским расстрельным спискам», о которых уже говорилось выше.

Комплекс архивно-следственных дел ГАРФ. Об использовании комплекса архивно-следственных дел, хранящихся в фонде 10035 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), уже упоминалось выше. Фонд включает в себя прекращенные архивно-следственные дела почти на 100 тыс. задержанных по политическим преступлениям, которых вело Московское областное управление НКВД¹⁴⁰. Следственные дела были переданы в государственный архив из архива ФСБ.

Стоит отметить, что этот комплекс документов пригодился не только для анализа ошибок в «Бутовском полигоне», но и в качестве иллюстративного материала к некоторым проблемам, которые поднимаются в данном исследовании с точки зрения статистики. Изучение Большого террора на примере конкретных судебных позволяет более глубоко

¹³⁹ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447 / сост.: Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 10035: Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области.

охарактеризовать репрессивные процессы. Еще раз подчеркнем, что репрессивные процессы в Московской области статистически практически не изучались из-за неполноты данных «Книг памяти», изданных в этом регионе.

Материалы переписей. Для разработки классификаций профессий репрессированных по социальному положению использовались материалы переписей 1937¹⁴¹ и 1939¹⁴² гг., а также справочные пособия (алфавитный и систематический словари занятий¹⁴³, инструкции по заполнению и шифровке переписных листов¹⁴⁴) для переписчиков.

Активно в исследовании использовались и итоги переписей 1937 и 1939 гг., которые были сведены в современных монографиях¹⁴⁵. У каждой из этих переписей есть свои достоинства и недостатки. Известно, что результаты переписи 1939 г. намеренно фальсифицировались, в них было много «приписок» в различных регионах¹⁴⁶. Напротив, данные об общей численности населения по переписи 1937 г. считаются более достоверными – недоучет населения в ней, по подсчетам исследователей, составил 0,3-0,5%¹⁴⁷. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что результаты этой переписи были предварительными, работа организаторов была прервана правительством, материалы «дефектной» переписи были засекречены. Первоисточников сохранилось мало, до исследователей дошли преимущественно краткие итоги¹⁴⁸.

¹⁴¹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва, 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

¹⁴² Поляков Ю. А., Исупов А. А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. Санкт-Петербург, 1999.

¹⁴³ Алфавитный словарь занятий: пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1939; Систематический словарь занятий: пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Л., 1939.

¹⁴⁴ Инструкция к шифровке переписных листов. Пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ч. II. М., 1939.

¹⁴⁵ См. упомянутые ранее сборники под редакцией В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева, Ю.А. Полякова, А.А. Исупова.

¹⁴⁶ См. подробнее о механизме фальсификации переписи 1939 г.: Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006. С. 115-122.

¹⁴⁷ Население России в XX веке. Том 1. С. 355; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 22-23.

¹⁴⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. С. 3.

Перепись 1939 г. содержит большее количество сведений и ее материалы лучше сохранились. Что касается приписок, то необходимо подробно разбираться в их механизме в различных регионах. В некоторых случаях они использовались, чтобы скрыть реальные потери населения в результате голода, депортаций и репрессий. Так, по подсчетам исследователей, в Северной Осетии приписка населения составила 2,6%, в Горьковской области – 2,2%, в Башкирской АССР – 2,1%. В других случаях население региона, напротив, сокращали, чтобы скрыть количество лагерного контингента или военных, а затем эту категорию лиц «размазывали» по другим регионам. Так произошло в Карельской АССР, где численность населения была снижена на 12%¹⁴⁹.

Поэтому в данном исследовании использовались данные обеих переписей, которые часто дополняли друг друга. Как правило, предпочтение отдавалось данным переписи 1937 г., однако в тех случаях, когда они были полнее, использовались и данные 1939 г. Например, поскольку Алтайский край был выделен из состава Западно-Сибирского края только осенью 1937 г., вся статистика по этому краю есть только в переписи 1939 г.

1.2. Методы исследования

Во втором параграфе первой главы рассмотрены методы исследования. Сначала дается краткая характеристика и перечисление всех методов, использованных в работе. Отдельный акцент сделан на понятии социального портрета. Затем подробно описано формирование баз данных, которые использовались в исследовании, путем выделения коллекции записей из БД «Жертвы политического террора в СССР». Дана структура баз данных, описание их полей. Также описан процесс создания вспомогательной базы данных на основе архивно-следственных дел репрессированных, расстрелянных на Бутовском полигоне под Москвой.

¹⁴⁹ Там же. С. 357-362.

Далее подробно описана методика заполнения двух самых важных полей баз данных - «социальное положение» и «тип служащего». Они являются ключевыми при характеристике социального портрета репрессированных.

1.2.1. Общая характеристика методов исследования

В исследовании применяется целый комплекс методов, прежде всего ключевые исторические методы:

- **Историко-сравнительный метод** используется для сопоставления регионов, а также различных групп репрессированных между собой;
- **Историко-типологический метод** используется в исследовании для выделения отдельных групп репрессированных по признакам возраста, национальностей, пола, рода занятий и т.д.;
- **Историко-генетический метод** используется для описания самого процесса Большого террора от самого его начала до конца.

Значительную роль в исследовании сыграли методы и технологии баз данных, а также **методы компьютеризованного статистического анализа**. Они используются для анализа возраста, пола, социального положения репрессированных, вычисления зависимостей между различными признаками, например, национальностью и тяжестью вынесенного приговора.

Одним из ключевых понятий, которое используется в данном исследовании, является социальный портрет. Хотя этот термин часто используется исследователями в исторических работах, у него нет жесткого определения. В целом социальный портрет используется для изучения социальных характеристик группы людей, которых объединяет принадлежность к определенной организации, общественная деятельность или судьба, в данном случае – арест в годы Большого террора. К такого рода

характеристикам относятся социальное положение, национальность, возраст, профессия, уровень образования и т.д.

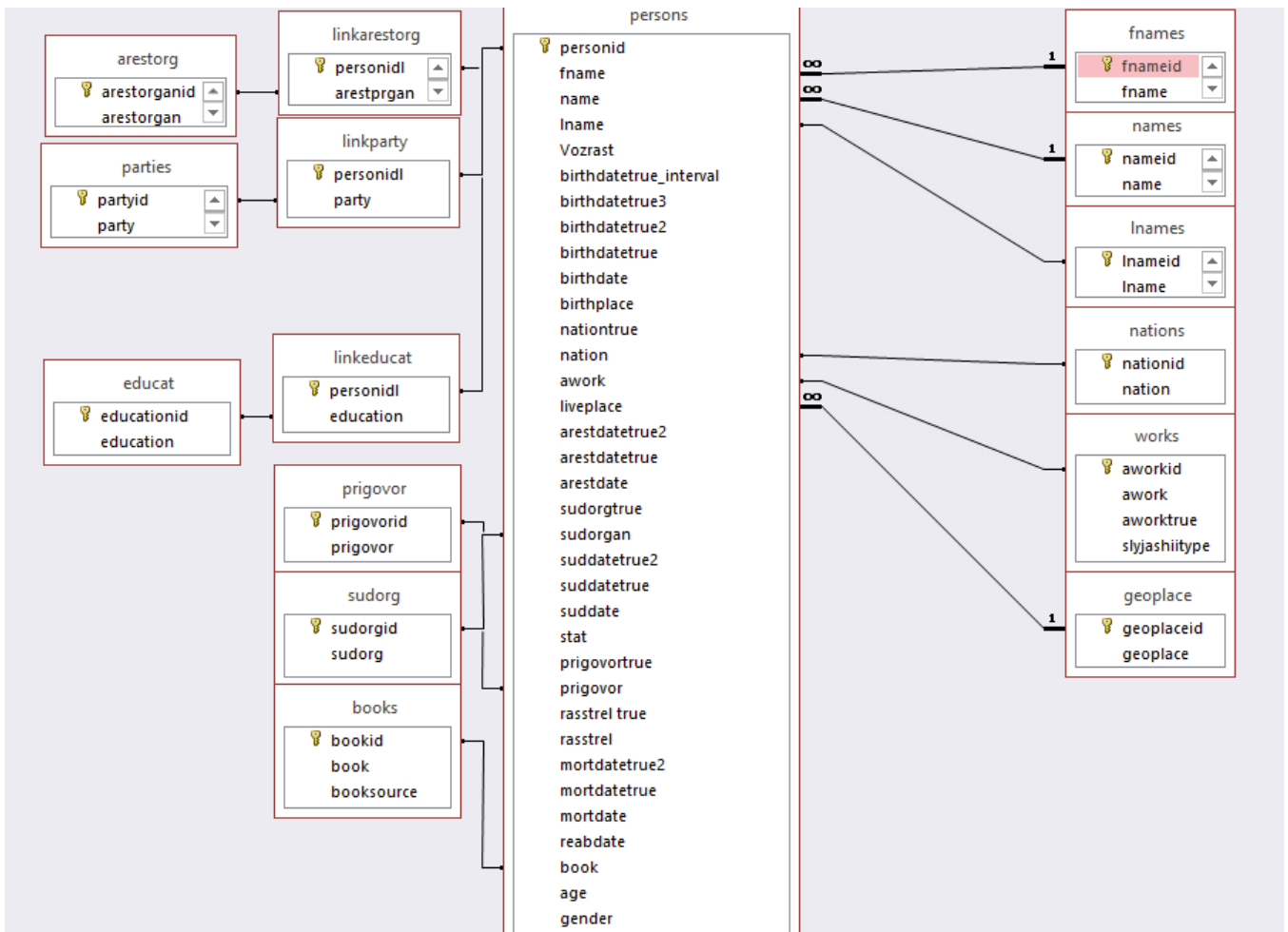
1.2.2. Работа с базами данных в СУБД MySQL и Microsoft Access

База данных «Жертвы политического террора в СССР». Первичная работа с БД велась при помощи языка запросов SQL. Таким образом удалось выявить структуру базы, а также количество данных по каждому из регионов. Следом за этим было решено выбрать несколько регионов и посмотреть, какова в них наполненность полей, не слишком ли много «нулевых значений». После этого из большой базы данных были выделены пять новых баз данных СУБД MySQL по интересующим нас регионам за период Большого террора. Так появились базы данных Алтайскому краю, Башкирской АССР, Горьковской области, Карельской АССР и Северо-Осетинской АССР. Эти базы были конвертированы в более удобный Microsoft Office Access при помощи программы DBConvert for Access & MySQL.

В дальнейшем работа велась уже с базами данных в Access. После конвертации пришлось вручную восстанавливать связи между таблицами, и на рис. 4. можно видеть несколько упрощенную¹⁵⁰ схему данных во всех пяти базах.

Рис. 4. Схема баз данных пяти регионов после их конвертации в Microsoft Access.

¹⁵⁰ Чтобы схема данных была понятнее, в нее были включены не все таблицы, которые есть в базе, а лишь те, которые использовались в рамках исследования.

Базы данных обрабатывались в Access при помощи многочисленных запросов - как простых, так и групповых. Чтобы обобщить некоторые параметры биографий, вводились и другие новые поля таблицы persons. Для некоторых видов анализа и подсчетов дат ареста (которые были закодированы) использовалась программа Microsoft Excel.

База данных «Бутовский полигон». Еще одна база данных в работе использовалась для сравнения выборки из «Книги памяти» «Бутовский полигон» с материалами архивно-следственных дел. Эта база была разработана с нуля. В нее вошли следующие таблицы (см. рис. 5):

1) Главная с ключевым полем ID (идентификационный номер, аналогичный тем, что используются в большой базе данных «Мемориала»). Здесь собрана биографическая информация, проверенная и дополненная по материалам архивно-следственных дел.

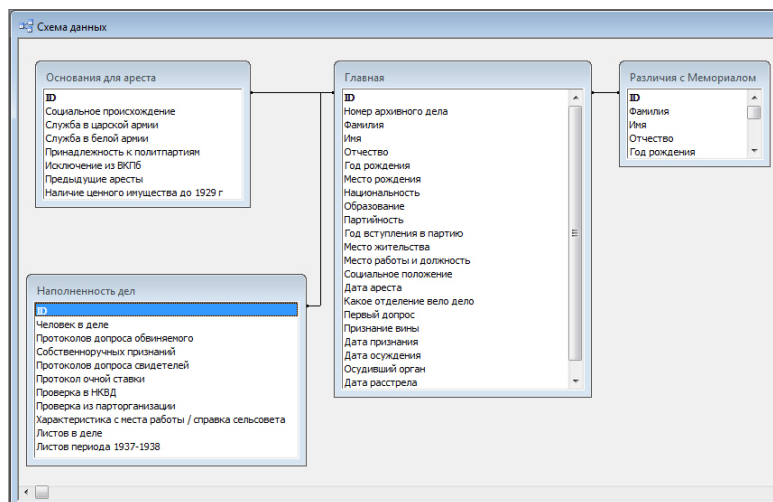
2) Различия с «Мемориалом» - ошибочная информация в «книгах памяти». В этой таблице отражена вся информация из «Книг памяти»,

которая при сопоставлении с архивно-следственными делами была признана недостоверной.

3) Наполненность [следственных] дел. В этой таблице собрана информация о том, какие документы присутствуют в архивно-следственных делах, а также каков общий объем дел. Данная таблица нужна не для проведения сравнения с «Книгами памяти», а для получения общего представления о ходе следствия в 1937-1938 гг.

4) Основания для ареста. В этой таблице отражены «пятна» в биографиях людей, которые могли стать основаниями для ареста (а могли и не стать).

Рис. 5. Схема базы данных «Бутовский полигон» в Access.

Для обработки базы данных использовались простые и групповые запросы.

1.2.3. Методика классификации занятий репрессированных

Одной из самых важных характеристик социального портрета является социальное положение репрессированного. Напрямую таких сведений в «Книгах памяти» нет, поэтому эту характеристику пришлось восстанавливать по полю БД, описывающему род занятий и место работы. За основу классификации были взяты категории репрессированных, которые упоминались в ведомственных статистических документах НКВД. Эта классификация включала следующие категории:

- бывшие кулаки;
- «бывшие люди» (помещики, дворяне, торговцы, жандармы);
- без определенных занятий и другие деклассированные элементы;
- служители религиозного культа;
- кустари;
- домашние хозяйки, иждивенцы, пенсионеры;
- служащие;
- единоличники;
- колхозники;
- рабочие;
- красноармейцы и младший начсостав;
- комсостав (РККА);
- сотрудники НКВД¹⁵¹.

В целом эта классификация удовлетворяла нашим требованиям, однако составители «Книг памяти» включали в биограммы данные о профессиях людей, о месте их работы, а не о том, к какой категории приказа об «антисоветских элементах» проходили арестованные или кем они были в прошлом. Поэтому в нашу классификацию поля «бывшие кулаки» и «бывшие люди» не вошли.

Категорию «служащих» для более точной характеристики было решено разделить на дополнительные подкатегории. В приложении № 4 можно увидеть краткий классификатор, по которому распределялись все записи, т.е. кого относили к тем или иным группам. Разумеется, в него включены не все в принципе профессии, которые встречались в «Книгах памяти», а только самые частые.

Для получения справки о том, какая профессия относилась к какой категории, использовалась классификация профессий рабочих и служащих из

¹⁵¹ См., например, стандартную справку «Социальный состав арестованных» с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. в: Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 2. М., 2006. С.158-159. О том, как был регламентирован учет арестованных по той или иной категории, см.: Там же, С. 569.

переписи населения 1937 года¹⁵², толковый словарь Ушакова, издание которого относится к 1935-1940 годам, вступительные статьи и примечания к «Книгам памяти», с тем, чтобы разобраться с некоторыми сокращениями. Немалую помощь в классификации профессий также оказали сборники для подготовки переписи 1939 г. В систематическом и алфавитном словарях занятий¹⁵³ указывался код «общественной группы» репрессированных. Так, у занятий рабочих и крестьян первыми цифрами шифра были 0, 1, 2, 3, 4, у занятий служащих - 5, 6, 7, 8¹⁵⁴. Перед переписчиками не ставилась задача определить «общественную группу» (крестьянин, рабочий, служащий) по профессии граждан, они должны были лишь проверить, чтобы между этими двумя пунктами переписного листа не было прямого противоречия. Поэтому материалы позволяют лишь отделить занятия служащих от всех остальных, но и это позволило нам учесть некоторые тонкости классификации профессий конца 1930-х гг. Например, первоначально могло показаться, что заведующие хатами-лабораториями, селекционеры, яровизаторы в сельском хозяйстве - это специалисты и их нужно отнести к группе служащих, однако материалы переписи 1939 г. говорят о том, что они к этой группе не относились, соответственно, являлись колхозниками. Это было исправлено.

Профессии были обобщены и превращены в новую характеристику – «социальное положение» в новых полях `aworktrue` (социальное положение) и `slyjashiitype` (тип служащего), и делалось это почти всегда вручную.

Нередко определить статус человека было невозможно по причине неполноты данных. Например, в источнике может быть указана только профессия репрессированного – сапожник – без указания того, где трудится человек. Соответственно, он или являлся кустарем, или рабочим артели. В таких случаях было решено вообще не учитывать статус этого человека и относить его к категории «статус неопределен». Особенно много таких

¹⁵² Всесоюзная перепись населения 1937 года. С.128-139.

¹⁵³ Алфавитный словарь занятий...; Систематический словарь занятий...

¹⁵⁴ Инструкция к шифровке переписных листов... С. 21.

случаев было в Карельской АССР, где составители «Книг памяти» выбирали лаконичные формулировки.

Однако все использованные в работе источники не могут заменить классификаторы профессий, которые выпускались в СССР в более поздний период и позволяли более или менее однозначно определить социальное положение человека по распространенным в те годы правилам. Отсутствие такого рода классификаторов в конце 1930-х гг. может говорить о более размытой структуре социальных категорий. Исследователи обращали внимание на то, что репрессированные, заполняя анкеты при аресте, и сами нередко не знали, к какой именно социальной группе себя отнести¹⁵⁵.

Таким образом, любая классификация такого рода имеет некоторый оттенок условности. Несмотря на эту субъективность, подчеркнем, что классификация занятий всех 60 тысяч репрессированных, судьбы которых анализируются в этой работе, проводилась по единой методике одним исследователем. Этот факт повышает ценность данной информации по крайней мере в сравнительной перспективе, для выявления общего и различий в проведении массовых операций Большого террора.

* * *

Таким образом, в первой главе был проанализирован основной источник исследования, электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР». Было установлено, что несмотря на все недостатки базы, разнотипность источников, входящих в нее, сведения БД по отдельным регионам достаточно репрезентативны. Изучение репрессий по материалам БД представляется перспективным.

¹⁵⁵ См.: Серегина И.Г. Крестьянство Калининской области в Большом терроре. С. 162; Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти». С. 163.

ГЛАВА II. ДИНАМИКА РЕПРЕССИВНЫХ ВОЛН БОЛЬШОГО ТЕРРОРА: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Во второй главе дана характеристика размаха и динамики террора в пяти исследуемых регионах РСФСР. Такого рода анализ необходим, во-первых, для общего понимания процессов, которые происходили в 1937-1938 гг. на местах. Во-вторых, согласно гипотезе, выдвинутой в данном исследовании, на разных этапах массовых операций социальный портрет репрессированных претерпевал некоторые изменения. У следователей на различных этапах операций могли быть были различные приоритеты.

В данной главе последовательно изучена динамика репрессий в пяти областях, республиках и краях РСФСР, а затем проведен сравнительный анализ. Исследуется динамика арестов, судов, исполнения смертных приговоров. Эти данные соотносятся с местными приказами, отчетами, телеграммами, что позволяет выявить региональную специфику реализации Большого террора. Также во второй главе проанализирована продолжительность следствия на разных этапах операций, приводятся данные о том, сколько людей было приговорено к различным мерам наказания и какими органами.

2.1. Алтайский край

В Алтайском крае, согласно данным «Книг памяти», за период Большого террора с конца июля 1937 г. было репрессировано 25527 человек, а если учитывать весь июль 1937 г. – 26700 человек. По данным Мозохина, за весь период 1937-1938 гг. в регионе были репрессированы 24925 человек¹. Какова доля репрессированных среди населения региона? Если поделить число арестованных на численность населения региона по переписи 1939 г.² (это

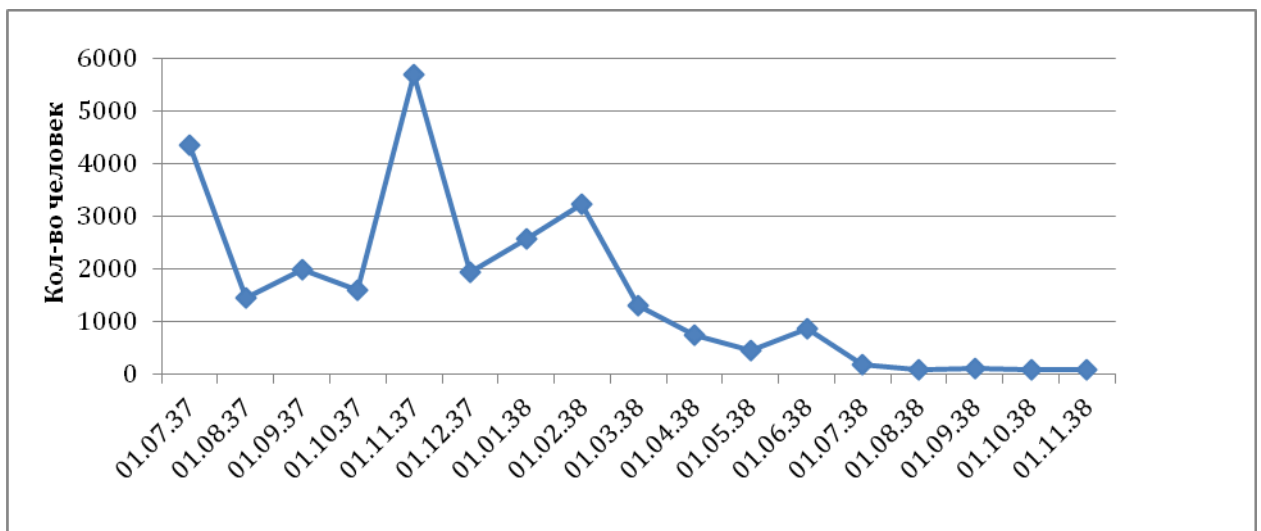
¹ Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 335, 339. Превышение численности может быть вызвано, прежде всего изменениями в региональном делении – Алтайский край стал независимым только в конце сентября 1937 г. Как именно учитывалась статистика репрессий в крае за предшествующий период, из справки неясно.

² Посчитано по: Поляков Ю. А., Исупов А. А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.

соотношение М. Юнге и Р. Биннер называют «степенью репрессий») мы узнаем, что в Алтайском крае был арестован один человек из ста (1% населения региона). Согласно данным «Книг памяти» (поле *rasstrel*), в Алтайском крае 51% арестованных был расстрелян. Подробнее об этом будет сказано в последней части данной главы, однако уже сейчас можно отметить, что доля репрессированных в населении региона, и доля расстрелянных среди арестованных в Алтайском крае несколько выше, чем в среднем по стране.

Для начала остановимся на динамике арестов в Алтайском крае по месяцам (см. рис. № 6).

Рис. 6. Динамика арестов в Алтайском крае с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г.

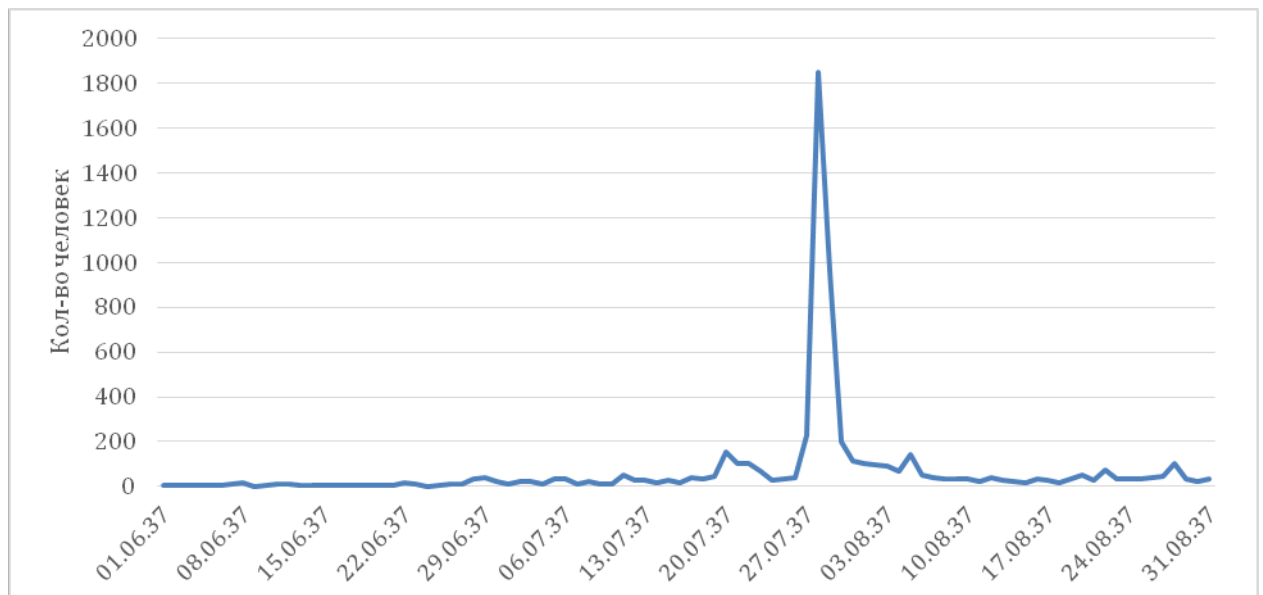
Как видно из графика (рис. 6), активные аресты на территории будущего Алтайского края начались еще в июле 1937 г., до формального начала «кулацкой» операции по приказу № 00447 5 августа 1937 г. Частично это связано с проведением «ровсовской» операции в Западно-Сибирском крае, в который тогда входила территория будущего Алтайского края³. Для «подавления заговора» решением Политбюро ЦК ВКП(б) в конце июня в Западно-Сибирском крае был создан внесудебный орган – тройка – в составе

³ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5, Кн. 1. С. 256.

начальника УНКВД Миронова, секретаря крайкома ВКП (б) Р. Эйхе и краевого прокурора⁴. Тройка действовала уже с 9 июля 1937 г., став прообразом троек, организованных по всей стране в рамках «кулацкой» операции по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г.⁵. Однако по меркам Большого террора ее деятельность была не слишком масштабной: за одно заседание тройка рассматривала дела в среднем 50 человек, а общее число приговоренных за месяц составило 980 человек⁶.

В целом нужно отметить, что в июле на территории будущего Алтайского края было арестовано более 4300 человек, а в августе количество арестов, напротив, сокращается до 1456. Рассмотрим подробнее старт «кулацкой» и «ровсовской» операций в регионе, проанализировав динамику арестов регионе по дням за три летних месяца 1937 г. (см. рис. 7).

Рис. 7. Динамика арестов репрессированных в летом 1937 г. в Алтайском крае.

Мы видим, что в июне – в ходе подготовки к «ровсовской операции» - аресты шли не очень активно. Всего было арестовано 280 человек. Однако затем число арестов начало постепенно увеличиваться. В начале 20-х чисел июля число арестованных стало превышать 100 человек в день, однако

⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О вскрытии в Западной Сибири контрреволюционной организации среди высланных кулаков», 28 июня 1937 г. // Там же. С. 258.

⁵ Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447. С. 343.

⁶ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 226.

настоящий размах массовые аресты приобрели в конце июля. 28 июля за один день было арестовано 1850 человек, а на следующий день – 960 человек. Эта статистика говорит об «ударном» старте массовых операций именно в конце июля. Почти 70% из арестованных в эти два дня были впоследствии расстреляны.

Стоит отметить, что на протяжении всего периода Большого террора в Алтайском крае больше ни разу не было столь большого числа арестов за один день, как 28 и 29 июля. За весь август было арестовано меньше число людей, чем в эти два июльских дня.

Относились ли аресты 28-29 июля к «ровсовской» операции или уже к «кулацкой» операции, которая должна была стартовать 5 августа? Хотя разграничить две массовых операции не просто даже по архивно-следственным делам⁷, поскольку случай Алтайского края не единичен, можно с уверенностью говорить, что на графике отражен старт «кулацкой» операции. По данным исследователей, установку на 28 июля – отличавшуюся от упомянутого позднее в приказе № 00447 5 августа – мог дать нарком внутренних дел Николай Ежов на совещании 16 июля 1937 г. в Москве. Во встрече участвовали начальники управлений НКВД республик и областей. «По всей видимости, операция первоначально планировалась на 28 июля, и удаленные регионы не получили своевременно информацию о задержке», – предполагают Н. Петров и М. Янсен⁸. Поэтому чуть раньше о старте «кулацкой» операции отчитались в Омске, некоторые начальники УНКВД Северного Кавказа⁹, Крымской АССР¹⁰ и т.д.

Имеющиеся документы показывают, как в обстановке чрезвычайной ситуации начиналась кулацкая операция в Западно-Сибирском крае, из состава которого позднее был выделен Алтайский край. Вернувшийся с совещания в Москве глава УНКВД Западной Сибири Сергей Миронов 25

⁷ Исследователи отмечают, что эти две операции столь тесно переплетены между собой, что выяснить, по какой именно из них проходил репрессированный, можно только по первичным документам, да и то не всегда. См.: Жданова Г.Д. Статистический анализ... С. 723. Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 345.

⁸ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 102-103.

⁹ Там же.

¹⁰ Хаустов В. Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 268.

июля провел в Новосибирске встречу для начальников подразделений местного НКВД. На ней, согласно стенограмме, Миронов озвучил лимиты по ЗСК по «первой категории» (которые в появившемся позднее приказе № 00447 были скорректированы) и призвал к их выполнению: «Лимит для первой операции 11.000 человек, т.е. вы должны посадить 28 июля 11.000 человек». На совещании Миронов постарался разъяснить план операции, чтобы «все недоуменные вопросы были решены», а участники совещания по его завершении должны были уехать «первыми же поездами»¹¹. Менее чем за двое суток сотрудникам НКВД предстояло не только подготовиться к масштабным арестам 28 июля, но и решить ряд «вопросов техники»: например, «найти место, где будут приводиться приговора в исполнение и место, где закапывать трупы»¹².

Вернемся к ходу «кулацкой» операции. По приказу № 00447 Западно-Сибирский край получил лимит на арест 17 тысяч человек, из них 5000 - по первой категории и 12000 - по второй¹³. Сколько из них предназначались для Алтайского края, не совсем ясно.

После того, как Алтайский край был выделен из состава ЗСК, репрессии в нем пошли активнее. «Если мне не изменяет память, аресты начались после организации края, числа с 10-11 октября 1937 года. Первое время арестованных почти не допрашивали, весь состав был занят арестами и оформлением этих арестов. Мне лично приходилось оформлять ордера путем визировки печатью, в день примерно до 100 ордеров», - рассказывал на допросе бывший секретарь начальника УНКВД по Алтайскому краю М.Л. Шорр¹⁴. 17 октября 1937 г. начальник новообразованного Алтайского УНКВД С.П. Попов и первый секретарь Алтайского КК ВКП(б) Л.Н. Гусев уже отчитывались об аресте 5012 человек и просили выделить краю первый самостоятельный лимит на 4000 по первой категории и 4500 по второй. Репрессии стали идти по нарастающей. Прошение в Политбюро утвердили

¹¹ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал Большим. С. 81.

¹² Там же. С. 83.

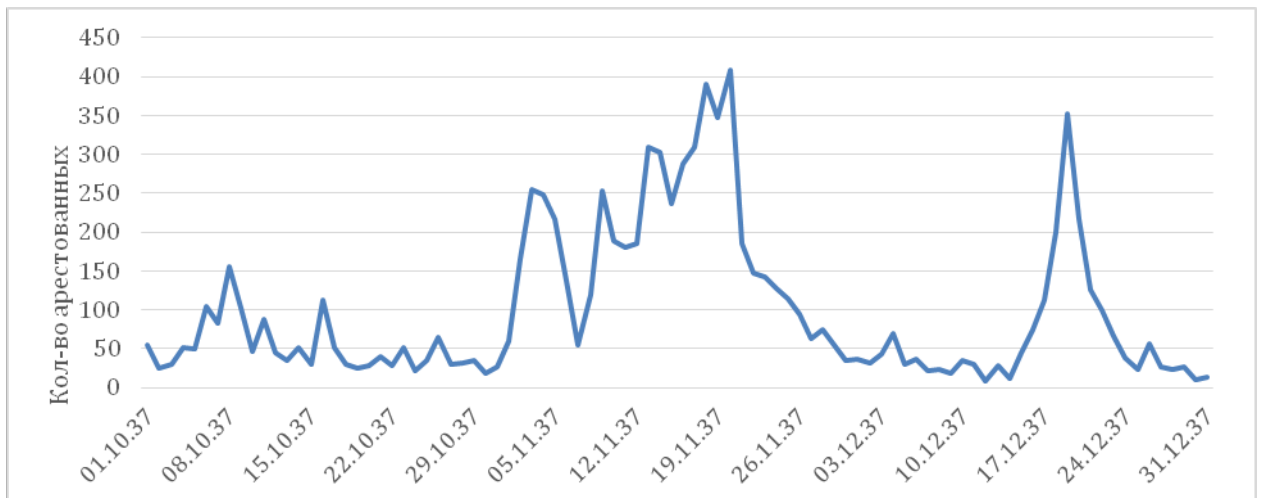
¹³ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. М., 2004. С. 273.

¹⁴ Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 447.

через несколько дней¹⁵. 30 октября 1937 г. состоялось первое заседание тройки при УНКВД по Алтайскому краю, на котором были осуждены 311 человек.

Вероятно, получение нового лимита и начало работы алтайской тройки сыграли свою роль в том, что пик арестов в регионе пришелся на следующий месяц - ноябрь 1937 г. (см. рис. 8). За месяц было арестовано 5680 человек.

Рис. 8. Динамика арестов репрессированных в октябре-декабре 1937 г. по дням.

На графике с динамикой арестов в октябре – декабре 1937 г. по дням (рис. 8) можно видеть, что с началом ноября количество арестованных значительно выросло. В день могли арестовывать от 100 до 300 человек, однако «пиком» репрессий в этом месяце стало 20 ноября, когда были арестованы 408 человек.

В подстегивании репрессий принимал самое непосредственное участие начальник Алтайского УНКВД Попов. В литературе разбирался один из примеров – история базируется на показаниях арестованных впоследствии сотрудников НКВД. В середине ноября 1937 г. Попов приехал в один из районов Бийского округа для встречи с избирателями – он баллотировался в Верховный Совет СССР. Однако собрание не состоялось, так как местные жители на него не пришли. После этого Попов, согласно показаниям его

¹⁵ Шифровка первого секретаря Алтайского КК ВКП(б) Л.Н. Гусева и начальника Алтайского УНКВД С.П. Попова, 17 октября 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 215-216.

помощника, заявил, что «из-за засилья контрреволюционеров в районе» его кандидатура на выборах может провалиться, собрал местное отделение НКВД и дал указание немедленно арестовать около 200 человек. Это удалось организовать в течение нескольких дней: сотрудники НКВД арестовали всех ранее судимых и плохо работавших колхозников, а сельсоветы выдали справки об их кулацком происхождении и враждебном поведении¹⁶.

В декабре интенсивность репрессий несколько спала, хотя в целом она была выше, чем в октябре. Если в октябре было арестовано 1589 человек, то в декабре – 1983.

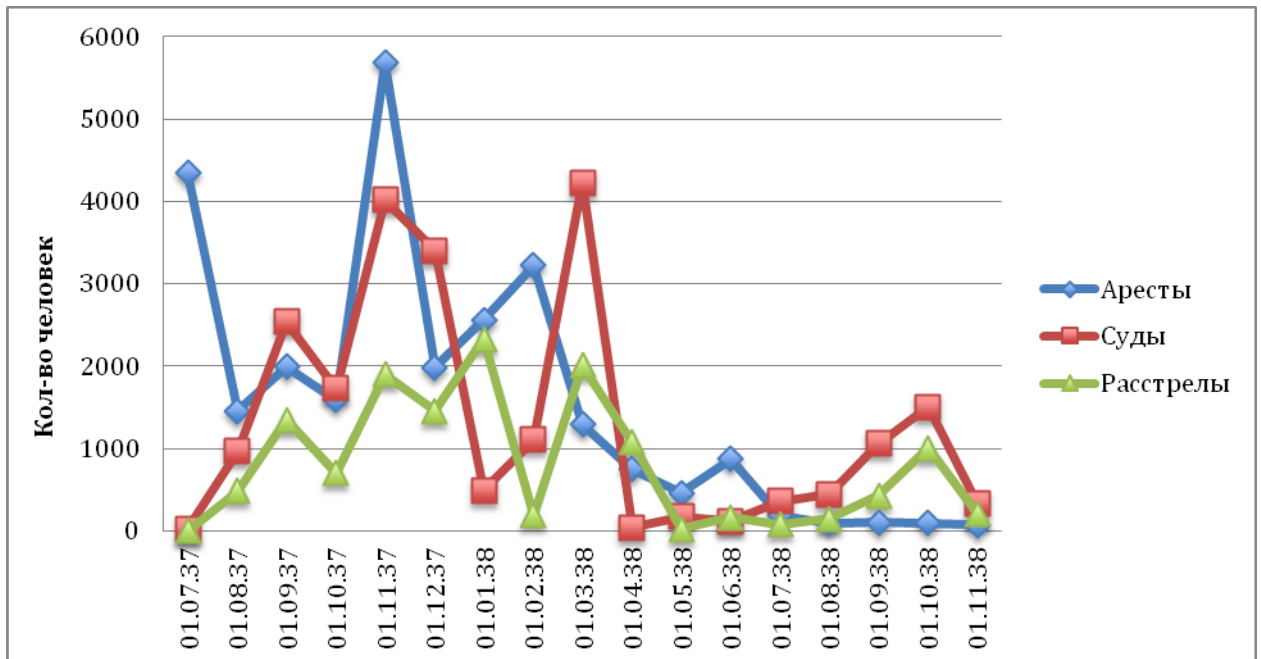
Продолжение массовых репрессий в регионе в 1938 г. в первую очередь было связано с продлением «кулацкой» операции в Алтайском крае до 15 марта. Краю был выделен дополнительный лимит в 2000 по первой категории и 1000 – по второй¹⁷. Кроме того, активно продолжалась «ровсовская» и другие массовые репрессивные операции, в том числе национальные¹⁸. Несмотря на то, что постановление о продлении работы «троек» и новые «лимиты» появились только 31 января, в этом месяце в Алтайском крае было арестовано 2564 человека (как мы увидим в главе III, во многом за счет лиц «инонациональностей»). В феврале – второй «пик» арестов (3224 человека). В середине марта «кулацкая» операция по приказу должна была быть завершена, «тройки» закрыты, и, как видно по рис. 9, количество арестов упало.

Рис. 9. Динамика арестов, вынесения судебных приговоров и расстрелов в Алтайском крае с июля 1937 по ноябрь 1938 г.

¹⁶ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 351.

¹⁷ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности... С. 468.

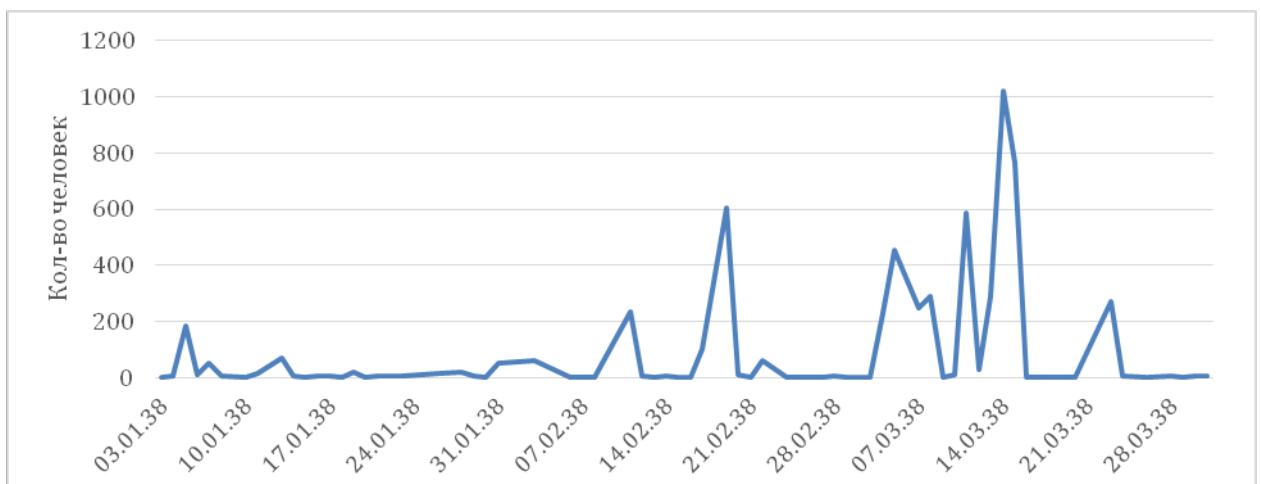
¹⁸ В Алтайском крае активно проходили «национальные» операции. Так, в ходе «немецкой» операции был осужден 3171 человек (из них к ВМН были приговорены 2412), а в ходе «польской» операции - 1540 (из них по «первой категории» - 1230). См.: Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 64. Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-1938 гг.

На рис. № 9 можно проследить, когда осудили арестованных в период Большого террора. Сразу следует отметить, что в 2966 случаях (12% от общего числа) данных о дате суда (если это слово можно применить к заседаниям «троек» или «двоек») отсутствуют, а в 104 случаях они вышли за рамки июля 1937-декабря 1939 г. Некоторые из этих 2966 человек не были осуждены, некоторые умерли под следствием, об остальных, как правило, информации в «Книгах памяти» просто нет.

На более подробном графике (рис. 10) можно увидеть, что наибольшее число арестованных – 4230 человек или 17% – были осуждены в марте 1938 г.

Рис. 10. Динамика вынесения приговоров по дням в январе-марте 1938 г. в Алтайском крае.

Как видно из динамики вынесения приговоров (рис. 10), увеличение числа заседаний троек в марте 1938 г. вероятнее всего связано с подготовкой к завершению деятельности этих внесудебных органов, которое было запланировано, согласно январскому приказу о продлении «кулацкой» операции, на 15 марта. В последние недели перед закрытием тройка Алтайского края работала «ударными темпами»: за полмесяца, по данным «Книг памяти», ей удалось осудить 4831 человека. В последние дни - 13, 14 и 15 марта - тройка заседала каждый день, причем 14 и 15 марта этот орган вынес приговоры более чем 1700 людям.

Чуть менее трети всех репрессированных в период Большого террора было осуждено в ноябре-декабре 1937 г. (всего 7299 чел. или 29%). Это второй пик в числе приговоров, по времени почти совпадающий с ростом числа арестов.

Около 3% арестованных в период Большого террора, попавших в базу, были осуждены уже по завершении массовых операций. В декабре 1938 г. были осуждены 186 человек, в 1939 г. – 660 человек, в 1940 г. – еще 83.

На рис. № 9 также видно, когда приговоры по «первой категории» были приведены в исполнение. Среди арестованных в период Большого террора даты смерти указаны у 12779 человек (50%), дата смерти которых известна. Почти все они (за исключением 28 человек) были расстреляны по ноябрь 1938 г. включительно. Последний из попавших в базу репрессированных, электромонтер Дмитрий Пушкарев, арестованный в феврале 1938 г., был расстрелян уже в военное время - 11 марта 1942 г. В БД встретились три случая, когда люди умерли раньше, чем их арестовали, что свидетельствует о явных ошибках составителей.

В основном все приговоры к ВМН были исполнены к лету 1938 г., часть арестованных в ходе Большого террора (суммарно 6% от общего числа арестованных) были также расстреляны осенью 1938 г.

Еще одно наблюдение по рис. 9 – заметный рост количества осуждений (до 1500 чел.) и расстрелов (до 1008 чел.) в октябре 1938 г. на фоне почти

полного отсутствия арестов в предыдущие несколько месяцев. Похоже, что в октябре 1938 года чекисты точно также, как и в марте 1938 г., стремились поскорее завершить все открытые у них дела к концу массовых операций в середине ноября 1938 г.

Подведем промежуточный итог. За пять месяцев 1937 г. (август-декабрь) было расстреляно 5887 человек, или 40% от общего числа осужденных к ВМН, за 11 месяцев 1938 г. (январь-ноябрь) больше – 7654 человек, или 60%. Таким образом, получается, что 1937 г. лидирует по числу арестов, а 1938 г. – по числу расстрелов.

Обратимся также к тому, какие судебные и внесудебные органы были в регионе в период Большого террора наиболее активны (см. табл. 5).

Табл. 5. Количество арестованных в Алтайском крае, приговоренных различными судебными и внесудебными органами.

Осудившие орган	Кол-во осужден.	В %	К ВМН	В %
Тройка при УНКВД по АК	12864	50,4%	6013	46,7%
Особое совещание при НКВД СССР	3794	14,9%	2921	77,0%
Тройка при УНКВД по Запсибкраю	3515	13,8%	2048	58,3%
Алтайский Крайсуд	940	3,7%	11	1,2%
Тройка при УНКВД по Новосибирской обл.	500	2,0%	301	60,2%
Военный трибунал	314	1,2%	37	11,8%
Военная Коллегия Верховного Суда СССР	253	1,0%	201	79,4%
Тройка при УНКВД по Омской обл.	53	0,2%	16	30,2%
Спецколлегия Запсибкрайсуда	7	0,0%	0	0,0%
Новосибирский облсуд	4	0,0%	0	0,0%
Районные народные суды	3	0,0%	0	0,0%
Тройка при УНКВД по Красноярскому краю	2	0,0%	0	0,0%
Тройка при УНКВД по ДВК	1	0,0%	0	0,0%
Тройка при УНКВД по Ленинградской обл.	1	0,0%	0	0,0%
Тройка при УНКВД по Хабаровскому краю	1	0,0%	0	0,0%
Нет данных	3275	12,8%	1244	38,0%

По данным «Книг памяти», тройка при УНКВД по Алтайскому краю приговорила 50,4% репрессированных, еще 13,8% были осуждены тройкой по Западно-Сибирскому краю и 2% - тройкой при УНКВД по Новосибирской области. Всего различными тройками было приговорено 66,5% репрессированных. Согласно данным о количестве приговоров к ВМН, «тройка» Алтайского края действовала менее жестоко, чем Западно-Сибирского края: первая приговорила к смерти 47% осужденных, вторая - 58%. Возможно, что это объясняется тем, что применительно к Алтайскому краю «тройка» Западно-Сибирского края действовала в начале «кулацкой» и «ровсовской» операций, а начало было гораздо более жестоким по количеству приговоров к ВМН.

14,9% арестованных, справки на которых есть в нашей базе, были осуждены Особым совещанием при НКВД СССР, 3,7% - Алтайским крайсудом. На долю Военной коллегии Верховного суда, традиционно осуждавшую наиболее высокопоставленных «преступников», приходится лишь 1% репрессированных (253 человека), в то же время по количеству смертных приговоров этот орган в Алтайском крае лидирует: высшая мера наказания ожидала осужденных ВКВС в 79% случаев.

Примечательно, что среди судебных органов, упомянутых в «Книгах памяти», нет двух ключевых репрессивных органов Большого террора – «двойки» (Комиссии НКВД и прокурора) и Особой тройки, которая активно выносила приговоры по «национальным операциям» в последние два месяца Большого террора (15 октября – 15 ноября 1938 г.). Известно, что в регионе по «немецкой» операции в крае были осуждены 3171 человек, а по «польской» - 1540¹⁹. Почему эти люди не попали в статистику по судебным органам? Возможно, что часть из них попали в раздел «нет данных». Кроме того, возможно, что «особая тройка» была приравнена составителями «Книг памяти» к «особому совещанию при НКВД». В пользу этой версии говорит и то, что ОСО в период Большого террора не могло выносить приговоры к

¹⁹ Охотин Н., Рогинский А. Указ.соч. С. 64; Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ.соч.

ВМН²⁰, однако в базе такого рода случаев множество. Наконец, нельзя исключить, что по тем или иным причинам некоторые пострадавшие от национальных операций лица могли не войти в «Книги».

Рассмотрим, наконец, какие приговоры выносились в отношении репрессированных (данные поля *prigovor*). Стоит отметить, что при использовании данных поля *prigovor*, а не *rasstrel*, процент приговоров к ВМН несколько выше – 52,5% против 51%. Поскольку мы полагаем, что в поле *prigovor* могли вписывать приговоры до пересмотра, а в поле *rasstrel* – окончательные результаты рассмотрения дела (был человек расстрелян или нет), в нашем исследовании мы чаще используем данные поля *rasstrel*. Тем более что в данном случае эти сведения больше коррелируют с подсчетами исследователей, работавших с архивно-следственными делами региона.

Табл. 6. Количество приговоренных в Алтайском крае к различным срокам наказания.

Итог рассмотрения дел	Кол-во человек	Доля от общего числа
ВМН	14189	52,5%
10 лет	6942	25,7%
8 лет	2884	10,7%
5 лет	1340	5,0%
освобожден	717	2,7%
другие сроки заключения	604	2,2%
зачтен срок предвар.закл., условный срок	64	0,2%
высылка за пределы СССР	6	0,0%
умер в тюрьме	97	0,4%
сведений в деле нет	52	0,2%
нет данных	137	0,5%

Из табл. 6 мы видим, что 14189 арестованных (52%) были приговорены к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу (почему мы используем

²⁰ См.: Московский мартиролог [Электронный ресурс]: Списки расстрелянных по политическим обвинениям в годы советской власти // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/memory/preface/martyr.htm> (дата обращения: 12.04.2014).

немного другие данные, см. выше). В более чем 40% случаев арестованные были приговорены к длительным срокам лишения свободы: 10 годам (почти 7000 человек, 26%), 8 годам (2884 чел., 11%), 5 годам (5%).

Дела всего 3% арестованных (717 человек) были прекращены, а сами они отпущены на свободу. В 97 случаях дела прекратили уже после смерти репрессированных в заключении. В «Книгах памяти» есть также 64 случая, когда арестованных вместо наказания подвергали «гласному надзору» сроком на 2 года, либо же им зачитывались сроки предварительного заключения. Большинство из этих дел связаны с ЧСИР – членами семей «изменников родины».

2.2. Башкирская АССР

По данным «Книг памяти», в Башкирской АССР в период Большого террора были репрессированы 11444 человека. По переписи 1937 года в Башкирской АССР проживало 2956778 человек²¹, а арестовано было, получается, 0,39% населения. По данным переписи 1939 года в этом регионе проживало существенно больше - 3158969 человек²², а арестовано было 0,36% населения. Судя по «Книгам памяти», 34% репрессированных в Башкирской АССР было расстреляно (данные поля *rasstrel*).

Перед началом репрессий 1937-1938 гг. первым секретарем Башкирского обкома ВКП(б) был Яков Быкин (занимал этот пост с 1930 г. по октябрь 1937 г.). Несмотря на распространенную практику, он не вошел в «тройку» по «кулацкой» операции. Когда 9 июля был утвержден первоначальный состав этого внесудебного органа, председателем тройки стал нарком внутренних дел Башкирской АССР Соломон Бак, остальными

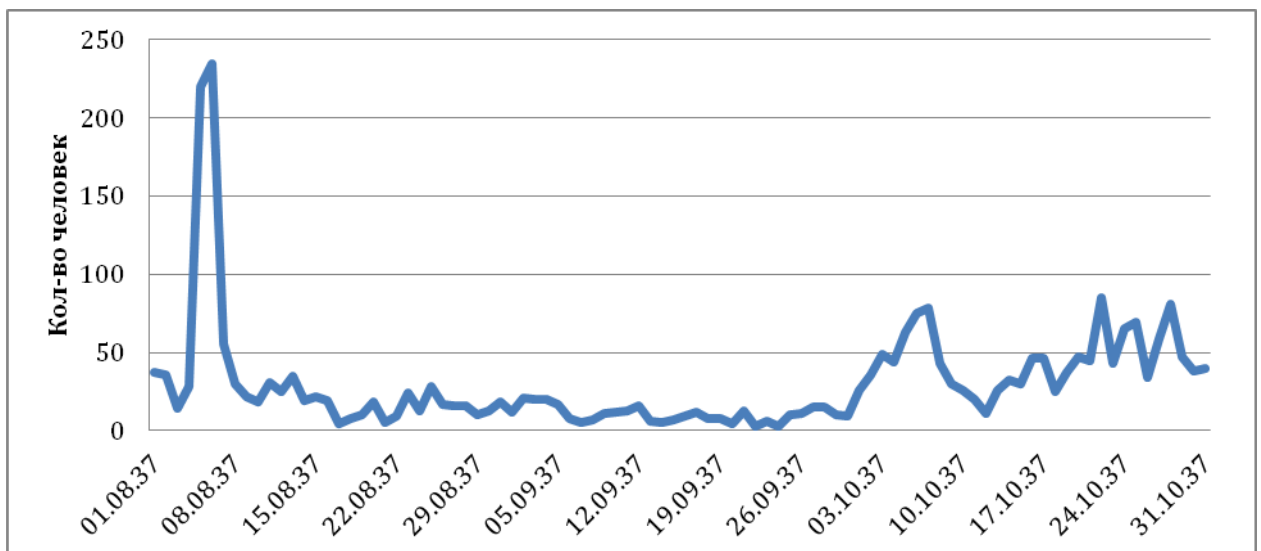
²¹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». С. 35.

²² Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. С. 22.

членами – Исанчуриным (секретарь Башобкома) и Цыпнятов (зав. Сельхозотделом обкома)²³.

Сколько именно «лимитов» запросили из Башкирии, неизвестно. Опубликована телеграмма первого секретаря АССР Быкина от 7 июля, в которой он сообщает, что «количество кулаков и уголовников, подлежащих расстрелу и отдельно высылке, Бак сообщит НКВД т. Ежову»²⁴. По всей видимости, 16 июля Бак принял участие в совещании руководителей УНКВД в Москве с участием Ежова. Выступление наркома произвело на Бака такое впечатление, что 19 июля он телеграфировал в Уфу о необходимости увеличения первоначального числа лиц, подлежащих репрессиям, в два раза²⁵. 30 июля в приказе № 00447, наконец, появляются уже конкретные «лимиты» для Башкирской АССР: в республике нужно было арестовать 500 человек по «первой категории», и 1500 – по «второй»²⁶. Так в регионе начались «массовые операции» (см. рис. 11).

Рис. 11. Динамика арестов репрессированных в Башкирской АССР в августе-ноябре 1937 г.

«Кулацкая» операция в Башкирской АССР, в отличие от Западно-Сибирского края, началась в строгом соответствии с датой, указанной в

²³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 75. В директивных документах по «кулацкой операции», в том числе приказе № 00447, фамилии членов троек, как правило, указываются без инициалов.

²⁴ Там же. С. 60.

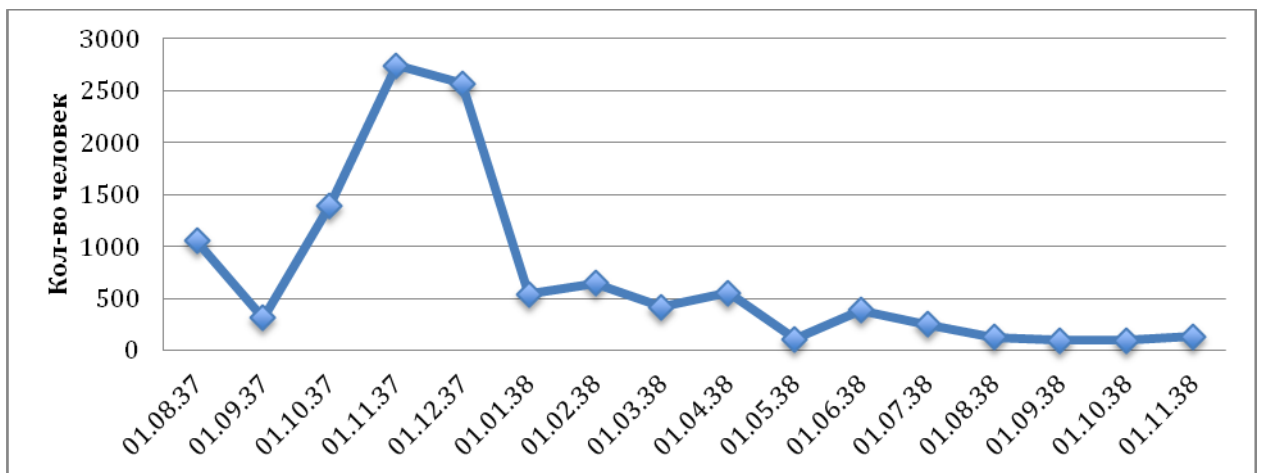
²⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 264.

²⁶ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 275.

приказе № 00447 – 5 августа 1937 г. В этот день были арестованы 220 человек, на следующий день – еще 235. Это были максимальные показатели числа задержанных за день за весь период Большого террора. Далее органы НКВД задерживали в среднем 19 человек в день.

Всего в августе 1937 г. была арестована тысяча человек. В сентябре в массовых операциях в Башкирии прослеживается некоторый спад, было арестовано «всего» 316 человек (см. рис. 12).

Рис. 12. Динамика арестов в Башкирской АССР с августа 1937 по ноябрь 1938 гг.

В октябре 1937 г. республику посетил секретарь ЦК А. Жданов. 4-6 октября он руководил пленумом Башкирского обкома, который постановил снять первого секретаря Быкина со своего поста. По словам самого Жданова, на этом пленуме был «нанесен удар в самый центр контрреволюции в Башкирии»²⁷. В том же месяце сменилось и руководство местных органов безопасности, с 1 октября 1937 г. наркомом внутренних дел Башкирской АССР вместо Бака стал А. А. Медведев. 2 ноября 1937 г. он был назначен главой Башкирской тройки²⁸.

Видимо, из-за смены руководства репрессии снова начали набирать обороты: на графике арестов по дням (рис. № 12) видно, как с начала октября число арестов растет. Июльских лимитов стало не хватать. 12 октября новый секретарь Башкирского обкома ВКП(б) А. Т. Заликин (занимал этот пост до

²⁷ Книга памяти республики Башкортостан. С. 5.

²⁸ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 629.

января 1939 г.) направил шифротелеграмму Сталину. По его словам, на территории Башкирии была «выявлена сеть военно-повстанческих отрядов», поэтому лимит, который был дан республике ранее, был определен как «явно недостаточный». Дальше Заликин попросил увеличить лимит, но на сколько, не уточнил. Сталин оставил на документе положительную резолюцию, предложив Ежову самому решить, на сколько именно увеличить лимит²⁹. Новый рост числа арестов происходит в 20-х числах октября 1937 г. В целом в октябре было арестовано 1396 человек, что почти в 4,5 раза больше, чем в сентябре 1937 г.

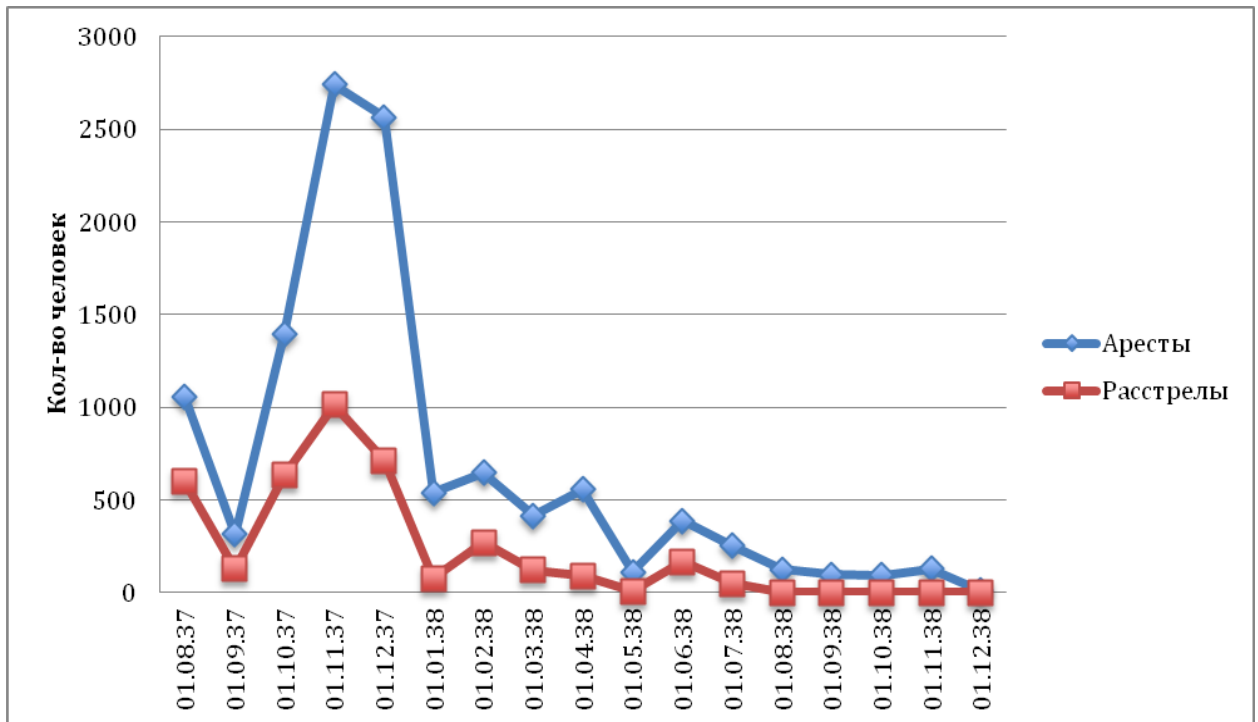
Ноябрь-декабрь 1937 г. стали самыми активными месяцами по числу арестов в Башкирии. За 2 месяца было арестовано 5308 человек, или 46% от общего количества репрессированных. В ноябре в среднем местное УНКВД арестовывало 91 человека в день, в декабре – 82. 11 декабря за один день были арестованы 203 человека.

Поскольку в список из 22 регионов, в которых «кулацкая операция» продолжалась в 1938 г., Башкирия не попала, с января 1938 г. аресты резко идут на спад. Хотя по-прежнему в их динамике можно проследить небольшие пики – в феврале, апреле и июне 1938 г. В целом 1938 году было репрессировано 28% от общего числа арестованных в регионе за период Большого террора.

Башкирские «Книги памяти» также дают возможность проследить, когда приговоры были приведены в исполнение. В базе есть сведения о датах расстрелов почти всех 3886 осужденных к ВМН за исключением 9 человек (см. рис. 13). Из них девять человек дождались исполнения приговора к ВМН уже по завершении массовых операции: семь из них были расстреляны в декабре 1937 г., еще один в апреле 1939 г. и другой в июне 1939 г.

Рис. 13. График арестов и приведения расстрельных приговоров в исполнение в Башкирской АССР.

²⁹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 386.

Из графика расстрелов арестованных можно видеть, что приводить приговоры в исполнение наиболее активно начали в октябре 1937 г., когда за месяц было расстреляно 635 человек. Арестованные в августе в основном были расстреляны в сентябре-ноябре 1937 г. (почти 70%). Пик в числе расстрелов приходится на ноябрь-декабрь 1937 г., когда были расстреляны 1013 и 714 человек соответственно.

В 1938 г. расстрелы арестованных продолжались довольно интенсивно. Если в 1937 г. в исполнение было приведено чуть менее 40% от общего числа расстрельных приговоров, то остальные 60% репрессированных, приговоренных к ВМН, были расстреляны в 1938 г. Представляют интерес «пики» расстрелов в феврале 1938 г. и в октябре 1938 г. (перед планируемым завершением массовых операций).

Рассмотрим также более подробно приговоры, которые выносились репрессированным в Башкирской АССР (см. табл. № 7). Отметим, что в базе данных в 16% случаев не указано, какой именно приговор (поле `prigovor`) ожидал арестованных.

Табл. 7. Количество приговоренных к различным срокам наказания в Башкирской АССР.

Приговор	Кол-во человек	В процентах
ВМН	3145	27,5%
Более 10 лет	23	0,2%
10 лет	4465	39,0%
5-9 лет	1682	14,7%
1-4 года	202	1,8%
Дело прекращено	6	0,1%
Умер под следствием	18	0,2%
Прочее	86	0,8%
Нет данных	1829	16,0%

Из табл. № 7 видно, что большинство репрессированных было осуждено на длительные сроки – 10 лет (39%) и на срок от 5 до 9 лет (14,7%). К высшей мере наказания (расстрел) приговорено 25,5% арестованных – при значительном числе отсутствующих данных. Однако мы в данной работе опираемся на данные другого поля – *rasstrel*, согласно которым 34% репрессированных в Башкирской АССР было расстреляно. В большинстве случаев в биографиях этих лиц есть даты расстрелов, что подтверждает правильность заполнения поля *rasstrel*.

Еще одно наблюдение: в «Книгу памяти» Башкирии попало мало людей, чье дело было прекращено (6 человек, 0,1%) или тех, кто умер под следствием (18 человек, 0,2%). Вполне возможно, что первых было много среди тех, по которым нет данных о приговоре. В графу «Прочее» попали люди, приговоренные к условным срокам, а также приговоренные к ссылкам разной продолжительности.

2.3. Горьковская область

В «Книгах памяти» Нижегородской области к периоду Большого террора относятся биографии 11417 человек. По сведениям переписи 1937 г.

в Горьковской области проживало 3683008 человек³⁰, переписи 1939 г. - 3869887³¹, то есть «степень репрессий» (доля репрессированных среди населения) составила 0,3% или 0,29% соответственно. 37% арестованных (согласно данным поля *rasstrel*) либо 36% (согласно данным поля *prigovor*) в Горьковской области были расстреляны.

Проанализируем ход Большого террора в Горьковской области. Массовые операции в регионе проходили после смены руководства: на областной партконференции в июне 1937 г. снятого в мае первого секретаря Горьковского обкома партии Э. Прамнэка сменил Ю. Каганович³² (брат Лазаря Кагановича; Ю. Кагановичу удалось продержаться на этом посту до 1939 г.³³). Новое руководство сразу активно принялось за репрессии. Как вспоминал Каганович уже на следующей областной партконференции в июле 1938 г., за год «благодаря возросшей бдительности масс, большевистской работе органов НКВД, помощи и руководства Н. И. Ежова в области провели такую работу по разгрому врагов, о которой год назад было даже трудно предполагать»³⁴.

Уже 8 июля 1937 года Каганович отправил в Москву телеграмму о том, сколько в его области планируется репрессировать «антисоветских элементов». Согласно этому документу, местные власти были готовы арестовать и осудить 1000 кулаков по первой категории, 650 - по второй, 675 уголовников по первой и 435 по второй. Также Каганович упоминал о большом количестве кулаков, бежавших с мест постоянного жительства и скрывавшихся от выселения - 620 человек могли быть приговорены к первой категории, 3200 - ко второй³⁵. Итого 2295 человек по первой категории и 4285 по второй, всего – 6580 человек. Запросы активного руководства

³⁰ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». С. 34.

³¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 21.

³² Кулаков А.А., Гордеева Л.П. За правду истории, честь и достоинство личности // Забвению не подлежит: О репрессиях 30-х — начала 50-х годов в Нижегородской области. Книга первая / Сост. А. П. Арефьев, В. А. Казаков, В. В. Смирнов. Нижний Новгород, 1993. С. 20.

³³ Трагедия советской деревни. Т. 5, Кн. 2. С. 592.

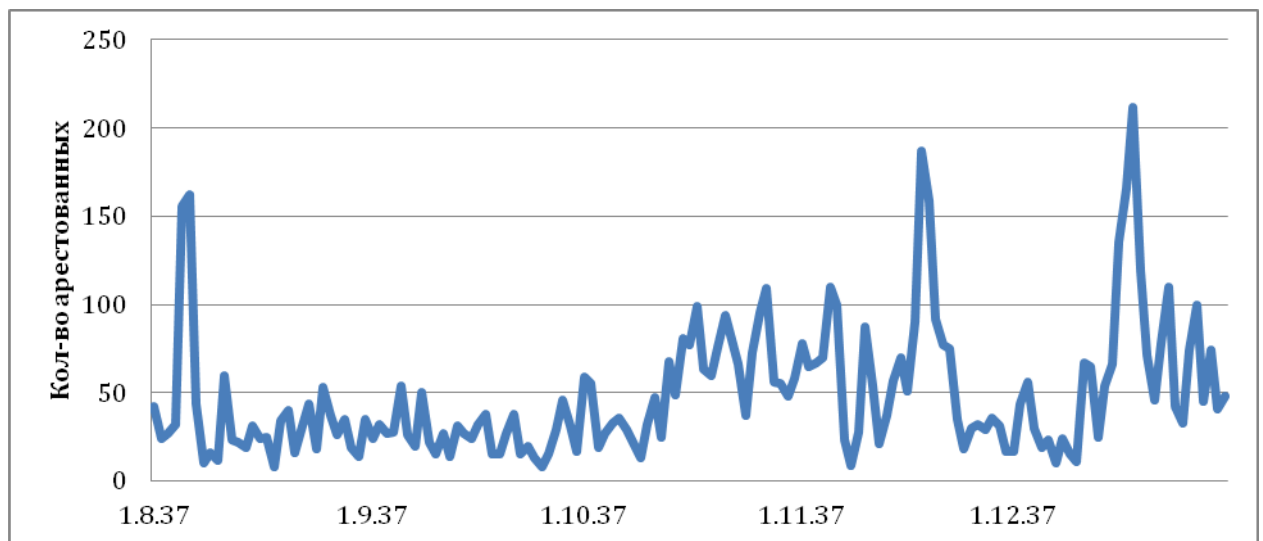
³⁴ Кулаков А.А., Гордеева Л.П. Указ. соч. С. 21.

³⁵ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 62-63.

Горьковского обкома были понижены – по приказу № 00447 области был выделен лимит в 1000 человек по первой категории и 3500 человек по второй³⁶. Председателем «тройки» был назначен глава УНКВД И.Я. Лаврушин, членами - секретарь Обкома ВКП(б) К.М. Огурцов и прокурор области А.З. Устюжанинов³⁷, то есть сам Каганович в состав тройки не вошел.

Рассмотрим динамику арестов репрессированных в Горьковской области (рис. 14). Для начала стоит сделать одно источниковедческое замечание. В «Книгах памяти» Нижегородской области нередко данные о том, когда точно был арестован тот или иной репрессированный, обобщены. Так в нашу базу попали 1667 человек (15%), у которых в дате ареста указан просто 1938 г. Это означает, что в динамику арестов по месяцам их включить невозможно.

Рис. 14. Динамика арестов репрессированных в августе-декабре 1937 г. в Горьковской области.

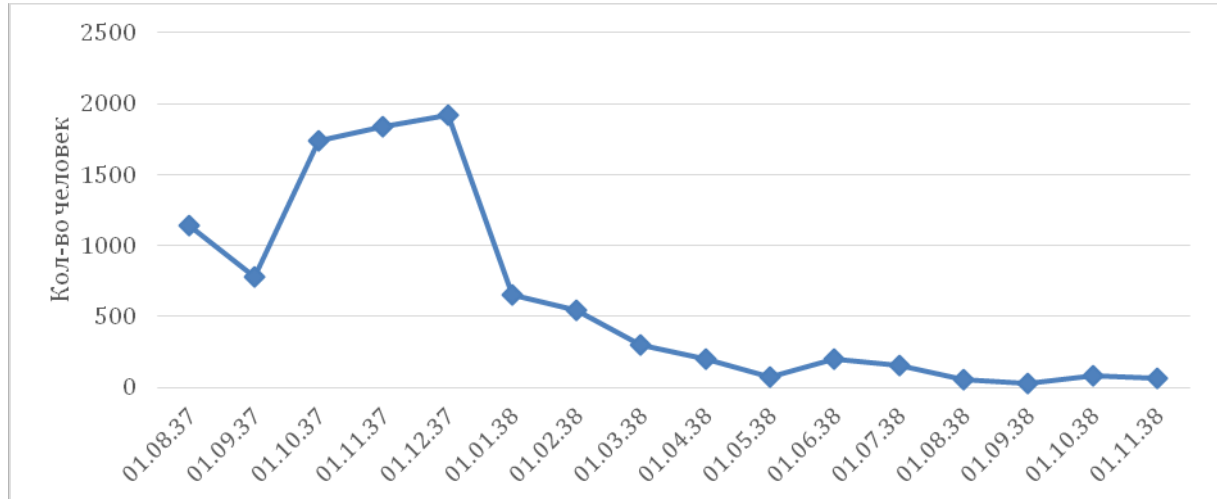
В Горьковской области массовые аресты по «кулацкой» операции начались четко по приказу о начале «кулацкой» операции. Если за весь июль 1937 г. было арестовано всего 375 человек, то 5 августа было арестовано 156 человек, а 6 – еще 162. Далее в среднем органы внутренних дел проводили по 28 арестов в день. Всего в августе было арестовано 1139 человек. В сентябре

³⁶ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 275.

³⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 633.

1937 г. было арестовано чуть меньше - 780 человек, в среднем по 26 человек в день.

Рис. 15. Динамика арестов в Горьковской области с августа 1937 по ноябрь 1938 г.

В последующие месяцы операция начинает идти по нарастающей (см. рис. 15). 7 октября 1937 года Ю.М. Каганович сообщил в телеграмме, что в области были репрессированы 1000 человек по первой категории и 1100 по второй. «Было вскрыто и ликвидировано кулацко-эсеровских террористических организаций 16, групп 121», - отметил секретарь обкома. Первоначальный лимит был исчерпан, поэтому Каганович попросил увеличить его на тысячу человек по первой категории³⁸ (запрос был утвержден³⁹). 23 октября 1937 г. Каганович уже сам был введен в горьковскую «тройку» вместо переведенного в Челябинск Огурцова⁴⁰.

Утверждение новых лимитов ожидаемо привело к увеличению числа арестов. В октябре 1937 г. было арестовано 1742 человека (почти на 1000 человек больше, чем в предыдущем месяце), в среднем шло по 56 арестов в день. В ноябре число арестов увеличилось до 1837 (уже по 61 аресту в день). Максимальное количество репрессированных было задержано в декабре, когда за месяц было арестовано 1920 человек.

³⁸ Там же. С. 214.

³⁹ Трагедия советской деревни. Т. 5., Кн. 1. С. 382.

⁴⁰ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 633.

Примечательно, что в ноябре и декабре явно выделяются периоды, когда аресты шли наиболее активно: 18-19 ноября (346 человек), 16-19 декабря (632 человека). Похоже на то, что местным органам НКВД требовалось чуть меньше месяца, чтобы «обработать» всех поступивших под следствие, а затем перейти к новым арестам. Возможно, что эти пики были связаны и со специальными распоряжениями об арестах.

Декабрьский «пик» в арестах мог быть связан и с внешними событиями, а именно выборами в Верховный совет СССР 12 декабря. За несколько дней до выборов в Горький приехал сам нарком внутренних дел Н. Ежов, который был кандидатом в депутаты от этого города. Ежов провел встречу с избирателями на 100-тысячном митинге в Сормове, выступил перед 70-тысячным митингом на горьковском Автозаводе, а также на собрании избирателей Ленинского района⁴¹. Речи Ежова, находившегося в тот момент на пике своего могущества, были посвящены борьбе с врагами. «Наш народ уничтожит всех до единого этих презренных приказчиков господ капиталистов, подлых врагов рабочего класса и всех трудящихся», - цитировала Ежова газета «Правда»⁴². Возможно, что речи Ежова мотивировали местное руководство на еще более активные аресты. Не исключено, что нарком в ходе поездки мог дать ряд советов местным чекистам.

Тем не менее, в январе 1938 г. Горьковская область не попала в число регионов, в которых «кулацкую операцию» было решено продолжить. Несмотря на это, 4 февраля 1938 г. Каганович написал Сталину и Ежову с просьбой продлить срок операции до 20 марта 1938 г. и увеличить лимит для области на 3000 человек по первой категории и на 2000 по второй. На тот момент в области было арестовано уже 9600 человек⁴³. Однако прошение не было удовлетворено – на следующий день замнаркома внутренних дел Фриновский отправил главе Горьковского УНКВД Лаврушину телеграмму, в

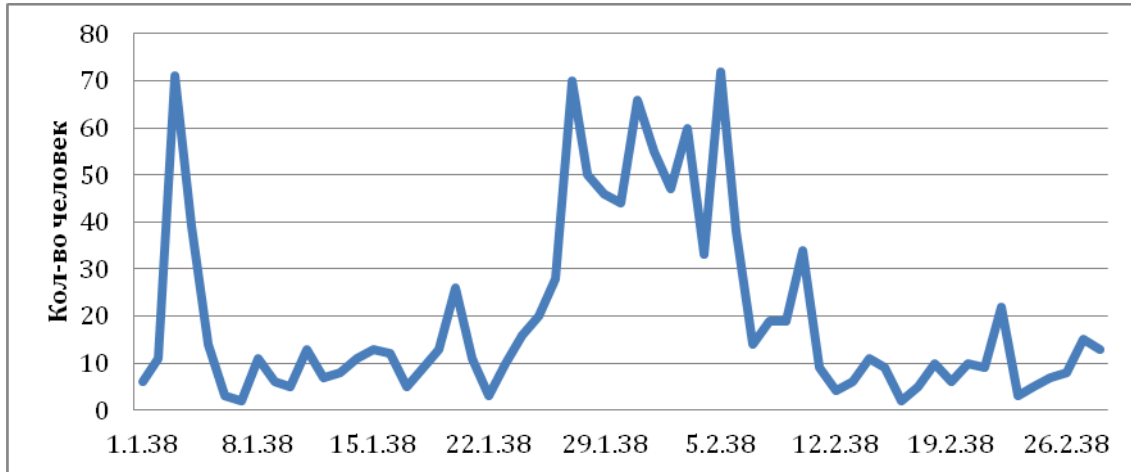
⁴¹ Кулаков А.А., Гордеева Л.П. Указ. соч. С. 21.

⁴² Цитата по: Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец. С. 132.

⁴³ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 471.

которой отказал в установлении новых лимитов и потребовал все дела сверх лимита оформлять через спецколлегию и особое совещание⁴⁴. Готовить дела для рассмотрения их этими органами было значительно сложнее, чем для «троек». Интересно, как этот отказ в продлении операции отразился на динамике арестов (см. рис. 16).

Рис. 16. Динамика арестов репрессированных в Горьковской области в январе-феврале 1938 г. по дням.

На графике арестов (ср. рис. 15 и 16) с января 1938 г. прослеживается резкое падение (почти на 3000 человек в абсолютном выражении). Вероятно, не случайно, что последние более или менее массовые аресты в Горьковской области проходили как раз во время обсуждения новых лимитов для всей страны (конец января 1938 г.) и конкретно для этого региона (телеграмма Кагановича – начало февраля 1938 г.). Эти пики арестов хорошо видны на рис. 19. 27 января были арестованы 70 человек, 31 января – еще 66, 5 февраля – 72. За неделю 27 января – 6 февраля были арестованы 581 человек – почти 50% от общего числа арестованных в эти два месяца. Получив отказ в увеличении лимита и передав его районным отделениям, органы НКВД сворачивают операцию.

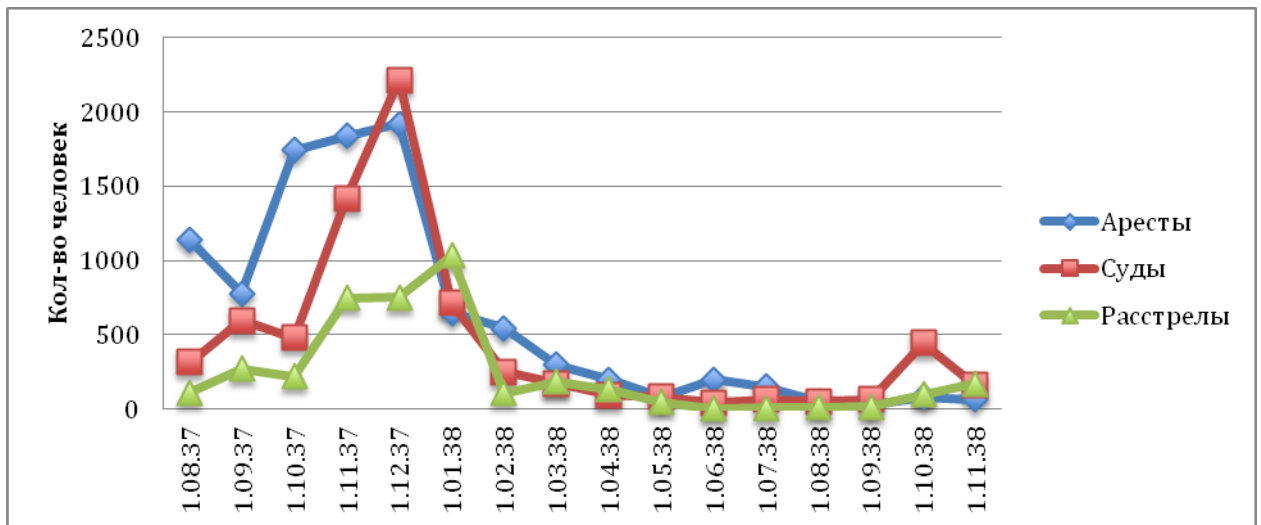
Таким образом, завершение «кулацкой» операции – по прямому требованию Москвы – хорошо видно на графике. Если за 5 месяцев 1937 г. было репрессировано 65% от общего числа жертв Большого террора в

⁴⁴ Трагедия советской деревни. Т. 5., Кн. 2. С. 550.

области, то за 11 месяцев 1938 г. – всего 35%. В марте-ноябре 1938 г. количество арестованных в месяц не превышало 300 человек, причем никаких относительно значимых пиков арестов в Горьковской области не прослеживается.

Рассмотрим также динамику осуждений и приведений приговоров в исполнение (рис. 17).

Рис. 17. Динамика арестов, судов и расстрелов жертв Большого террора в Горьковской области.

В 66% случаев (7521 человек) книги памяти Нижегородской области позволяют нам узнать, когда были осуждены арестованные. График (рис. 17) показывает, что в основном арестованные были осуждены в ноябре-декабре 1937 г. (всего 32% от осужденных, у которых в справках есть данные о дате осуждения, 1418 человек в ноябре и 2214 в декабре 1937 г.), тогда же, когда динамика арестов фиксирует наивысшее их количество.

Если проанализировать динамику осуждений по дням, то выяснится, что больше всего приговоров было вынесено 31 декабря. Судя по данным «Книг памяти», за один день в Горьковской области осудили 673 человека (9% от всех осужденных). По всей видимости, так в области в спешке готовились к завершению массовых операций в 1937 году и «закрывали» дела на большинство арестованных к этому моменту.

На графике также виден традиционный «пик» осуждений в октябре 1938 г. (было осуждено 445 человек) – перед окончанием «массовых операций» в ноябре 1938 г.

В 94% случаев в «Книгах памяти» Нижегородской области есть данные о том, когда были приведены в исполнение смертные приговоры. «Пик» в числе расстрелов приходится на январь 1938 г. (тогда как арестов и осуждений - на декабрь 1937 г.). В этом месяце были расстреляны 1035 человек. По всей видимости, в январе спешно приводили в исполнение приговоры, вынесенные в конце декабря 1937 г. После января 1938 г. количество расстрелов резко уменьшается: в феврале, например, были расстреляны «всего» 107 человек, а в марте – 185.

Рассмотрим также, какими судебными органами были приговорены арестованные в ходе Большого террора (см. табл. № 8). При этом необходимо учитывать, что в нижегородских «Книгах памяти» в 17% случаев нет данных об осудившем органе.

Табл. 8. Судебные органы, наиболее активно участвовавшие в массовых репрессиях в Горьковской области.

Судебный орган	Кол-во осужденных	В процентах	ВМН	ВМН в процентах
Тройка	6658	58,3%	3165	47,5%
Тройка (не Горьковская область)	98	0,9%	42	42,9%
Особое совещание	955	8,4%	64	6,7%
Комиссия НКВД СССР и прокурора СССР (двойка)	757	6,6%	728	96,2%
Областной суд	536	4,7%	5	0,9%
Военный трибунал	186	1,6%	15	8,1%
Военная коллегия Верховного суда	161	1,4%	146	90,7%
Линейный суд	79	0,7%	0	0,0%
Водно-транспортный суд	22	0,2%	0	0,0%
Верховный суд	14	0,1%	9	64,3%
Лагерный суд	2	0,0%	0	0,0%
Народный суд	2	0,0%	0	0,0%
Нет данных	1947	17,1%	2	0,1%

Мы видим, что большинство арестованных в Горьковской области (59%, 6756 человек) было осуждено тройками. Как правило, в нижегородских «Книгах памяти» нет указаний на то, к какому именно региону относился этот орган, однако среди 98 случаев, когда место указано, нет ни одного органа Горьковской области. Больше всего осужденных тройкой Татарской АССР, 23 человека, и Кировской области, 36 человек. Поэтому можно предположить, что в тех случаях, когда регион не указан, имелись в виду, как правило, внесудебные органы Горьковской области.

Немало приговоров (8,4%, 955) в Горьковской области вынесло Особое совещание, причем среди них было крайне мало смертных приговоров («всего» 6,7%, 64 случая). Не совсем ясно, почему даже это невысокое количество приговоров к ВМН было вынесено – Особое совещание в исследуемый период не имело права выносить подобные приговоры. Налицо то ли путаница при составлении биографических справок (не исключено, что репрессированных сначала приговорил один орган, а затем другой), то ли прямая ошибка. Также возможно, что составители «Книг памяти» путали «Особую тройку» и «Особое совещание».

Комиссия НКВД СССР и прокурора СССР («двойка»), рассматривавшая дела по национальным операциям, действовала в регионе менее активно, но ее приговоры были гораздо более жесткими: из 757 человек 728 (96%) были приговорены к смертной казни. Почти столь же высокая доля смертных приговоров (90,7%) отмечается у Военной коллегии Верховного суда СССР, которая рассматривала дела «высокопоставленных» репрессированных.

Проанализируем также приговоры, вынесенные осужденным (см. табл. 9).

Табл. 9. Количество приговоренных в Горьковской области к различным срокам наказания.

Приговор	Кол-во человек	В процентах
ВМН	4145	36,3%

11-25 лет	32	0,3%
10 лет	3072	26,9%
5-9 лет	1695	14,8%
1,5-4 года	930	8,1%
1-1,5 года и менее	867	7,6%
освобожден	276	2,4%
умер под следствием	181	1,6%
дело прекращено	82	0,7%
5 лет ссылки	71	0,6%
высылка с территории СССР	27	0,2%
гласный надзор	18	0,2%
принудительное лечение	3	0,0%
нет данных	18	0,1%

Согласно данным поля *prigovor* в базе данных, 36% репрессированных были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу (по данным поля *rasstrel*, напомним, 37%). 27% арестованных (3072 человека) были приговорены к 10 годам заключения, 15% (1695 человек) – к различным срокам от 5 до 9 лет, 8% (930 человек) – к срокам от 1,5 до 4 лет и 7,6% – к сроку менее 1,5 лет. 181 арестованный умер под следствием (в «Книгах памяти» упоминалось о нескольких случаях самоубийств), 27 человек были высланы за пределы СССР. В «Книгах памяти» есть и отпущенные на свободу (276 человек), и отправленные в психбольницы на принудительное лечение (3 человека), и отправленные в ссылку.

Стоит отметить, что в «Книгах памяти» Нижегородской области содержится очень подробное описание того, какой приговор ожидал арестованных, часто указывается, в каком году они скончались (если это произошло в заключении). С одной стороны, это важный материал. С другой стороны, очень часто в приговоре указан небольшой срок (например, 3,5 месяца или 1 год 1 месяц - таких случаев более 850, или 7,6%). Также часто указано, что дела этих арестованных пересматривались и в итоге они были

освобождены либо умирали в лагерных больницах до пересмотра. Складывается впечатление, что составители «Книг памяти» во многих случаях вносили в поле «приговор» не настоящий приговор «троек» и «двоек», а тот срок, что арестованные отсидели до того, как были освобождены либо скончались. Поэтому не стоит слишком доверять данным поля «приговор» в Горьковской области в тех случаях, когда указан небольшой срок (мы знаем из литературы, что для Большого террора сроки длиной в несколько месяцев или даже в один год были не типичны).

2.4. Карельская АССР

В «Книгах памяти» Карелии за период Большого террора есть данные о 10333 репрессированных (с августа 1937 г.) или 10872 репрессированных (если считать с июня 1937 г.). С учетом того, что по переписи 1937 г. в Карельской АССР проживало 512 554 человек, получается, что были арестованы до 1,12% населения, а по всем массовым операциям 2,1% населения. Согласно данным «Книг памяти» Карелии, 85% репрессированных с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. были расстреляны.

Когда репрессии только начинались, ничто, казалось, не говорило о том, что они приобретут в Карелии такой размах. В ходе формирования первоначальных «лимитов» на аресты по «кулацкой» операции из Карельской АССР в центр отправили запрос на 12 человек по 1 категории (ВМН) и высылке 74 человек⁴⁵. 10 июля 1937 г. тройку для края утвердили в составе главы НКВД К.Я. Тенисона, секретаря ОК П.А. Ирклиса, и зам. прокурора республики Михайловича⁴⁶. Однако в приказе № 00447 от 30.07.1937 появились совсем другие цифры. Лимиты для Карельской АССР были повышены до 300 человек по 1 категории (ВМН) и 700 по второй (как правило, 10 лет лагерей), то есть более чем в 10 раз⁴⁷.

⁴⁵ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 323.

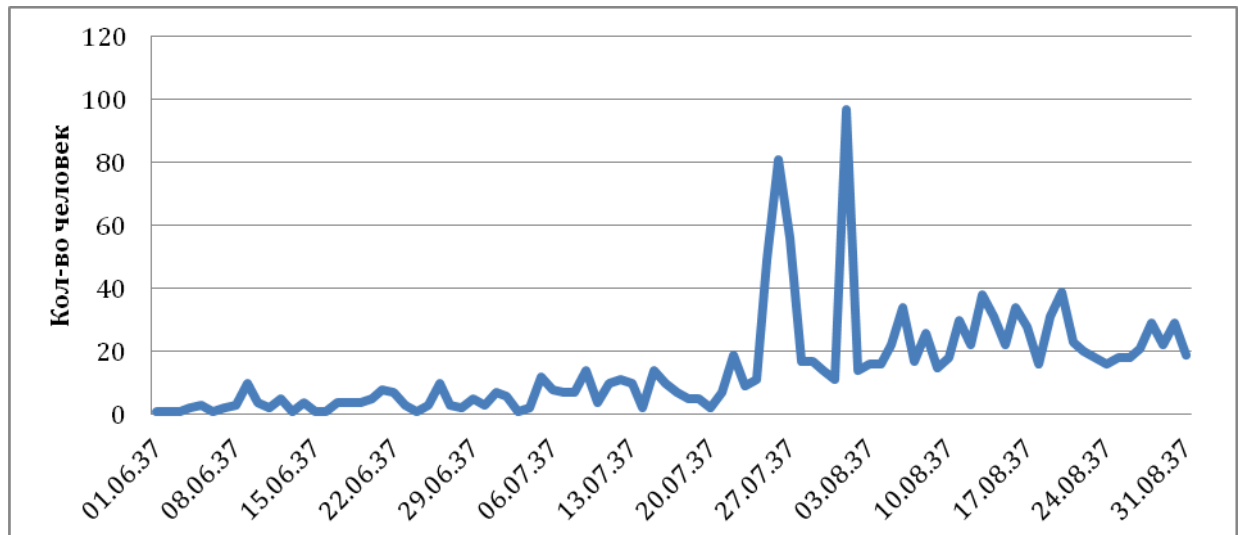
⁴⁶ Юнге Р., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 629.

⁴⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 279

Однако и это было только начало. После этого местные власти неоднократно запрашивали повышения лимитов⁴⁸: в августе 1937 г. – на 250 человек, 13 октября 1937 г. – на 1000 человек⁴⁹. В январе утвержденные тем или иным способом лимиты на аресты по «кулацкой» операции составляли уже 2000 человек по первой категории и 700 по второй. Рассмотрим более подробно ход репрессивной кампании в регионе.

Как видно на графике арестов в Карельской АССР по дням, активно аресты начались незадолго до официального старта «кулацкой» операции (см. рис. 18).

Рис. 18. Динамика арестов репрессированных в Карельской АССР в июне-августе 1937 г.

Резкое увеличение числа арестов в Карелии, как и в Алтайском крае, произошло еще до «официального» старта «кулацкой» операции – 26 июля был арестован 81 человек, 1 августа – 97 человек. 5 августа, напротив, никакого резкого роста числа арестованных не происходит. Можно предположить, что до Карелии, как и до Алтайского края, также сразу не дошли инструкции о переносе даты старта операции с конца июля на начало августа.

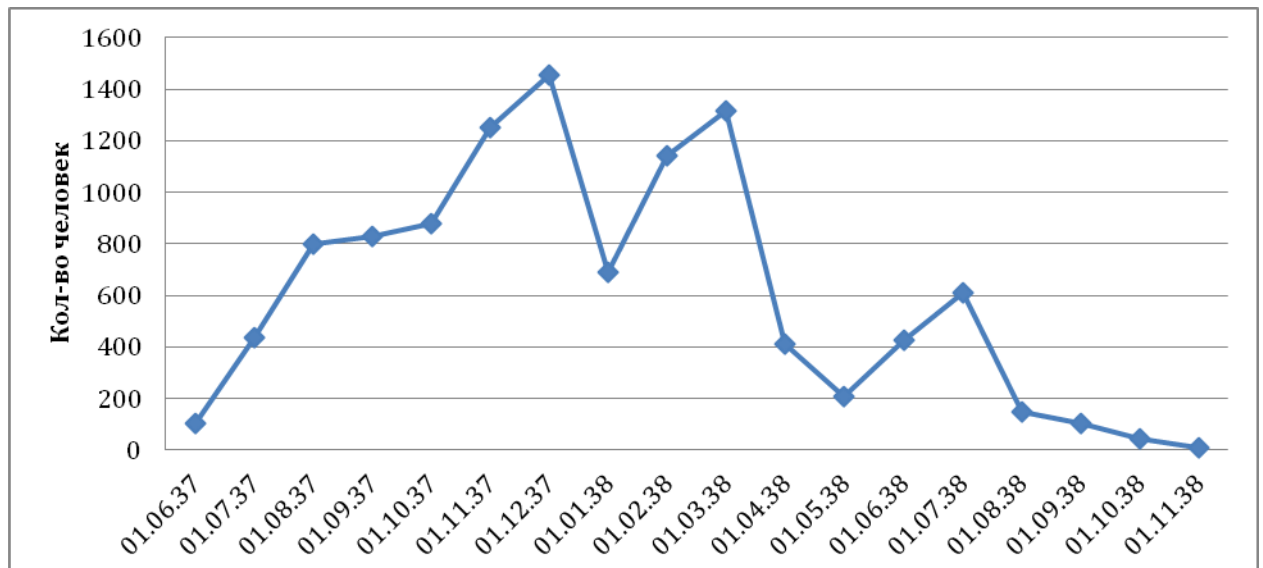
Аресты шли достаточно активно. Уже в августе секретарь карельского обкома ВКП(б) Никольский (входил в состав тройки в июле-сентябре 1937 г.

⁴⁸ Подробнее см.: Юнге Р., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 556.

⁴⁹ Приложение № 3 в кн.: Чухин И. Карелия – 37. С. 140.

вместо Иркиса⁵⁰), отчитываясь о ходе операции в регионе, сообщил секретарю ЦК Жданову о вскрытой органами НКВД «контрреволюционной повстанческой» организации, в которую входили и секретари райкомов партии. Поэтому Никольский просил увеличить лимит на расстрелы для троек с 300 до 550 человек, чтобы «все активные контрреволюционные повстанческие элементы, их гнезда были уничтожены»⁵¹. Жданов переадресовал сообщение Ежову с просьбой поддержать лимит⁵². Всего в августе 1937 г. были арестованы 799 человек (см. рис. 19).

Рис. 19. Динамика арестов в период Большого террора в Карельской АССР.

Затем в октябре 1937 г. повышения лимита потребовал и глава местного НКВД К. Тенисон: «13 октября с.г. я просил увеличить лимит первой категории на 1000 человек. Ответ прошу телеграфировать, так как дела первой категории на заседание троек подготовлены»⁵³. Фриновский разрешил. На графике существенный рост числа арестов наблюдается с первых чисел ноября. Если в октябре в среднем арестовывали по 28 человек в день, то в ноябре – по 42. 1 ноября было арестовано 60 человек, 2 ноября – 63 и т.д.

⁵⁰ Там же. С. 629.

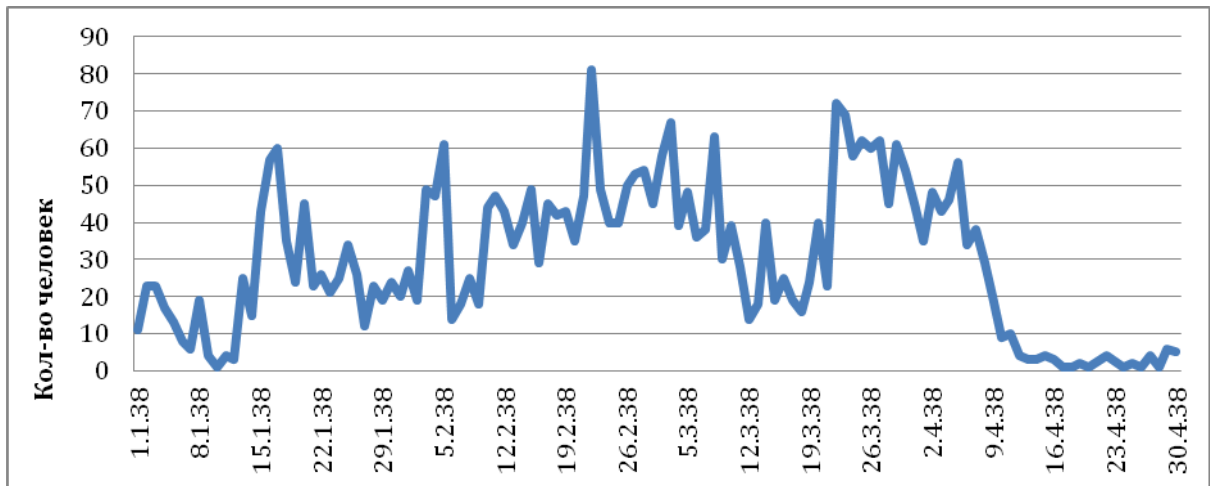
⁵¹ Такала И.Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 84.

⁵² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 270.

⁵³ Такала И. Финны в Карелии и России. С. 84.

Пик арестов, согласно общей динамике (рис. 19), приходится на декабрь 1937 г. (1457 арестованных за месяц). Вероятно, это было связано с тем, что с декабря в регионе фактически начали разворачиваться национальные операции: стали составляться списки-альбомы по национальным операциям и заработала двойка. Деятельность этого внесудебного органа была очень активной: с 4 по 30 декабря были составлены 9 списков-альбомов, по которым прошло 900 человек, 727 из них были приговорены к расстрелу⁵⁴. В среднем в декабре шло по 47 арестов в день.

Рис. 20. Динамика арестов репрессированных в январе-апреле 1938 г. по дням.

Окончания массовых операций с началом 1938 г. не произошло. Карелия оказалась в списке регионов, в которых было решено продолжить «кулацкую» операцию, продолжились и «национальные» операции. В конце января лимит был вновь увеличен на 500 человек по первой категории и 200 по второй. На графике можно увидеть, что рост числа арестов начинался еще в середине месяца (а не с конца января, как можно было бы предположить) — вероятно, это было связано с «национальными» операциями. В феврале 1938 г. число арестованных в Карельской АССР существенно возросло. Если в январе в среднем органы НКВД арестовывали 22 человек в день (всего 689 человек), то в феврале — 41 человека (всего 1143 человек).

⁵⁴ Там же. С. 85-86.

«Пик» арестов в 1938 г. приходится на март, когда были задержаны 1317 человек. Стоит отметить, что 19 марта Политбюро в очередной раз удовлетворило просьбу Карельского обкома о повышение лимита по «кулацкой» операции на 600 чел. по 1 категории и 150 по второй. Срок работы троек был продлен до 15 апреля⁵⁵. На графике (рис. 20) видно, как после 20 марта возрастает число арестов. Еще более заметно на графике арестов завершение «кулацкой» операции: если в первую неделю апреля арестовывали еще в среднем 43 человека в день, затем число арестов постепенно снижалось, 11 апреля было арестовано «всего» 10 человек, а затем до конца месяца этот показатель был еще ниже.

Почему, когда в других регионах репрессии уже шли на спад, Карелии выделялись все новые лимиты, и местные чекисты продолжали аресты? Некоторые вероятные объяснения изложены в последней части данной главы, однако сейчас стоит остановиться на одном из возможных объяснений – кадровой перестановке в руководстве НКВД. В январе 1938 г. из Карелии отозвали замнаркома НКВД Александра Солоницына, который «являлся правой рукой Тенисона»⁵⁶, а затем 31 января сняли и самого наркома (Тенисон был арестован чуть позже – в апреле 1938 г.). НКВД Карелии вместо него возглавил С. Матузенко, который фактически начал новую репрессивную кампанию. Сначала Матузенко работал вместе с первым секретарем обкома Карелии Н.И. Ивановым, однако к июню 1938 г. накопилось недовольство и партийным лидером. На съезде компартии Карелии под сомнение ставились антифинская политика первого секретаря Иванова. Он был снят и на его место поставили выходца из Ленинграда Г.Н. Куприянова⁵⁷.

По завершении «кулацкой» операции на графике выделяется еще один заметный пик арестов – июль 1938 г. (611 чел.). Несмотря на вышеупомянутую критику «антифинской» политики Иванова, Куприянов

⁵⁵ Мозохин О. Право на репрессии. С. 177-178.

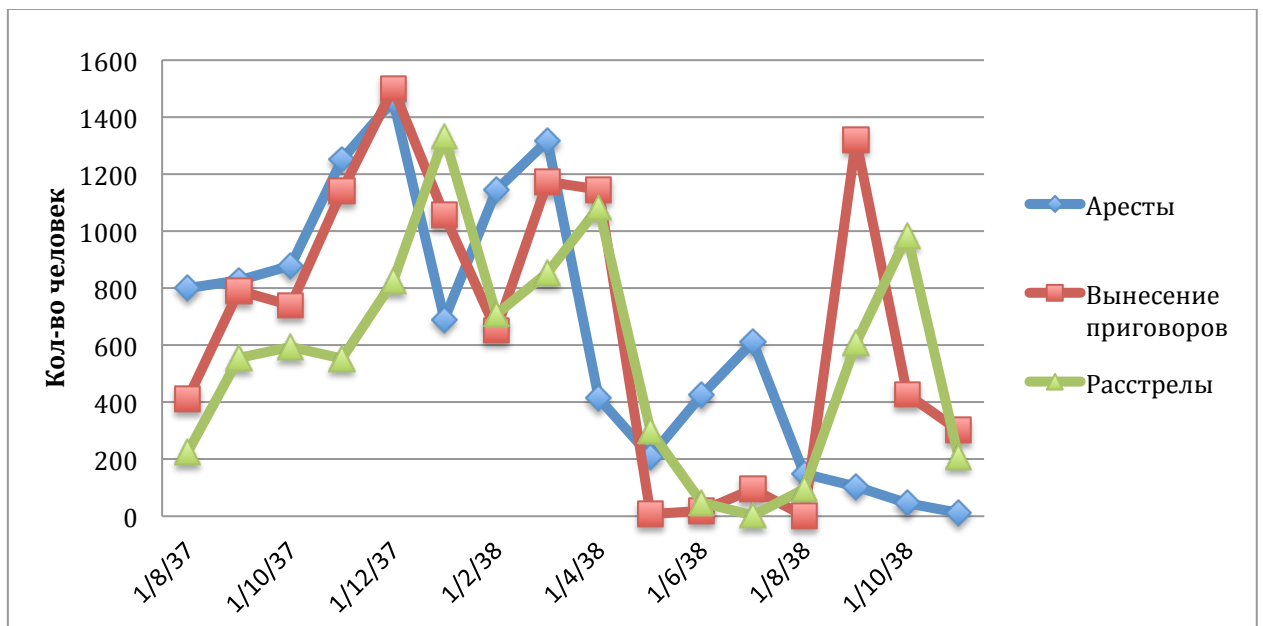
⁵⁶ Такала И. «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР. Репрессии в Карелии 20-х-30-х годов. Петрозаводск, 1992. С. 64.

⁵⁷ Барон Н. Власть и пространство. С. 352-353.

продолжил его дело. В основном всплеск арестов в июле объясняется арестами финского населения, о чем более подробно будет сказано в следующей главе.

Обратимся также к динамике вынесения приговоров различными судебными и внесудебными органами, а также расстрелов репрессированных (рис. 21). Для удобства анализа эта динамика сопоставляется с данными о количестве арестов в каждом месяце.

Рис. 21. Динамика арестов, вынесения приговоров и расстрелов репрессированных в Карельской АССР.

По общему графику (рис. 21) видно, что, как правило, динамика вынесения приговоров и расстрелов повторяет «пики» в динамике арестов, однако с конца 1937 г. это повторение происходит с отставанием примерно на месяц. Так, пики арестов и вынесения приговоров в Карельской АССР приходятся на декабрь 1937 г. В этом месяце были арестованы 1457 человек, а также к различным срокам наказания были приговорены более 1500 человек. Как уже упоминалось выше, в декабре начали активно работать двойки, которые выносили приговоры по национальным операциям.

Между тем, приводить приговоры в исполнение немедленно местные чекисты явно не успевали - пик в числе расстрелов приходится на январь 1938 г., когда были расстреляны 1333 человека. В один день 8 января были

расстреляны 278 человек, а 21 января – 271. Это самые высокие значения в регионе за весь период Большого террора.

На март и апрель 1938 г. приходится пик активности троек и других внесудебных органов. В марте было осуждено 1173 человек, а в апреле – 1146, это суммарно 21% от всех репрессированных в регионе за период Большого террора. Причем абсолютное большинство репрессированных в апреле были осуждены до 15 апреля включительно – до завершения работы троек. В последние дни тройки в целом работали особенно «ударно»: 11 апреля были осуждены 319 человек, 12 апреля – 218 человек, 14 апреля – 227 человек и 15 апреля – 184 человека. За вторую часть месяца были осуждены всего несколько человек. В мае, июне, июле и августе число приговоров и расстрелов оставалось невысоким, несмотря на существенное увеличение числа арестов в июле 1938 г.

Очередной всплеск активности судебных и внесудебных органов относится к осени 1938 г. Готовясь к завершению массовых операций, в НКВД спешно «закрывали» все старые дела – преимущественно по национальным операциям, а также по делам заключенных Белбалтлага⁵⁸. Так в сентябре 1938 г. преимущественно Особыми тройками были осуждены 1320 чел., а в октябре расстреляны 984 чел.

Остановимся также на том, какие органы, по данным «Книг памяти», осуждали репрессированных в Карельской АССР (см. табл. 10).

Табл. 10. Судебные органы, наиболее активно участвовавшие в массовых репрессиях в Карельской АССР.

Осудивший орган	Кол-во человек	Доля от общего числа	ВМН	% от всех осужденных этим органом
Тройка, в т.ч.:	6483	62,7%	5409	83,4%
Тройка КАССР	6336	61,3%	5307	83,8%
Тройка Ленобласти	128	1,2%	80	62,5%
Тройка Мурманской обл.	22	0,2%	22	100,0%

⁵⁸ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». С. 53.

Комиссия НКВД и прокурора	2052	19,9%	1805	88,0%
Особая тройка	1633	15,8%	1525	93,4%
Верховный суд КАССР	57	0,6%	3	5,3%
Военный трибунал	30	0,3%	4	13,3%
ОСО	26	0,3%	0	0,0%
Военная коллегия верховного суда	10	0,1%	5	50,0%
Линейный суд	9	0,1%	1	11,1%
Другое	14	0,1%	0	0,0%
Нет данных	16	0,2%	7	43,8%

Несмотря на размах национальных операций в Карельской АССР, 63% репрессированных (6483 человека), попавших в «Книги памяти» республики, были осуждены тройками. Помимо тройки КАССР в «Книги памяти» также попали осужденные тройкой Ленобласти (1,2% - 128 человек) и Мурманской области (22 человека). Тройка выносила расстрельные приговоры в 83% случаев – то есть чуть реже, чем в среднем в Карелии, однако значительно чаще, чем в других регионах страны.

На втором месте по числу вынесенных приговоров находится двойка - Комиссия НКВД и прокурора (которая в «Книгах памяти» в большинстве случаев обозначена просто как «НКВД», однако очевидно, что имелась в виду именно двойка). Двойкой были осуждены 2052 человека, причем 88% из них были приговорены к расстрелу. Еще более жестко действовала «особая тройка», активно работавшая на завершающем этапе массовых операций. Особые тройки осудили 1633 человека (16% от общего числа), их низ 1525 человек (93%) были расстреляны.

Примечательно, что все остальные судебные органы, упоминание которых есть в «Книгах памяти» Карелии, действовали менее жестко, чем двойки и тройки. Так, из 30 человек, осужденных военным трибуналом, «только» 4 человека были приговорены к ВМН. Из 10 человек, осужденных Военной коллегией верховного суда, в ВМН были приговорены пятеро.

Рассмотрим также более подробно приговоры, которые выносились различными судебными и внесудебными органами в КАССР (см. табл. 11).

Данные о приговорах в «Книгах памяти» отсутствуют всего в 5 случаях (0,0%).

Табл. 11. Количество приговоренных в КАССР к различным срокам наказания.

Приговор	Кол-во человек	В %
ВМН	8755	84,7%
10 лет	1238	12,0%
5 лет	146	1,4%
8 лет	111	1,1%
1-4 года	16	0,2%
6-7 лет	14	0,1%
больше 10 лет	2	0,0%
умер под следствием	32	0,3%
освобожден	10	0,1%
выслан из СССР	1	0,0%
ссылка	2	0,0%
принудит. лечение	1	0,0%
нет данных	5	0,0%

Как уже говорилось, почти 85% арестованных в Карелии были приговорены к ВМН. Остальных ожидали длительные сроки в лагерях: преимущественно 10 лет (1238 человек, 12%), 5 лет (146 человек, 1,4%), 8 лет (111 человек, 1,1%) и т.д.

32 человека, биографии которых попали в «Книги памяти», скончались в тюрьме, не дождавсь решения по своему делу. Несколько человек были высланы, один отправлен на принудительное лечение. Всего 10 человек были отпущены из-под следствия.

2.5. Северо-Осетинская АССР

В «Книгах памяти» Северной Осетии есть данные о 2601 человеке, репрессированных в период Большого террора на территории Северной Осетии. По данным переписи 1937 г., в Северо-Осетинской АССР проживало

309071 человек⁵⁹, а по сведениям переписи 1939 года - 329205 человек⁶⁰, таким образом, процент репрессированных составил 0,84% или 0,79% населения соответственно. 44% арестованных были приговорены к ВМН. Если не учитывать тех арестованных, дело которых было прекращено (однако в БД они попали), то процент еще выше – 45%.

Рассмотрим ход Большого террора в Северо-Осетинской АССР. Решением Политбюро от 9 июля 1937 г. был утвержден персональный состав тройки Северо-Осетинской АССР: в состав внесудебного органа вошли начальник УНКВД Никита Иванов, председатель исполкома республики Даниил Тогоев, а также секретарь ОК ВКП (б) Маурер⁶¹. К расстрелу тем же постановлением было намечено 169 человек, к высылке – еще 200. Однако еще до начала операций состав троек изменился: уже в конце месяца Маурер был освобожден от должности, исключен из партии, а на его место пришел Ф. Г. Коков⁶². В приказе № 00447 «лимиты» для Северной Осетии оказались выше – 200 человек по «первой категории» и еще 500 – по «второй», всего 700 человек⁶³.

В «Книгах памяти» Северо-Осетинской АССР крайне мало данных о датах ареста жертв политических репрессий (такого рода сведения есть в справках лишь у 2% репрессированных) и о датах расстрелов тех, кто был приговорен к ВМН. Поэтому мы можем построить лишь график осуждений в ходе Большого террора (см. рис. 22).

Рис. 22. Динамика вынесения судебных приговоров в Северо-Осетинской АССР.

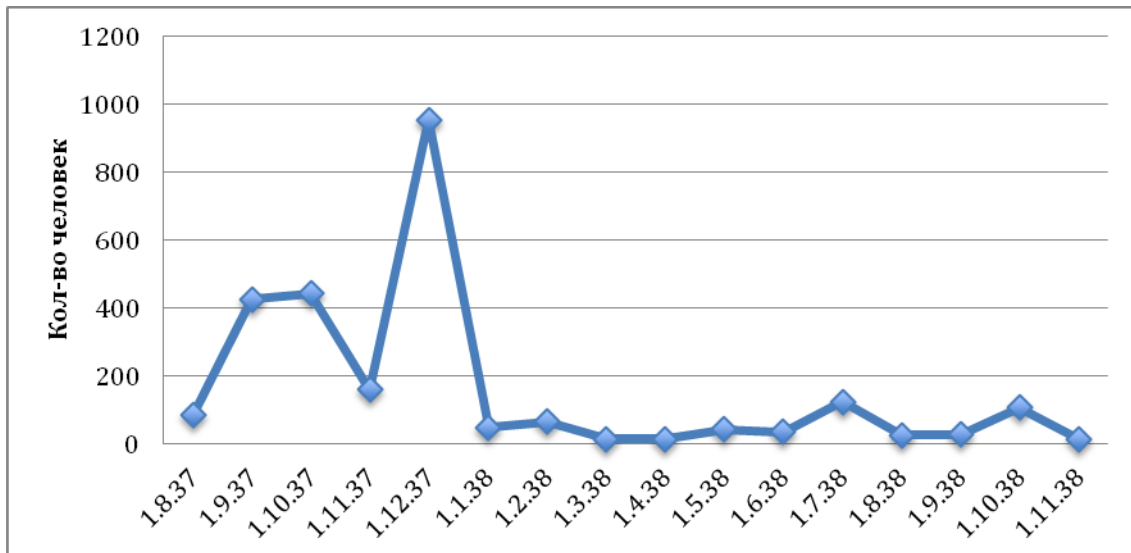
⁵⁹ Жиромская В.Б., Поляков Ю.А. Всесоюзная перепись... С. 57.

⁶⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги... С. 22.

⁶¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах», 9 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 239; Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г. Вертикаль большого террора. С. 631.

⁶² Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г. Вертикаль большого террора. С. 631.

⁶³ Записка М.И. Фриновского в Политбюро ЦК ВКП(б) с приложением оперативного приказа НКВД СССР № 00447, 30 июля 1937 г. // Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 275.

Динамика вынесения приговоров в Северо-Осетинской АССР в целом напоминает графики арестов и осуждений в других регионах, хотя в августе 1937 г. было осуждено всего 3% (85 человек) от общего числа жертв в регионе, это самое низкое значение в 1937 г. Как и в других регионах, очевидно, что приговорить всех арестованных в первом месяце операции просто не успели.

Развитие массовых операций происходило на фоне значительных изменений в руководстве республики, а также в составе местной тройки. 13 августа 1937 г. в области сменился нарком внутренних дел – Иванов перешел в Чечено-Ингушскую АССР⁶⁴, а его заместитель, Семен Миркин, занял пост Иванова⁶⁵. 5 сентября 1937 г. Политбюро утвердило дополнительный лимит для Северо-Осетинской АССР на 200 человек по «первой категории»⁶⁶, а на следующий день, 6 сентября 1937 г., Коков писал в Москву о необходимости нового повышения лимита: «Ознакомившись в НКВД со следственными делами по операции антисоветских элементов, прошу увеличить цифру

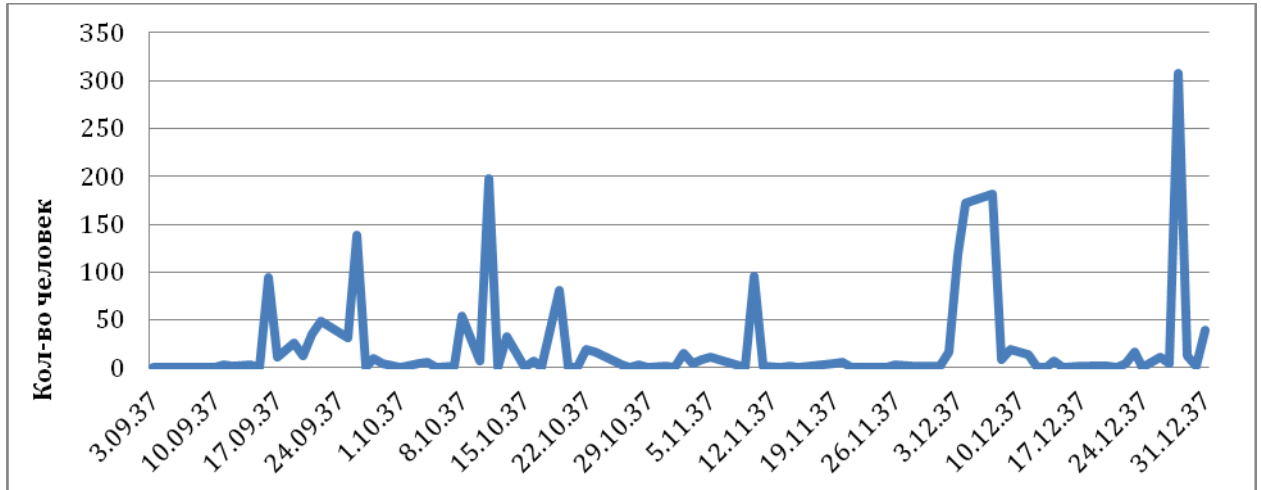
⁶⁴ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: 1934–1941. Справочник. [Электронный ресурс]: справочник // Сайт историко-просветительского общества “Мемориал”. [М., 1999.] URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/index.htm> (дата обращения: 30.03.2015).

⁶⁵ Миркин Семен Захарович // Там же.

⁶⁶ Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г. Вертикаль большого террора. С. 611.

подлежащих расстрелу еще на 200 человек». Уже 8 сентября новый лимит был утвержден⁶⁷.

Рис. 23. Динамика вынесения судебных приговоров в Северо-Осетинской АССР (сентябрь-декабрь 1937 г.).

Как видно на более подробном графике с динамикой осуждений (рис. 23), заметное увеличение в числе вынесенных приговоров наблюдается примерно через неделю после получения нового лимита – 16 сентября были приговорены 95 человек, 26 сентября – 139 человек. В десять дней между этими датами выносилось значительно большее число приговоров, чем ранее (50 приговоров в день против в среднем 1-2 приговоров до и после в сентябре).

По некоторым данным, несмотря на смену руководства местного УНКВД, состав тройки был изменен лишь 2 ноября 1937 г.: решением Политбюро Миркин стал ее председателем⁶⁸. В сентябре-октябре «тройка» и другие репрессивные органы работали достаточно активно, приговорив по 400 человек в месяц. А в ноябре количество приговоренных еще снизилось до 160. Возможно, падение активности репрессивных органов было связано с проведением арестов.

Наивысшая точка активности карательных органов приходится на декабрь 1937 г. (955 человек, или 36,6% от общего числа осужденных).

⁶⁷ Шифротелеграмма в ЦК ВКП(б), И.В. Сталину и в НКВД, Н.И. Ежову о ходе операции, увеличении или уточнении лимитов репрессированных секретаря Североосетинского ОК ВКП (б) Ф. Г. Кокова, 6 сентября 1937 г. // Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г. Вертикаль большого террора. С. 201.

⁶⁸ Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г. Вертикаль большого террора. С. 631.

Причем особенно «ударно» работали органы в два периода: с 3 по 7 декабря (суммарно осуждены 472 человека) и 28-31 декабря (28 декабря за один день было осуждено 308 человек!). Таким образом в республике, вероятно, готовились к завершению «кулацкой» операции в 1937 г. и спешно обрабатывали дела всех арестованных.

Можно также предположить, что в декабре проходили массовые аресты. Частично этот факт подтверждается теми скудными данными об арестах по Северо-Осетинской АССР, что у нас есть. 10 человек, самое большое количество людей за месяц по фрагментарным данным, были арестованы в этом месяце.

В 1938 г. кулацкая операция по приказу № 00447 в Северо-Осетинской АССР не была продолжена, что отразилось на количестве осуждений. За 11 месяцев 1938 г. были приговорены лишь 20% (531 человек) от общего числа репрессированных в регионе. Однако в общей динамике прослеживаются и небольшие «пики» осуждений в июле и октябре 1938 г. - 125 и 107 человек соответственно. Интересно, что повышение активности в эти месяцы объясняется деятельностью разных репрессивных органов.

Пик осуждений в июле 1938 г. полностью объясняется активностью Верховного суда: согласно «Книгам памяти», в этом месяце 26 смертных приговоров вынесла Военная коллегия Верховного суда СССР, и еще 31 - Верховный суд СССР (вероятно, составители «Книг памяти» имели в виду ту же Военную коллегию Верховного суда). Подробное изучение того, почему именно в этом месяце ВКВС работала в республике так активно, является вопросом для специального исследования.

Пик активности в октябре 1938 г. также вполне можно объяснить желанием быстро осудить арестованных, чтобы к завершению массовых операций никого «под следствием» не осталось. В «Книгах памяти» указано, что приговоры в основном выносила тройка СОАССР, и за месяц она вынесла 83 смертных приговора. Однако «кулацкая» операция завершилась в регионе еще в 1937 г., и осенью 1938 г., скорее всего, приговоры выносили не

«обычные» тройки, а «особые тройки», и приговоры эти были по национальным операциям.

Какие органы приговаривали арестованных, и насколько жестокими были приговоры? В табл. 12 указаны наименования судебных органов в том виде, в котором они упоминаются в источнике.

Табл. 12. Судебные органы, наиболее активно участвовавшие в массовых репрессиях в Северо-Осетинской АССР.

Судебный орган	Кол-во осужденных	В процентах от общего числа	ВМН в процентах
Тройка НКВД СОАССР ⁶⁹	1764	67,7%	46,8%
Тройки НКВД других регионов (либо не указано)	324	12,4%	55,8%
Особое совещание НКВД СССР	223	8,6%	18,4%
Верховный суд СО АССР	92	3,5%	18,5%
Верховный суд СССР	71	2,7%	57,7%
Военная коллегия Верховного Суда СССР	50	1,9%	58,0%
Линейный суд Орджоникидзевской ж. д.	28	1,1%	0,0%
Военный трибунал	18	0,7%	16,7%
Комиссия НКВД СССР и Прокуратуры СССР	15	0,6%	100,0%
ДТО ГУГБ НКВД	10	0,4%	0,0%
Прочее	5	0,2%	0,0%
Нет данных	7	0,3%	14,3%

Мы видим, что подавляющее большинство репрессированных (80%), сведения о которых есть в нашей базе, были осуждены тройками. При этом в «Книги памяти» попали осужденные этим органом, во-первых, в Северо-Осетинской АССР (1764 человека, или 67,7%), а во-вторых, в других регионах (Орджоникидзевском крае, Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР и др.), а также тройками, чья территориальная принадлежность не была указана (суммарно 324 человека, или 12,4%).

⁶⁹ В данную категорию были включены 40 записей, в которых утверждалось, что репрессированные были осуждены «Постановлением НКВД СОАССР», потому что помимо этой категории и «тройки» существуют переходные варианты, такие как «Постановлением тройки НКВД СОАССР».

Тройки приговаривали к ВМН чаще, чем в среднем (Северо-Осетинская тройка в среднем осуждала на расстрел в 47% случаев). Менее жестоко действовали Особое совещание НКВД СССР (через него прошли 8,6% от общего числа арестованных, по «первой категории» были приговорены 18,4%) и Верховный суд Северо-Осетинской СССР (всего 3,5% репрессированных, 18,4% - приговорены к расстрелу). Напротив, Военная коллегия Верховного суда (вероятно, этот же орган скрывается за другой формулировкой источника – «Верховный суд СССР»), осудившая 5% репрессированных, выносила смертные приговоры в 58% случаев. Самые жестокие приговоры, по данным БД, выносила Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР (вероятно, имеется в виду «верховная двойка», действовавшая в ходе национальных операций). Все 15 осужденных, чьи биографии попали в коллекцию записей БД, были приговорены к ВМН.

Обратимся к вопросу о том, как какие приговоры выносились в отношении репрессированных в Северо-Осетинской АССР (см. табл. 13).

Табл. 13. Количество приговоренных в Северо-Осетинской АССР к различным срокам наказания.

Приговор	Кол-во человек	В процентах
ВМН	1153	44,2%
Более 10 лет	63	2,4%
10 лет	1151	44,1%
5-9 лет	138	5,3%
1-4 года	28	1,1%
Дело прекращено	42	1,6%
Умер под следствием	11	0,5%
Высылка из СССР	5	0,2%
Прочее	16	0,6%

Более 44% арестованных в Северо-Осетинской АССР, по данным поля *prigovor*, были впоследствии приговорены к расстрелу. Остальные получили длительные сроки, чаще всего - 10 лет лагерей (44% или 1151 человек). Более

10 лет получили 63 человека (2,4%), от 5 до 9 лет – 138 человек (5,3%), меньше пяти лет – 28 человек (1,1%).

Несмотря на то, что в 53 случаях до осуждения дело не дошло (11 человек умерли под следствием, еще в отношении 42 дело было прекращено), все эти люди имеют в базе данных дату осуждения. Откуда она могла появиться? Возможно, что в некоторых случаях составители книг включали в графу «дата осуждения» дату суда, который оправдал подсудимых, однако представить себе такую «гуманность» в период Большого террора довольно сложно. Более вероятно, на наш взгляд, что составители «Книг памяти» включили в списки людей, чьи дела пересматривались в 1939 г. (и позже). Т.е. в 1937-1938 гг. этих людей успели приговорить, а потом либо их дело пересмотрели и закрыли, либо до повторного рассмотрения они уже не дожили.

2.6. Сравнение динамики репрессий в пяти регионах РСФСР

Перейдем к сравнительному анализу данных о динамике репрессий в различных регионах, полученных в ходе исследования. Для начала оценим в целом размах репрессий в пяти регионах, рассмотрев «степень репрессий» и процент приговоров к ВМН в каждом из них (см. табл. 14).

Табл. 14. Степень репрессий в пяти изученных регионах РСФСР.

	Алтайский край		Башкирская АССР		Горьковская область		Карельская АССР		Северо-Осетинская АССР	
	По док-ам ⁷⁰	В БД	По док-ам	В БД	По док-ам	В БД	По док-ам	В БД	По док-ам	В БД
Всего арестованно	24925	25527	16035	11444	15461	11417	10484	10333	2721	2601
% от населения ⁷¹	1,0%	1,0%	0,5%	0,4%	0,4%	0,3%	2,2%	2,2%	0,8%	0,8%

⁷⁰ Использованы суммарные данные О. Мозохина за 1937 и 1938 г.

⁷¹ Использовались данные переписи 1939 г., т.к. в переписи 1937 г. не выделяется отдельно Алтайский край.

Итак, мы видим, что «степень репрессий» - доля репрессированного населения – существенно менялась от региона к региону. Меньше всего в процентном отношении было арестовано в Горьковской области - 0,4% населения по документальным свидетельствам, 0,3% в базе данных. Чуть больше было репрессировано в Башкирской АССР - 0,5% населения по данным документов, 0,4% по сведениям из базы данных. Существенно более высокая доля населения была затронута репрессиями в Северо-Осетинской АССР – около 0,8%. Наконец, в Алтайском крае был репрессирован каждый сотый житель (1%), в Карельской АССР – двое из ста (2,2%).

Ориентируясь на общие данные переписи и сведения о количестве репрессированных по всей стране, можно заключить, что в среднем по СССР в период Большого террора было репрессировано 0,9% населения⁷². Основная часть из этих арестов прошла в рамках «кулацкой» операции – в среднем по «кулацкой» операции по всей стране было арестовано 0,47% населения⁷³.

Сопоставив данные об общем числе репрессированных в каждом регионе с данными о численности населения, можно получить список регионов, в которых террор приобрел наиболее широкие масштабы. Лидерами по «степени репрессий»⁷⁴ в СССР являлись следующие 10 регионов (полный список см. в приложении № 3):

- Дальне-Восточный край – 2,49% населения репрессировано;
- Карельская АССР – 2,24%;
- Иркутская область – 1,97%;
- Свердловская область – 1,82%;
- Читинская область – 1,69%;
- Новосибирская область – 1,67%;
- Красноярский край – 1,63%;

⁷² Посчитано по: Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 334-336, 339-340.

⁷³ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Указ. соч. С. 519-598.

⁷⁴ Сопоставлены данные об общем числе репрессированных О. Мозохина с данными переписи 1939 г. (за редким исключением, например, население Дальне-Восточного края взято из переписи 1937 г., т.к. в 1939 г. края уже не существовало).

- Саратовская область – 1,61%;
- Туркменская ССР – 1,56%;
- Немцев Поволжья АССР – 1,53%.

Фактически по количеству репрессированных на душу населения в СССР Карелия занимала второе место после Дальне-Восточного края. Несколько «выше среднего» были репрессии в Алтайском крае, чуть «ниже среднего» – в Северо-Осетинской АССР. Примерно такой же размах имели репрессивные операции в Украинской ССР (0,86%), Грузинской ССР (0,86%), Московской области и Москве (0,93%), Краснодарском крае (0,94%) и Ростовской области (0,96%), а также Челябинской (0,97%) и Смоленской (1,01%) областях. В Горьковской области и Башкирской АССР репрессии были скорее «ниже среднего». Примерно такая же «степень репрессий» была в Татарской АССР (0,39%), Чувашской АССР (0,38%), Курской области (0,42%), Мурманской области (0,48%), Орловской области (0,50%), Калининской области (0,54%) и др.

По доле приговоренных к высшей мере наказания (расстрелу) среди общего числа арестованных регионы делятся следующим образом:

- Карельская АССР – 85%;
- Алтайский край – 51%;
- Северо-Осетинская АССР – 44%;
- Горьковская область – 36%;
- Башкирская АССР – 34%.

В 1937 г. всего было привлечено (арестовано или привлечено к расследованию) 945 268 человек, а в 1938 г. - 641762 человека. В эти два года к ВМН были приговорены 681692 - 43%⁷⁵. Соответственно, получается, что по «жестокости» репрессий (процент приговоров к ВМН) изученные регионы делятся примерно так же, как и по «степени» репрессий: чем больший процент населения был репрессирован, тем «выше среднего» процент приговоренных к ВМН. Так Горьковская область и Башкирия показали

⁷⁵ Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 333-338.

значения «ниже среднего», Северная Осетия – чуть «ниже среднего», Алтайский край – «выше среднего» и Карельская АССР – значительно «выше среднего».

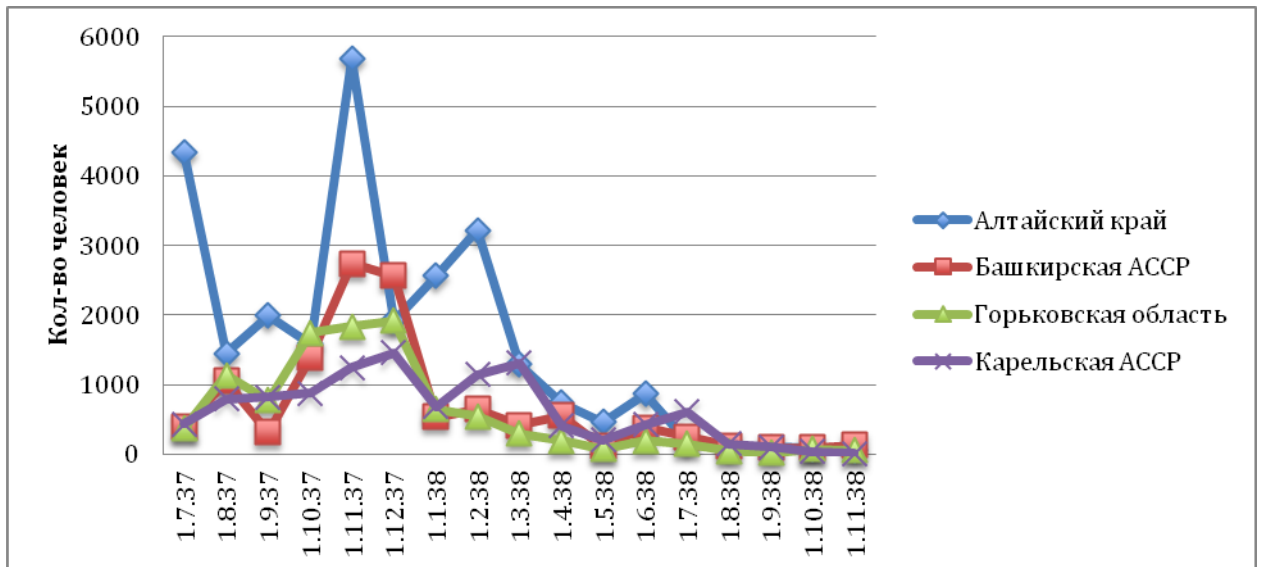
Интересно, прослеживается ли аналогичная тенденция в других регионах страны. На примере Томской области предположение находит свое подтверждение. Томская область входила в годы Большого террора в состав Новосибирской области, где репрессии затронули высокий процент населения – 1,67% (см. приложение 3). По данным «Книг памяти» Томской области, к расстрелу были приговорены 79% арестованных⁷⁶, что также значительно «выше среднего». На Смоленщине Большой террор затронул, как показывает местная база данных, 0,74% населения⁷⁷, а если использовать итоговые статистические данные, то 1,01% населения (см. приложение 3). При этом к расстрелу были приговорены 48% тех, кто попал в базу данных – т.е. чуть «выше среднего». В целом нельзя сказать, что пример Смоленской области подтверждает или опровергает гипотезу.

Перейдем к сравнению динамики арестов в четырех регионах РСФСР (см. рис. 24). Напомним, что данные о динамике арестов в «Книгах памяти» Северо-Осетинской АССР отсутствуют.

Рис. 24. Динамика арестов в ходе Большого террора в четырех регионах РСФСР.

⁷⁶ Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация. С. 459.

⁷⁷ Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. С. 15.

Как видно на рис. 24, в трех регионах (кроме Алтайского края) аресты по массовым операциям активно начались в августе 1937 г. в связи со стартом «кулацкой» операции. В Алтайском крае, как уже говорилось, в июле уже была в разгаре операция по делу «РОВС», на которую наложилась «кулацкая» операция, стартовавшая несколько раньше, чем полагалось по приказу № 00447. Органы внутренних дел Западной Сибири, не получив указаний о переносе начала «кулацкой» операции на 5 августа, начали массовые аресты еще в 28-29 июля 1937 г. В Алтайском крае, согласно данным книг памяти, уже в июле было арестовано более 4300 человек. Несколько раньше 5 августа массовые аресты начались и в Карелии, что, вероятно, объясняется теми же причинами.

Самыми активными по числу арестов месяцами Большого террора стали ноябрь-декабрь 1937 г. В эти два месяца были арестованы почти 30% репрессированных в Алтайском крае за весь период Большого террора, 45% репрессированных в Башкирской АССР, 37% репрессированных в Горьковской области и 25% репрессированных в Карельской АССР. При этом для Алтайского края и Башкирии «пиковым» стал ноябрь, а для Карелии и Горьковской области – декабрь. Тем не менее, можно с утверждать, что пик репрессий 1937-1938 гг. в большинстве из изученных регионов приходится на конец 1937 г.

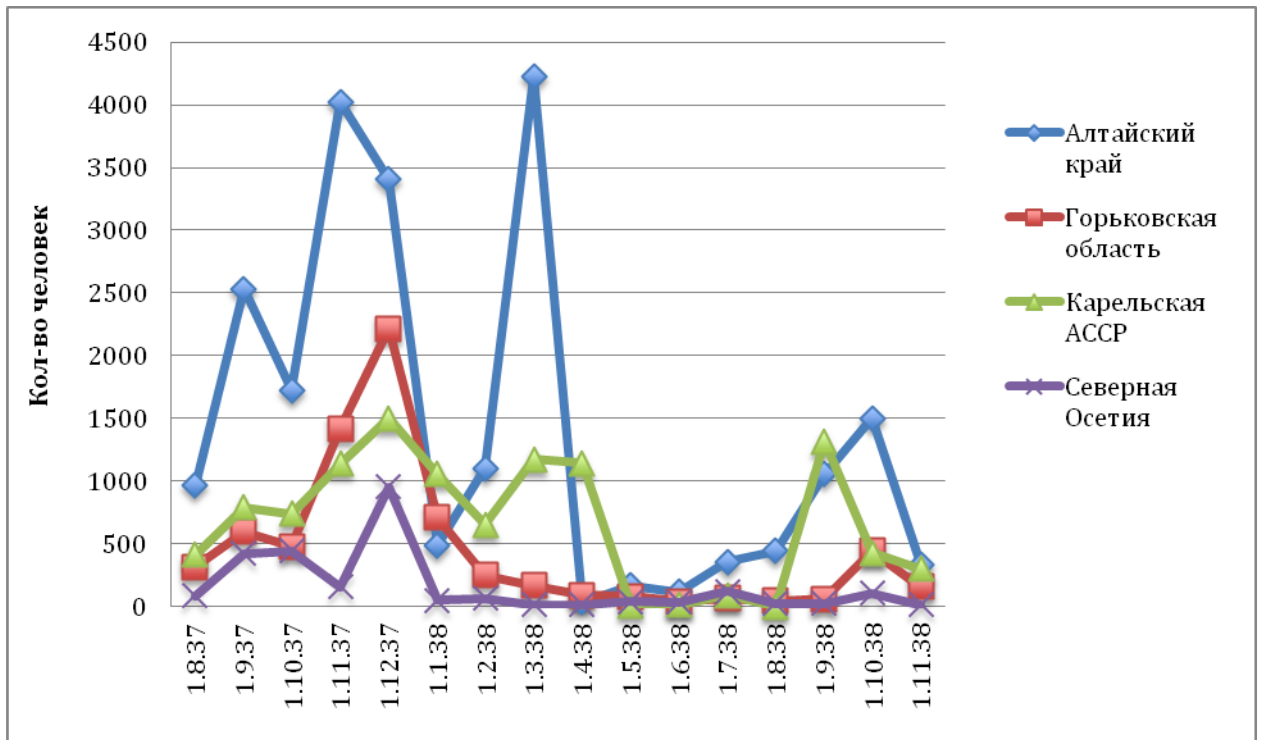
По данным нескольких других регионов – Хакасской автономной области Красноярского края, Калининской области и Московской области – в них пик Большого террора также приходился на последние два месяца 1937 г. и первые два-три месяца 1938 г.⁷⁸

В 1938 г. активно аресты продолжались только в Алтайском крае и Карельской АССР, в соответствии с приказами из Москвы о продлении сроков «кулацкой операции». В этих же регионах крайне активно разворачивались «национальные» операции. Тем не менее, динамика арестов в Алтайском крае в 1938 г. не совпадает с динамикой арестов в Карелии (см. рис. 24). В Алтайском крае число арестов растет с января 1938 г., достигая пика (более 3200 репрессированных) в феврале, а затем следует спад. Небольшой рост числа арестов фиксируется также в июне 1938 г. В Карелии картина несколько иная: рост числа арестов начинается в феврале, достигает максимального значения в 1938 г. в марте (1317 человек), а затем следует спад. Небольшое увеличение числа арестов летом 1938 г. наблюдается и в Карелии, однако оно приходится на июль 1938 г. Получается, что в целом репрессии во второй год Большого террора в этих регионах шли по индивидуальному плану.

Коротко охарактеризуем также динамику вынесения приговоров различными судебными и внесудебными органами (см. рис. 25). В данном случае также имеются данные только по четырем регионам (без Башкирской АССР).

Рис. 25. Динамика вынесения приговоров в ходе Большого террора в четырех регионах РСФСР.

⁷⁸ Ширер Д. Сталинский военный социализм. С. 445; McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD. P. 131-132.

В целом в динамике вынесения приговоров в ходе Большого террора в различных регионах прослеживается гораздо большее сходство, чем в динамике арестов. Как видно на графике, во всех изученных регионах к активному осуждению арестованных приступили в сентябре 1937 г. – стало быть, на «обработку» репрессированных требовалось не так много времени. Во всех регионах, кроме Алтайского края, рекордным по числу вынесенных приговоров стал декабрь 1937 г. (однако и в Алтайском крае в этом месяце осудили немалое число арестованных). В этом месяце были осуждены 15% от всех осужденных в Алтайском крае, 31% от всех осужденных в Горьковской области, 14% от всех осужденных в Карелии и 37% от всех осужденных в Северной Осетии. Вероятно, что усиленная работа внесудебных органов (троек, двоек) в декабре 1937 г. связана с предполагаемым завершением массовых операций в 1937 г. Напомним, что согласно данным «Книг памяти», усиленная работа внесудебных органов в Горьковской области выпала прямо на последний день года – 31 декабря 1937 г. было осуждено более 670 человек (около 9% от всех репрессированных). В Карелии внесудебные органы особенно активно работали 28 декабря (за один день осуждено 488 человек), а всего за период

28-31 декабря были осуждены 887 человек (более половины от всех осужденных в этом месяце). В Северной Осетии тройка также «ударно» поработала 28 декабря, когда были осуждены 308 человек. Увеличение числа осужденных в последние дни 1937 г. наблюдается и в Алтайском крае. Однако 1043 человек, осужденных 27-30 декабря, меньше, чем 1192 человека, осужденных за один день – 8 декабря 1937 г. Этот день в начале декабря, согласно данным «Книг памяти», является рекордным по числу вынесенных приговоров в Алтайском крае за весь период Большого террора.

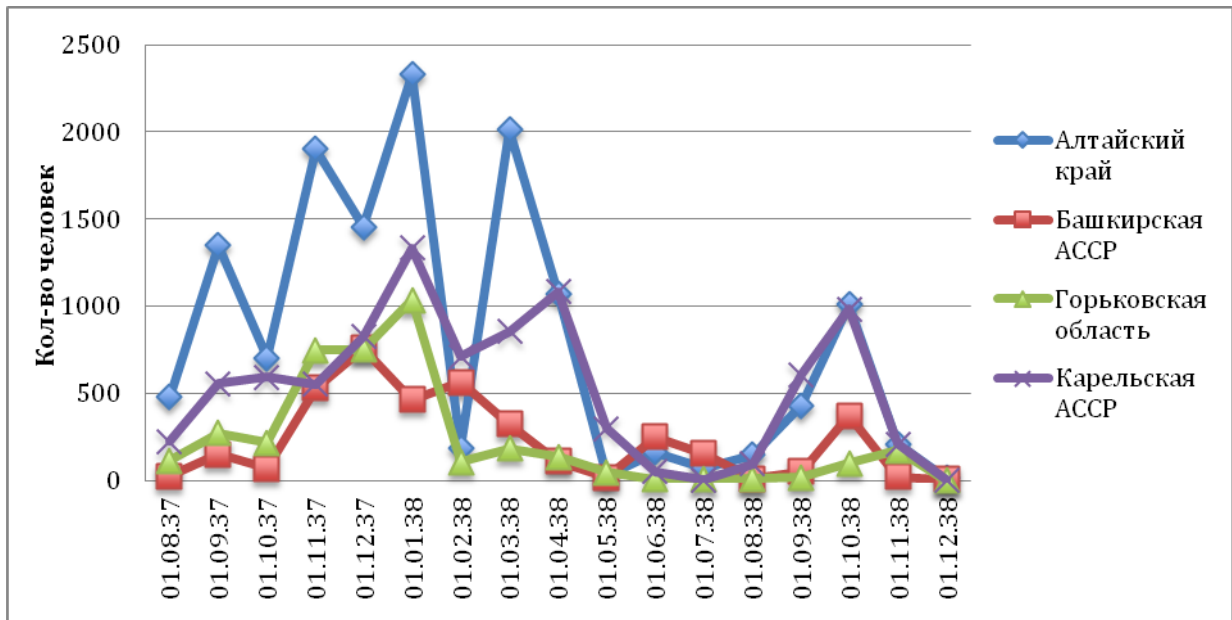
С началом 1938 г. в Северо-Осетинской АССР и Горьковской области число выносимых приговоров резко сокращается. В Алтайском крае и Карельской АССР, где была продолжена «кулацкая» операция, динамика иная, причем также не одинаковая. В Алтайском крае судебные и внесудебные органы начинают более активно работать в феврале 1938 г., достигнув пиковых значений по числу приговоров в марте 1938 г., когда за месяц было осуждено 4230 человек – больше, чем в любой другой месяц 1937 г. Затем число осуждений резко идет на спад, что связано, вероятнее всего, с завершением «кулацкой» операции. В Карельской АССР в первой половине 1938 г. активнее всего внесудебные органы работали в марте-апреле 1938 г., причем после середины апреля (когда закончилась «кулацкая» операция) число осуждений резко сокращается.

Во всех четырех регионах, даже в тех, где в 1938 г. аресты шли не особо активно (Северная Осетия и Горьковская область), осенью 1938 г. наблюдается рост в числе осуждений. Своих наивысших значений он достиг в Карельской АССР в сентябре 1938 г. (1320 человек осуждены), а в остальных регионах – в октябре 1938 г. (в Алтайском крае 1500 осужденных за месяц, в Горьковской области – 428 человек, в Северной Осетии - 107). По всей вероятности, в сентябре-октябре 1938 г., когда активно работали особые тройки НКВД, региональные власти стремились завершить все начатые дела и осудить в «упрощенном» порядке всех тех, кто еще не успел дожидаться приговора.

Как известно, 17 ноября 1938 г. вышло постановление об окончании чисток. Тезис о том, что после этого началась «лихорадочная активность» по оформлению дел арестованных и их передаче на рассмотрение троек⁷⁹, не находит подтверждения на материалах «Книг памяти» четырех регионов РСФСР. По всей видимости, на местах ждали скорого завершения массовых операций и готовились к нему в сентябре-октябре 1938 г.

Проанализируем также динамику расстрелов осужденных к ВМН в четырех регионах РСФСР (по Северо-Осетинской АССР данных нет) (см. рис. 26).

Рис. 26. Динамика расстрелов осужденных в ходе Большого террора в четырех регионах РСФСР.

Пик в числе расстрелов в трех регионах приходится на январь 1938 г. В Алтайском крае в этом месяце были расстреляны 2328 человек, в Карелии – 1333, в Горьковской области - 1035. В Башкирии число расстрелов в январе было несколько меньшим, чем в декабре 1937 г. (462 человека против 760 в предыдущем месяце), однако также оставалось высоким. По всей видимости, на январь 1938 г. в основном пришлись расстрелы тех, кто был приговорен в спешке в декабре 1937 г. под предполагаемое завершение массовых операций

⁷⁹ Ширер Д. Сталинский военный социализм. С. 455.

в конце 1937 г. Осудить арестованных нужно было достаточно срочно, а вот привести приговоры в исполнение можно было и по завершении операций.

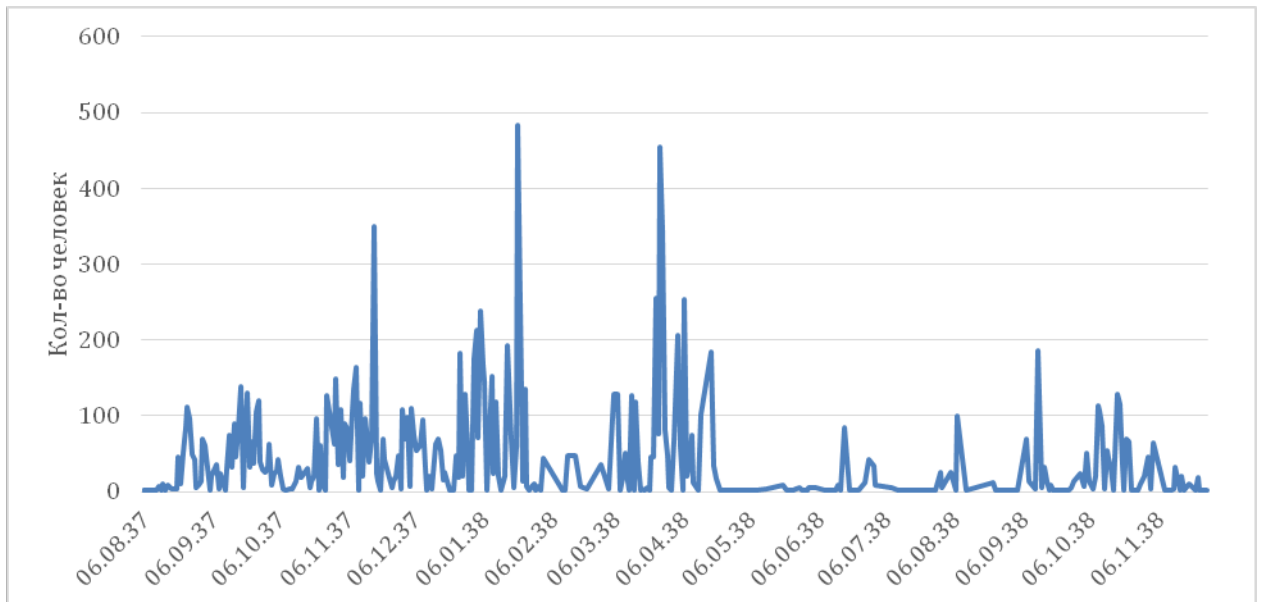
На графике также видно, что спешное завершение всех дел осенью 1938 г. отразилось и на числе расстрелов. В октябре 1938 г. шли активные расстрелы осужденных в ходе массовых операций в Карельской АССР (984 человека – на 100 человек меньше, чем в апреле 1938 г.), в Алтайском крае (1008 человек), в Башкирской АССР (371 человек). Приведение приговоров в исполнение в Горьковской области осенью 1938 г. не приобрело такого масштаба, как в других регионах, однако и здесь наблюдается рост в числе расстрелов в октябре (97 человек) и в ноябре (209 человек). Во всех регионах в декабре 1938 г. – после завершения массовых операций – число расстрелов исчисляется единицами.

Почти во всех регионах по динамике расстрелов, если сопоставлять ее с динамикой арестов и осуждений, наблюдается приблизительно месячный «шаг» в работе карательных органов. Исследователи репрессий и ранее обращали внимание на то, что сотрудники НКВД, непосредственно занимавшиеся арестами и следствием, сначала «брали» некоторую большую группу лиц по спискам или анкетному принципу, затем ее «обрабатывали»⁸⁰ и доводили до «суда», что должно было отразиться на динамике арестов, суда и расстрелов, придавало ей «двухшаговый ритм»⁸¹.

Рис. 27. Динамика приведения смертных приговоров в исполнение в Алтайском крае по дням (август 1937 г. – ноябрь 1938 г.).

⁸⁰ Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 65.; Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 263.

⁸¹ Кабацков А. Репрессии против рабочих Прикамья. 1937-1938 // «Включен в операцию». С. 148. Подобный ритм явно прослеживается и на материалах Татарской АССР, см.: Степанов А. Проведение «кулацкой» операции в Татарии // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 305.

Наиболее ярко месячный «шаг» в числе расстрелов прослеживается на примере Алтайского края (см. рис. 27). В августе 1937 г. расстрелы шли не очень активно, затем в сентябре их число значительно возросло, в октябре – снова спад, в ноябре – снова подъем, в декабре – спад, в январе – подъем до максимального за все время Большого террора значения (2328 человек). По завершении такой «активности» в феврале 1938 г. снова спад (до 107 человек), а в марте – снова огромное число расстрелянных (2011 человек).

Обратимся в целом к динамике Большого террора. Во всех пяти регионах в 1937 г. было репрессировано (арестовано или в случае Северо-Осетинской АССР осуждено) большее число лиц, чем в 1938 г. В Алтайском крае в 1937 г. было арестовано 64% от общего числа репрессированных, в Башкирии – 71%, в Горьковской области – в 77%, в Карелии – 52%. В Северной Осетии в 1937 г. было осуждено 80% всех арестованных.

Типична ли эта картина для всей страны? В целом по усредненным данным в стране это соотношение было 60% в 1937 г. и 40% в 1938 г. Тем не менее, случаи, когда в 1938 г. количество арестов превышало количество арестов в 1937 г., были нередки. Проанализировав данные О. Мозохина, можно прийти к выводу, что меньше всего доля репрессированных в 1937 г. была в следующих 12 областях: Якутской АССР (18%), Рязанской области (22%), Киргизской ССР (22%), Дальневосточном крае (30%), Читинской

области (32%), Туркменской ССР (32%), Иркутской области (39%), Бурят-Монгольской АССР (40%), Азербайджанской ССР (40,5%), Узбекской ССР (42%), Красноярском крае (43%) и Краснодарском крае (47%). Соответственно, в 12 из 60 областей, по которым есть данные об арестах за 1937-1938 гг., репрессии в 1938 г. были более интенсивные, чем в 1937 г.

Однако в большинстве областей репрессии прошли преимущественно в 1937 г. Среди «лидеров» по доле арестованных в 1937 г.: Курская область (85%), Орджоникидзевский край (85%), Орловская область, Дагестанская АССР, Калмыцкая АССР и Ярославская область (все по 84%), Чувашская АССР (83%), Оренбургская область (81%), Удмуртская АССР (79%), Коми АССР и Саратовская область (по 78%), Чечено-Ингушская АССР (76%), Ивановская область (75%), Новосибирская область (73%), АССР Немцев Поволжья, Кабардино-Балкарская АССР и Куйбышевская область (по 72%). К этой же группе относятся Башкирская АССР, Горьковская область и Северо-Осетинская АССР. Карельская АССР занимает «серединное» положение.

Безусловно, более широкий размах массовые операции приобрели в тех регионах, где «кулацкая» операция продолжилась в 1938 г. Почему именно в них? Исследователи высказывают различные версии, в том числе о пограничном положении этих регионов⁸². И в случае Карельской АССР, и в случае Алтайского края (через Ойротскую автономную область граничившего с Монголией и Китаем) прослеживается определенная связь в развитии массовых операций в этих регионах с якобы существовавшей внешней угрозой. Так, в обоих регионах широкий размах приобрели национальные операции.

Одновременно в обоих регионах явно прослеживается и фактор влияния местных властей на раскручивание репрессий в регионах. Глава НКВД Карелии Тенисон всячески продвигал национальные операции по «финской» линии, а его снятие с поста, вероятно, спровоцировало новый

⁸² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 309; Ширер Д. Указ. соч. С. 455.

виток арестов с февраля 1938 г. На раскручивание репрессий в Алтайском крае, вероятно, повлияло то, что этот регион был выделен из состава Западно-Сибирского края в самом начале Большого террора. Властям новообразованного края необходимо было доказать свою лояльность. Кроме того, в литературе отмечалась «выдающаяся роль» в организации террора начальника УНКВД по Запсибкраю С.Н. Миронова-Король⁸³, одного из инициаторов (по крайней мере формально) операции по «делу РОВС». Его заместители и начальники отделов УНКВД по Запсибкраю, впоследствии возглавившие управления НКВД, – Г.Ф. Горбач (Омская область), С.П. Попов (Алтайский край), Д.Д. Гречухин (Красноярский край) – отличались особой активностью в проведении террора⁸⁴.

Сокращение объемов репрессий в 1938 г., которое отмечается почти во всех изученных регионах, могло быть связано и с физическими ограничениями. Так, весной 1938 г. в Карелии глава ЦК КП Иванов жаловался, что не в состоянии посадить больше тысячи человек из-за переполненности тюрем⁸⁵. В УНКВД по Новосибирской области во второй половине 1938 г. следователи уже начали раскручивать дело на 100 человек «церковно-монархического актива», однако были остановлены начальником, который объяснил, что «попов сажать некуда»⁸⁶. «На пределе возможностей» работал и железнодорожный транспорт, ведь осужденных нужно было доставлять в лагеря. Только в 1938 г. по железной дороге были отконвоированы более миллиона человек⁸⁷. Тем не менее, вопрос о том, имели ли органы возможность продолжать раскручивать репрессивные кампании, остается открытым.

⁸³ Тепляков А.Г. Органы НКВД Западной Сибири в «Кулацкой операции» 1937-1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 542.

⁸⁴ Там же. С. 547; Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2013. С. 119-120.

⁸⁵ Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 196-197.

⁸⁶ Папков С.А. Обыкновенный террор. С. 246. А. Тепляков предлагает несколько иную интерпретацию этой фразы, подчеркивая, что если бы было политическое решение, репрессии вполне могли бы продолжиться, см.: Тепляков А.Г. Машина террора. С. 408-409.

⁸⁷ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 322.

Согласно приказу № 00447, начинать «кулацкую» операцию следовало с «контингента», который должен был в будущем быть осужден по «первой категории» (таким образом, их судьба была заранее predetermined). Затем, по идее, следователи должны были перейти к арестам «менее опасных» подозреваемых. В целом мы видим, что это положение приказа выполнялось (см. табл. № 15).

Табл. 15. Процент приговоренных к ВМН среди арестованных в каждом месяце в четырех регионах РСФСР.

Месяц ареста	Алтайский край	Башкирская АССР	Горьковская область	Карельская АССР
08/37	63,0%	56,7%	63,0%	78,0%
09/37	52,3%	40,5%	56,5%	72,5%
10/37	50,9%	45,5%	40,6%	75,5%
11/37	31,7%	37,0%	48,1%	81,1%
12/37	74,2%	27,8%	46,3%	90,1%
01/38	68,0%	14,4%	30,2%	88,4%
02/38	45,1%	42,0%	14,7%	90,2%
03/38	53,1%	29,3%	11,8%	85,6%
04/38	36,1%	16,5%	18,7%	83,8%
05/38	22,5%	7,1%	13,2%	96,7%
06/38	40,8%	43,4%	18,8%	91,8%
07/38	38,3%	20,2%	15,2%	91,3%
08/38	8,4%	2,4%	1,9%	87,9%
09/38	1,0%	3,0%	8,3%	96,1%
10/38	3,3%	1,0%	6,2%	80,4%
11/38	2,8%	0,0%	0,0%	100,0%

Действительно, во всех изученных регионах арестованных в августе 1937 г. в связи с началом «кулацкой» операции гораздо чаще ждал приговор к ВМН, чем арестованных в сентябре-октябре 1937 г. В регионах, где кулацкая операция в 1938 г. продолжена не была – Башкирии и Горьковской области – самый высокий процент расстрелянных именно в августе 1937 г. – 57% и 63% соответственно. В Карелии и Алтайском крае, напротив, среди арестованных доля приговоренных впоследствии к ВМН растет в конце 1937 г. и первые месяцы 1938 г.

Таким образом, повышение лимитов приводило и к новым арестам по «первой» категории. Вероятно, используя в начале операции все

заготовленные заранее агентурные разработки и компрометирующие данные, чекисты были вынуждены искать новых репрессированных среди тех лиц, на которых ранее у них никаких материалов не было. Д. Ширер полагает, что по мере развития операции росло число групповых дел, по которым гораздо проще было осуждать к расстрелу⁸⁸, однако в нашем случае проверить эти данные не представилось возможным. Можно также предположить – это лучше всего прослеживается на примере Карелии – что увеличение числа «расстрельных» приговоров в конце 1937 г. и особенно весной 1938 г. могло быть связано с увеличением размаха «национальных» операций. По ним, как правило, выносились более жестокие приговоры.

Проанализируем также продолжительность следствия (от ареста до осуждения) в четырех регионах РСФСР, принимая во внимание, что по Северо-Осетинской АССР таких данных нет. Кроме того, в Башкирской АССР нет данных о дате осуждения – соответственно, продолжительность следствия считалась от ареста до расстрела (в том случае, если арестованного расстреляли), что теоретически могло повлиять на усредненные показатели. Стоит отметить, что в нескольких десятках случаев эти подсчеты давали отрицательные результаты: то есть репрессированных как будто бы сначала осудили, а затем арестовали. Хотя местные исследователи находили в архивах примеры случаев, когда группу лиц сначала расстреляли, а затем осудили⁸⁹, в данной работе мы решили эти «аномальные» ситуации не учитывать. Вполне вероятно, что это ошибки или опечатки составителей «Книг памяти».

Табл. 16. Продолжительность следствия в различные периоды Большого террора в четырех регионах РСФСР.

Месяц ареста	Алтайский край	Башкирская АССР	Горьковская область	Карельская АССР
08/37	80	116	59	42
09/37	47	141	60	39
10/37	104	87	52	39

⁸⁸ Ширер Д. Указ. соч. С. 445.

⁸⁹ Папков С. Указ. соч. С. 232.

11/37	38	63	40	31
12/37	62	75	48	26
01/38	106	136	157	35
02/38	51	124	312	46
03/38	207	150	302	68
04/38	190	146	322	68
05/38	172	134	222	117
06/38	153	126	199	109
07/38	175	91	203	76
08/38	241	66	207	88
09/38	190	25	263	61
10/38	259	19	247	79
11/38	310	нет данных	222	2
среднее за весь период	83	94	85	51
среднее в 1937	60	85	50	37
среднее в 1938	121	129	238	65

Средняя продолжительность следствия (см. табл. 16) меняется в зависимости от месяца и региона, однако во всех изученных республиках, краях и областях продолжительность следствия в 1937 г. была значительно меньше, чем в 1938 г. Быстрее всего расследовались дела арестованных в конце 1937 г. Так, в среднем следствие по делу репрессированных в ноябре 1937 г. в Алтайском крае длилось 38 дней, в Башкирской АССР – 63 дня, в Горьковской области – 40 дней, в Карельской АССР – 31 день. Среди арестованных в декабре 1937 г. продолжительность следствия во всех этих регионах, кроме Карельской АССР, увеличилась, что, вероятно, было связано с переносом их дел на следующий год. В Карелии, напротив, продолжительность следствия в декабре достигла рекордно низкого для 1937 г. значения – 26 дней.

С наступлением 1938 г. продолжительность следствия во всех регионах заметно увеличивается. Арестованным в январе 1938 г. приходилось ждать приговора в среднем в Алтайском крае – 106 дней, в Горьковской области –

157 дней, в Карелии – 35 дней, а в Башкирии арестованных в январе расстрел в среднем ждал через 136 дней.

В среднем в Алтайском крае следствие длилось 83 дня, в Башкирской АССР – 94 дня, в Горьковской области – 85 дней и в Карельской АССР – 51 день. Мы видим, что Карельская АССР, которая в целом выделяется охватом репрессий, отличалась еще и «скоростным» расследованием дел. Увеличивалась продолжительность следствия в 1938 г. и в других регионах. Так, по данным анализа нашей выборки, на Бутовском полигоне средняя продолжительность следствия в 1937 г. составляла 51 день, а в 1938 г. – 65 дней⁹⁰. По более обобщенным данным С. Уиткрофта, работавшего также с «Книгами памяти», продолжительность следствия увеличилась в 1938 г. также в Ленинграде и Куйбышевской области⁹¹.

В целом можно утверждать, что резкое сокращение продолжительности следствия – характерная черта августа 1937 г. – декабря 1937 г. Данные С. Уиткрофта, анализирующего продолжительность следствия в ряде регионов с 1935 г., доказывают, что это сокращение произошло именно в августе 1937 г. По его данным, средняя продолжительность следствия в Москве в 1935 г. составляла 406 дней, в 1936 г. – 216 дней, в 1937 (разумеется, считая первую половину года до начала «массовых операций») – 109 дней, в 1938 г. – 78 дней, а в 1939 г. – уже 648 дней. Менее полные, но сходные данные у исследователя есть по Ленинграду и Куйбышевской области⁹².

Стоит отметить, что увеличение продолжительности следствия в 1938 г., которое наблюдается во всех регионах, по которым у нас есть такие данные, на наш взгляд, не объясняется лучшим качеством следственной работы. При работе со следственными делами в ГАРФ у исследователя

⁹⁰ Тот факт, что в Москве и в 1938 г. средняя продолжительность следствия по данным выборки была невелика, легко объясним. Сравнивать эти данные с другими регионами напрямую некорректно, ведь в книги памяти «Бутовский полигон» вошли исключительно расстрелянные в период Большого террора. Это означает, что не могли попасть те, чьи дела могли тянуться продолжительное время и выйти за рамки массовых операций. Мы знаем, что в других регионах такие случаи были.

⁹¹ Wheatcroft S. Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s: Mass Killings // Challenging traditional views on Russian history. London, 2002. P. 132-133.

⁹² Ibid.

сложилось ровно противоположное впечатление: если в делах 1937 г. заметны еще хоть какие-то попытки создать видимость расследования (допросить свидетелей, собрать справки из различных органов), то дела 1938 года гораздо более формальны, чаще всего следователям хватало простых признательных показаний и выписок из протоколов других лиц.

На основании анализа наполненности различными документами базы данных, составленной по материалам архивно-следственных дел расстрелянных на Бутовском полигоне, были сделаны следующие количественные наблюдения (табл. 17).

Табл. 17. Анализ наполненности индивидуальных следственных дел репрессированных на Бутовском полигоне в Московской области.

Усредненные показатели:	1937	1938	Всего
Кол-во листов в деле	66	60	63
Кол-во листов в деле за период Большого террора	38	32	35
Кол-во протоколов допроса обвиняемого	2,94	2,19	2,58
Кол-во протоколов допроса свидетелей (или выписок из их показаний)	3,98	2,5	3,28
Процент дел с наличием «проверочных» документов (справок из парторганизаций, НКВД, с места работы или из сельсовета)	53%	28%	41%
Кол-во протоколов допросов с признательными показаниями	35	57	92

При сопоставлении индивидуальных следственных дел 1937 и 1938 г. можно увидеть, что вторые заметно более тонкие. Так, в 1937 г. следственные дела на одного человека (а не коллективные⁹³) в среднем составляют 66 листов, а в 1938 г. – 60 листов. Например, в ноябре 1937 г. был арестован Михаил Суворов, начальник финансового отдела ж.д. им. Дзержинского. Его следственное дело насчитывает 311 листов, что для нашей выборки является рекордным числом. Для оформления дела учителя школы, ранее священника Павла Серговского, арестованного в январе 1938

⁹³ Коллективные дела в выборке насчитывают до 1847 листов. В этом случае дело на 8 человек. Дела на 20 человек могли занимать и по 700 листов.

г., следователям понадобилось всего 19 листов (к ним впоследствии добавился еще один документ о реабилитации).

Однако считать полностью весь объем дел не совсем правильно, так как нередко их значительную часть занимают документы реабилитации, отложившиеся в источнике в 1939 г. или 1950-1960-х гг. Если нас интересует делопроизводство именно периода Большого террора, то объем дел еще значительно меньше. В том же деле Михаила Суворова к периоду Большого террора относятся «только» 114 из 311 листов в деле. В среднем, по данным нашей выборки, делопроизводство периода Большого террора в делах, заведенных в 1937 г., насчитывало 38 листов. В 1938 г. этот показатель сокращается до 32 страниц.

По данным следственных дел репрессированных на Бутовском полигоне, в 1938 г. в целом заметно упрощается процедура оформления дел, в них становится еще меньше «доказательств» вины обвиняемого. Заметно падает число протоколов допроса обвиняемых в делах, а также протоколов допросов свидетелей. Если в 1937 г. в среднем в индивидуальных делах было 3 протокола допроса обвиняемых и 4 протокола допросов свидетелей (или их копий/выписок), то в 1938 г. – два протокола допроса обвиняемого и 2-3 протокола допросов свидетелей, а чаще – их копий. При этом нужно учитывать, что эта средняя картина была не самой плохой. Нередки были случаи, когда в делах вообще не было протоколов или даже выписок из протоколов допроса других лиц. Так, например, дело Ф. Гехта насчитывало всего 25 листов, из них 13 – за период 1937-1938 гг. В этом деле нет ни одного протокола допроса свидетелей, а самого Гехта допросили только один раз спустя более чем 10 дней после ареста. При этом из самого текста допроса следует, что он не первый, так как следователь говорил: «Следствие вторично просит вас дать показания о шпионской деятельности»⁹⁴. Анализируя замазанные даты допросов и различные чернила в этом единственном протоколе, можно легко понять, что его составляли в разные

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-71432. Л. 9. Дело Ф.Ф. Гехта.

дни. В горячке массовых операций следователи не готовы были тратить время даже на то, чтобы оформить новый протокол.

Наконец, в 1938 г. заметно сокращается число дел, в которых следователи пытаются навести хотя бы какие-то справки об обвиняемом: получить характеристику с места работы, справку из НКВД о наличии каких-либо компрометирующих материалов, справку-характеристику из партийной организации. Количество дел, в которых есть хотя бы одна из этих справок, в 1937 г. составляло 53%, а в 1938 – 28%.

Похоже на то, что московским следователям в 1938 г. никаких даже формальных «доказательств» вины уже не требовалось⁹⁵, а различные пусть даже и полностью фальсифицированные документы постепенно подменяли признательные показания. В пользу этой версии говорит растущее число лиц, признавших свою вину полностью или частично. По материалам выборки из архивно-следственных дел, если среди арестованных в 1937 г. 45 человек (56%) не признали свою вину, то в 1938 г. их число снизилось до 14 (20%). Остальные дали «признательные показания» и подтвердили свою вину полностью или частично. Все это соотносится с рассказами следователей о том, что с приходом нового руководителя НКВД Московской области Л. Заковского в конце января 1938 г. процедуры следствия сильно упростились и по его прямому указанию стали массово практиковаться избияния арестованных⁹⁶. «Установки Заковского «бить морды при первом допросе», брать короткие показания на пару страниц об участии в организации и новых людях, и личные его примеры в Таганской тюрьме, как нужно допрашивать, вызвали массовое почти поголовное избияние арестованных»⁹⁷, - показывал на допросе бывший начальник 3-го отдела УНКВД СССР по Московской области А. Постель.

Возможно, что по крайней мере в Московской области затягивание следствия было связано в том числе с требованием добиваться

⁹⁵ Это наблюдение делали и другие исследователи, см.: Ширер Д. Указ. соч. С. 442-443.

⁹⁶ McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD. Рр. 134-135.

⁹⁷ См. выписку из дела Постеля, например, в документах реабилитации по делу: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32314. Л. 56. Дело Плауде Э.И.

признательных показаний от репрессированных. Средняя продолжительность следствия лиц, признавших свою вину, составляла 66 дней, а не признавших – 46 дней.

При этом само расследование и допросы арестованных в сумме длились несколько дней. «Следствие по этим делам [по национальным операциям – Л.Л.] велось три, максимум пять дней и, несмотря на отсутствие данных о преступной деятельности, дела на этих лиц заканчивались и направлялись в судебные инстанции»⁹⁸, - показывал на допросе один из бывших следователей серпуховского РО НКВД М. Веселов.

Можно предположить, что увеличению числа признаний способствовало то, что в ожидании и перерывах между допросами многие арестованные находились в ужасных условиях, при постоянной «обработке» сокамерников⁹⁹. «Содержались арестованные в невыносимых условиях – бывая в подвале Управления НКВД, где находились подследственные, я видел, что они могли только стоять в камере, из-за скученности не было возможности сесть, не говоря уже о сне. Арестованным не хватало воздуха и из-за духоты они снимали с себя рубашки. В результате всего этого арестованные в большинстве своем оговаривали себя и других»¹⁰⁰, - рассказывал на допросе другой бывший следователь В. Гук.

Выше уже упоминались другие методы убеждения и принуждения арестованных к признанию своей вины: обещания облегченных условий под следствием¹⁰¹ и пытки. Например, подследственный несколько суток стоял на ногах, а следователи поочередно его допрашивали. «Простояв несколько суток, я потерял сознание, очнулся после того, как меня облили холодной водой. Затем вытащили в коридор двое неизвестных мне лиц (не следователи, которые вели мое дело) и меня избили»¹⁰², - рассказывал

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-60120. Л. 55. Дело Осита А.А., к нему в процессе реабилитации были приложены выписки из протоколов допросов следователей.

⁹⁹ См.: Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. С. 40.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-59614. Л. 72. Дело Мисиюка П.Е.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-28805. Л. 122. Дело Суворова М.А.

¹⁰² Там же. Л. 124.

упоминавшийся выше Грейсер. Все это «упрощало» работу следователей по подготовке дел.

Пытаясь объяснить в целом причины затягивания следствия, следует остановиться на нескольких моментах. Прежде всего, разница может быть связана с самим «контингентом» репрессированных в 1937 и 1938 г. По показаниям следователей, на первом этапе массовых операций репрессировали прежде всего «по картотекам». Это означает, что арестовывали тех, на кого у НКВД были агентурные данные, кто был раскулачен или имел судимости, кто имел приводы в милицию и был безработным¹⁰³. Естественно, что их дела было значительно быстрее подготовить для последующей передачи тройкам. Когда такого рода «контингент» закончился, следователям пришлось больше работать над поисками и доказательствами вины репрессированных. Кроме того, по некоторым свидетельствам, в 1938 г. органы внутренних дел стали все чаще раскручивать «групповые» дела о заговорах и т.д. Это требовало большего времени: необходимо было найти определенное количество лиц на роль свидетелей, воссоздать «преступные связи» между различными осужденными и т.д.¹⁰⁴

Наконец, важной причиной затягивания следствия может быть то, что во многих регионах в 1938 г. широчайших размах приняли национальные операции. Как уже говорилось, арестованных по этой «линии» осуждала «двойка» - комиссия НКВД и прокурора СССР. По многочисленным свидетельствам, в 1938 г. подписей членов двойки на «альбомах» со списками репрессированных приходилось ждать месяцами. К лету 1938 г. в «очереди» на утверждение приговоров по национальным операциям было более 100 тысяч человек¹⁰⁵.

¹⁰³ Ширер Д. Указ. соч. С. 425, 435-437. А. Ватлин также пишет, что сначала следователи дорабатывали старые дела, см.: Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 28-29, 33. Однако, по данным Кунцевского района, настоящие агентурные разработки на местах к началу Большого террора были исчерпаны, поэтому показания свидетелей и справки в делах, скорее всего, датировались задним числом: Там же. С. 34.

¹⁰⁴ Ширер Д. Указ. соч. С. 439.

¹⁰⁵ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 152.

Утверждением «альбомов» занимались в спешном порядке. В. Хаустов приводит следующее воспоминание «одного из сотрудников» о том, как происходило утверждение дел по национальным операциям: «Заместитель наркома Фриновский, выехавший в июле 1938 года на Дальний Восток, взял с собой в поездку альбомы, поступившие из тех областей, через которые должен был проезжать его поезд... В комфортабельном вагоне Фриновский и его команда всю дорогу пьянствовали, включали патефон, слушали песни и под музыку принимали решения по альбомам, которые затем на вокзалах или при посещении управлений НКВД передавали соответствующим начальникам»¹⁰⁶.

Чтобы справиться с потоком неутвержденных приговоров, 15 сентября 1938 г. Политбюро упразднило «альбомный» порядок и передало функции внесудебных органов Особым тройкам в составе первого секретаря регионального парткома, главы НКВД и прокурора. Им давалось право приговаривать к высшей мере наказания¹⁰⁷. За два месяца работы Особых троек по всей стране они осудили более 105 тысяч человек, в том числе 72 тысячи к высшей мере наказания¹⁰⁸.

Однако из тех, кто попал в «Книги памяти», большинство были осуждены «тройками» (Алтайский край – 66,5%, Горьковская область – 59%, Карельская АССР – 63%, Северная Осетия – 80%). При этом чаще всего самые жестокие приговоры – к расстрелу – выносили двойки (в 80-100% случаев в зависимости от региона), а также Военная коллегия Верховного суда (в 50-90% случаев).

¹⁰⁶ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 323.

¹⁰⁷ Лубянка. Сталин и главное управление... С. 549.

¹⁰⁸ Петров Н., Янсен М. Указ.соч. С. 153.

ГЛАВА III. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОВОЗРАСТНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Массовые репрессии, очевидно, затрагивали одни категории населения больше, чем другие. Показатели «степени репрессий» (соотношение числа арестованных и населения региона) сильно корректируются, если принять во внимание, что репрессированные были в основном совершеннолетними и в основном мужчинами. Наконец, известно, что репрессии затронули представителей одних национальностей больше, чем других. Например, в Карелии из 100 русских был репрессирован один, а из 100 финнов – 20.

В этой главе диссертационного исследования анализируются те основные социальные характеристики репрессированных, которые не зависели от них самих – их пол, возраст и национальный состав. В первом параграфе изучен гендерный состав репрессированных. Тот факт, что женщин среди репрессированных было мало, известен, однако проблема, на наш взгляд, изучена недостаточно¹. В данном параграфе подробно анализируется социальное положение арестованных женщин и другие важнейшие черты их социального портрета.

Во втором параграфе рассматривается возраст репрессированных в различных регионах, а также сделана попытка проверить, насколько возраст влиял на то, как часто репрессированных приговаривали к высшей мере наказания – расстрелу.

Наконец, в последнем, третьем параграфе главы проанализирована такая важнейшая черта социального портрета репрессированных, как их национальный состав. Этот вопрос приобрел чрезвычайную важность в связи с самим характером массовых операций Большого террора, часть из которых носила была направлена против поляков, немцев, латышей и многих других представителей «инонациональностей». В этом параграфе также

¹ Некоторые исследователи не уделяют теме репрессий среди женщин должного внимания: например, по каким-то причинам нет упоминаний о гендерном составе репрессированных в книге Е. Кодина «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг.», где анализируется достаточно много других статистических параметров.

проанализированы изменения национального состава репрессированных в зависимости от национального состава населения региона.

3.1. Гендерный состав репрессированных

В приказах, регулировавших основные массовые операции 1937-1938 гг. (кулацкую, «национальные» т.д.), ничего не говорилось о «предпочтительном» гендерном составе репрессированных. Однако подавляющее число арестованных были мужчинами. Эта тенденция прослеживается во всех пяти регионах, которые были изучены в рамках данного диссертационного исследования, а также в других регионах, сведения по которым опубликованы в литературе.

Отдельно о женщинах говорится в приказе НКВД № 00486, который появился в августе 1937 г. Согласно этому документу подвергались репрессиям жены «изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций». Однако аресту подлежали только жены осужденных Военной коллегией и военными трибуналами с 1 августа 1936 года – что существенно ограничивало число потенциальных жертв, т.к. ВКВС осуждала только небольшую часть репрессированных, занимавших наиболее высокие должности. Жен «изменников Родины» предполагалось осуждать Особым совещанием при НКВД на 5-8 лет. Всего по приказу № 00486 к 15 октября 1938 г. было арестовано более 18 тысяч жен «изменников Родины»², при том, что в целом за 1937-1938 гг. ВКВС осудила примерно 40 тыс. человек³ (менее 3% от общего числа репрессированных в годы Большого террора).

Несмотря на то, что абсолютное большинство репрессированных были мужчинами, в различных регионах процентное соотношение количества

² Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. С. 563.

³ Введение [Электронный ресурс]: Сталинские расстрельные списки // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (дата обращения: 01.09.2015)

женщин и мужчин, а также соотношение приговоров к разным видам наказания существенно отличается (см. табл. 18).

Табл. 18. Доля жертв политических репрессий-женщин в пяти регионах РСФСР.

	Алтайский край	Баш. АССР	Горьковск. обл.	Карел. АССР	Сев. Осет. АССР
Кол-во арестованных женщин	1101	630	954	508	118
Доля женщин среди всех арестованных	4,3%	5,5%	8,4%	4,7%	4,5%
Кол-во женщин, приговор. к ВМН	296	33	114	303	17
% приговоров к ВМН	26,9%	5,2%	11,9%	59,6%	14,4%

Из табл. 18 мы видим, что хотя во всех регионах женщины составляли более половины населения, репрессии затронули их незначительно. Наименьшая доля женщин среди репрессированных была в Алтайском крае (4,3%), чуть больше женщин было осуждено в Северной Осетии (4,5%) и Карельской АССР (4,7%). В Башкирской АССР женщины составляли 5,5% арестованных, однако больше всего их было в Горьковской области - 8,4%.

В других регионах, по которым есть подобная статистика, доля женщин находилась примерно в этих границах. В «Ленинградском мартирологе» (только расстрелянные) женщин было 4-5%⁴, в московском сборнике «Бутовский полигон» - 4%⁵. Среди репрессированных по «кулацкой» операции в Татарской АССР было 3,5% женщин⁶. В «Книге памяти» репрессированных томичей (за весь период Советской власти) женщин 5,6%⁷.

⁴ См.: Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде; Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis. London, 2002. P. 151.

⁵ Посчитано по: Бутовский полигон. Вып. 7. М., 2003. С. 302.

⁶ Степанов А.Ф. Большой террор в Татарской АССР... С. 188.

⁷ Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация. С. 459.

Исследователи уже пытались объяснить то, почему женщины мало заметны среди репрессированных. Г. Жданова выделяет несколько причин: 1) низкий социальный статус женщин в России – «они не воспринимались в политическом смысле всерьез»; 2) на предприятиях ГУЛАГа требовался прежде всего мужской труд; 3) в стране разворачивалась борьба с беспризорностью; 4) по приказу № 00447 предполагалось, что семьи приговоренных не должны были быть репрессированы⁸. М. Илич отмечала, что на процесс репрессий могло повлиять то, что женщины вообще реже работали и получали зарплату, чем мужчины, их было сложнее в чем-либо обвинить⁹.

Исходя из этой логики, можно попытаться объяснить и различия в доле репрессированных женщин в каждом из регионов. Можно предположить, что чем больше в регионе проживало женщин, вовлеченных в экономические отношения, занимавших какие-либо ответственные должности, тем выше среди них должен был быть среди них процент репрессированных. Женщины играли более значимую роль в регионах с высокой степенью урбанизации. Таким образом можно объяснить, в частности, высокий процент репрессированных женщин в Горьковской области¹⁰. В пользу этой версии говорит и то, что среди репрессированных в Горьковской области из 954 женщин 287 (30%) – служащие. Большинство из этой группы репрессированных женщин были мелкими служащими (19%), учителями (18%), врачами и другими медработниками (13%).

При этом во всех пяти регионах женщин гораздо реже осуждали к ВМН (расстрелу), чем мужчин. Если в среднем приговор к высшей мере наказания (расстрелу) в Алтайском крае ожидал 50,1% арестованных, то женщин осуждали на расстрел в два раза реже – «только» в 26% случаев. В Карельской АССР в среднем приговор к ВМН ожидал 85% арестованных,

⁸ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа... С. 727.

⁹ Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis. P. 151.

¹⁰ При этом более низкий процент репрессированных женщин в других крупнейших городах – Москве и Ленинграде – не опровергает предположение, так как в местные «Книги памяти» включены только расстрелянные, а расстреливали женщин значительно реже во всех регионах. В той же Горьковской области женщины составляли 2,7% расстрелянных в регионе.

однако женщин приговаривали к расстрелу «всего» в 60% случаев (в 1,5 раза реже). В 14% случаев смертный приговор ожидал женщин в Северо-Осетинской АССР (в три раза реже), в 12% случаев – в Горьковской области (также в три раза реже). Самой «мягкой» по отношению к женщинам среди пяти изученных регионов оказалась Башкирская АССР. В ней женщин приговаривали к расстрелу «лишь» в 5,2% случаев (почти в семь раз реже, чем в среднем).

Почему столь велика была доля приговоренных к ВМН женщин в Алтайском крае и Карельской АССР? Возможно, что это было связано с размахом репрессий в целом и национальных операций в частности. Анализ базы данных показывает, что репрессированные женщины гораздо чаще подвергались репрессиям из-за своей национальности, чем мужчины.

Так, в Карельской АССР женщины, как уже говорилось, в среднем составляли 4,7% репрессированных. Тем не менее, среди репрессированного финского населения женщины составляли 8,7%, а среди латышей – 6,3%. Одновременно женщины составляли только 3,2% и 3,6% среди русских и карелов соответственно.

В Горьковской области, где женщины в среднем составляли 8,4% репрессированных, среди лиц «инонациональностей» их роль была значительно более заметной. Так, женщины составляли 14,3% репрессированных поляков (48 человек из 336), 12,2% латышей (22 человека из 180), 11,2% евреев (27 человек из 242), 11,5% украинцев (18 человек из 157), арестованных в регионе.

В Башкирии еврейки составляли 26% (30 человек из 114) репрессированных лиц этой национальности, а также 8,4% репрессированных поляков и русских. Примечательно, что среди коренных национальностей Башкирии – башкир и татар – женщин было совсем мало (1,8% и 2,4% соответственно). Можно предположить, что эта часть населения жила более традиционным укладом и в целом женщины в сельской местности реже подвергались репрессиям.

В Северной Осетии, где женщины составляли 4,5% репрессированных, наблюдаются сходные тенденции. Так, среди арестованных поляков было 17% женщин (12 человек из 70). Женщины составляли 6% репрессированных немцев и 7,3% репрессированных русских. Как и в Башкирии, среди представителей коренной национальности – осетин – женщины составляли всего 1,3% (15 человек из 1147).

В чем-то сходные, а в чем-то отличные тенденции обнаруживаются в Алтайском крае, где было репрессировано достаточно много немцев (около 11%). Среди арестованных немцев женщин было не так много – 2,3% (при средних 4,3%), или 71 немка из 2795 немцев. Существенно больше женщин было среди поляков (9%, 83 человека из 921), латышей (10,2%, 31 человек из 304), евреев (12%, 14 человек из 116). Среди алтайцев репрессированных женщин было сравнительно мало – 1,7%.

Еще одним объяснением размаха репрессий по отношению к женщинам в Алтайском крае может быть особый энтузиазм в осуждении ЧСИР. Как пишет Г.Н. Безруков, в регионе нередко женщинам добавляли статью 58-10 – контрреволюционная агитация¹¹. После этого, по идее, их могли приговорить и к более продолжительным срокам, чем 5-8 лет, полагавшихся по приказу о ЧСИР. «В отделе спецдокументации управления архивного дела хранятся десятки дел на жен, мужья которых были осуждены как участники правотроцкистских контрреволюционных организаций, – пишет Г. Безруков. – Нередко в этих делах постановление о предъявлении обвинения было заранее отпечатано типографским способом с одинаковым для всех текстом: знала о контрреволюционной работе мужа, но не донесла... Даже фамилия работника, предъявляющего обвинение, была отпечатана на этих бланках»¹².

Связь репрессий с национальностью репрессированных женщин прослеживается и на примере других регионов. Например, в Ленинградской

¹¹ Политические репрессии в Алтайском крае. С. 138.

¹² Там же.

области поляков среди репрессированных мужчин было 13,5%, а среди арестованных женщин – почти 19%, эстонцев среди мужчин было 4,4%, а женщин – 5,7%, евреев среди мужчин было 4%, а женщин – 7%, финнов среди мужчин было 4%, а среди женщин – 5%, немцев среди мужчин было 2%, а среди женщин – 2,3% и т.д.¹³

Если вернуться к гипотезе о том, что количество арестованных женщин зависело от их социального положения, наличия или отсутствия работы, то можно предположить, что женщин чаще арестовывали в городах, а не в сельской местности. Судя по данным «Книг памяти» Алтайского края и Горьковской области¹⁴, в городах женщины чаще подвергались репрессиям. Так, если в среднем в Алтайском крае женщины составляли 4,3% репрессированных, то среди городских жителей их было 10%, а среди сельских – 3%. Та же тенденция прослеживается и в Горьковской области: в среднем женщины составляли 8,4% репрессированных, однако среди горожан их было 10%, а среди сельских жителей – 7%.

Остановимся также на еще одной характеристике социального портрета репрессированных женщин – их социальном положении (табл. 19).

Табл. 19. Социальное положение репрессированных женщин в пяти регионах РСФСР.

Социальное положение	Горьковская область		Башкирская АССР		Алтайский край		Сев. Осет. АССР		Карельская АССР	
	Кол-во чел-к	Доля (в %)	Кол-во чел-к	Доля (в %)	Кол-во чел-к	Доля (в %)	Кол-во чел-к	Доля (в %)	Кол-во чел-к	Доля (в %)
домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	208	21,8	199	31,6	326	29,6	39	33,1	60	11,8
служащий	287	30,1	218	34,6	277	25,2	50	42,4	105	20,7
без определенн. занятий	141	14,8	48	7,6	73	6,6	11	9,3	73	14,4
служитель религиозного культа	105	11,0	47	7,5	45	4,1	0	0,0	6	1,2
рабочий	99	10,4	39	6,2	131	11,9	13	11,0	143	28,1
единоличник	77	8,1	15	2,4	77	7,0	0	0,0	16	3,1
колхозник	21	2,2	50	7,9	165	15,0	4	3,4	75	14,8

¹³ Сводные статистические сведения...

¹⁴ Почему остальные регионы не рассматриваются, см. главу IV.

кустарь	9	0,9	2	0,3	1	0,1	0	0,0	1	0,2
сотрудник НКВД	1	0,1	0	0,0	1	0,1	0	0,0	0	0,0
нет данных	6	0,6	12	1,9	5	0,5	1	0,8	29	5,7

Из табл. 19 мы видим, что почти во всех регионах большая доля женщин не работала (20-30%), и связать их арест с профессиональной деятельностью непросто. Так, доля групп «домохозяйки, пенсионеры, иждивенцы» и «без определенных занятий» в Горьковской области составляла 36,6%, в Башкирии – 39,2%, в Алтайском крае – 36,2%, в Северной Осетии – 42,4%. М. Илич на материалах «Ленинградского мартиролога» также доказывала, что большинство расстрелянных в Ленинграде женщин не было вовлечено в экономическую жизнь страны¹⁵.

Из тех женщин, кто все-таки имел профессию и работал, во всех регионах большинство были служащими: Горьковская область – 30,1%, Башкирия – 34,6%, Алтайский край – 25,2%, Северная Осетия – 42,4% (ровно столько же, сколько и неработающих). И это несмотря на аграрный профиль нескольких регионов и абсолютное доминирование в них колхозников и единоличников. Возможно, что на эту тенденцию повлиял консерватизм сельского общества, а также то, что «члены семей изменников родины» по «кулацкой операции» теоретически не должны были быть репрессированы.

Немало среди репрессированных женщин было тех, кто был связан с церковью, включенных в категорию «служители религиозного культа». В их число вошли монахини, члены церковного совета, религиозных сект и др. Представительниц этой категории было 11% в Горьковской области, 7,5% в Башкирской АССР, 4% в Алтайском крае, 1,2% в Карельской АССР. Среди расстрелянных женщин, чьи имена есть в «Ленинградском мартирологе», согласно подсчетам М. Илич, самой большой группой из имевших занятие были как раз монахини (в том числе бывшие) и другие женщины, занятые в религиозном служении¹⁶.

¹⁵ Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis. P. 166.

¹⁶ Ibid.

Возможно, что высокая доля приговоренных к ВМН в Алтайском крае и Карельской АССР женщин объясняется и наличием большого числа «церковниц». Если в целом в Алтайском крае доля «служителей религиозного культа» составляла 1,1%, то среди женщин их было 4,1% (45 человек, из них 32 расстреляны). В Карельской АССР «служителей культа» было 0,6%, а среди женщин в два раза больше – 1,2%.

Репрессированные женщины: судьбы расстрелянных на «Бутовском полигоне». Поскольку изучение статистики репрессий по материалам «Книг памяти» не дает глубокого понимания механизмов того, как и почему женщины становились объектами репрессий, обратимся к анализу архивно-следственных дел. Среди дел, изученных исследователем в ГА РФ, были 14 дел на репрессированных женщин. Поскольку изучались только дела на расстрелянных на Бутовском полигоне, 13 из них были приговорены к ВМН. Судьба 14-ой женщины (Веры Ни) изучалась, так как у нее было единое дело с ее мужем, расстрелянным на Бутовском полигоне. Не претендуя на полноту данных¹⁷, на примере чуть более подробно изложенных биографий этих женщин проанализируем, какие причины служили основаниями для ареста женщин в годы Большого террора.

В ходе работы со следственными делами складывается впечатление, что для ареста и тем более расстрела женщин органам НКВД требовалось «больше оснований», чем мужчинам. Помимо стандартных анкетных данных, которые могли послужить толчком для арестов, должны были быть какие-то еще «дополнительные аргументы» в пользу их задержания. По нашим наблюдениям, такими основаниями могли стать наличие репрессированного мужа, «инонациональность», а также принадлежность к

¹⁷ В данном случае выборку нельзя считать представительной для всей Московской области, так как анализировались исключительно биографии расстрелянных на Бутовском полигоне и только тех, чьи дела хранятся в ГА РФ (как уже говорилось, это около 75% всех расстрелянных в этом месте). Дела 13 женщин входили в сформированную случайным образом выборку репрессированных на «Бутовском полигоне». Однако не все дела из списка были предоставлены исследователю, и сложилось впечатление, что среди тех дел, которые все-таки были проанализированы, чаще, чем в среднем, встречались дела лиц, репрессированных по национальным массовым операциям. Так, из 14 женщин только 4 были приговорены тройкой, а остальные – двойкой. Это могло повлиять на выборку.

церковным или сектантским организациям потенциальных жертв репрессий. Проанализируем каждый из этих «поводов» для ареста отдельно.

Национальность – повод заподозрить в шпионаже. При работе с архивно-следственными делами расстрелянных на Бутовском полигоне в Московской области складывается впечатление, что женщины чаще становились жертвами национальных, а не «кулацкой» операции. Это наблюдение подтверждается статистикой: из 13 расстрелянных женщин, попавших в выборку, только 4 были осуждены тройкой. Всем остальным приговор к ВМН вынесла двойка. Аналогичная статистика наблюдается и в целом по делам расстрелянных на Бутовском полигоне. По нашим подсчетам, 66% расстрелянных на полигоне женщин были осуждены двойками, и только 34% - тройками. С мужчинами статистика противоположная: 35% репрессированных были осуждены двойками, а 65% - тройками.

Из лаконичных дел женщин, проходивших по «национальным» операциям, довольно сложно выяснить возможные причины ареста каждой из них. Ясно, что их арестовывали из-за их национальности или происхождения (например, из г. Харбин), однако сложно понять, почему в итоге были выбраны именно они. Остановимся на делах репрессированных женщин, в делах которых есть хотя бы какие-то зацепки.

Латышка Альма Давыдовна Ларман была арестована 1 декабря 1937 г. Предполагаемая «причина», по которой она попала в списки подлежащих аресту, содержится в справке на арест. В ней утверждается, что Ларман работает в бюро секции бывших латвийских стрелков «ОСО»¹⁸. Вероятно, что Ларман стала жертвой тотальных арестов всех, кто был причастен к работе секции бывших латышских стрелков. В архивах сохранились свидетельства о спланированной акции арестов всех причастных к деятельности этой секции по спискам без каких-либо оснований. В 1939 г.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-72328. Л. 1,2. Дело Ларман Альмы Давыдовны.

бывший начальник 3-го отдела УНКВД Московской области Аркадий (Арон) Постель, будучи под следствием, рассказывал об арестах латышей следующее:

«В 3-м отделе эти массовые аресты невинных латышей по спискам и объектам были распределены следующим образом: — аресты по латышскому клубу были поручены в отделение КАВЕРЗНЕВА, по латышскому театру — отделению КУЗОВЛЕВА, по культурно-просветительному латышскому обществу “Прометей” — БАКЛАНОВУ, по редакции латышских газет и журналов — РАКИТИНУ и *по секции бывш. латышских стрелков* (курсив – Л.Л.) — активных участников гражданской войны в латышских дивизиях 1918–19 г.г. ВОЛЬСОНУ, по архивам — РАКИТИНУ и т.д.

По всем этим латышским объектам были срочно взяты в 3 отдел списки, картотеки, анкеты, произвели аресты латышей, ведавших работой по этим местам и путем избиений, каждый назвал десятки участников организации и таким путем быстро фабриковались латышские организации и альбомы»¹⁹.

В ГАРФ сохранилось немало дел на репрессированных, связанных с секцией бывших латышских стрелков. К моменту ареста Ларман, правда, уже имела другую должность. После ликвидации секции она работала корректором журнально-газетного объединения «Жургаз»²⁰. Поэтому при работе исключительно с биографической справкой Ларман в «Бутовском полигоне» ее принадлежность к секции латышских стрелков определить было бы невозможно.

Другая латышка Гермина Аплоцина, старший контролер сберегательной кассы, была арестована в январе 1938 г. в Москве. Месяцем ранее в этой же квартире был арестован ее брат Аплоцин Ян Петрович. Причины ареста Яна Аплоцина не ясны (в «Книгах памяти» его биографию найти не удалось), однако известно, что перед арестом он занимал высокий

¹⁹ Документ № 22. «...Рано или поздно Сталина все равно убьют»: Оппозиционеры под ударом Кремля и Лубянки. 1926–1936 гг. // [Электронный ресурс]. Россия XX век: альманах. Архив А. Яковлева. – URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1012583> (дата обращения: 09.05.2015).

²⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-72328. Л. 9.

пост – директора завода «Красный факел». Тем не менее, из дела не ясно, имелась ли связь между арестами брата и сестры Аплоциных. Самой Гермине Петровне вменялась в вину связь с неким Янсоном Арвидом Яковлевичем, который дал на нее показание. В обвинительном заключении утверждалось, что Гермина Аплоцина «входила в к/р. националистическую организацию, вела активную агитацию против Сов. власти, призывала к борьбе с Сов. властью»²¹.

Жертвами национальных операций часто становились не только представители «инонациональностей», но и русские, и дело Ольги Александровны Редриковой – из их числа. Медсестру О. Редрикову арестовали 20 сентября 1937 г. в Серпухове, а 28 ноября двойка признала ее причастной к деятельности японо-германской разведки и приговорила к расстрелу. Возможно, что арест женщины был связан с дворянским происхождением – она была «из семьи помещика». Следователи разбирали связи Редриковой с различными уже арестованными лицами, которые якобы создали Военно-разведывательную организацию. Согласно обвинительному заключению, Редрикова «собирала сведения шпионского характера о политнастроениях населения, состоянии промышленности», а также «установила связи с повстанческой контрреволюционной организацией белого офицерства, совместно с которыми разрабатывала планы»²².

При анализе дела возникает вопрос, почему дворянка Редрикова проходила по «национальной», а не, например, по «кулацкой» операции. Связь арестованной с границей, судя по архивно-следственному делу, была весьма опосредованной. Согласно «легенде» следствия, в немецко-японскую сеть Редрикову завербовала ее двоюродная сестра М.М. Янковская, преподаватель языков. Также была арестована тетя Редриковой, 68-летняя работница школы О.Б. Янковская. Последняя общалась с Борисом

²¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-29736. Л. 9.

²² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27905. Л. 33.

Янковским, который проживал в Эстонии. Похоже, что это единственная «связь с границей», которая была у Редриковой.

Другие проанализированные дела на репрессированных в Бутово «двойками» женщин были еще более лаконичными. Похоже, что по «национальным» операциям никаких особых обоснований вины арестованных и не требовалось. «Арестовывали и расстреливали целыми семьями, в числе которых шли совершенно неграмотные женщины, несовершеннолетние и даже беременные и всех, как шпионов, подводили под расстрел... только потому, что они – “националы”», - рассказывал на следствии А. Постель²³.

Можно ли предположить, что арестовав всех «инонационалов», на которых были «компрометирующие» данные, следователи расширили круг поисков до в том числе женщин? Пока оснований для того, чтобы это утверждать, нет. Уже упоминавшийся выше бывший начальник 3-го отдела УНКВД Московской области А. Постель в 1939 г. на следствии показывал, что с началом 1938 г. «массовые операции на латышей фактически превратились в охоту за всем взрослым *мужским* (курсив – Л.Л.) населением, и в области шли разговоры, что особый отдел, исчерпав все свои кадры по латышам, имеющимся в воинских частях, разыскивал латышей по адресам милиции, по адресным милицейским листкам»²⁴. Это же доказывает динамика арестов по «национальным» операциям – после прихода Заковского в начале 1938 г. аресты женщин стали более редким явлением. В сентябре-ноябре 1937 г. женщины составляли 17-19% от числа репрессированных, впоследствии приговоренных «двойкой» и расстрелянных на Бутовском полигоне. С резким увеличением числа арестов в феврале-марте 1938 г. число женщин среди репрессированных не растет, а остается примерно таким же. Соответственно, в эти месяцы они составляли всего 2-4% от репрессированных, причем число арестованных женщин

²³ Бутовский полигон. Вып. 3. С. 345–346.

²⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-72328. Л. 43. Выписки из протокола допроса А. О. Постеля подшиты к делу А.Д. Ларман.

сократилось и в абсолютных значениях. Похоже, что фокус национальных операций с начала 1938 г. все-таки был на мужчинах.

Муж – враг народа. Среди 14 дел репрессированных в Московской области женщин, которые изучались в данном исследовании, в шести случаях арест явно был связан с мужьями репрессированных (в одном случае – гражданским мужем, в другом – бывшим мужем). По этим делам складывается впечатление, что именно аресты мужей заставили органы НКВД «заинтересоваться» этими женщинами.

Так, служащая Александра Андреева-Вовк была расстреляна вместе с мужем на Бутовском полигоне в один день²⁵. Через неделю после мужа была арестована латышка Ида Эглит²⁶, а расстреляны они были также в один день. В постановлении на арест румынки Берты Сиксай утверждается, что она «жена к.р. троцкиста БЕРГАРА, которая в течении нескольких лет помогала своему мужу БЕРГЕРУ в троцкистской работе... СИКСАЙ... зная о вражеских делах мужа БЕРГЕРА, вела с ним до последнего времени переписку»²⁷. В ходе следствия, правда, выяснилось, что у арестованной уже четыре года как новый муж. Возможно, поэтому в обвинительное заключение вошли «связи» Сиксай с неким «английским разведчиком МЕРИНГОМ», а не с бывшим мужем²⁸. В деле домохозяйки Любви Парменовой о ее муже говорится только в документах, относящихся к периоду реабилитации. Только сопоставив его данные со сведениями из книги памяти «Бутовский полигон», можно узнать, что он был арестован с женой в один день, однако осужден несколько позже. Из документов реабилитации можно узнать, что в Московской области арестовали также сестру Парменовой Нину Максимову, в Саратове – брата Николая

²⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63656. Дело Андреевой-Вовк Александры Романовны.

²⁶ Там же. Д. П-25421. Л. 6. Дело Эглит И.Р. Справка на ее мужа, Минтик Вольдемара Яковлевича, находится в книге памяти «Бутовски полигон».

²⁷ Там же. Д. П-29326. Л. 1. Дело Сиксай Берты Михайловны.

²⁸ Там же. Л. 50.

Парменова, его жену, сестру и отца жены, а еще одного брата – Александра Парменова – арестовали в Чкалове. Многих из них расстреляли²⁹.

Тем не менее, все равно далеко не всегда ясно, почему были выбраны именно эти женщины. Исключением является дело на супругов Александра и Веру Ни³⁰. И тот, и другая имели корейское происхождение, но выросли в России и имели гражданство СССР. 28-летний Александр Ни, зоотехник совхоза «Остафьево», был арестован в самом начале массовых операций НКВД - 31 августа 1937 г. В то время корейская «линия» еще не разрабатывалась. Видимо поэтому следователи гнули «немецкую» линию – на первых же допросах их интересовали связи Ни с немцем Эрихом Морштадтом, арестованном незадолго до этого. Дело развивалось бы типичным образом, если бы жена арестованного не совершила опрометчивый поступок. Вера Ни долго обивала пороги НКВД и в итоге добилась того, чтобы ей разрешили сделать передачу - пальто. Не понимая, чем это может грозить и мужу, и ей самой Ни зашила в пальто письмо. 7 сентября следователи перехватили эту записку, о чем тут же составили акт. В акте говорилось, что «настоящее письмо содержит сообщения, связанные со шпионажем»³¹. Между тем, содержание письма было исключительно личным и говорило прежде всего об отчаянии 23-летней женщины (см. приложение 5). В этом личном письме беременная женщина, на иждивении которой осталась четырехлетняя дочь, пожилая мать и 15-летняя сестра, пытается поддержать мужа, было интерпретировано в духе того времени как доказательство шпионской деятельности как самого Ни, так и его жены. Спустя 10 дней после перехвата письма Веру Ни арестовали. 29 декабря 1937 г. Вера Ни была приговорена к 10 годам лагерей и сослана в Карлаг НКВД.

Действительно ли одна записка сыграла столь важную роль в судьбе Веры Ни? Возможно ли, что НКВД планировал ее арест еще до перехвата письма? Конечно, при детальном рассмотрении архивно-следственного дела

²⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-29694. Л. 19. Дело Парменовой Любови Ильиничны.

³⁰ Там же. Д. П-35807. Дело Ни Александра Петровича и Ни Веры Ильиничны.

³¹ Там же. Л. 52.

в биографии Ни можно обнаружить и другие «пятна». Во-первых, летом 1937 года ее исключили из ВЛКСМ за сокрытие информации об аресте брата, с которым она почти не общалась. О факте ареста стало известно после того, как Вера Ни обратилась в комитет комсомола с вопросом о том, может ли она взять на воспитание 7-летнюю дочь арестованного брата³². Еще одним поводом для ареста Веры Ни могло быть то, что она сама была знакома с Морштадтом, они вместе с мужем ездили к нему в гости³³. Наконец, нельзя исключать, что арест женщины мог быть связан с ее профессиональной деятельностью. Вера Ни перебралась из дальневосточного села в Москву, получила высшее образование, работала экономистом Подольского районного финотдела. Даже из лагеря о ее работе приходила исключительно положительная характеристика.

Тем не менее, центральным пунктом обвинений Веры Ни было все-таки ее письмо мужу. Остальные «подозрительные» факты ее биографии если и изучались в ходе следствия, то косвенно. Примечательно, что и сама Вера Ни в 1939 г. писала следующее о причинах своего задержания: «Действительной причиной моего ареста это было письмо, которое я написала своему мужу... носящее чисто семейный характер... Не знала, что нельзя арестованным писать письма во время следствия. Я свою вину в этом признаю, поступила я малодушно, не как комсомолка, а как жена»³⁴.

Получается, что перед нами тот редкий случай, когда повод для ареста репрессированного вполне ясен, хотя подход НКВД и жестокость последствий в современных реалиях не поддаются никакому объяснению.

Религиозные убеждения и антисоветская агитация. Наконец, одной из основных причин, по которым женщины подвергались арестам и расстрелу, могли быть их религиозные убеждения и принадлежность к церковным или сектантским организациям. Достаточно сказать, что из 13

³² Там же. Л. 67.

³³ Там же. Л. 24.

³⁴ Там же. Л. 67.

расстрелянных женщин, которые попали в выборку архивно-следственных дел, три были так или иначе связаны с церковными организациями. Из их дел явно следует, что их арест был связан именно с деятельностью в церковных организациях. В целом в книгах «Бутовский полигон» путем поиска по ключевым словам удастся найти 71 женщину, в роде занятий которой составители указали привязку к церкви. Это 11% женщин, информация о которых есть в книгах памяти «Бутовский полигон». Среди этих женщин большинство – действующие или бывшие монахини (60 человек), многие – члены церковного совета и старосты, и, наконец, просто «активные церковницы».

Можно предположить, что в реальности процент женщин, репрессированных за активное участие в жизни церкви и других религиозных организаций, был еще выше. Далеко не во всех биографиях репрессированных, попавших в «Книги памяти», отмечается, что та или иная женщина – «активная церковница». Это неудивительно, ведь «активная прихожанка» – это не род занятий. Тем не менее, иногда составители «Книг памяти» включали эти сведения, таким образом пытаясь дать понять, за что человека арестовали.

Приведем несколько примеров. В роде занятий Варвары Невוליной указано только то, что она была ткачихой на фабрике им. Молотова. Однако согласно архивно-следственному делу, ее арест был связан с «сектантской деятельностью». Эта женщина проходила по делу и была арестована в связи с деятельностью так называемой «секты евангелистов-трезвенников». Сектанты якобы проповедовали «отказ от службы в РККА и распространение клеветнических слухов о падении Сов. власти»³⁵. Всего в группу якобы входили девять человек, из них пятеро – женщины. Только одну из женщин, «входивших» в организацию, не расстреляли, а приговорили к 10 годам³⁶.

³⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65917. Т. 1. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 169.

Дело еще одной женщины, бывшей монахини Антонины Новиковой, тоже было коллективным. Ее арестовали вместе со священником Константином Гусевым и бывшей игуменьей Надеждой Кругловой. Все они проживали по одному адресу. Членов этой группы обвиняли в контрреволюционной агитации, что в обвинительном заключении вылилось в следующее утверждение: «Проживая все совместно в одном доме, имея между себя темную связь, занимались резкой антисоветской деятельностью, ведя клевету на советскую власть, на колхозы и высказывали надежды на возврат царского строя»³⁷. Следствие продлилось недолго: 1 марта Новикову арестовали, 8 марта было готово обвинительное заключение, 11 марта тройка вынесла решение, а 20 марта всех участников «контрреволюционной группы» расстреляли на Бутовском полигоне.

Примечательно, что следователи даже не потрудились привести примеры антисоветских высказываний репрессированных. В справках на арест как Новиковой, так и Кругловой приведены идентичные высказывания о колхозном строе (в обоих случаях со ссылкой на свидетелей): «В колхозах крестьянин сейчас работает мучается...»³⁸ Эти же высказывания переключались в обвинительное заключение. Правда, на этот раз пришлось пояснить: «Обвиняемая КРУГЛОВА Надежда Георгиевна также аналогичные высказывания возводила совместно с НОВИКОВОЙ в одно время»³⁹.

Третье дело на «ярую церковницу», попавшее в нашу выборку, индивидуальное. 26 февраля 1938 г. в селе Воскресенки Истринского района была арестована бывшая монахиня Вознесенского монастыря в Кремле Евфимия Строкинова. На момент ареста она была старостой при церкви близлежащего села Юркино⁴⁰. Следствие также было «скоростным»: 26 февраля ее допросили, спустя два дня составили обвинительное заключение, 2 марта тройка приговорила ее к расстрелу за то, что она «высказывала

³⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78607. Л. 50.

³⁸ Там же. Л. 2-3.

³⁹ Там же. Л. 49.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 21531. Л. 20.

террористические намерения в отношении членов ВКП(б)»⁴¹. Через 12 дней после ареста Строкинову расстреляли на Бутовском полигоне.

Несмотря на скоротечность расследования дела Строкиновой, оно довольно подробное. Согласно документам, еще до ее ареста в начале февраля 1938 г. по делу были допрошены трое свидетелей: председатель правления колхоза «Восход» деревни Вокресенки, секретарь Пироговского сельсовета Истринского региона, а также член колхоза деревни Воскресенки. Основным пунктом обвинений Строкиновой стали ее «антисоветские высказывания». В частности, в 1935 г., во время изъятия у нее коровы в счет мясопоставок она якобы заявляла: «Советская власть грабит тружеников, но этой власти долго не продержаться. Я дождусь этого время, когда эта власть сменится и отомщу руководителям советской власти». По поводу выборов в Верховный совет СССР она якобы заявляла, что на них будут выбирать «антихристов», «которые будут душить и издеваться над православными»⁴². Таким образом, «антисоветская агитация», даже если она была вымышленной, связывалась с церковными воззрениями репрессированной.

Помимо фактов антисоветской агитации, Строкинову обвиняли в «связях с культслужителями» и уклонении от государственных платежей. В деле есть справка из сельсовета, в которой рассказывается биография женщины: «С малых лет ушла в монастырь в монашки, где пробыла до 1920 г., после 1920 г. вернулась на родину, где и до сего времени проживает... В 1931 г. лишена избирательных прав... С 1937 г. до настоящего времени работает в Юрьевской церкви церковным старостой... имеет связь с попами, которых держит без прописки». Также в справке делается вывод, что «гражданка Строкинова злостно уклоняется от государственных платежей»⁴³.

Все три дела объединяют утверждения, что женщины занимались «антисоветской агитацией». Все они активно участвовали в жизни церкви или религиозных организаций и помогали священникам, пострадавшим от

⁴¹ Там же. Л. 26.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 5.

репрессий. Бывшие (или тайные) монахини Строкинова, Круглова и Новикова, что понятно, не имели детей. По свидетельским показаниям кажется, что эти женщины были как будто бы на плохом счету у своих односельчан – или следователям НКВД хотелось в показаниях представить арестованных изгоями. Тем не менее, возможно, что именно поэтому – из-за этой изолированности и оторванности от общества – арест этих женщин не представлял труда и казался оправданным НКВД.

В целом работа со следственными делами подтверждает ранее сделанные выводы о низком социальном статусе женщин того времени. Хотя большинство из женщин, чьи дела были изучены в ГАРФ, работали, только в одном случае рабочая деятельность женщины стала предметом отдельного разбирательства на следствии. Иде Эглит, литературному редактору латышского журнала «Целтне», пришлось признать, что она «под влиянием других авторов» публиковала контрреволюционную литературу⁴⁴. Однако даже в этом случае не столько редакционная политика Эглит была вероятной причиной ее ареста, сколько сама принадлежность к редакции латышского журнала, а также то, что редактором был и ее муж, также латыш.

3.2. Возрастная характеристика

Обратимся к возрастному составу репрессированных. Сперва мы проанализируем средний возраст арестованных в каждом из пяти регионов в сравнении с данными переписи.

Табл. 20. Возрастной состав репрессированных в Алтайском крае.

Возраст, лет	Кол-во арестованных	Доля от общего числа
До 19	249	0,9%
20-29	4291	16,0%
30-39	8047	30,1%

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25421. Л. 16. Дело Эглит И.Р.

40-49	7065	26,4%
50-59	4486	16,8%
60-69	2221	8,3%
Больше 70	393	1,5%

В Алтайском крае абсолютное большинство репрессированных были людьми в расцвете лет - 73% репрессированных, попавших в нашу базу данных (см. табл. 20), были арестованы в возрасте от 30 до 59 лет. Больше всего в базе людей 30-39 лет (8047 человек, или 30%), 40-49 (7065 человек, или 26%), 50-59 (4486, или 17%). Напротив, молодые люди страдали от репрессий значительно реже, хотя и их в Алтайском крае было репрессировано немало: 16% репрессированных составляли лица в возрасте 20-29 лет, 0,9% репрессированных – от 14 до 19 лет (0,9%).

Самые молодые репрессированные в базе данных – два 14-летних мальчика: Петр Ковалев (пастух колхоза, дело прекращено) и Григорий Зырянов, успевший окончить лишь 5 классов школы. Зырянов был арестован в декабре 1937 г. спустя пять дней после ареста своего отца, Афанасия Афанасьевича Зырянова, заместителя председателя колхоза. Его отец был расстрелян, а сам мальчик, согласно данным «Книги памяти» республики Алтай, приговорен к 8 годам.

Люди в возрасте старше 60 составляли около 10% от общего числа репрессированных. Таким образом, пожилые люди явно не были целевой группой массовых репрессий.

Двум самым старым репрессированным в нашей базе по Алтайскому краю – по 85 лет. Первый – единоличник Степан Алексеевич Вичурко, который был арестован в июле 1937 г. Его дело было прекращено. Второй, Сайду Чамчиевич Соенов, неграмотный колхозник из Горного Алтая, был арестован в том же месяце, однако судьба его сложилась иначе: уже 1 октября 1937 г. он был расстрелян.

Табл. 21. Возрастной состав репрессированных в Башкирской АССР в сравнении с данными переписи населения 1939 г.

Возраст, лет	Кол-во арестованных	Доля от общего числа
До 19	65	0,6%
20-29	1130	9,9%
30-39	2802	24,5%
40-49	3332	29,1%
50-59	2370	20,7%
60-69	1438	12,6%
Больше 70	318	2,8%
Нет данных	2	0,0%

Самой массовой группой репрессированных в Башкирской АССР (см. табл. 21) стали лица в возрасте от 40 до 49 лет (3332 человек, или 29%). Основную массу репрессированных составляли люди в возрасте от 30 до 59 лет (8504 человека, или 74%). В Башкирии было арестовано существенно меньше, чем в Алтайском крае, молодых людей: 10% репрессированных были в возрасте 20-29 лет (против 16% в Алтайском крае) и всего 65 человек (0,6% против 0,9% в Алтайском крае) были в возрасте до 19 лет.

Самый молодой в «Книгах памяти» – 15-летний Иван Михайлович Сиренко, колхозник. Его судьба иллюстрирует предположение, что столь юные люди арестовывались «по цепочке» как родственники репрессированных. В августе 1938 г. был арестован 17-летний брат Ивана – Василий Сиренко, также колхозник с начальным образованием. Василий был приговорен по статье 58-10 к лишению свободы на пять лет. Иван был арестован спустя месяц, в сентябре 1938 г., в один день со своим отцом, Михаилом Трофимовичем Сиренко. Уже в декабре 1938 г. Иван был, вероятно, отпущен. Расследование дела его отца продлилось дольше – согласно «Книге памяти Республики Башкортостан», он был реабилитирован в апреле 1940 г. (данных о приговоре нет). Василий Сиренко был реабилитирован лишь в 1993 г.

Репрессированных старше 60 лет в Башкирии не так мало – 15% (1756 человек). Трое самых старших арестованных в Башкирии – люди 85 лет. Среди них: неграмотный единоличник Яков Минеевич Черепанов, приговоренный к 8 годам лишения свободы, Тимирхан Каюмович Каюмов,

колхозник с начальным образованием, приговоренный к расстрелу, и священник с незаконченным средним образованием Алексей Васильевич Дьяков, также впоследствии расстрелянный.

Табл. 22. Возрастной состав репрессированных Горьковской области.

	Кол-во арестованных	Доля от общего числа
До 19	68	0,6%
20-29	991	8,7%
30-39	2609	22,8%
40-49	3269	28,6%
50-59	2648	23,2%
60-69	1490	13,0%
Больше 70	341	3,0%
Нет данных	2	0,0%

В Горьковской области (см. табл. 22) также, как и в Башкирии, абсолютное большинство репрессированных были в возрасте от 40 до 49 лет (3269 человек, или 29%). Люди от 30 до 59 лет составляли 75% репрессированных (8526 человек).

Процент репрессированных молодых людей в Горьковской области был еще ниже, чем в Башкирии. В «Книгах памяти» всего 991 человек (9%), репрессированный в возрасте от 20 до 29 лет, и 68 (0,6%) репрессированных от 14 до 19 лет включительно. Самым молодым репрессированным в ходе Большого террора в Нижегородских книгах памяти являлся 14-летний Михаил Васильевич Кривоногов, который учился в 7 классе. Мальчика подозревали в антисоветской агитации. Под стражей его содержали «всего» 17 суток. Информации о родственниках Кривоногова в базе данных найти не удалось. Сверстнику Кривоногова, воспитаннику детдома Алексею Алексеевичу Дезену, повезло меньше. 14-летний мальчик был арестован в Горьком 16 декабря 1937 г. 23 апреля 1938 г. Особое совещание признало его виновным в антисоветской агитации и приговорило к 5 годам трудколони.

Доля лиц возраста старше 60 лет в Горьковской области составляла 16%. Самым пожилым арестованным в Горьковской области, если верить «Книгам памяти», оказался 97-летний Верил Минеевич Рунин, русский, человек «без определенных занятий». «Тройка» приговорила его к высшей мере наказания, и спустя месяц после ареста, в ноябре 1937 г., он был расстрелян.

Табл. 23. Возрастной состав репрессированных в Карельской АССР.

Возраст	Кол-во арестованных	В % от общего числа
До 19	209	1,9%
20-29	2251	20,7%
30-39	3547	32,6%
40-49	2874	26,4%
50-59	1620	14,9%
60-69	335	3,1%
Больше 70	36	0,3%
нет данных	1	0,0%

Репрессированные в Карельской АССР (см. табл. 23) были существенно моложе, чем в Горьковской области, Башкирии и даже в Алтайском крае. Абсолютное большинство, треть (33%, 3547 человек) всех арестованных в Карельской АССР были в возрасте от 30 до 39 лет. 26% (2874 человека) арестованных – в возрасте от 40 до 49 лет, и всего 15% (1620) – в возрасте от 50 до 59 лет. Тем не менее, суммарно основная масса репрессированных, в которую входили лица от 30 до 59 лет, составляла средние 74%.

Молодые люди составляли существенную долю репрессированных. 2251 арестованный (21%) были в возрасте от 20 до 29 лет, 209 человек (2%) – до 19 лет включительно. Оба показателя существенно выше, чем в других регионах. Примечательно, что и население Карельской АССР было несколько моложе, чем население других изученных регионов. Молодые люди в возрасте 20-29 лет составляли 33% жителей Карелии (против 28% в Алтайском крае, 27% в Башкирской АССР и 28% в Горьковской области).

Возможно, что это частично объясняет «молодость» репрессированных в Карелии.

По данным «Книг памяти» Республики Карелия, двум самым молодым арестованным в регионе было по 13 лет, оба они были без определенных занятий и места жительства, и оба арестованы в рамках приказа № 00447. Сведений о том, что их родственники были репрессированы, в «Книгах памяти» обнаружить не удалось. Можно предположить, что они пострадали в рамках борьбы за «очищение» городов от мелкого уголовного элемента⁴⁵. Евгений Ахмеджанович Тифитулин, родившийся в Ленинграде, был арестован в Карелии почти сразу с началом кулацкой операции – 16 августа 1937 г. Уже 25 августа 1937 г. тройка приговорила его к 8 годам заключения. Другой мальчик, Виктор Афанасьевич Анкудинов, был арестован в Петрозаводске 3 декабря 1937 г. Тройка приговорила его к 10 годам заключения.

Пожилых лиц среди репрессированных в Карельской АССР, напротив, было немного. 3% (335 человек) были в возрасте от 60 до 69, 36 арестованных (0,3%) – больше 70. Старейшим репрессированным в «Книгах памяти» Карельской АССР оказался Егор Алексеевич Кирьяков, колхозник, проживавший в сельской местности. Он был арестован в первые дни кулацкой операции – 8 августа 1937 г. На момент ареста ему было около 80 лет. Тройка КАССР не была снисходительна к его годам: за террористические намерения и антисоветскую агитацию его приговорили к расстрелу. 4 марта приговор был приведен в исполнение в окрестностях Петрозаводска.

Табл. 24. Возрастной состав репрессированных в Северо-Осетинской АССР.

Возраст	Кол-во арестованных	Доля от общего числа
---------	---------------------	----------------------

⁴⁵ Более подробно о борьбе с уголовными элементами см., например: Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 459-518.

До 19	16	0,6%
20-29	276	10,6%
30-39	751	28,8%
40-49	801	30,7%
50-59	459	17,6%
60-69	230	8,8%
Больше 70	74	2,8%
Нет данных	1	0,0%

Репрессированные в Северо-Осетинской АССР были, напротив, несколько старше (см. табл. 24). Абсолютное большинство репрессированных (801 человек, 31%) составляли люди в возрасте от 40 до 49 лет. Суммарно люди в возрасте от 30 до 59 лет составили 77% (2011 человек) – примерно столько же, сколько и в рассмотренных ранее регионах. По переписи люди в возрасте от 30 до 59 лет в Северо-Осетинской АССР составляли всего 45% взрослого населения.

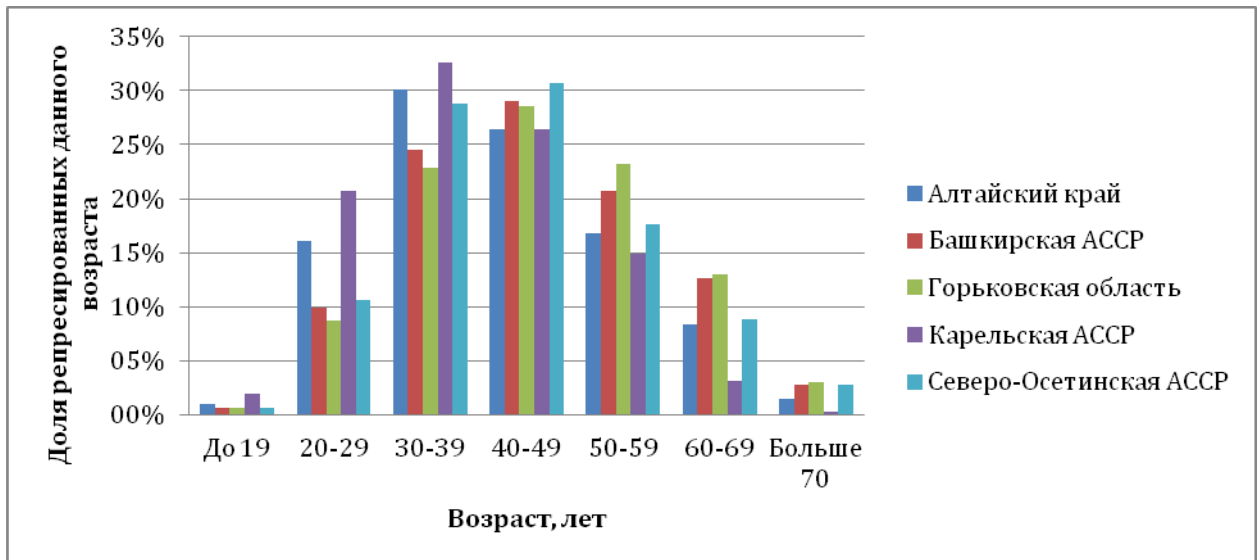
Около 12% (304 человека) репрессированных в Северной Осетии были старше 60 лет. При этом среди репрессированных было 230 человек (9%) в возрасте от 60 до 69 лет и 74 человека (3%) старше 70. Из этих пожилых репрессированных некоторые, согласно данным «Книг памяти», были долгожителями и прожили больше 100 лет. Возникает подозрение, что в нескольких случаях составители «Книг памяти» допустили ошибки. По сведениям БД, самому старому репрессированному в Северной Осетии в ходе Большого террора было 113 лет, что, на наш взгляд, скорее всего является опечаткой. Этот долгожитель, колхозник Анисим Ермилович Камкин, был отпущен спустя 10 дней после ареста. Также непросто поверить, что Доди Тасоевич Ботоев, родившийся в 1834 г., мог исполнять обязанности прокурора Орджоникидзевского района в свои 103 года. Ботоев был приговорен к ВМН. Биография 95-летнего Муссы Магометовича Елоева вызывает меньше вопросов: этот пожилой человек не имел работы, в 1932 г. был арестован в первый раз органами ОГПУ, но его дело было прекращено. В сентябре 1937 г. его вновь арестовали, и тройка Северной Осетии приговорила его к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

В «Книгах памяти» Северной Осетии относительно немного молодых - всего 16 человек (0,6%) в возрасте до 19 лет, и 276 (11%) человек в возрасте от 20 до 29 лет. Самыми молодыми арестованным в Северной Осетии оказались два 17-летних юноши. Первый, Николай Евдокимович Клишин, был музыкантом колхоза им. Ленина села Карца. Его приговорили к 5 годам ИТЛ. Второй, Подколотин Василий Дмитриевич, был студентом техникума путей сообщения и проживал в городе Орджоникидзе. 19 декабря 1937 г. линейный суд (специальный орган, который действовал на железнодорожном транспорте) приговорил его к 3 годам ИТЛ.

В целом во всех пяти регионах РСФСР основную часть репрессированных составляли люди среднего возраста, на самом пике их трудовых возможностей – от 30 до 59 лет (см. рис. 28). Таковых в Алтайском крае было 73%, в Башкирской АССР – 74%, в Горьковской области – 75%, в Карельской АССР – 74%, в Северо-Осетинской АССР – 77%.

Проанализировав в целом возрастной состав населения по переписи 1939 г., можно прийти к выводу, что эта структура сильно отличалась (см. данные по каждому из регионов в приложении 6). Среди лиц старше 15 лет во всех регионах молодые люди (до 29 лет) составляли 40-47% населения, среднего возраста – от 30 до 59 лет – 45%-48%.

Рис. 28. Сравнительный график возрастного состава репрессированных (в долях) в пяти регионах РСФСР.

Операция имела некоторую специфику в регионах (см. рис. 28). Как хорошо видно на графике, в Карельской АССР было репрессировано больше, чем в других регионах, молодежи в возрасте до 29 лет (23%). Относительно более молодыми были также репрессированные в Алтайском крае. Там доля репрессированной молодежи в возрасте до 29 лет составляла 17%. В остальных регионах доля молодых людей была существенно меньше: Северная Осетия – 11%, Башкирская АССР – 10,5%, Горьковская область – 9%. При этом по переписи 1937 г. самым «молодым» было население Карельской АССР (47% населения были в возрасте от 15 до 29 лет), Северо-Осетинской АССР (44,5%), а также по переписи 1939 г. Алтайского края (44,3%). Различия не столь разительные, чтобы объяснить, например, почему в Алтайском крае среди жертв Большого террора были 17% лиц до 29 лет, а в Северной Осетии – 11%.

Возможно, что относительная «молодость» репрессированных в Карелии и Алтайском крае связана с тем, что в этом регионе был репрессирован в принципе больший процент населения, чем в других областях, и, соответственно, социальная база была расширена за счет более молодых. Хотя в целом молодые люди были, вероятно, более лояльны к советской власти, в процессе осуществления массовых операций чекистам постепенно приходилось вовлекать в процесс все более широкие слои населения. Когда основная «релевантная» группа была «вычищена»,

следователям пришлось обращаться к арестам и менее «подозрительных», с точки зрения властей, лиц.

Данную гипотезу легко проверить статистически. Если посчитать, какую долю занимали лица в возрасте от 20 до 29 лет среди арестованных в Алтайском крае в каждом из месяцев, получатся следующие цифры: в июле доля молодежи составляла 13%, в августе – 15%, на «пике» репрессий, в ноябре 1937 г. – 17%, а со следующего месяца доля молодых людей только росла. В декабре 1937 г. – 18% репрессированных были в возрасте с 20 до 29 лет, в апреле 1938 г. – 22% (164 человека из 745), в октябре 1938 г. – 25% (23 человека из 92). Этим данные показывают, что на втором этапе Большого террора в 1938 г. в Алтайском крае репрессировали больше молодых людей.

В Карельской АССР также наблюдается рост числа арестованных молодых людей, но не с конца 1937 г., как в Алтайском крае, а с весны 1938 г. В 1937 г. репрессированные 20-29 лет составляли 17-25% репрессированных, и какой-либо тенденции к увеличению этой доли не прослеживается. В первые месяцы 1938 г., когда в связи с продлением «кулацкой» операции и приходом нового начальства в Карелии начинается очередной виток массовых арестов, доля молодежи среди репрессированных, напротив, сокращается до 12-17%. Однако с мая 1938 г., когда активно продолжают идти только национальные операции, доля молодежи среди репрессированных резко возрастает. Люди в возрасте 20-29 лет составили 39% арестованных в мае 1938 г., 24% арестованных в июне, 27% – в июле (пик арестов по «финской» линии), 46% – в августе и 49% – в сентябре 1938 г. Можно предположить, что большее число молодых репрессированных в Карелии было связано не только с самой возрастной структурой населения и высоким процентом репрессированных, но и с большой ролью «национальных операций» в регионе. Об этом подробнее будет сказано в следующем параграфе.

Лица старшего возраста (старше 60 лет) репрессировались примерно в также часто, как и по переписи. Если не учитывать Карелию, то по переписи

они составляли 11-12% населения в различных регионах, а среди репрессированных их было 10-16%. В Карелии ситуация была несколько иная. Там население в целом было чуть более молодое, а доля лиц старше 60 лет составляла 8%. Соответственно, и среди репрессированных их было немного – 3,3%.

Интересным представляется также проследить, влиял ли возраст репрессированных на то, какой приговор их в итоге ожидал. Для проверки этой гипотезы была построена табл. 25.

Табл. 25. Процент приговоренных к расстрелу среди общего количества арестованных разных возрастов в пяти регионах РСФСР.

Возраст, лет	Алтайский край	Башкирская АССР	Горьковская область	Карельская АССР	Северо-Осетинская АССР
До 19	12,4%	0,0%	14,7%	50,7%	12,5%
20-29	33,5%	13,5%	19,9%	76,7%	26,1%
30-39	47,0%	25,2%	25,2%	84,5%	38,7%
40-49	55,0%	33,3%	32,7%	87,7%	52,6%
50-59	57,4%	37,5%	40,6%	90,3%	48,6%
60-69	71,4%	57,4%	61,4%	94,3%	51,7%
Больше 70	74,6%	64,8%	73,6%	97,2%	33,8%
нет данных	0,0%	0,0%	50,0%	0,0%	0,0%

Можно констатировать, что во всех регионах молодые люди в возрасте до 19 лет и от 20 до 29 реже приговаривались к смертной казни, чем в среднем. Молодых людей в возрасте до 19 лет включительно в Башкирии приговаривали к ВМН только в исключительных случаях (менее процента), в Алтайском крае – в 12% случаев, в Северной Осетии – в 12,5%, в Горьковской области – в 15% случаев, в Карельской АССР – в 51%. Наиболее лояльны к молодежи в возрасте от 20 до 29 лет были также в Башкирской АССР (ВМН в 13,5% случаев), Горьковской области (в 20%), Северо-Осетинской АССР (в 26%), в Алтайском крае (в 33,5%), и, наконец, даже в Карельской АССР приговор к ВМН в 77% значительно ниже средней доли (в 85%).

Сходная картина прослеживается и в других регионах. Так, при анализе дел несовершеннолетних, арестованных на территории Пермского края, А. Суслов выделил ряд закономерностей. Несовершеннолетние составляли всего 0,17% арестованных в регионе, при этом в половине случаев их дела были прекращены. Ни одного арестованного подростка (в возрасте от 12 до 17 лет) за период Большого террора в этом регионе к ВМН не приговорили⁴⁶.

Чем можно объяснить «мягкость» по отношению как к подросткам, так и к молодым людям? Возможно, что играли свою роль некие «гуманистические» соображения, наподобие тех, которые удерживали сотрудников НКВД от арестов женщин и приводили к тому, чтобы приговоры в отношении них были более мягкими. А. Суслов, анализирувавший дела на подростков, более категоричен в своих выводах – по мнению исследователя, «мягкость» - скорее «свидетельство проявления здравого смысла, а не гуманизма»⁴⁷. В доказательство своей точки зрения Суслов приводит тот факт, что осужденных подростков в основном обвиняли в антисоветской агитации. Обвинения в шпионаже, терроризме и повстанческой деятельности хотя и выдвигались, но дела такого рода гораздо чаще прекращали, чем в среднем – таким образом, следствие готово было поверить в антисоветскую агитацию, но не в совсем абсурдные обвинения подростков в шпионаже⁴⁸. Можно предположить, что молодежь, как и женщины, не воспринималась в политическом плане всерьез.

Возможно также, что сыграла свою роль большая лояльность молодого населения к советской власти. «Чужеродных», воспитанных в иной системе ценностей «антисоветских элементов» среди старшего поколения должно было быть больше.

Людей среднего и пожилого возраста (с 60 года и старше), напротив, чаще приговаривали к расстрелу, чем в среднем арестованных в каждом из

⁴⁶ Суслов А.Б. Дети под следствием НКВД в годы Большого террора (по материалам Пермского края) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 192-193.

⁴⁷ Там же. С. 194.

⁴⁸ Там же. С. 193.

регионов. Так, в Карелии людей в возрасте 60-69 лет осуждали к ВМН в 94% случаев, в Алтайском крае – в 71% случаев, в Горьковской области – в 61% случаев, в Башкирской АССР – в 57% случаев, и, наконец, в Северной Осетии – в 52% случаев. Арестованных старше 70 лет в Карелии расстрел ожидал в 97% случаев (расстреляны 35 из 36 человек), в Алтайском крае – в 75% (расстреляны 293 человека из 393), в Горьковской области – в 74% (расстрелян 251 человек из 341), и в Башкирии – в 65% (206 человек из 318).

Выбивается из ряда регионов, где людей старшего возраста и пожилых часто расстреливали, Северная Осетия. В этом регионе 60-летних смертный приговор ожидал в 52% случаев (что выше, чем в среднем среди арестованных в регионе, однако заметно ниже, чем в других регионах), а людей старше 70 лет – «всего» в 34% случаев, что существенно ниже, чем среднее количество расстрелянных в Северной Осетии (напомним, 44,2%). При этом жертв репрессий в возрасте от 60 и старше в регионе было почти 12% (для сравнения: в Горьковской области – 16%, в Башкирии – 15%, на Алтае – 10%, в Карелии – в 3%). Чем можно объяснить подобную особенность возрастного состава репрессированных в регионе? Для выяснения этого необходимо проведение специального исследования. Можно лишь предположить, что эта черта может быть связана с особенностями экономического развития региона до революции и тем, что в нем по определению должно было быть меньше «кулаков». Возможно, что какое-то влияние оказала национальная специфика региона, однако, разумеется, эта гипотеза нуждается в проверке.

Можно привести несколько объяснений того, почему чаще репрессировали и приговаривали к смертной казни людей старшего возраста. Во-первых, можно предположить, что у людей этой возрастной категории было проще найти «пятна» в биографии: дворянское происхождение, факт службы в белой или царской армии, участие в восстаниях, принадлежность к политическим партиям кроме ВКП(б), наконец, раскулачивание, судимости, лишение избирательных прав и т.д. Подобные факты из биографии человека

«облегчали» работу следователей, которым нужно было «доказать вину» арестованного. Однако на деле таких людей было не очень много – по многочисленным свидетельствам, картотеки НКВД с теми, на кого были такого рода «компрометирующие» данные, были исчерпаны в первые месяцы массовых операций⁴⁹. Между тем, факты «антисоветского поведения» в прошлом масштабно фальсифицировались и от реальной биографии человека зависели мало. Например, среди приговоренных «тройкой» Алтайского края 73,2% осужденных числились бывшими кулаками, однако анализ следственных дел, проведенный алтайскими историками, показал, что около 40% из осужденных по этой категории лиц на самом деле «кулаками» не являлись, а происходили из середняков или бедняков⁵⁰.

Также можно предположить, что людей старшего возраста чаще приговаривали к расстрелу, так как к своим 50-70 годам они могли успеть занять ответственные должности⁵¹, или по крайней мере заслужить уважение в обществе. При этом никакой особой жалости к этой категории лиц в НКВД не испытывали. А.И. Успенский, в то время начальник УНКВД Оренбургской обл., рассказывал впоследствии на допросе о совещании в Москве в июле 1937 г., предварявшем «кулацкую» операцию: «Тут же, на совещании, я подошел к Ежову и в присутствии Фриновского спросил его, как быть с арестованными 70-летними – 80-летними стариками. Ежов мне на это буквально ответил: «Если держится на ногах – стреляй»⁵².

Наконец, еще одной причиной массовых расстрелов людей старшего возраста – возможно, одной из главных – является то, что в системе ГУЛАГа люди физически ослабленные были попросту не нужны. Органам госбезопасности не хотелось за государственный счет содержать «бесполезную рабочую силу» в тюрьмах и лагерях. При всей циничности этой версии, она находит серьезное подтверждение в архивах.

⁴⁹ Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 471.

⁵⁰ Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае. С. 84.

⁵¹ К таким выводам приходит М. Илич, см.: Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis. P. 151.

⁵² Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 101.

Приведем пример биографии расстрелянного, в которой сочетается несколько из указанных выше причин. 17 ноября 1937 г. в Талдоме (Московская область) был арестован 62-летний Егор Федорович Суслов. На момент ареста мужчина работал сторожем в скорняжной промартели. Одним из оснований для его ареста стало «пятно в биографии» – согласно справке из горсовета, в дореволюционное время Суслов служил урядником. Кроме того, ранее у него была валяльная мастерская с 2-4 наемными рабочими, а до революции он сдавал дома в аренду⁵³. Следствие провело предварительную работу, допросив соседку Суслова, его знакомого по работе и коллегу еще в начале октября 1937 г. Поэтому уже в день ареста – 17 ноября – следователи составили обвинительное заключение по делу⁵⁴. 23 ноября «тройка» приговорила Суслова к восьми годам заключения за «антисоветскую агитацию»⁵⁵. Прошло четыре месяца, и в дело подшили еще один документ – новое постановление тройки от 14 февраля 1938 г. В ней указана та же информация о Сулове, уточняется, что тройка его уже приговорила к 8 годам, потом говорится, что он обвиняется в а-с агитации и выносится постановление – расстрелять⁵⁶.

Между этими двумя постановлениями тройки, где за одно и то же «преступление» сначала выносится решение о 8 годах, а затем о ВМН, есть только один документ, который может пояснить, что же произошло – «Справка на заключенного», составленная в 3 отделе Отдела мест заключения (ОМЗ) УНКВД МО 27 декабря 1937 г.⁵⁷ В ней дается краткое описание дела Суслова, после чего дается лаконичная характеристика: «По определению медврача тюрьмы, Суслов вследствие старческой дряхлости является инвалидом». Никаких выводов в справке не содержится, но вероятно, что именно из-за этого Суслова решили расстрелять. В справке

⁵³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 21104. Л. 9. Дело Суслова Е.Ф.

⁵⁴ Там же. Л. 17-18.

⁵⁵ Там же. Л. 19.

⁵⁶ Там же. Л. 23.

⁵⁷ Там же. Л. 22.

подчеркнуты «основания» – «служил урядником, лишен избирательных прав».

Вероятнее всего Суслов – человек в возрасте, однако до попадания в тюрьму работавший – попал под операцию по расстрелу инвалидов в переполненных московских тюрьмах. Еще в сентябре 1937 г. ГУЛАГ отказывался отправить к месту отбытия наказания около 800 инвалидов, осужденных в Москве к лагерным срокам⁵⁸. К февралю 1938 г. в тюрьмах Москвы и области находилось более 830 инвалидов. Их уже осудили на лагерные сроки, но в лагеря не отправляли⁵⁹. Тогда в НКВД нашли «выход из ситуации. Свидетельства об этом решении сохранились в следственном деле бывшего сотрудника НКВД М.И. Семенова, который показал следующее: «[Начальник УНКВД Московской области] Заковский по этому поводу вызвал меня, и в присутствии Якубовича заявил, что надо будет пересмотреть дела по всем осужденным инвалидам на тройке и их пострелять». Заковский, по январь 1938 г. возглавлявший НКВД в Ленинградской области, также добавил, что он «в Ленинграде весь такой контингент пострелял и возиться с ним нечего»⁶⁰. По данным Л. Головковой, в феврале-марте 1938 г. в тюрьмах Москвы и области было расстреляно более 1160 инвалидов⁶¹.

«Чистки» наиболее слабых, не способных к тяжкому труду заключенных, вероятно, проходили и в самих лагерях. В частности, косвенно об этом могут говорить массовые осуждения за «попытку побега» в Белбалтлаге. В январе 1938 г. руководитель ББК М. Тимофеев объявил «беспощадную кампанию против побегов заключенных», которая запустила серию расстрелов, жертвами которых стали не менее 1000 человек. При этом, как отмечает Н. Барон, расстрелы явно проводились не из-за побегов, а «по картотеке»: например, 18 января 1938 г. было расстреляно семь человек с

⁵⁸ McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD. P. 136.

⁵⁹ Головкова Л. В родном краю // Бутовский полигон. Вып. 8. С. 65.

⁶⁰ Там же. С. 66.

⁶¹ Там же. С. 67.

фамилией, начинающейся на «Г», еще семь на «Д» и 27 на «К» и т.д.⁶² Поскольку при этом статистика смертей от «естественных смертей» в ББК была невысокой, исследователь делает вывод об использовании расстрелов для устранения наиболее слабых заключенных.

Вполне вероятно, что массовые расстрелы арестованных инвалидов и физически ослабленных людей имели место не только в Московской и Ленинградской областях⁶³. Можно предположить, что и в других регионах РСФСР, в том числе в пяти изученных в данном исследовании, большое число расстрелов лиц пожилого возраста связано с нежеланием содержать их в тюрьмах или отправлять на содержание в лагеря.

3.3. Национальный состав

Пять регионов, которые изучаются в данном исследовании, отличаются различные национальные структуры: Башкирия, Карелия и Северная Осетия являлись национальными республиками, в которых доминировало местное коренное население; в Алтайском крае и Горьковской области население было в основном русским. Поэтому анализ национального состава репрессированных идет в тесной связке с анализом населения республик, краев и областей по переписям 1937⁶⁴ и 1939 г.⁶⁵

Алтайский край по переписи 1939 г. был достаточно однородным: 86% населения были русскими, 8% - украинцами, 1,3% - немцами. В «Книгах памяти» региона национальность репрессированных указана почти всегда: данные отсутствуют только в 1% случаев (см. табл. 26).

Табл. 26. Национальный состав жертв политических репрессий в Алтайском крае в сравнении с данными переписи 1939 г.

Национальность	Репрессированные	Перепись 1939 г.	Доля репрессир.
----------------	------------------	------------------	-----------------

⁶² Барон Н. Указ. соч. С. 349-350.

⁶³ См. подробнее: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». С. 55-56.

⁶⁴ Использовалось издание: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги.

⁶⁵ Использовалось издание: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги.

	Кол-во человек	% репрессированных от	Кол-во жителей	Доля по переписи, в %	в населении региона
русские	16158	63,3%	2139957	85,6%	0,8%
немцы	2795	10,9%	33203	1,3%	8,4%
украинцы	1984	7,8%	191821	7,8%	1,0%
поляки	921	3,6%	см. «прочие»		см. «прочие»
алтайцы	847	3,3%			
белорусы	662	2,6%			
казахи	341	1,3%	27595	1,1%	1,2%
латыши	304	1,2%	см. «прочие»		см. «прочие»
эстонцы	253	1,0%			
китайцы	184	0,7%			
мордовцы	161	0,6%	30779	1,2%	0,5%
евреи	116	0,5%	см. «прочие»		см. «прочие»
прочие	600	2,4%	75242	3,0%	5,2%*
нет данных	201	0,8%	0	0%	

*Прим.: *В данном поле учтены суммарно репрессированные всех национальностей, по которым в переписи нет собственных данных. В данном случае число репрессированных поляков, алтайцев, белорусов, латышей, эстонцев, китайцев, евреев и прочих делится на число «прочих» по переписи населения.*

Согласно табл. 26, лишь 63% репрессированных в Алтайском крае составляли русские, хотя по переписи их доля в населении составляла, напомним, 86%. Было арестовано 0,8% русских, проживавших в регионе, что существенно меньше, чем средний 1% арестованного в регионе населения. Сразу можно сделать вывод о сильном уклоне репрессий по отношению к лицам других национальностей.

Украинцев было репрессировано примерно столько, какой была их доля в населении по переписи – 8%. Всего был репрессирован 1% украинцев, проживавших в регионе. То же можно сказать о казахах, которые составляли 1,3% репрессированных согласно «Книгам памяти» и 1,1% по переписи. Меньше было репрессировано мордовцев (1,2% по переписи, 0,6% в БД, или «всего» 0,5% мордовского населения).

По национальному составу репрессированных в Алтайском крае видно, что в нем очень активно шли «национальные» операции - второй крупнейшей репрессированной национальной группой после русских в Алтайском крае были немцы (11% от репрессированных). В крае действительно проживало немало немцев, существовал даже национальный

Немецкий район. Массовые чистки в этом районе начались еще в 1934 г.⁶⁶, причем еще в середине 1930-х гг. в отношении немцев выносились жестокие по меркам того времени приговоры⁶⁷. Однако в годы Большого террора репрессии против немцев приобрели еще более значительный размах: из многих немецких сел забирали фактически все мужское население от 16 до 60 лет. Одним из самых крупных такого рода дел стало «Славгородское дело», когда в декабре 1938 г. 298 немцев из шести районов были обвинены в участии в повстанческой организации, созданной «майором гестапо»⁶⁸. Все обвиняемые были расстреляны.

По данным переписи 1939 г., в Алтайском крае проживали 33 тысячи немцев, которые составляли всего 1,3% населения. В базе данных есть сведения о 2795 репрессированных немцах, получается, что было арестовано 8,4% немецкого населения края⁶⁹.

Помимо немцев, в Алтайском крае было репрессировано немало представителей других «инонациональностей», которые проходили по соответствующим национальным «линиям»: поляки (3,6%), латыши (1,2%), эстонцы (1%). Среди репрессированных было немало китайцев (184 человека, или 1%), которых наравне с корейцами считали базой японской разведки⁷⁰, и евреев (116 человек, 0,5%).

Можно ли найти какие-либо закономерности в арестах лиц различных национальностей в Алтайском крае? Сравним динамику арестов лиц четырех национальностей, которых среди репрессированных было больше всего – русских, немцев, украинцев и поляков (рис. 29).

Рис. 29. Динамика арестов лиц различных национальностей в Алтайском крае.

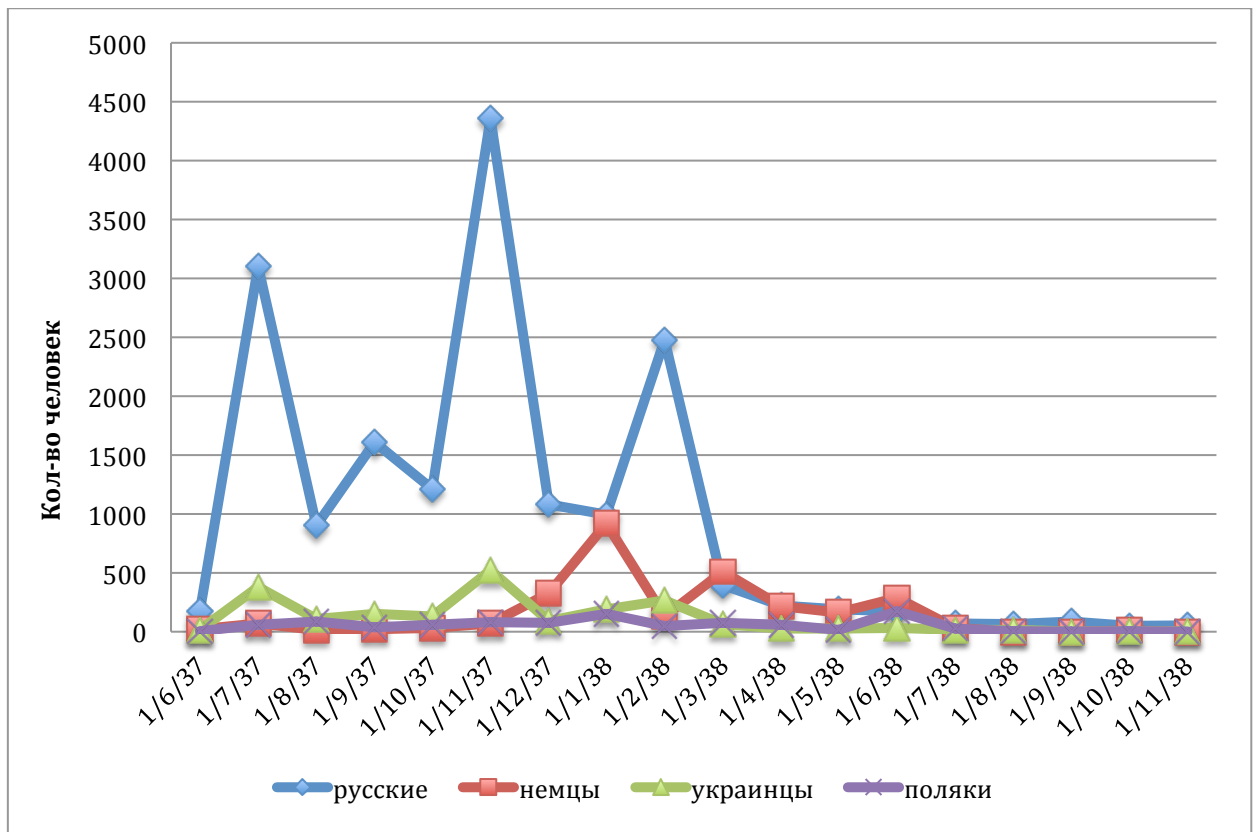
⁶⁶ См.: Фаст. А.А. Трагические судьбы // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. Барнаул, 2005. С. 330.

⁶⁷ Мишина Е.М. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. на Алтае. С. 13.

⁶⁸ Тепляков А.Г. Машина террора. С. 370.

⁶⁹ Данных по переписи 1937 г. нет, поэтому как эти чистки отразились на общем количестве проживающих в крае немцев, неизвестно.

⁷⁰ Тепляков А.Г. Машина террора. С. 379. Секретарь Алткрайкома Л. Гусев якобы упрекал барнаульских чекистов: «Почему у вас до сих пор китайцы по улицам бродят?».

Мы видим, что в Алтайском крае аресты русских и украинцев имели сходную динамику (но разный масштаб), а вот динамика арестов поляков и особенно немцев была отличной. Большинство и немцев, и поляков были арестованы в 1938 г. Пики арестов немцев приходятся на январь 1938 г. (918 человек), на март 1938 г. (511 человек), на декабрь 1937 г. (328 человек – как раз на этот месяц приходится «Славгородское дело», о котором упоминалось выше) и на июнь 1938 г. (289 человек). В целом в 1938 г. было репрессировано 80% всех репрессированных в регионе немцев.

Можно предположить, что когда «кулацкая» операция уже начала затухать, местные органы НКВД с энтузиазмом взялись за «национальные» операции. Так, если в первые месяцы Большого террора (с июля 1937 г.) немцы составляли всего 1-2% от общего числа арестованных, то с декабря 1937 г. этот процент начинает значительно расти. В декабре 1937 г. немцы составляли 17% арестованных в крае, а в январе 1938 г. – уже 36% арестованных. Вероятно, это объясняется тем, что решение по продолжению «кулацкой» операции в крае было принято только в конце января 1938 г. Пока аресты «кулаков» были заморожены, органы НКВД решили взяться за

«инонационалов». Причем после того, как Алтайский край получил новые лимиты по «кулацкой» операции, в феврале прошли массовые аресты. Всего было арестовано 3224 человека (против 2564 в январе). Аресты немцев, тем не менее, были отложены – в этом месяце они составили всего 4% от всех арестованных. В марте «кулацкая» операция должна была быть окончательно завершена, «тройки» распущены, и число арестованных немцев вновь начало расти. Немцы составили 40% от репрессированных в марте 1938 г., 30% от арестованных в апреле и 30-35% – в мае-июне.

Аресты поляков имеют в Алтайском крае в целом сходную с арестами немецкого населения динамику. Большинство из них (58%) были репрессированы в 1938 г. Больше всего поляков было арестовано в те же два месяца, когда шли массовые аресты немцев: по завершении «кулацкой» операции в июне 1938 г. (171 человек) и в ожидании решения о продлении «кулацкой» операции в январе 1938 г. (150 человек).

Таким образом, мы видим, как в отдельно взятом регионе НКВД быстро меняло тактику и подстраивалось то под проведение кулацкой, то под проведение национальных операций.

Перейдем к анализу национальности репрессированных в следующем из изучаемых регионов – Башкирской АССР (см. табл. 27). В регионе доминировало несколько национальных групп. По переписи 1937 г. русские составляли 40% населения, татары - 25%, а башкиры – еще 21%. В книгах памяти данные о национальности отсутствуют только в 34 случаях, поэтому анализ дает довольно точные результаты. В таблице № 36 можно увидеть самые часто встречающиеся среди жертв репрессий национальности, а также сопоставить их с данными переписи (в которой есть сведения не по всем национальностям).

Табл. 27. Национальный состав репрессированных в Башкирской АССР по «Книгам памяти» в сравнении с данными переписи 1937 г.

Национально	Репрессированные	Перепись 1937 г.	Доля
-------------	------------------	------------------	------

сть	Кол-во человек	Доля от всех репрессированных	Кол-во жителей	Доля по переписи, в %	репрессированных в населении региона
русские	4603	40,2%	1197191	40,5%	0,4%
башкиры	1991	17,4%	633784	21,4%	0,3%
татары	1714	15,0%	727827	24,6%	0,2%
украинцы	552	4,8%	82011	2,8%	0,7%
латыши	513	4,5%	см. «прочие»		см. «прочие»
немцы	417	3,6%			
чуваши	303	2,6%	101225	3,4%	0,3%
поляки	274	2,4%	см. «прочие»		см. «прочие»
мордвины	212	1,9%	55690	1,9%	0,4%
белорусы	171	1,5%	20377	0,7%	0,8%
марийцы	220	1,9%	86790	2,9%	0,3%
евреи	114	1,0%	см. «прочие»		см. «прочие»
эстонцы	74	0,6%			
китайцы	58	0,5%			
казахи	35	0,3%			
армяне	24	0,2%			
удмурты	22	0,2%	23656	0,8%	0,1%
прочие	125	1,09%	32996	1,1%	5,0%*
нет данных	34	0,3%			

Прим.: *В данном поле учтены суммарно репрессированные всех национальностей, по которым в переписи нет собственных данных. В данном случае число репрессированных латышей, немцев, поляков, евреев, эстонцев, китайцев, казахов, армян и прочих делится на число «прочих» по переписи населения.

Местные исследователи характеризуют репрессии в Башкирии, как и в других национальных республиках, как борьбу с «местным буржуазным национализмом»⁷¹, подчеркивая, как много башкирских культурных деятелей пострадало в результате репрессий⁷². Не отрицая тот урон, который понесла национальная элита, стоит отметить, что в целом в регионе башкиры реже подвергались репрессиям, чем население в среднем (среди репрессированных их было 17%, всего было арестовано 0,3% башкирского населения), татары –

⁷¹ Иргалин Г.Д. Политические репрессии в Башкирии // Трудный путь к правде. Уфа, 1997. С. 4.

⁷² См., например, о репрессированных писателях: Шафиков Г.Г. И совесть, и жертвы эпохи. Уфа, 1991.

значительно реже (15% среди репрессированных, 25% было по переписи, 0,2% татарского населения Башкирии было арестовано). При этом из таблицы № 36 видно, что русских было репрессировано в процентном отношении столько же, сколько их было по переписи населения. Среди репрессированных русских было 40%, а в целом были арестованы «средние» 0,4% русского населения. Удмуртов, марийцев, чувашей было репрессировано меньше, чем составляла их доля в населении, украинцев, белорусов – чуть больше.

В итоговых сводках переписей не приводятся данные о том, сколько в республике проживало латышей, немцев, поляков, евреев, но уж точно их совокупная доля в 11,5% среди репрессированных существенно превышает 1% «прочих» по переписи. Среди тех, кто в переписи указан как «прочие», было репрессировано 5% населения – 5 человек из 100. Отчасти этот факт можно объяснить «национальными операциями». Иными словами, политика по отношению к русским была «нейтральной», к башкирам и татарам – более мягкой, а к другим национальностям, особенно представителям «инонациональностей» – довольно жесткой.

Примечательно, что в соседней Татарской АССР, по крайней мере на данных «кулацкой» операции, прослеживается столь же «мягкая» политика к татарам. Татар, составлявших 49% населения республики, среди репрессированных по «кулацкой» операции было «всего» 39%. Однако русских в ТАССР было репрессировано существенно больше, чем составляла их доля по переписи. А. Степанов объясняет этот факт преобладанием русских среди городского населения, среди рабочих и «бывших» людей⁷³. Возможно, что подобную логику можно применить и для объяснения жестокости репрессий в отношении русских, латышей, немцев, поляков в Башкирии.

⁷³ Степанов А.Ф. Большой террор в Татарской АССР... С. 188.

В случае с Башкирской АССР никаких принципиальных различий в динамике арестов пяти самых массовых национальных групп выявить не удалось.

Национальный состав Горьковской области был достаточно однороден, 93% населения, согласно переписи, составляли русские. Тем не менее, в книгах памяти зафиксировано немало имен лиц других национальностей. В таблице № 37 можно увидеть те национальные группы, которые встречались чаще всего, причем в тех случаях, когда это было возможно, сведения из БД сопоставлялись с материалами переписи 1937 года⁷⁴. Правда, сразу стоит отметить, что в Горьковской области высокий процент отсутствующих данных о национальности репрессированных – 12%.

Табл. 28. Национальный состав репрессированных в Горьковской области по «Книгам памяти» в сравнении с данными переписи 1937 г.

Национальность	Репрессированные		Перепись 1937 г.		Доля репрессированных в населении региона
	Кол-во	Доля от всех репрессированных	Кол-во жителей	Доля по переписи, в %	
Русские	8002	70,1%	3447480	93,6%	0,2%
Поляки	336	2,9%	См. «прочие»		См. «прочие»
Немцы	327	2,9%			
Евреи	242	2,1%			
Мордвины	180	1,6%	80603	2,2%	0,2%
Латыши	180	1,6%	См. «прочие»		См. «прочие»
Татары	168	1,5%	92389	2,5%	0,2%
Украинцы	157	1,4%	См. «прочие»		См. «прочие»
Белорусы	134	1,2%			
Австрийцы	46	0,4%			
Ассирийцы	38	0,3%			
Эстонцы	35	0,3%			

⁷⁴ Материалы составлены по книге: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 92.

Литовцы	28	0,2%			
Финны	27	0,2%			
Китайцы	21	0,2%			
Чехи	21	0,2%			
Армяне	15	0,1%			
Чуваши	14	0,1%	6783	0,2%	0,2%
Иранцы	12	0,1%	См. «прочие»		См. «прочие»
Корейцы	11	0,1%			
Марийцы	11	0,1%	6293	0,2%	0,2%
Прочие	67	0,6%	51347	1,4%	3,3%*
Нет данных	1345	11,8%	Нет данных		Нет данных

*Прим.: *В данном поле учтены суммарно репрессированные всех национальностей, по которым в переписи нет собственных данных. В данном случае число репрессированных поляков, немцев, евреев, латышей, украинцев и некоторых других делится на число «прочих» по переписи населения.*

Даже если предположить, что все лица, национальность которых не указана в «Книгах памяти» (12%) - русские, можно с уверенностью утверждать, что лиц иных национальностей было репрессировано непропорционально много. В «Книгах памяти» указано, что чуть более 8000 репрессированных (70%) были русскими. Согласно переписи, на втором месте по численности населения в Горьковской области были татары (0,2%) населения. По данным «Книг памяти», татары составляли 1,5% от всех репрессированных, соответственно, и по отношению к ним политика была менее жесткой. То же относится к мордвинам: они составляли 2,2% населения области и только 1,6% от всех репрессированных.

Среди лиц других национальностей, которых проживало в области так мало, что по переписи они попали в строку «прочие», можно отметить следующие группы: поляков (336 человек, 3% от всех репрессированных), немцев (327 человек, 3%), евреев (242 человека, 2%), латышей (180 человек, 1,6%) и т.д. В основном массовые аресты лиц этих национальностей объясняются «национальными операциями» (за исключением евреев – о них отдельно будет скажет ниже). Среди репрессированных в Горьковской области также были: австрийцы (46 человек), ассирийцы (38 человек),

эстонцы (35 человек), литовцы (28 человек), финны (27 человек), китайцы (21 человек), чехи (21 человек) и т.д. Можно только представить, как мало в Горьковской области проживало лиц этих национальностей и как многие из них были подвергнуты репрессиям.

Какой-либо специфики в динамике арестов лиц различной национальности в Горьковской области выявить не удалось.

Обратимся теперь к национальному составу репрессированных в Карельской АССР (табл. 29). Эта графа в «Книге памяти» региона заполнена достаточно тщательно, отсутствуют данные о национальности лишь у 0,5% репрессированных.

Табл. 29. Национальный состав репрессированных в Карельской АССР в сравнении с данными переписи 1937 г.

Национальность	Репрессированные		Перепись 1937 г.		Доля репрессированных в населении региона
	Кол-во	Доля от всех репрессированных	Кол-во жителей	Доля по переписи, в %	
русские	3677	33,8%	322738	63,1%	1,1%
карелы	2895	26,6%	111189	21,7%	2,6%
финны	2739	25,2%	14024	2,7%	19,5%
украинцы	493	4,5%	22192	4,3%	2,2%
поляки	248	2,3%	4388	0,9%	5,7%
немцы	197	1,8%	См. «прочие»		См. «прочие»
белорусы	108	1,0%	4059	0,8%	2,7%
евреи	73	0,7%	2137	0,4%	3,4%
латыши	63	0,6%	См. «прочие»		См. «прочие»
эстонцы	50	0,5%			
татары	27	0,2%			
вепсы	26	0,2%	9007	1,8%	0,3%
прочие	223	2,1%	21784	4,3%	2,6%*
нет данных	53	0,5%			

Прим.: *В данном поле учтены суммарно репрессированные всех национальностей, по которым в переписи нет собственных данных. В данном случае число репрессированных немцев, латышей, эстонцев, татар и прочих делится на число «прочих» по переписи населения.

Сравнение данных о национальности репрессированных по «Книге памяти» региона со сведениями переписи 1937 г. подтверждает тот факт, что террор в Карельской АССР носил ярко выраженный национальный характер. Об этом может говорить один только тот факт, что среди арестованных было 34% русских, в то время как их реальная доля в населении составляла 63%. Был репрессирован «всего» один русский из ста – в то время как в регионе, напомним, в среднем были репрессированы два человека из ста.

Соответственно, основная часть репрессированных была представителями менее многочисленных национальных групп. Самыми жестокими были репрессии по отношению к финнам. Финны, согласно переписи 1937 г., составляли 2,7% населения (их было 14024 человек), а среди репрессированных их было 25% (2739 человек). Опираясь на эти данные, можно сделать вывод о том, что пострадали почти 20% финского населения, или пятая часть жителей этого региона-финнов. Репрессии против финнов были настолько масштабными, что некоторые исследователи даже называли их «геноцидом»⁷⁵. Однако поскольку достаточно масштабные репрессии проводились в Карелии и против представителей всех остальных национальностей, на наш взгляд, этот термин не вполне оправдан.

Еще одной крупной национальной группой среди репрессированных были карелы. Среди населения по переписи их доля составляла 22% (11189 чел.), а среди репрессированных их было 27%. Соответственно, пострадало 2,6% от жителей республики-карелов, что также несколько выше, чем в среднем, однако далеко не так много, как в случае финнов. В целом русские, карелы и финны составляли основную массу репрессированных - 86%.

Почему репрессии против финнов носили столь массовый характер? Самым очевидным ответом является наличие так называемой «финской» национальной операции НКВД. Она не была оформлена отдельным приказом⁷⁶, как, например, «польская», однако официально признавалась и в

⁷⁵ Kostiainen Auvo. Genocide in Soviet Karelia: Stalin's Terror and the Finns of Soviet Karelia // Scandinavian journal of history. 1996. № 4. Pp. 331-342.

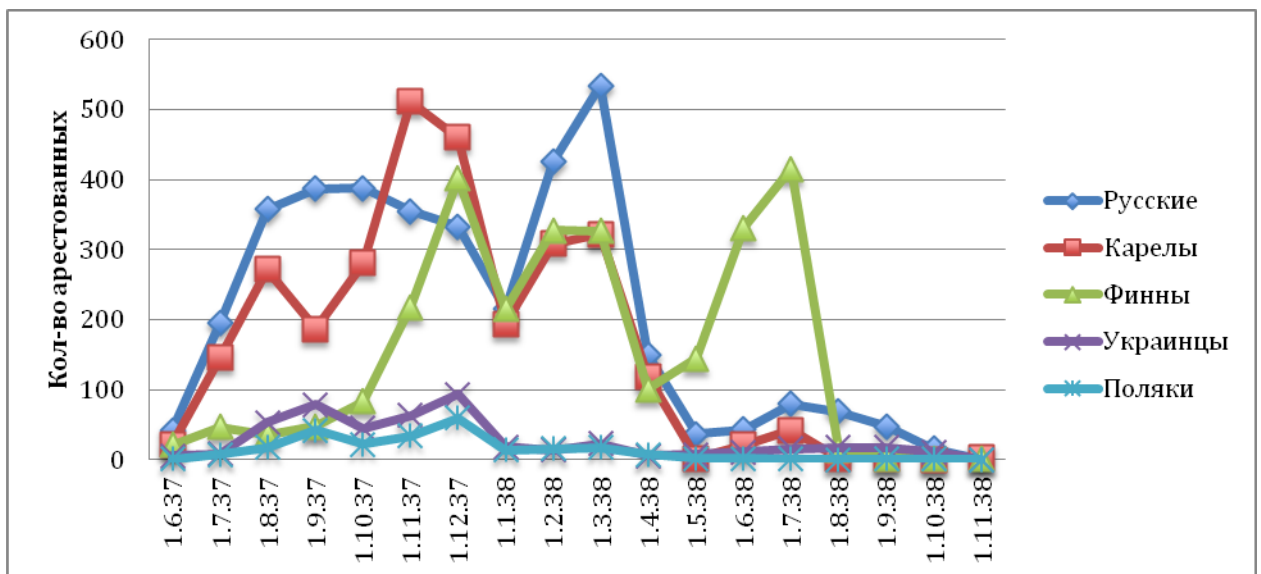
⁷⁶ Существовал только проект подобного приказа, см.: Чухин И. Карелия – 37. С. 60-61.

числе других национальных «линий» упоминалась в официальных документах.

И. Чухин утверждал, что аресты карелов проводились по той же «финской операции», и репрессии против них были связаны именно с ней. В качестве доказательства он приводит тот факт, что в проекте приказа чистки предполагалось провести «среди карельского и финно-угорского населения». «Именно этим определяется второе место карелов среди репрессированных», — писал исследователь⁷⁷.

Однако обратившись к динамике репрессий представителей различных национальностей (рис. 30), можно увидеть, что динамика арестов карелов больше похожа на динамику арестов русских, чем финнов. Репрессии в отношении финнов развивались иначе. Различия в динамике арестов русских, карелов и финнов нельзя списать на случайность.

Рис. 30. Динамика арестов репрессированных различных национальностей в Карельской АССР.

Согласно статистическим данным, накануне начала массовых репрессий и сразу после их старта (июнь-октябрь 1937 г.) НКВД занимался арестами прежде всего русских и карелов. Аресты третьей массовой группы — финнов — в этот период были не особо масштабными. Однако с ноября 1937 г. начинается резкий рост числа арестов финнов, пик которого

⁷⁷ Там же. С. 88.

приходится на декабрь 1937 г. В ноябре 1937 г. – апреле 1938 г. операция идет примерно сходно по всем трем основным национальным группам: пики арестов в ноябре-декабре 1937 г. и в феврале-марте 1937 г. Однако с апреля 1938 г. ситуация вновь меняется: если репрессии против русских и карелов сходят на нет и наблюдается лишь незначительный их рост в июле 1938 г., то уже с конца весны происходит резкий рост числа арестов финнов.

Объяснение этой динамики может лежать в политике местного НКВД и контроля из центра. Нарком внутренних дел Карельской АССР К. Тенисон в начале репрессий с лета 1937 г. рассылал в районы директивы по национальным приказам, которые касались немцев, поляков, латышей, эстонцев, и проч., которых в республике было мало. Вероятно, предполагая, что скоро стоит ожидать и репрессий по «финской» линии, Тенисон уже тогда требовал от подчиненных «тщательного учета всех финских националистических элементов»⁷⁸. Одновременно Тенисон писал в Москву жалобы на отсутствие специальной операции по финнам.

В ноябре 1937 г. в Москве был подготовлен проект приказа по репрессированию в Карелии, Мордовской, Удмуртской, Марийской и Коми автономных республиках «финно-угорского населения», так как оно якобы могло являться базой финской разведки⁷⁹. Этот приказ не был утвержден, однако даже в официальных документах стала упоминаться так называемая «финская линия» национальных операций. Сами же репрессии проводились по приказам о «польской» нацоперации № 00485 и «Об операции по репрессированию перебежчиков-нарушителей госграницы СССР» (№ 00693 от 23 октября 1937 г.)⁸⁰. Как и по другим национальным операциям, с декабря 1937 г.⁸¹ в КАССР начали составлять «альбомы» с именами финнов, которые подлежали «суду» «Комиссии НКВД СССР и прокурора Союза СССР» (так

⁷⁸ Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 189.

⁷⁹ Лубянка. Сталин... С. 652.

⁸⁰ Такала И.Р. Национальные операции. С. 189.

⁸¹ Деннингхаус В. В тени Большого Брата. Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.). М., 2011. С. 610.

называемые «двойки»). Вероятно, именно этим упрощенным порядком объясняется резкий рост в числе арестов финнов в декабре 1937 г.

В феврале-апреле 1938 г. массовые операции шли активно против всех нацгрупп (о возможных причинах см. выше), однако на июль 1938 г. приходится пик арестов финнов за все время Большого террора – в этом месяце было арестовано 416 человек. Финны летом 1938 г. составляли основную группу репрессированных.

Чем объясняется эта очередная репрессивная волна? Однозначного ответа на этот вопрос нет. По данным местных исследователей, летом 1938 г. проходило «срочное оформление» «шпионских» дел по продленным в очередной раз до 1 августа «национальным» операциям⁸². «Усердию» местных органов НКВД способствовали и очередные кадровые перестановки: в июне 1938 г. первым секретарем Карельского обкома партии стал Г. Куприянов, который также вошел в состав «тройки»⁸³. Параллельно с арестами финнов в Петрозаводске и пограничных районах КАССР шли массовые выселения «семей врагов народов, репрессированных финнов, шведов, эстонцев, латышей и национальностей, не входящих в состав Союза»⁸⁴. Дела арестованных летом 1938 г. были переданы на рассмотрение Особой тройки НКВД КАССР, которая должна была «закрыть» (то есть осудить) дела на всех арестованных перед окончательным завершением массовых операций.

Помимо русских, финнов и карелов, в Карелии были репрессированы и представители других национальностей. Больше других пострадали украинцы (4,5% среди арестованных, 4,3% украинского населения по переписи), поляки (2,3% среди арестованных, 0,9% по переписи), немцы (1,8% среди арестованных, процент по переписи неизвестен), белорусы (1% среди репрессированных, 3% по переписи), евреи (0,7% среди арестованных, 0,4% по переписи). Несмотря на то, что среди жертв репрессий

⁸² Чухин И. Карелия-37. С. 93.

⁸³ Такала И.Р. Национальные операции. С. 197.

⁸⁴ Там же. С. 198.

представителей этих национальностей было значительно меньше, чем русских, карелов и финнов, можно констатировать, что их арестовывали чаще, чем в среднем. Так, если ориентироваться на данные переписи 1937 г., в ходе Большого террора было арестовано 6% польского населения Карелии, а также 3,4% евреев.

В Северной Осетии, по сведениям переписи 1937 г., был довольно разнородный национальный состав. 51% жителей республики составляли осетины, 36% – русские, 2,7% – армяне, 2% – украинцы, по 1,9% – ингуши и грузины. В «Книгах памяти» Северо-Осетинской АССР перед нами предстает другая картина, причем данные о национальностях отсутствуют лишь в 1,7% случаев, соответственно, результатами анализа можно уверенно оперировать (см. табл. 30).

Табл. 30. Национальный состав репрессированных в Северо-Осетинской АССР в сравнении с данными переписи 1937 г.

Националь- ность	Репрессированные		Перепись 1937 г.		Доля репресс. в населени региона
	Кол-во	Доля от всех репрессир ованных	Кол-во жителей	Доля по переписи, в %	
осетины	1147	44,0%	158357	51,2%	0,7%
русские	844	32,4%	112083	36,3%	0,8%
немцы	196	7,5%	3257	1,1%	6,0%
поляки	70	2,7%	См. «прочие»		См. «прочие»
украинцы	68	2,6%	6275	2,0%	1,1%
кумыки	38	1,5%	См. «прочие»		См. «прочие»
ингуши	32	1,2%	5832	1,9%	0,5%
греки	27	1,0%	2026	0,7%	1,3%
белорусы	26	1,0%	292	0,1%	8,9%
армяне	19	0,7%	8352	2,7%	0,2%
евреи	17	0,7%	1494	0,5%	1,1%
латыши	12	0,5%	См. «прочие»		См. «прочие»
иранцы	9	0,3%			
грузины	8	0,3%	5763	1,9%	0,1%
прочие	50	1,9%	5374	1,7%	3,3%*
нет данных	44	1,7%			

*Прим.: *В данном поле учтены суммарно репрессированные всех национальностей, по которым в переписи нет собственных данных. В данном случае число репрессированных поляков, кумыков, латышей, иранцев и прочих делится на число «прочих» по переписи населения.*

Большинство репрессированных в Северо-Осетинской АССР составляли осетины (1147 человек, или 44%). В то же время, осужден был чуть меньший процент осетин, чем та доля, что они занимали в населении республики – 51%. Русских (844 человека, или 32%) было репрессировано примерно столько же, сколько их было по переписи 1937 г. (36%). Этого нельзя сказать о немцах: их в нашей базе 196 человек, или 7,5%, а по переписи должно было бы быть всего 1,1% – в Северной Осетии проживало всего 3257 немцев. Получается, что было репрессировано 6% немецкого населения республики.

Еще больше, чем немцы, от репрессий пострадали белорусы. В базе данных есть сведения о 26 арестованных белорусах, при том, что по переписи в регионе проживали всего 292 белоруса. Таким образом, были репрессированы почти 9% от всей численности этой национальной группы. Причины этого неясны, эта статистика вполне может быть случайностью (с учетом того, как малы абсолютные цифры) или же объясняться какими-то иными факторами кроме национальности – например, профессиональными занятиями репрессированных. Среди национальных групп, пострадавших в регионе более, чем другие, также греки (арестованы 1,3% от численности жителей этой национальности), украинцы (1,1% от населения) и евреи (1,1%).

Таким образом, во всех пяти регионах наблюдается уклон в сторону репрессий в отношении людей, относящимся к не доминирующим на этой территории национальностям. Эта же тенденция прослеживается на материалах других регионов, в особенности в крупных городах. Много представителей «инонациональностей» среди тех, кто был расстрелян на

Бутовском полигоне. Русские составляли 58% репрессированных, латыши – 9%, поляки – 8%, евреи – 6%, украинцы – 5% и немцы – 4%⁸⁵.

В «Ленинградском мартирологе» М. Илич нашла только 63% репрессированных русских (хотя по переписи их было 89%), 16% были поляками, довольно много среди репрессированных было немцев и финнов⁸⁶. Согласно сводным статистическим сведениям по 1-6 томам «Ленинградского мартиролога», русские составляли 59% расстрелянных в Ленинградской области, поляки – 14%, эстонцы – 4,5%, евреи – 4,1%, финны – 4%, белорусы – 3,3%, украинцы – 2,6%, немцы – 2%, латыши – 1,3%, карелы – 1%⁸⁷.

В Пермском крае русские составляли 67% репрессированных, что было меньше, чем их реальное число среди населения региона. Второй крупнейшей репрессированной группой являлись коми-пермяки (22,3%) – этому дается несколько объяснений, в том числе то, что в целом в 1930-е арестам подвергались представители удмуртского, коми, марийского и других финноязычных народов⁸⁸. Также в регионе было репрессировано немало татар (3,4%), башкир (1,8%), белорусов и чувашей (по 1,1%), украинцев (0,7%), поляков и марийцев (по 0,4%), латышей, немцев и молдаван (по 0,2%)⁸⁹.

В Смоленской области (правда, данные есть только в целом за период 1917-1953 гг.) больше всего репрессировано было русских (77%), латышей (6%), поляков (5,5%), белорусов (4%), евреев (1,5%), украинцев (1%), немцев и эстонцев (по 0,7%)⁹⁰.

Проанализируем также на материалах наших регионов, была ли связь между национальностью репрессированного и вероятностью быть приговоренным к высшей мере наказания – расстрелу (см. табл. 31).

Табл. 31. Количество приговоренных к ВМН лиц различных национальностей в пяти регионах РСФСР.

⁸⁵ Посчитано по: Бутовский полигон. Вып. 7. С. 304.

⁸⁶ Ilić M. The Great Terror: Leningrad. P. 154.

⁸⁷ Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде.

⁸⁸ «Включен в операцию». С. 183.

⁸⁹ Там же. С. 183-184.

⁹⁰ Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. С. 29-30.

Национальность	Алтайский край		Башкирская АССР		Горьковская область		Карельская АССР		Северо-Осетинская АССР	
	% от репрессированных	% к ВМН	% от репрессированных	% к ВМН	% от репрессированных	% к ВМН	% от репрессированных	% к ВМН	% от репрессированных	% к ВМН
русские	63,3%	43%	40,2%	28%	70,1%	40%	33,8%	78%	32,4%	41%
украинцы	7,8%	51%	4,8%	29%	1,4%	43%	4,5%	90%	2,6%	35%
белорусы	2,6%	78%	1,5%	43%	1,2%	52%	1,0%	86%	1,0%	54%
«Инонациональности»										
немцы	10,9%	75%	3,6%	58%	2,9%	32%	1,8%	90%	7,5%	62%
латыши	1,2%	72%	4,5%	73%	1,6%	56%	0,6%	78%	0,5%	67%
поляки	3,6%	74%	2,4%	63%	2,9%	61%	2,3%	90%	2,7%	51%
эстонцы	1,0%	66%	0,6%	55%	0,3%	34%	0,5%	76%	0,2%	80%
финны	0,1%	81%	0,1%	67%	0,2%	52%	25,2%	87%	0,1%	0%
греки	0%	67%	0,1%	33%	0,1%	22%	0,0%	100%	1,0%	63%
Другие										
алтайцы	3,3%	40%	0,0%	0%	0,0%	0%	0,0%	0%	0,0%	0%
башкиры	0%	0%	17,4%	31%	0,0%	0%	0,0%	67%	0,0%	0%
евреи	0,5%	62%	1,0%	41%	2,1%	48%	0,7%	79%	0,7%	53%
ингуши	0%	0%	0,0%	0%	0,0%	0%	0,1%	100%	1,2%	63%
карелы	0%	100%	0,0%	67%	0,0%	0%	26,6%	87%	0,0%	0%
кумыки	0%	0%	0,0%	0%	0,0%	0%	0,0%	100%	1,5%	76%
мордва	0,6%	52%	1,9%	21%	1,6%	26%	0,1%	78%	0,1%	0%
осетины	0%	100%	0,0%	0%	0,0%	0%	0,0%	0%	44,0%	41%
татары	0,2%	50%	15,0%	30%	1,5%	31%	0,2%	93%	0,0%	100%
нет данных	0,8%	38%	0,3%	0%	11,8%	11%	0,5%	92%	1,7%	39%
в среднем		51%		34%		36%		85%		44%

Русские составляли одну из самых массовых групп репрессированных во всех пяти изученных регионах. Тем не менее, почти во всех регионах доля русских среди репрессированных была заметно меньше, чем среди населения региона в целом. Так, в Карелии 63% населения составляли русские, а среди репрессированных их было «всего» 34%, в Алтайском крае русские составляли 86% населения, а среди репрессированных их было 63%; в Горьковской области русские составляли 94% процента населения, а среди

репрессированных их было несколько более 70%, в Северной Осетии русские составляли 36% населения, а среди репрессированных их было 33%. Единственным исключением является Башкирская АССР, где русских было 40% населения по переписи, и их доля среди репрессированных была аналогичной.

Кроме того, приговоры к ВМН выносились в отношении русских, как правило, реже, чем в среднем, опять-таки в четырех из пяти регионов. В Алтайском крае при средних 51% расстрелянных среди русских эта доля составляла 43%, в Башкирии при средних 34% среди русских доля расстрелянных составляла 28%, в Карелии при средних 85% расстрелянных доля приговоренных к ВМН русских составляла 78%, а в Северной Осетии при средних 44% расстрелянных среди русских эта доля составляла 41%. Единственное исключение – Горьковская область. В этом регионе при средних 36% расстрелянных среди русских эта доля была выше и составляла 40%. Однако именно в этом регионе, напомним, высокий процент лиц, чья национальность не указана – 12%, из них «всего» 11% были приговорены к расстрелу. Вполне возможно, что если большинство лиц этой категории относятся к русским, процент приговоров к ВМН был бы скорректирован.

Таким образом, мы видим, что во всех регионах аресты лиц «нерусского» происхождения были более массовыми, а приговоры по отношению к ним были более тяжелые. Особенно жестокими были приговоры в отношении лиц «инонациональностей», которые проходили по соответствующим «линиям» «национальных» операций НКВД. Так, доля расстрелянных немцев составляла 90% в Карелии, 75% в Алтайском крае, 62% в Северной Осетии, 58% в Башкирии, но «лишь» 32% в Горьковской области. Причина, по которой Горьковская область является «исключением», не ясна. Поляков смертный приговор ожидал в Карелии – в 90% случаев, в Алтайском крае – в 74% случаев, в Башкирии – в 63%, в Горьковской области – в 61%, в Северной Осетии – в 51%. Высока доля расстрелянных среди латышей (56-78%) и эстонцев (34-80%). Наконец, в тех регионах, где

было репрессировано немало финнов, по отношению к ним отмечается высокая доля смертных приговоров. Это прежде всего Карельская АССР (87%), Алтайский край (81%), Башкирская АССР (67%) и Горьковская область (52%).

Чем объясняется жестокость по отношению к лицам «инонациональностей»? Очевидно, многие из репрессированных попадали под различные линии «национальных операций», известных своей жестокостью: альбомный порядок осуждений, еще более «упрощенный» по сравнению с «кулацкой» операцией, давал больше возможностей для злоупотреблений. Приговоры «двоек» были, как известно, гораздо более суровыми, чем «троек». Во-вторых, людей инонациональностей даже в ходе следствия по «кулацкой» операции было проще выставить шпионами и «изменниками Родины». Например, материалы Алтайского края показывают, что среди приговоренных «тройкой» по «кулацкой» операции «инонационалы» чаще, чем другие, приговаривались к расстрелам⁹¹. Одновременно исследователи отмечают размытость граней между «национальными» и «кулацкой» операциями – далеко не всегда даже по следственным делам можно однозначно утверждать, по какой именно операции был изначально арестован человек⁹².

О размытости критериев, по которым отбирались те или иные лица по «национальным» операциям, говорили и сами следователи. «Сейчас я не помню цифр, но приблизительно половина всех арестованных по польской операции были по национальности евреи, белорусы и русские»⁹³, – рассказывал на допросе бывший начальник 3 отдела УНКВД МО И. Сорокин. Бывший руководитель УНКВД по Московской области С. Реденс показывал на допросе о своем преемнике: «Заковский провел явно преступную деятельность по этим делам [по национальным операциям – Л.Л.], он за 2 месяца арестовал 1250 человек, причем аресты проводились по

⁹¹ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа... С. 730.

⁹² Кимерлинг А. Репрессии против служащих Прикамья. С. 224.

⁹³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-27076. Л. 94. Выписка из протоколов допроса Сорокина подшита в дело Я. Зильберштейна.

телефонной книжке, лишь бы фамилия была похожа на польскую, латышскую, болгарскую и т.д.⁹⁴». Об арестах по справочникам рассказывал и бывший начальник 3 отдела УНКВД Московской области А. Постель: «Массовые операции против латышей фактически превратились в охоту за всем взрослым мужским населением, и в области шли разговоры, что особый отдел, исчерпав все свои кадры по латышам, имеющимся в воинских частях, разыскивал латышей по адресам милиции, по адресным милицейским листкам»⁹⁵.

В выборке, с которой исследователь работал в ГАРФ, не удалось обнаружить примеров, когда по «национальным» операциям проходили бывшие «кулаки». Однако в базе оказалось достаточно примеров другого рода – среди осужденных «двойкой» немало русских. Среди 78 осужденных «двойкой» – 16 русских, 3 белоруса и 8 евреев (о последних см. подробнее ниже). Русские в основном проходили по «национальным» операциям из-за рождения или проживания в Харбине, работы на КВЖД и т.д. – т.е. по «харбинской» операции. Таких 9 из 16. Еще в 5 случаях можно предположить, что основаниями для ареста стали контакты (даже весьма косвенные) с «инонационалами». К такого рода случаям, например, относится уже упоминавшееся выше дело шестерых членов семьи Пресновых. Все они были репрессированы из-за того, что у них снимал дачу пресс-атташе немецкого посольства Шулле⁹⁶. Установить, имели ли место связи русских с границей или иностранцами в оставшихся двух из 16 случаев, не представляется возможным – из архивно-следственных дел непонятно, почему арестованные проходили именно по «национальным» операциям.

Проанализируем также репрессии против представителей еще одной национальной группы, которые по идее не должны были попасть ни под

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-33674. Л. 108.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-72328. Л. 43. Дело Ларман А.Д.

⁹⁶ Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 169-172.

какие «национальные» линии⁹⁷. Почти во всех регионах в ходе Большого террора было арестовано немало евреев. Приговаривали к ВМН их, как правило, чаще, чем в среднем. Так, в Алтайском крае 62% арестованных евреев были приговорены к расстрелу, в Северо-Осетинской АССР – 53%, в Горьковской области – 48%, в Башкирии – в 41%. Стоит отметить, что в Карельской АССР, где евреи составляли 0,7% репрессированных, их приговаривали к смертной казни «всего» в 79% случаев (при средних 85%).

В первую очередь, вероятно, это можно объяснить фальсификациями национальностей в ходе проведения национальных операций. Вполне возможно, что евреев-выходцев из Польши или Германии могли выдавать в отчетных документах за поляков или немцев. В литературе есть упоминания о подобных случаях⁹⁸. По нашим наблюдениям, в анкетах арестованных и в других документах архивно-следственных дел чаще всего национальность записывалась со слов репрессированных. Чтобы понять, за кого в итоге следователи выдавали тех или иных арестованных, надо смотреть «судебную» документацию (альбомы двоек и протоколы троек). Наконец, как мы видели выше, по «национальным» операциям не всегда арестовывали лиц определенных национальностей, а скорее тех, кто имел отношение к той или иной стране или хоть какие-то связи с иностранными подданными.

Существуют также документальные свидетельства того, что евреев самих по себе воспринимали как подозрительных лиц. Так, еще в 1934 г. Московскому областному комитету партии было поручено организовать учет неблагонадежных национальных меньшинств на московских заводах. В первую очередь это касалось немцев, финнов, латышей, литовцев, поляков и корейцев, которых предполагалось постепенно сместить с управленческих должностей. Во вторую очередь предполагалось обратить внимание на

⁹⁷ Согласно постановлению Политбюро от 26 мая 1938 г., в национальных операциях были выделены следующие 13 «линий»: польская, немецкая, латышская, эстонская, финская, болгарская, македонская, греческая, румынская, иранская, афганская, китайская и «харбинская». См.: Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. С. 538.

⁹⁸ Кимерлинг А. Репрессии против служащих Прикамья. С. 202.

евреев, армян, крымских татар, чеченцев, ингушей и осетин⁹⁹. Существуют свидетельства, что в период массовых операций евреев также обвиняли в национализме и создании «сионистских организаций», некоторые из которых якобы строились вокруг религиозных общин¹⁰⁰.

Среди репрессированных в Московской области также было немало евреев. Из тех, кто попал в архивную выборку, восемь были осуждены Комиссией НКВД и прокурора (двойкой) и еще один – ОСО при НКВД. Никто из этих евреев не был осужден тройкой. Большинство из тех, кто был осужден двойкой по «национальным» операциям, вероятно, были арестованы в связи с их местом рождения. Из восьми человек пять родились в Польше, один в Латвии и один в Румынии. Восьмой, консультант часового завода В. Прусс, родившийся в Белоруссии, вероятно, попал под подозрения из-за своей командировки в Германию в 1930 г.¹⁰¹ В итоге этот еврей был обвинен в сотрудничестве с «немецкими фашистами». Проследить, была ли впоследствии в альбомах фальсифицирована национальность арестованных, нам не удалось.

Рассмотрев половозрастной и национальный состав репрессированных, можно прийти к выводу, что основную опасность режим видел в людях среднего возраста, которые находились на пике их трудовых возможностей (30-59 лет), тех, кто сформировался еще до 1917 г., в пожилых людях. Вызывали опасения и подозрения лица «инонациональностей». Меньшей опасностью выглядели женщины, которые часто становились жертвами террора из-за ареста их родственников, собственной национальности или религиозных убеждений.

⁹⁹ Ширер Д. Указ. соч. С. 395-396.

¹⁰⁰ Тепляков А.Г. Машина террора. С. 381-382.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25961.

ГЛАВА IV. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕПРЕССИРОВАННЫХ

В первом параграфе последней, четвертой главы диссертационного исследования, проведен анализ мест жительства репрессированных. Разнородные сведения, которые содержатся в «Книгах памяти», как правило, не дают возможности полноценно реконструировать географию арестов. Тем не менее, обобщив эти данные, можно сделать выводы о том, из городской или из сельской местности «изымались» те или иные репрессированные. Результаты анализа приводятся на материалах двух регионов – Горьковской области и Алтайского края.

В следующем параграфе анализируется образовательный уровень репрессированных. Сведения такого рода есть только в «Книгах памяти» Башкирской АССР и Республики Алтай. Данные о партийности репрессированных есть также лишь в «Книгах памяти» Башкирии и Карелии. Сведения об уровне образования и партийности из «Книг памяти» этих трех регионов сравниваются с данными, полученными другими исследователями на материалах разных регионов.

Анализу социального положения репрессированных было уделено самое большое количество времени при подготовке диссертации, потому что заполнять эту графу в базах данных пришлось во многих случаях вручную для более чем 61000 человек. В четвертом параграфе главы, посвященном этому вопросу, дается анализ результатов этой обобщающей работы. Наконец, в последнем, пятом параграфе анализируются отдельно занятия служащих. Необходимость отдельного исследования объясняется тем, что в эту широкую социальную категорию входила как привилегированная часть общества, так и рядовые советские служащие, работники государственных учреждений.

4.1. Соотношение численности городского и сельского населения

Чтобы лучше представить себе социальный портрет репрессированных, можно проанализировать, откуда были «изъяты» арестованные – из городской или сельской местности. В некоторых «Книгах памяти» есть сведения только о том, где родились репрессированные, в других, напротив, и о месте проживания, в третьих – и о том, и о том. Для понимания репрессивных процессов интереснее, где находился репрессированный на момент ареста. Такого рода сведения есть только в «Книгах памяти» Алтайского края и Горьковской области, поэтому именно о них пойдет речь в данной части главы. В «Книгах памяти» Башкирии и Северной Осетии есть данные только о месте рождения репрессированных. В Карелии составители «Книг памяти» уделяли большое внимание тому, из какого района был изъят репрессированный, однако само место проживания человека в рамках района, как правило, не указано. Поэтому сделать выводы о численности городского и сельского населения среди репрессированных в Карельской АССР невозможно.

В категорию сельских жителей вошло население деревень, сел, поселков (если не было указано, что это поселки городского типа или рабочие поселки), железнодорожных станций (в том случае, если эти станции находились за пределами городов), те, чье место жительства было определено как совхоз или колхоз, которые относились к ведению тех или иных сельсоветов. В разных регионах в эту категорию также попали жители аулов, заимок, выселок, починок и т.д. В категорию городских жителей вошли жители городов, поселков городского типа, а также рабочих поселков.

По «Книгам памяти» Алтайского края можно установить место жительства репрессированных в 84% случаев (см. табл. 32). Отсутствуют данные в основном по Ойротской области, так как в «Книгах памяти» Республики Алтай месту жительства репрессированных не уделено должного внимания.

Табл. 32. Соотношение числа сельских и городских жителей среди репрессированных в Алтайском крае.

Место жительства	Кол-во человек	Доля от общего числа арестованных	Доля приговоренных к ВМН
сельские жители	17549	66%	49,6%
городские жители	4853	18%	60,0%
нет данных	4350	16%	45,3%

В Алтайском крае абсолютное большинство репрессированных проживало в сельской местности. Это соотносится с реальной статистикой населения: по переписи 1939 г. всего 16,5% населения Алтайского края проживали в городах. Статистика Большого террора показывает, что горожане чаще подвергались репрессиям. Согласно БД, 66% репрессированных проживали в сельской местности, а 18% – в городе (8% в Барнауле, 4% в Бийске, остальные – в других городах). Если сопоставить данные о числе репрессированных барнаульцев с данными переписи, получается, что 1,9% жителей краевого центра – почти двое из ста – были репрессированы. При этом по отношению к городским жителям репрессии были заметно более жесткими. Если арестованных сельских жителей приговор к ВМН в среднем ожидал в 50% случаев, то горожан – в 60%.

Исследователи истории репрессий современной Республики Алтай утверждают, что на проведение Большого террора в Ойротской автономной области повлияли местные условия. Д. Табаев в комментариях к «Книгам памяти» региона отмечал, что «горная территория, оторванность, разбросанность населенных пунктов» затрудняли «задержание и этапирование арестованных, их доставку в г. Ойрот-Тура и размещение». Все это, по мнению автора, привело к тому, что в Республике Алтай «применялся более ускоренный механизм репрессий»: «краткие сроки следствия, судебного рассмотрения и расстрела, с тем, чтобы освободить место другим. Арестованные содержались в ужасных антисанитарных условиях: в

подвалах, конюшнях, в приспособленных сараях, в холоде и голодными»¹⁰². Проверить эти данные и доказать хотя бы, что в основном репрессированные в Республике Алтай были из сельской местности, по «Книгам памяти» нельзя. Мест жительства в базе указано крайне мало, хотя есть упоминания о 348 репрессированных жителей г. Ойрот-Тура. В большинстве случаев нельзя посчитать и среднюю продолжительность следствия (сравнив ее с данными «Книг памяти» Алтайского края).

В Горьковской области места жительства репрессированных заполнены существенно чаще. Невозможно установить, в какой местности проживали арестованные, только в 2% случаев (см. табл. 33).

Табл. 33. Соотношение числа сельских и городских жителей среди репрессированных в Горьковской области.

Место жительства	Кол-во арестованных	Доля от общего числа арестованных	Доля приговоренных к ВМН
сельские жители	6110	53,5%	37,8%
городские жители	5063	44,3%	35,4%
нет данных	244	2,1%	31,1%

По сведениям переписи 1937 года, в Горьковской области в сельской местности проживало 70% населения, а в городах – 30%¹⁰³. Среди жертв репрессий по «Книгам памяти» соотношение было иным – городские жители составляли 44% репрессированных. Из этого можно сделать вывод о том, что и в этом регионе в городах чистки проходили активнее. При этом приговоры к ВМН в отношении горожан выносились незначительно реже – в 35% случаев против 38% случаев у сельских жителей.

Центр области, г. Горький, был третьим по численности населения городом РСФСР после Москвы и Ленинграда. В нем проживало 576 тысяч человек. Не менее 2899 (0,5%) из них были репрессированы. В другом

¹⁰² Табаев Д.И. Политические репрессии 20-50-х гг. (Политико-исторические, правовые и моральные аспекты) // Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том III. Горно-Алтайск, 2003. С. 12.

¹⁰³ В этом абзаце данные переписи из книги: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно».

крупном городе области, Дзержинске, проживало 70 тыс. человек, а арестован был 351 человек (те же 0,5%).

Можно предположить, что и в Алтайском крае, и в Горьковской области жители городов чаще подвергались репрессиям примерно по одним причинам. Во-первых, горожан проще было учесть, они были ближе к местным управлениям НКВД. Для арестов в деревнях чекистам приходилось делать выезды, которые сложно было оставить незамеченными для односельчан. Во-вторых, среди горожан по идее должно было быть больше «бывших» людей, бывших лишенцев, а также разного рода маргинальных слоев населения. В целом по всему СССР половину заключенных (51-52%) осуждали за преступления, совершенные в городах и рабочих поселках¹⁰⁴. Кроме того, лица, занимавшие ответственные должности, также чаще проживали в городах. Можно предположить, что и лица «инонациональностей» также чаще селились в городах, где работали на заводах как специалисты (исключение – преимущественно немецкие деревни, особенно в Сибири).

4.2. Образовательный уровень

Рассмотрим образовательный уровень репрессированных в Башкирской АССР и в Ойротской автономной области, так как в «Книгах памяти» других регионов этой информации нет. В Башкирии процент отсутствующих данных в базе данных минимален – 0,6% (табл. 34). Данные об уровне образования по переписи 1939 года пришлось реконструировать на основании нескольких таблиц¹⁰⁵.

Табл. 34. Образовательный уровень репрессированных в Башкирской АССР в сравнении с данными переписи 1939 г.

Уровень	Арестованные	Доля
---------	--------------	------

¹⁰⁴ Попов В.П. Указ. соч. С. 23.

¹⁰⁵ В книге «Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги» есть 2 таблицы - по грамотности населения старше 9 лет в процентах и по уровню образования (только среднего и высшего) в абсолютных числах. Поэтому в поле «начальное образование» включены все те, кто не вошел в другие группы.

образования	Кол-во человек	Доля от общего числа	населения по переписи
высшее и неоконч. высш.	517	4,9%	0,2%
среднее и неоконч. среднее	1164	10,9%	4,5%
начальное	4670	43,8%	72,7%
неграмотный	4242	39,8%	22,5%
нет данных	63	0,6%	-

Абсолютное большинство репрессированных в Башкирии были людьми неграмотными или с начальным образованием – в базе данных их 78%. По переписи эта категория (неграмотные и с начальным образованием) в населении региона была распространена еще шире и составляла более 95% населения. Однако неграмотных в «Книгах памяти» почти в два раза больше, чем в официальной переписи 1939 г. – 40% против 22%. Во многом активные аресты неграмотного населения могут объясняться возрастным составом репрессированных – данные по населению Башкирии учитывают всех, включая молодежь и детей от 9 лет, а среди репрессированных были в основном взрослые и даже пожилые люди. Лица старшей возрастной категории даже по официальным данным были гораздо менее грамотными, чем молодежь. Можно предположить и то, что при проведении переписи данные о количестве грамотных корректировались, чтобы показать успехи политики «ликвидации безграмотности».

Не менее важно, что процент репрессированных с высшим и средним образованием, наоборот, был значительно выше, чем в среднем у всего населения по переписи. Число арестованных лиц со средним образованием более чем в два раза превышает долю лиц с этим уровнем образования в населении Башкирии – 11% репрессированных против 4,5% у всего населения. В случае с высшим образованием разница еще заметнее: этот уровень образования имели 5% репрессированных против 0,2% населения. Таким образом, образованные люди гораздо чаще, чем люди с начальным образованием, становились жертвами репрессий.

Данные об уровне образования арестованных есть также в «Книгах памяти» современной Республики Алтай (в советское время – Ойротской автономной области). По этой территории отсутствует всего 3,2% данных. Рассмотрим данные об уровне образования репрессированных в сравнении с данными переписи 1939 г. по Ойротской автономной области¹⁰⁶ (табл. 35).

Табл. 35. Образовательный уровень репрессированных в Республике Алтай (Ойротская автономная область) в сравнении с данными переписи 1939 г.

Уровень образования	Арестованные		Доля населения по переписи
	Кол-во человек	Доля от общего числа	
Высшее или неоконченное высшее	67	2,3%	0,2%
Среднее или неоконченное среднее	182	6,1%	4,2%
грамотные	1759	59,3%	70,7%
малограмотные	406	13,7%	
неграмотные	458	15,4%	
нет данных	96	3,2%	-

В переписи 1939 г. в Ойротской области было учтено 305 человек (0,2% населения) с высшим образованием, а в «Книгах памяти» репрессированных с таким образованием (или неоконченным высшим) 67 человек (2,3% от всех репрессированных). Соответственно, лиц с высшим образованием репрессии затронули сильнее, чем всех остальных. Средним образованием, по данным переписи, обладали 6827 человека (4,2% населения), а в БД их 183 человека (6,1% от всех репрессированных) – разница не столь огромная, как в случае с высшим, но тоже значительная.

По данным переписи 1939 г., в Ойротской автономной области были грамотными 75,1% жителей, причем 84,2% в возрасте от 9 до 49 лет, и 25,7%

¹⁰⁶ Данные переписи высчитаны также на основе абсолютной численности людей со средним и высшим образованием, процента неграмотных людей, соответственно, графа «грамотные-малограмотные» заполнена по остаточному принципу.

жителей от 50 лет и старше¹⁰⁷. В сельской местности грамотных мужчин было 83,9%¹⁰⁸. По «Книге памяти Республики Алтай» репрессированные выглядят гораздо более грамотными, чем в Башкирии и чем по переписи. Так, по переписи неграмотными в Ойротской автономной области были 25%, а среди репрессированных таких 15,4% (напомним, в Башкирии их было 37% - больше, чем по переписи).

Можно предположить, что причины различий между Ойротской АО и Башкирией кроются не в реальной ситуации с образованностью населения, а в источниковедческих проблемах. В «Книгах памяти» автономной области есть деление на «неграмотных» и «малограмотных» (вместе – 29%), а также «грамотных» (59%), а в книгах Башкирской АССР – на «неграмотных» (как уже упоминалось, 37%) и людей с «начальным образованием» (41%). Возможно, что те, кого следователи НКВД и составители «Книг памяти» в современной Республике Алтай записывали «малограмотными», в Башкирии попадали в «неграмотных», а кого на Алтае называли «грамотными», в Башкирии попадали в категорию «начальное образование». Тогда получается, что на Алтае 88% неграмотных, малограмотных и грамотных людей без среднего образования, а в Башкирии 78% неграмотных и людей с начальным образованием.

За неимением собственных данных, можно дополнить социальный портрет репрессированных на всей территории Алтайского края сведениями, опубликованными местными историками на основании архивно-следственных дел. Среди жертв «кулацкой» операции в Алтайском крае было 9,5% неграмотных, 52,6% «малограмотных» (авторы работы уточняют, что имелись в виду люди, научившиеся грамоте самостоятельно или окончив 1-3 класса школы), 35% грамотных (от 4 классов школы), 2,2% со средним образованием и около 1% с высшим¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. С. 40.

¹⁰⁸ Там же. С. 43.

¹⁰⁹ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации... С. 730.

Анализ уровня образования жертв террора содержится в «Книге памяти» репрессированных томичей (правда, за весь период советской власти). В этом регионе абсолютное большинство (68%) репрессированных имели начальное образование, еще 8% были неграмотными. Среднее или неполное среднее образование имели 17% репрессированных, а высшее – 6,5%¹¹⁰, то есть значительно больше, чем в Башкирии и Алтайском крае.

Можно предположить, что более образованных людей чаще приговаривали к ВМН, так как они должны были занимать более ответственные должности. Однако на материалах Башкирской АССР (см. табл. 36) и Республики Алтай (см. табл. 37) этой тенденции не прослеживается.

Табл. 36. Количество приговоренных к ВМН в зависимости от уровня образования в Башкирской АССР.

Уровень образования	Кол-во арестованных	Приговоренные к ВМН	Доля приговоренных к ВМН
неграмотный, малограмотный	8912	2999	34%
среднее, неоконченное среднее образование	1164	684	35%
высшее, неоконченное высшее образование	517	176	34%

Из табл. 36 следует, что в Башкирской АССР жестокость приговора фактически не зависела от уровня образования. Все три категории репрессированных – неграмотные и малограмотные; со средним и неоконченным средним; с высшим и неоконченным высшим – приговаривались к ВМН в 34-35% случаев. Расхождения в 1% не являются существенными.

Табл. 37. Количество приговоренных к ВМН в зависимости от уровня образования в Ойротской АО.

Образование	Кол-во человек	Приговоренные к ВМН	Доля приговоренных
-------------	----------------	---------------------	--------------------

¹¹⁰ Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация. С. 460.

			к ВМН
высшее	67	28	41,8%
среднее	182	86	47,3%
грамотные	1759	794	45,1%
малограмотные	406	92	22,7%
неграмотные	458	201	43,9%

Ярко выраженной тенденции к тому, что люди с высшим образованием приговаривались к ВМН, не прослеживается и на материалах Ойротской АО. Если в среднем в этой автономной области смертные приговоры выносились в 42% случаев, то люди с высшим образованием, осужденные к ВМН, составляют ровно те же 42%. Несколько чаще выносились смертные приговоры людям со средним образованием (47%) и просто грамотным арестованным (45,1%). Непонятно, как объяснить тот факт, что неграмотных приговаривали к ВМН в 44% случаев, а малограмотных – в 23%.

Материалы выборки по «кулацкой операции» по Алтайскому краю показывают другие результаты: 100% (6 из 6) людей с высшим образованием были приговорены к ВМН, также были расстреляны 61% (8 из 13) людей со средним образованием¹¹¹. Однако автор исследования Г. Жданова подчеркивает, что, опираясь на архивно-следственные дела, ею было установлено, что количество приговоров к ВМН «в большинстве случаев не связано с уровнем образования». «Причиной», побудившей «тройку» приговорить этих людей к расстрелу, исследователь увидела прежде всего их социальное происхождение (дворянин, прапорщик царской армии, помещик), политическое прошлое, национальность¹¹².

По понятным причинам (в «Книге памяти» Бутовский полигон только расстрелянные) мы не можем «проверить», насколько жестоким было отношение к людям с высшим образованием в Московской области. Однако интерес представляют и сами данные об уровне образования расстрелянных. Общий анализ «Бутовского полигона» показывают, что высшее и незаконченное высшее образование имели 12% репрессированных

¹¹¹ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации... С. 730.

¹¹² Там же. С. 730-731.

(существенно выше, чем в Томской области, Алтайском крае и Башкирской АССР). Среднее и неполное среднее имели 24% расстрелянных на Бутовском полигоне. Неграмотными были всего 2% репрессированных, остальные – были малограмотными (6%) и с начальным образованием (54%)¹¹³.

В нашей выборке оказалось 24 человека с высшим и неполным высшим образованием. Анализируя эти дела, можно прийти к выводу, что в большинстве случаев арест этих людей не был связан с их особым социальным положением или служебным статусом. В 17 из 24 случаев причиной ареста, вероятнее всего, стала национальность репрессированных или их связь с границей. Эти люди проходили по «национальным» операциям.

Однако чаще приходится сталкиваться с делами, из которых непонятно, что послужило «причиной» ареста – профессиональная деятельность (и связанный с ней уровень образования) или банальные «анкетные данные» – например, национальность или место рождения репрессированного. Например, в нашей выборке находится уже упоминавшееся выше дело выдающегося ученого-генетика и бывшего директора московского Медико-генетического института С. Левита¹¹⁴ – естественно, человека с высшим медицинским образованием. Из следственного дела Левита складывается впечатление, что все его научные заслуги не имели никакого значения – важно было, что Левит родился в Литве, а в 1936 г. его исключили из ВКП(б) «за связь с врагами народа, за протаскивание враждебных теорий в трудах института»¹¹⁵. В ходе массовых операций следователи не утруждали себя разбором того, в чем именно состояли «враждебные теории» ученого. В деле Левита сохранился единственный протокол допроса, а само оно мало отличалось от других лаконичных дел по «национальным» операциям – за период Большого террора в деле всего 45 листов. В деле нет ни одного допроса свидетелей,

¹¹³ Бутовский полигон. Вып. 7. С. 305.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25090. Л. 9.

¹¹⁵ Там же. Л. 8.

зато есть копия протокола допроса другого обвиняемого, якобы обличавшего Левита. В обвинительном заключении следователи написали следующее: «Обвиняется в том, что являлся немецким шпионом и активным участником контрреволюционной террористической вредительско-диверсионной организации, существовавшей в органах здравоохранения»¹¹⁶. Левит был расстрелян через пять месяцев после ареста – в мае 1938 г.

Еще пять человек из 24 с высшим образованием в нашей выборке имели различные «пятна в биографии» – происходили из дворянских семей, служили в белой армии, занимали высокое положение в царской армии и т.д. Один из этих 24 человек обладал высшим духовным образованием и скорее всего был арестован как «церковник».

Безусловно, не стоит распространять наши результаты по Бутово на всю Москву и тем более Россию, однако можно выдвинуть предположение, что уровень образования не являлся решающим критерием при аресте. Для проверки этой гипотезы нужно несколько более подробное исследование.

4.3. Характеристика партийности

Механизмы исключения из партии и то, насколько факт исключения влиял на арест НКВД, – предмет серьезной дискуссии исследователей. Возможны различные оценки роли партии в осуществлении репрессий. Пермские историки отмечали, что в их регионе, как правило, вопрос решался следующим образом: секретарю партийной организации направляли сообщение о том, что такой-то член партии намечается к аресту, поэтому «необходимо решить вопрос о его партийности»¹¹⁷. Вполне вероятна и противоположная схема: исключение из партии становилось поводом для ареста¹¹⁸. Решение вопроса о механизмах исключения из партии может

¹¹⁶ Там же. Л. 44.

¹¹⁷ Колдушко А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009. С. 112.

¹¹⁸ Среди жертв Большого террора могло быть много людей, исключенных из партии в ходе чисток 1933-1936 гг. См.: Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937-1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012. С. 82.

являться темой для отдельного исследования. Для полноценного анализа необходимо привлекать документы, частично еще закрытые для исследователей.

При анализе партийности репрессированных в различных регионах по «Книгам памяти» необходимо быть предельно аккуратными. В главе I на примере работы с материалами Бутовского полигона уже говорилось о том, что не всегда возможно выявить партийность людей на момент ареста даже по архивно-следственным делам. Перед составителями «Книг памяти» стоял вопрос о том, кого считать партийными – тех, кто был исключен за несколько дней до ареста? Тех, кто был исключен сразу после? Или даже тех, кого арестовали через полгода после того, как исключили из партии? Даже в следственных делах далеко не всегда ясно, когда именно произошло исключение из партии. Приходится констатировать, что составители «Книг памяти» в каждом регионе могли решать вопрос о партийности по-своему, а выяснить, как именно, невозможно из-за отсутствия подробных источниковедческих введений и описаний¹¹⁹.

Составители «Книг памяти» Башкирии, вероятно, решили записывать всех, включая бывших членов партии, в категорию «членов ВКП(б)». Поэтому сведения о партийности репрессированных выглядят следующим образом (см. табл. 38).

Табл. 38. Партийность репрессированных в Башкирской АССР.

Партийность	Кол-во человек	В % к общему	К ВМН	В %
б/п	10804	94,5%	3691	34%
член ВКП(б)	570	5,0%	185	32%
член ВЛКСМ	55	0,5%	6	11%

В Башкирии, согласно данным «Книг памяти», беспартийными были подавляющее число репрессированных – 94,5%. Членами ВКП(б) (и,

¹¹⁹ О том, что нужно крайне аккуратно использовать данные «Книг памяти» о партийности репрессированных, пишет и Е. Кодин, см.: Кодин Е.В. Электронная база данных... С. 45.

вероятно, бывшими членами) были 5% репрессированных, ВЛКСМ – 0,5%. Партийных лиц ВМН ожидала в 32% случаев, что чуть меньше, чем средние 34%. Молодых членов ВЛКСМ, напротив, осуждали к расстрелу существенно реже, чем в среднем – «всего» в 11% случаев.

Составители «Книг памяти» Карелии, напротив, решили записывать всех репрессированных членов ВКП(б) в «бывших членов». При анализе базы был найден всего один человек, которого назвали партийным. Поскольку составители книг намеренно обобщали сведения о партийности, при подсчетах в данном исследовании этот человек был включен в категорию «бывших». Некоторые итоги анализа партийности можно увидеть в табл. 39.

Табл. 39. Партийность репрессированных в Карельской АССР.

Партийность	Кол-во человек	Доля от общего числа	К ВМН	Процент приговоренн. к ВМН
беспартийный	9492	90,7%	8104	85%
бывший член ВКП(б)	795	7,6%	646	81%
бывший член ВЛКСМ	94	0,9%	70	74%
бывший член КПФ	81	0,8%	69	85%

Согласно данным «Книг памяти» Карелии, абсолютное большинство репрессированных – 91% – были беспартийными. Когда-либо в ВКП(б) состояли 8% репрессированных, еще менее процента были членам ВЛКСМ, и 0,8% – членами Коммунистической партии Финляндии. В сумме к российским коммунистам относились 8,5% репрессированных, а вместе с финнами – 9,3% арестованных.

Гораздо реже, чем другие категории, расстрелам подвергались бывшие члены ВЛКСМ, их осуждали к ВМН в 74% случаев при средних 85%. Можно было бы предположить, что ответственных работников, среди которых было значительно больше членов ВКП(б), напротив, чаще приговаривали к расстрелам. Однако на материалах Карельской АССР этого не

прослеживается – партийных осуждали к ВМН реже, чем в среднем, а именно в 81% случаев. Можно предположить, что профессиональные занятия и ответственная должность казались «менее значимым» аргументом в пользу вынесения более сурового приговора для НКВД чем, например, национальность арестованных. В пользу этой версии говорит и то, что членов Коммунистической партии Финляндии к ВМН приговаривали в «средних» 85% случаев.

Материалы других регионов говорят о сходном числе репрессированных коммунистов. В Алтайском крае среди осужденных в ходе «кулацкой операции» доля членов ВКП(б) составила 3,3%, из них к ВМН были приговорены «средние» 50%¹²⁰. В «Смоленском мартирологе» в 1937-1938 гг. коммунисты составляли 3,8% репрессированных¹²¹. При этом всего в годы Большого террора на Смоленщине было репрессировано 3,5% от общего числа членов ВКП(б)¹²², что является очень высоким процентом.

Существенно больше было репрессированных коммунистов в крупных городах. В «Книгах памяти» «Бутовский полигон» членов (в т.ч. бывших) ВКП(б) было 14%¹²³. При этом стоит отметить, что в Московской области и Москве наиболее высокопоставленных репрессированных, приговоренных по линии Центрального аппарата НКВД и осужденных судебными органами (в частности, высшим органом военной юстиции — Военной коллегией Верховного суда), как правило, расстреливали не на «Бутовском полигоне», а в специальной зоне близ совхоза «Коммунарка»¹²⁴. Членов ВЛКСМ из более чем 14 000 расстрелянных на «Бутовском полигоне» было «всего» 49. В «Ленинградском мартирологе» членов и бывших членов ВКП (б) было также больше, чем в Карелии, Башкирии, на Алтае и в Смоленской области – около 13%¹²⁵.

¹²⁰ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации... С. 737.

¹²¹ Посчитано по: Кодин Е.В. Электронная база данных... С. 42, 46.

¹²² Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция... С. 29.

¹²³ Бутовский полигон. Вып. 7. С. 304.

¹²⁴ Послесловие к спискам захороненных в «Коммунарке».

¹²⁵ Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде.

Таким образом, члены и бывшие члены ВКП(б) составляли 3-13% репрессированных в различных регионах, причем доля этой категории лиц была выше в крупных городах. Стоит отметить и то, что доля членов и кандидатов в члены ВКП(б) в населении СССР составляла чуть более 1%¹²⁶ – соответственно, репрессии затронули значительное число коммунистов. Однако в целом вопрос о том, насколько сильными были чистки в рядах партии в годы Большого террора, может быть темой для отдельного исследования, тем более, что он требует более широкой источниковой базы.

4.4. Распределение по социальному положению

Остановимся на социальном положении репрессированных. Более подробно о методике классификации по социальному положению было рассказано в главе I¹²⁷. Данные о социальном положении репрессированных необходимо было сопоставить с данными переписи населения¹²⁸, ведь в разных регионах доминировали различные социальные группы. Однако в переписях использовалась несколько иная классификация. Иждивенцы учитывались по прошлым занятиям или по занятиям родителей. Сотрудники НКВД и состав РККА в отдельную категорию не выделялись. В категорию нетрудящихся элементов в переписи 1939 г. попадали не только лица «без определенных занятий» (просто безработные, бродяги, нищие), но и священнослужители и лица, живущие на нетрудовые доходы (на сдачу в аренду домов, от продажи имущества и т.д.)¹²⁹. Перепись 1939 г. специально не выделяла категорию заключенных, хотя «в особом порядке» перепись в

¹²⁶ К такому выводу можно прийти, сравнив данные об общем числе коммунистов в 1937 г. (см.: Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 82) и общим итогам переписи населения 1937 г.

¹²⁷ О том, как составлялась классификация см. Главу I, о том, какие профессии попадали в классификацию, см. в приложении 4.

¹²⁸ Перепись 1939 г. в данном случае используется на безальтернативной основе из-за отсутствия данных о соц. положении населения в различных регионах в сохранившихся материалах переписи 1937 г. См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. С. 199.

¹²⁹ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»... С. 72.

лагерях и тюрьмах проводилась. Заключенных лагерей записывали по текущему занятию, а тюрем – по предыдущему занятию¹³⁰.

Учитывая все эти особенности, в данном параграфе сначала будет рассмотрено социальное положение репрессированных в каждом из пяти регионов, проведен анализ социальной структуры репрессированных в сравнении с данными переписи, построена динамика арестов лиц различного положения. В последней, шестой части параграфа будет проведено обобщение полученных результатов и попытка выявить общие тенденции и различия в проведении Большого террора в пяти регионах РСФСР.

4.4.1. Социальное положение репрессированных в Алтайском крае

Обратимся к социальному составу репрессированных в Алтайском крае (см. табл. 40). В этом регионе к категории «нет данных» (в которую входят и те случаи, когда статус определить не удалось) отнесены лишь 0,1% репрессированных.

Табл. 40. Социальный состав репрессированных в Алтайском крае в сравнении с данными переписи 1939 г.

Социальное положение	Арестованные				Перепись 1939 г.
	Кол-во человек	Доля от общего числа	Из них приговор. к ВМН	Доля приговор. к ВМН среди арестованных	
колхозники	9832	38,5%	4329	44,0%	53,6%
служащие	5708	22,4%	3259	57,1%	13,6%
рабочие	5563	21,8%	2805	50,4%	29,0%
единоличники	1878	7,4%	980	52,2%	1,1%
без определенных занятий	1442	5,6%	918	63,7%	0,0%
домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	424	1,7%	121	28,5%	-
служители религиозного	285	1,1%	255	89,5%	См. «без

¹³⁰ Там же. С. 76.

культы					определенных занятий»
красноармейцы и младший начсостав	179	0,7%	36	20,1%	-
кустари	79	0,3%	47	59,5%	2,7%
сотрудники НКВД	79	0,3%	21	26,6%	-
комсостав РККА	26	0,1%	10	38,5%	-
нет данных	32	0,1%	11	34,4%	-

Данные «Книг памяти» говорят о том, что 46% репрессированных в Алтайском крае были крестьянами: колхозниками (38,5%) и единоличниками (7%). По переписи крестьяне также составляли самую большую группу населения – 55%. Доминирование крестьян среди репрессированных вполне можно объяснить экономическим профилем региона, в котором широкий размах приобрела «кулацкая» операция. Тем не менее, сравнение с материалами переписи показывает сильный уклон в отношении репрессий против единоличников. Если по переписи доля единоличников среди населения региона составляла всего 1,1%, то среди репрессированных их было 7%. Если колхозников приговаривали к ВМН реже, чем в среднем (в 44% случаев), то единоличников расстрел ожидал чаще – в 52% случаев. Именно с колхозников и единоличников, согласно динамике арестов лиц различного социального положения (прил. 7.1), начались аресты в регионе. В июне 1937 г. они составили значительную часть арестованных, 1553 человека. Массовые аресты единоличников также прошли в июле и в ноябре 1937 г., после чего резко пошли на спад. В 1938 г. было арестовано относительно немного единоличников.

На втором месте по численности репрессированных в Алтайском крае – служащие (22,4%), на третьем – рабочие (21,8%). По сравнению с данными переписи служащих репрессировали чаще, чем в среднем (по переписи в регионе их было 14%), а рабочих, напротив, реже (по переписи их было 29%). Служащих не только чаще репрессировали, но и чаще приговаривали к

расстрелу - 57% представителей этой категории были осуждены к ВМН, в то время как у рабочих этот показатель составлял 50%.

Репрессированные лица без определенных занятий (5,6%) и «служители религиозного культа» (1,1%) суммарно составляли значительно большую долю арестованных, чем их доля в населении, которая была меньше десятой доли процента по переписи 1939 г. (0,0%). Кроме того, представителей этих двух категорий ожидали наиболее суровые приговоры. Лиц без определенных занятий приговаривали к расстрелу в 64% случаев, а «служителей культа» - в 89%. Примечательно, что аресты «церковников» прошли в самом начале массовых операций, а затем практически сошли на нет (см. прил. 7.1).

Стоит отметить, что высокий процент репрессированных лиц «без определенных занятий» в Алтайском крае может объясняться местной спецификой. В Сибири традиционно концентрировался ссыльный криминальный элемент, и его чистки в 1930-х гг. проходили регулярно¹³¹. В обстановке 1937-1938 гг. дела по «уголовникам» тесно переплетались с «политическими»¹³².

Существенно меньше, чем по переписи, было репрессировано кустарей – они составляли 0,3% среди арестованных и 2,7% по переписи. Возможно, что часть кустарей из-за трудностей в классификации попала в рабочих, так как их место работы не было указано определенно. Незначительную долю репрессированных составляли также: домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры (1,7%), красноармейцы и младший начсостав РККА (0,7%), комсостав РККА (0,1%), а также сотрудники НКВД (0,3%).

4.4.2. Социальное положение репрессированных в Башкирской АССР

¹³¹ Тепляков А.Г. Машина террора. С. 398-399.

¹³² Там же. С. 404.

В табл. № 41 можно увидеть общие сведения о социальном положении жертв репрессий в Башкирской АССР, посчитанные на основе «Книг памяти» региона. Данные отсутствуют в 4% случаев.

Табл. 41. Социальное положение репрессированных в Башкирской АССР в сравнении с данными переписи 1939 г.

Социальное положение	Арестованные				Доля по переписи 1939 г.
	Кол-во человек	Доля от общего числа	Из них приговор. к ВМН	Доля приговор. к ВМН среди арестованных	
колхозники	4012	35,0%	1234	30,8%	63,0%
служащие	2658	23,2%	821	30,9%	12,3%
рабочие	1853	16,2%	614	33,1%	19,8%
единоличники	953	8,3%	412	43,2%	1,6%
служители религиозного культа	498	4,3%	322	64,7%	см. «БОЗ»
без определенных занятий	403	3,5%	143	35,5%	0,0%
домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	295	2,6%	34	11,5%	—
кустари	128	1,1%	59	46,1%	3,3%
красноармейцы и младший начсостав	96	0,8%	10	10,4%	—
комсостав РККА	46	0,4%	12	26,1%	—
сотрудники НКВД	42	0,4%	8	19,0%	—
нет данных	472	4,1%	218	46,2%	

Из табл. 41 следует, что объектами репрессий в Башкирской АССР стали основные группы советских трудящихся - колхозники (35%), служащие (23%) и рабочие (16%). Их совокупная доля в общем числе репрессированных составила 74%. Колхозники являлись также основной группой населения Башкирии по переписи 1939 г., однако их доля в

населении была значительно выше – 63%. Таким образом, можно говорить о том, что колхозники оказались меньше затронуты репрессиями, чем многие другие социальные группы – например, единоличники. По переписи единоличники составляли всего 1,6% населения Башкирии, а среди репрессированных их было 8%. Кроме того, единоличников ожидали более суровые приговоры: были расстреляны 43% арестованных единоличников и 31% колхозников, при том, что в среднем в регионе приговоры к ВМН выносились в 34% случаев.

По сравнению с данными переписи 1939 г. в Башкирской АССР было репрессировано также непропорционально много служащих, их было 23% среди арестованных, а в населении региона их доля составляла 12% по переписи 1939 г. Несколько меньше, чем по переписи, было репрессировано рабочих – 16% против 20% по переписи. Кроме того, в Башкирии было репрессировано немало «служителей культа» (4,3%) и людей без определенных занятий (3,5%). По переписи этих лиц было меньше процента (0,0%). В отношении «служителей культа» выносились гораздо более суровые приговоры: в 65% случаев их ожидала ВМН.

Чуть меньше половины «служителей культа» в Башкирии – муллы и муэдзины, которых репрессии затрагивали наравне с православными священниками. По данным местных историков, после закрытия 60% мечетей и церквей к 1932 г., в Башкирии осталось на свободе из 3000 мулл не более 300¹³³. В «Книгах памяти» арестованных мулл 181 человек. Если данные об оставшихся на свободе 300 муллах верны, значит, больше половины из них были задержаны в годы Большого террора.

Аресты «служителей культа» и единоличников проходили активно в 1937 г., а в 1938 г. их число резко сократилось (см. прил. 7.2). Во второй год Большого террора активно шли аресты только колхозников, рабочих и служащих. И здесь также можно говорить о том, что «служители культа» и

¹³³ Павлова Э.В. Репрессии против духовенства в 1920 - 30-х гг. в Башкирии // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и культуры Башкортостана. Сб. материалов республиканской научно-практической конференции, 3 октября 2001 г. Стерлитамак, 2001. С. 206.

единоличники рассматривались в качестве основных целевых групп приказа № 00447.

Кроме того, в Башкирии было осуждено незначительное число домохозяек, иждивенцев и пенсионеров (2,6%), кустарей (1,1% против 3,3% по переписи), красноармейцев (0,8%), комсостава РККА (0,4%) и сотрудников НКВД (0,4%).

4.4.3. Социальное положение репрессированных в Горьковской области

Социальный состав репрессированных в Горьковской области представлен в табл. № 42. Количество отсутствующих данных в регионе сравнительно невелико – 0,1%. В переписи, как уже было отмечено выше, есть не все категории нашей классификации.

Табл. 42. Социальный состав репрессированных в Горьковской области в сравнении с данными переписи 1939 г.

Социальное положение	Арестованные				Доля по переписи 1939 г.
	Кол-во человек	Доля от общего числа арест.	Кол-во приговоренных к ВМН	Доля приговор. к ВМН среди арестованных	
служащие	3150	27,6%	1015	32,2%	16,2%
рабочие	2991	26,2%	1020	34,1%	31,4%
единоличники	1309	11,5%	525	40,1%	2,6%
колхозники	1285	11,3%	274	21,3%	45,7%
служители религиозного культа	1090	9,5%	874	80,2%	см. «БОЗ»
без определенных занятий	695	6,1%	244	35,1%	0,0%
домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	349	3,1%	76	21,8%	–
кустари	177	1,6%	61	34,5%	4,1%
комсостав РККА	157	1,4%	45	28,7%	–
сотрудники	132	1,2%	30	22,7%	–

НКВД					
красноармейцы и младший начсостав	65	0,6%	9	13,8%	—
нет данных	17	0,1%	3	17,6%	—

Самой большой группой населения по переписи 1939 г. в Горьковской области были колхозники (46%), однако среди репрессированных их существенно меньше – 11%. Колхозников ожидали также менее жесткие приговоры, чем в среднем – их осуждали к ВМН «всего» в 21% случаев (против средних 37%). По отношению к единоличникам политика была иной: в отличие от Алтайского края и Башкирии, в Горьковской области единоличников было даже больше, чем колхозников (11,5% против 11,3%). По переписи единоличников в этом регионе было всего 2,6%. Эту категорию лиц приговаривали к ВМН в 40% случаев. В Горьковской области также было арестовано непропорционально много служащих по отношению к их доле в населении региона – 28% среди репрессированных против 16% среди населения по переписи.

Рабочих, напротив, было репрессировано несколько меньше, чем по переписи – 26% среди арестованных против 31% по переписи. Это примечательно, так как в работах местных исследователей репрессиям на различных промышленных предприятиях (которых в области было много) уделяется чуть ли не первостепенное значение, о чистках заводов и последовавшем «кадровом голоде» сообщалось в партийных документах того времени¹³⁴. Возможно, что репрессии активнее проходили среди руководства и специалистов в промышленности (которые могли попасть в категорию «служащих»), а не среди рядовых рабочих.

Обращает на себя внимание также доля репрессированных «служителей культа» в Горьковской области – 1090 человек или 9,5%, почти

¹³⁴ См.: Пономарев В.Л. История «Большого террора» на Нижегородской земле // Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс]: МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Нижний Новгород, 2012. URL: <http://www.gorbiobl.nnov.ru/files/bibliographies/politrepresii.doc> (дата обращения: 01.09.2015). С. 9-10; Шурыгина А.Б. История политических репрессий 1930–1950-х годов по документам Государственного общественно-политического архива Нижегородской области // Там же. С. 17; Кулаков А.А., Гордеева Л.П. За правду истории. С. 22.

каждый десятый. В отношении них также выносились крайне жестокие приговоры – 80% арестованных представителей этой группы были расстреляны. По всей видимости, столь высокая доля репрессированных священнослужителей объясняется местными особенностями: на территории Горьковской области располагались такие крупные и известные монастыри, как Серафимо-Дивеевский монастырь (был закрыт в 1927 г., однако монахи продолжали жить рядом) и Саровский мужской монастырь (ликвидирован в 1927 году и передан НКВД). Возможно, именно поэтому среди репрессированных в Горьковской области 68 человек - монахи и монахини, в том числе бывшие.

Среди столь большого числа репрессированных «церковников» было незначительное число лиц, имевших высокий сан – старообрядческий епископ Павел (в миру Петр Носов), архиепископ-григорианец Тамбовской епархии Павел Краснорецкий, а также епископ Сергачской епископии Фотий (в миру Александр Пурлевский). Возможно, что к периоду 1937 г. многие руководители церкви уже были осуждены, возможно, что их судили в других регионах, в частности, в Москве. Фотий (Александр Пурлевский) стал епископом Омским в июле 1937 г., однако успел пробыть в Омске всего несколько недель. 1 августа его арестовали и переправили в Горький. Руками местных следователей ему суждено было «возглавить» «контрреволюционную организацию», которая действовала на Кубани и в Горьковской области. Сам 56-летний епископ был признан «агентом иностранных разведок»¹³⁵. 17 декабря 1937 г. тройка приговорила его к ВМН, в первых числах января 1938 г. приговор был приведен в исполнение.

Пример епископа Фотия показывает, как представители религиозных объединений легко становились главами контрреволюционных организаций. Придумывать связи внутри этой организации не составляло труда, так как можно было задерживать всех активных членов одной или нескольких

¹³⁵ Пурлевский Александр Александрович (арх. Фотий) [Электронный ресурс]: архивная коллекция рязанского общества «Мемориал» // Сайт рязанского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». URL: <http://stopgulag.org/object/83778865?lc=ru> (дата обращения: 05.05.2015)

общин. Горьковское НКВД, которое преуспело в «разоблачении церковников», неоднократно жаловалось на то, что «служители культа» мешают советскому строительству в Горьковской области. Еще в январе 1937 г. местное УНКВД писало в центр, что «церковники и сектанты» проявляют особую активность, проводя антисоветскую агитацию против переписи. Так, бывший глава церковного совета якобы утверждал, что в ходе переписи всем переписанным на лбу будут ставить клеймо, и нужно скрываться¹³⁶. Постепенно донесения превратились в реальные групповые дела на «церковников»¹³⁷. Несмотря на то, что в 1938 г. аресты священников уже почти закончились, в июне 1938 г. в сводке НКВД «о террористических и других контрреволюционных проявлениях на селе» снова появился «поп-агитатор», на этот раз - против выборов в Верховный совет¹³⁸.

Не стоит забывать, что жертвами репрессий становились не только представители православной церкви и христианских конфессий. По данным «Книг памяти», среди репрессированных в области был 41 мулла. Активно шли аресты, в частности, среди татарского населения Горьковской области и их духовных лидеров – в регионе «нашли» контрреволюционную организацию, которую якобы возглавлял заместитель председателя Центра Духовного управления мусульман (ЦДУМ) Кашафутдин Тарджеманов¹³⁹. Примечательно, что «членам» этой «организации» вменялись в вину не только националистические настроения, но и связи с Финляндией. В этой стране проживало около 3000 татар, многие из которых являлись выходцами из Нижегородской области¹⁴⁰.

Аресты священнослужителей активно шли в августе-ноябре 1937 г. (пик – ноябрь, 429 человек), однако в декабре, когда аресты остальных групп

¹³⁶ Трагедия советской деревни. Т. 5., Кн. 1. С. 79.

¹³⁷ Осипов А.В., Харламов В.А. История Нижегородских органов безопасности: 1917-2006 гг. Т. 2. Нижний Новгород, 2007. С. 147-148.

¹³⁸ Трагедия советской деревни. Т. 5., Кн. 2. С. 148.

¹³⁹ Закиров Г.С. История репрессий в среде нижегородских мусульман // Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс]: МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Нижний Новгород, 2012. С. 29. URL:

<http://www.gorbibl.nnov.ru/files/bibliographies/politreprsii.doc> (дата обращения: 01.09.2015)

¹⁴⁰ Там же.

шли наиболее интенсивно, количество арестованных «церковников» резко падает (см. прил. 7.3).

Также в Горьковской области было арестовано немало лиц без определенных занятий (6,1% среди репрессированных против 0,0% по переписи), домохозяек, иждивенцев, пенсионеров (3,1%), кустарей (1,6% против 4% по переписи). Совсем незначительный процент репрессированных составляли сотрудники НКВД (1,2%), комсостав РККА (1,4%), и красноармейцы и младший начсостав РККА (0,6%).

4.4.4. Социальное положение репрессированных в Карельской АССР

Проанализируем сведения о социальном положении репрессированных в Карелии. В этом регионе из-за достаточно лаконичных формулировок о месте работы и отсутствия конкретики в названиях должностей оказалось немало лиц с «неопределенным статусом» – 753 человек (7% от общей выборки). Еще в 35 случаях (0,3%) данные о занятиях репрессированных в базе просто отсутствуют. Основные результаты классификации можно увидеть в табл. № 43.

Табл. 43. Социальное положение репрессированных в Карельской АССР.

Социальное положение		Арестованные				Доля по переписи 1939 г.
		Кол-во человек	Доля от общего числа арест.	Кол-во приговор. к ВМН	Доля приговор. к ВМН среди арестованных	
рабочие		3848	35,7%	3280	85,2%	48,3%
служащие		2240	20,8%	1843	82,3%	26,6%
без определенных занятий		1959	18,2%	1590	81,2%	0,0%
В т.ч.	заключенные	1307	12,1%	1296	99,2%	—

	все остальные	652	6,1%	294	45,1%	–
колхозники		1521	14,1%	1362	89,5%	20,2%
единоличники		136	1,3%	126	92,6%	0,6%
домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры		108	1,0%	57	52,8%	–
сотрудники НКВД		72	0,7%	57	79,2%	–
служители религиозного культы		60	0,6%	60	100,0%	см. "БОЗ"
красноармейцы и младший начсостав		33	0,3%	17	51,5%	–
кустари		7	0,1%	7	100,0%	4,3%
комсостав РККА		5	0,0%	3	60,0%	–
статус неопределен		751	7,0%	664	88,4%	–
нет данных		35	0,3%	30	85,7%	

Согласно анализу социального положения, самой массовой группой репрессированных в Карельской АССР была «опора советской власти» – рабочие (36%, почти 3900 человек). Между тем, по переписи населения представителей этой социальной группы было еще больше – 48%. Доля служащих среди арестованных составляла 21% (2240 человек) – несколько меньше, чем по переписи – 27%. Значительно меньше в Карелии было репрессировано крестьян. Доля колхозников составляла 14% (против 20% по переписи), а единоличников – всего 1% (против 0,6% по переписи).

Таким образом, получается, что доля рабочих, колхозников и служащих среди репрессированных в разной степени меньше, чем их же доля в населении региона. Соответственно, у представителей этих социальных групп было меньше шансов быть арестованными, чем у других. Кого же тогда репрессировали значительно чаще?

По переписи 1939 г. «нетрудящиеся» составляли менее одной десятой доли процента (абсолютные значения не указаны; в процентном соотношении – 0,0% населения). А среди репрессированных лиц «без

определенных занятий» 18% и еще 1% «служителей религиозного культа», которые также, напомним, входили в категорию нетрудящихся. Это говорит о значительном уклоне репрессий в отношении лиц этих категорий, составивших почти пятую часть всех репрессированных.

Чем может объясняться подобная разница в цифрах? Прежде всего тем, что в нашей классификации в категорию лиц «без определенных занятий» как «деклассированные элементы» попали заключенные - они составляют 67% лиц «без определенных занятий» и в целом 12% от репрессированных в регионе. Во-вторых, «кулацкая» и другие массовые операции НКВД в целом ударили по лицам «без определенных занятий» (об этом подробнее см. ниже). Наконец, в категорию лиц БОЗ могли попасть люди, уволенные с работы непосредственно перед задержанием, а иногда и в связи с грядущим арестом.

Сильно расходятся в переписи количество кустарей (4,3%) и репрессированных представителей этой профессии в базе (в эту категорию попали менее 10 человек). Как уже было сказано выше, по карельским «Книгам памяти» довольно сложно определить, относится ли человек определенной профессии к кустарям или к рабочим. Во многих случаях указана только его профессия без указания места работы (например, сапожник). Поэтому можно предположить, что многие кустари попали в категорию «статус неопределен» нашей классификации (8%).

Интересно также рассмотреть, какие социальные группы чаще или реже приговаривали по «первой категории». По данным «Книг памяти», в среднем по Карелии было расстреляно 85% репрессированных. Наиболее часто к ВМН приговаривали «служителей религиозного культа» (100%), кустарей (100%, однако их в нашей базе всего семь человек – о причинах см. выше), единоличников (93%), колхозников (90%). Рабочих – напомним, самую массовую категорию – смертный приговор ожидал в 85% случаев. Реже всего к смертной казни приговаривали красноармейцев (51%) и комсостав РККА (50%), хотя обе категории были весьма малочисленные. Вслед за ними идут

«домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры» (52%), сотрудники НКВД (79%, в эту категорию входили в том числе и сотрудники пожарной охраны, в то время относившиеся к ведомству), лица без определенных занятий в целом (81%), служащие (82%).

Остановимся на некоторых из этих категорий подробнее. Если исключить из категории «лиц без определенных занятий» заключенных, то отношение ко всем остальным было заметно менее жесткое. Так, лиц БОЗ (бездомных, мелких хулиганов, рецидивистов и т.д., которые могли скрываться за этой аббревиатурой) приговаривали к ВМН «всего» в 45% случаев. На эту «мягкость» уже обращали внимание местные исследователи, объясняя ее следующим образом: «Уголовный элемент с первых дней существования советской власти считался «социально-близким» ей, в отличие от контрреволюционеров»¹⁴¹. Тем не менее, этих лиц также осуждали по политическим статьям репрессивные органы, и за мелкие проступки в период Большого террора они могли получить несоразмерное наказание. Впоследствии они были реабилитированы.

Немногочисленной, но одной из наиболее пострадавших групп репрессированных были «служители религиозного культа». По переписи 1939 г. они в числе так называемой категории «нетрудящихся» составляли менее десятой доли процента в Карелии. Среди репрессированных «служителей культа» было 0,6%, или 60 человек¹⁴². В их числе православный епископ Трофим Якобчук, архиепископ-обновленец Евгений Аметистов, священники, монахи, церковные старосты и дьяконы, пасторы, кистеры и раввин. Абсолютно все эти люди были расстреляны. Нарком внутренних дел Матузенко, выступая на областной партконференции, смело заявлял: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело

¹⁴¹ Чухин И. Указ.соч. С. 102.

¹⁴² И. Чухин нашел в Карелии чуть больше репрессированных «церковников»: по его данным, попов, дьяконов и монахов было репрессированно 63 человека, церковников – 124 человека, сектантов – 63 человека. См.: Чухин И. Указ. соч. С. 40.

покончено. (Смех в зале)»¹⁴³. Вместе со священнослужителями арестовывали их прихожан, активных верующих. Были бывшие священнослужители и среди заключенных – к моменту начала Большого террора они уже находились в заключении. В эти 60 человек «служители культа»-заключенные не вошли.

Еще одной подвергнувшейся жестоким репрессиям категорией были единоличники. Из 137 единоличников, которые есть в базе, к расстрелу были приговорены 127 (93%).

Гораздо менее типичным выглядит более жесткое (чем в других регионах) отношение карельских властей к колхозникам. В регионе были расстреляны 90% арестованных колхозников. Сложно найти этому факту однозначное объяснение. Возможно, что в Карелии колхозники были слишком малочисленной группой, среди них не было столько представителей «инонациональностей» и т.д.

Режимные люди. Одним из объяснений столь широкого размаха репрессий в Карелии может быть наличие в этом крае большого количества «спецконтингента», людей, которые работали в лагерях и трудпоселках. Точных сведений об их числе нет, однако по предварительным данным переписи 1937 г., в регионе находились не менее 96 тыс. представителей «контингента В» (заключенных тюрем, лагерей и трудколоний, трудпоселенцев, приписанных к ГУЛАГ НКВД и т.д.) и «контингента Б» (штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, мест заключений, трудпоселков и т.д., а также состав частей милиции, состоящий на казарменном положении)¹⁴⁴. О том, что это довольно значительное количество, могут говорить, например, данные, что в гораздо более густонаселенной Ленинградской области «контингент В» суммарно с «контингентом Б» насчитывали меньшее число лиц – 81 тыс. человек¹⁴⁵.

¹⁴³ Там же. С. 40.

¹⁴⁴ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»... С. 116.

¹⁴⁵ Там же. С. 106.

Таким обилием «спецконтингента» Карелия прежде всего обязана Беломорско-Балтийскому ИТЛ (Белбалтлагу). На 1 октября 1938 г. в нем числились 79232 заключенных¹⁴⁶. Больше заключенных в стране на тот момент числилось только в Байкало-Амурском исправительно-трудовом лагере (Бамлаг), Дальневосточном исправительно-трудовом лагере (Дальлаг) и Северо-Восточном исправительно-трудовом лагере (Севвостлаге)¹⁴⁷. Также в Белбалтлаге было немало трудпоселенцев – 29181 человек¹⁴⁸.

Задача проведения чистки в Белбалтлаге была поставлена непосредственно наркомом Н. Ежовым. 5 августа 1937 г. он отправил руководителям НКВД Ленинградской области и Карелии, а также Белбалтага телеграмму, требуя арестовать и расстрелять 800 «наиболее активных антисоветских элементов из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов церковников и прочих контрреволюционеров, ведущих в лагерях активную антисоветскую подрывную работу»¹⁴⁹. В середине августа первые 110 заключенных были осуждены тройкой, а уже к 21 сентября квота была выполнена¹⁵⁰. Всего, по данным Н. Барона, из числа заключенных Белбалтлага были расстреляны 2543 человека¹⁵¹.

В «Книгах памяти» Карелии можно найти чуть меньшее число «режимных людей» - 2046 человек. В печатной версии «Поминальных списков» осужденные из ББЛ выделены в отдельный раздел со следующими подразделами: «Трудпоселенцы», «Заключенные» и «Вольнонаемные». По электронной базе данных однозначно выделить заключенных этого лагеря нельзя. Поэтому проанализируем имеющиеся данные.

Табл. 44. Количество заключенных и трудпоселенцев среди репрессированных в Карельской АССР.

Режимные люди	Кол-во человек	Доля среди всех репрессированных	Из них к ВМН	К ВМН в %
---------------	----------------	----------------------------------	--------------	-----------

¹⁴⁶ История сталинского Гулага. Т. 4. С. 72.

¹⁴⁷ Население России в XX веке. Т. 1. С. 315.

¹⁴⁸ По данным на 1 июля 1938 г., см.: Там же. С. 292.

¹⁴⁹ Чухин И. Карелия-37. С. 160.

¹⁵⁰ Барон Н. Власть и пространство. С. 346.

¹⁵¹ Там же. С. 347.

Заклученные	1328	12%	1317	99%
Трудпоселенцы	718	7%	671	93%
Всего	2046	19%	1988	97%

Почти пятая часть (19%) арестованных, судьба которых отражена в «Книгах памяти» Карелии, были «режимными людьми» (см. табл. 44). 12% из них – заключенные, 7% - трудпоселенцы. В общей классификации (о которой говорилось выше) заключенные, как «деклассированные элементы», были отнесены к лицам «без определенных занятий». Интересно было бы проследить, чем они занимались в лагерях, и, как это делалось при проведении переписи, отнести их к социальной группе по текущим занятиям. Однако сведения в «Книгах памяти» на этот счет весьма обрывочны, причем не всегда есть возможность разделить, где текущее занятие, а где – прошлое. Например, в биографической карточке Александра Берса утверждается только, что он «з/к, преподаватель, дворянин, сын генерала», а Сергея Зеленина, что он «з/к, директор театра, офицер царской армии, был на Соловках». Их статус к началу Большого террора по этим данным определить невозможно.

Чуть более подробные описания занятий в «Книгах памяти» присутствуют в справках трудпоселенцев. Если было указано, чем именно они занимаются на поселении, их относили к соответствующей по соцположению группе. Если в книге их просто характеризовали как «трудпоселенцев», они попадали в категорию «статус неопределен» основной классификации, так как род их занятий неясен. Таких трудпоселенцев с неопределенным социальным положением в базе данных оказалось чуть более половины (55%). Остальные занятия трудпоселенцев: рабочие (33%), служащие (10%), служители религиозного культа (1%, 6 человек) и т.д.

Также стоит отметить количество смертных приговоров среди лиц категории «режимные люди». Заключенных ВМН ожидала в 99% случаев, трудпоселенцев – в 93%. Лица, которые один раз уже были осуждены

советской властью, еще раз то ли за те же преступления, то ли за некую антисоветскую деятельность в тюрьме, лагере или на спецпоселении ожидал расстрел¹⁵². Фактически речь шла о чистке Белбалтлага.

Британский исследователь Н. Барон пишет о еще большем масштабе чисток в Белбалтлаге – по его подсчетам, в 1937-1938 гг. было расстреляно не менее 5497 человек. В это число вошли не только осужденные тройкой Карелии (2543 человека, многие из которых попали в «Книги памяти»), но и более 1800 осужденных тройкой Ленинградской области заключенных Соловецкой тюрьмы ГУГБ (ранее подчинявшейся Белбалтлагу), а также расстрелянные за «попытку побега»¹⁵³.

Динамика арестов. База данных репрессированных позволяет также построить динамику арестов лиц различного социального положения (см. прил. 7.4). Поскольку она представляет собой особый интерес, остановимся на ней подробнее.

Аресты всех основных социальных групп активно начались в августе 1937 г. в связи со стартом «кулацкой» операции по приказу № 00447. На первом этапе активно арестовывали колхозников, служащих и особенно заключенных (см. прил. 7.4). Примечательно, что аресты рабочих – самой массовой группы репрессированных – до октября 1937 г. шли вполне в сопоставимых масштабах с арестами других групп – служащих, колхозников, заключенных. Однако затем их количество резко увеличивается. Соответствующая динамика может объясняться тем, что следователи НКВД могли начать массовые операции с арестов наиболее «скомпрометировавших» себя лиц – тех, кто подпадал под критерии приказа № 00447 (бывшие кулаки и проч.), тех, на кого у чекистов были хоть какие-то агентурные данные, донесения, жалобы и т.д. Также – в соответствии с указанием Ежова – шла чистка Белбалтлага. Справившись с этими задачами, следствие перешло к арестам «менее опасных преступников».

¹⁵² Более подробно о причинах осуждения заключенных Белбалтлага в период Большого террора см.: Baron N. Production and Terror: The Operation of the Karelian GULAG, 1933-1939 // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol.43. Pp. 169-170.

¹⁵³ Барон Н. Указ. соч. С. 346-347, 350. Подробнее о «побегах» из Белбалтлага см. выше.

Есть и другое объяснение как позднего старта арестов рабочих, так и чрезвычайной активности в арестах этой категории лиц летом 1938 г., когда задержания других социальных групп фактически сошли на нет, – это национальность рабочих. 54% репрессированных рабочих – финны, 20% – русские и 19% – карелы. Национальная специфика связана с тем, что индустриализация региона проходила преимущественно с привлечением рабочих кадров из других областей РСФСР и из-за рубежа¹⁵⁴. Из историографии мы знаем, что аресты финнов начались позже, так как местное руководство НКВД ожидало начала массовой национальной операции по «финской линии»¹⁵⁵. Пик арестов финнов приходится как раз на лето 1938 г.¹⁵⁶

Примечательна также динамика привлечения к следственным действиям заключенных. Эту категорию начали крайне активно «обрабатывать» прямо с августа 1937 г. В этом месяце заключенные составили чуть менее трети всех репрессированных (213 чел. из 799). Это может объясняться уже упомянутой выше причиной – тем, что на старте «массовых операций» арестовывали наиболее «подходящий» под категории приказа № 00447 контингент.

Пик задержаний заключенных приходится на конец 1937 г., как и у других категорий репрессированных. Однако в начале 1938 г. задержания заключенных были относительно редким явлением, в то время как на февраль-март 1938 г. приходится пик арестов лиц других категорий. Наконец, в июле-сентябре 1938 г. вновь начинаются активные следственные действия в отношении заключенных, что совершенно нетипично для других социальных групп. Аресты других категорий в августе-сентябре 1938 г., напротив, фактически сошли на нет. Заключенные составляли 80-90% от всех арестованных в эти два месяца.

Сложно однозначно объяснить эту динамику, однако можно предположить, что на последнем этапе массовых операций органы НКВД

¹⁵⁴ Такала И. Р. Указ.соч. С. 165.

¹⁵⁵ Там же. С. 189; Чухин И. Указ.соч. С. 60; Деннингхаус В. В тени Большого Брата. С. 610.

¹⁵⁶ См. предыдущую главу, а также: Чухин И. И. Указ.соч. С. 93. Такала И. Р. Указ.соч. С. 198.

спешно пытались завершить уже начатые дела, отправить их на рассмотрение внесудебных органов и, вероятно, разгрузить тюрьмы и лагеря для новых заключенных. «У нас в Петрозаводске есть более тысячи человек, которых нужно сажать как врагов народа, но мы их не сажаем в тюрьму, потому что у нас тюрьмы переполнены», – жаловался в начале лета 1938 г. первый секретарь обкома Карельской АССР Иванов¹⁵⁷. Возможно, понимая, что массовые операции подходят к завершению, руководство НКВД в сентябре-октябре 1937 г. пыталось разгрузить тюрьмы, а также спешно, пока еще была возможность, сделать это просто при помощи внесудебных органов.

В остальном динамика арестов различных социальных групп сходна. Аресты единоличников, в отличие от рассмотренных ранее регионов, проходили не только в 1937 г., но и продолжились весной 1938 г. График арестов трудпоселенцев сходен с динамикой арестов основных социальных групп (но не заключенных). Активные аресты трудпоселенцев начались с сентября 1937 г., а с мая 1938 г. вообще не проводились.

4.4.5. Социальное положение репрессированных в Северной Осетии

Обратимся теперь к социальному положению репрессированных в Северной Осетии (см. табл. 45). В 6,3% случаев определить социальное положение репрессированных в регионе не представилось возможным.

Табл. 45. Социальный состав репрессированных в Северо-Осетинской АССР в сравнении с данными переписи 1939 г.

Социальное положение	Арестованные				Доля по переписи 1939 г.
	Кол-во человек	Доля от общего числа арест.	Кол-во приговор. к ВМН	Доля приговор. к ВМН среди арестованных	
служащие	765	31,3%	391	51,1%	22,5%
колхозники	758	31,0%	270	35,6%	38,4%

¹⁵⁷ Цит. по: Такала И. Указ.соч. С. 196-197.

рабочие	709	29,0%	309	43,6%	35,3%
без определенных занятий	106	4,3%	61	57,5%	0,0%
домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры	57	2,3%	14	24,6%	—
служители религиозного культа	19	0,8%	15	78,9%	См. “БОЗ”
единоличники	11	0,5%	10	90,9%	0,5%
сотрудники НКВД	9	0,4%	5	55,6%	—
красноармейцы и младший начсостав	7	0,3%	0	0,0%	—
кустари	2	0,1%	1	50,0%	3,3%
комсостав РККА	0	0,0%	0	0,0%	—
нет данных	155	6,3%	75	48,4%	—

Больше всего среди репрессированных в Северо-Осетинской АССР было служащих и колхозников (по 31%), чуть меньше было рабочих (29%). Если сравнивать эти данные с долями этих групп в населении республики, то прослеживаются следующие тенденции. Значительно более массовые аресты прошли среди служащих, которые по переписи составляли всего 22,5% населения. Кроме того, репрессированных служащих приговаривали к ВМН существенно чаще, чем в среднем (напомним, в 44% случаев) – в 51% случаев. Колхозников и рабочих, напротив, было арестовано существенно меньше – по переписи они составляли 38% и 35% населения соответственно. Колхозников осуждали к ВМН значительно реже, чем в среднем – в 36% случаев.

Анализируя динамику вынесения приговоров в отношении лиц различного положения (см. прил. 7.5), можно отметить, что в начале операции, в августе-ноябре 1937 г., осужденные колхозники составляли абсолютное большинство арестованных, а на пике репрессий – в декабре

1937 г. – их было уже меньше, чем служащих (255 колхозников против 341 служащего) и чуть меньше, чем рабочих (261 человек).

В Северо-Осетинской АССР было репрессировано относительно много лиц «без определенных занятий» – 4,3%, при том, что по переписи доля этой категории составляла меньше десятой доли процента. Эту категорию репрессированных ожидали более суровые приговоры – их приговаривали к ВМН в 57% случаев. «Служителей культа» и единоличников, согласно данным «Книг памяти», было немного – 0,8% и 0,5% соответственно. Однако приговоры к ВМН представителей этих групп ожидали очень часто. Так, к расстрелу были приговорены 79% «служителей культа» (15 человек из 19) и 91% единоличников (10 человек из 11 в базе данных).

Среди других групп репрессированных в базе данных: 57 человек (2,3%), отнесенных к группе «домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры», девять сотрудников НКВД (в основном сотрудники пожарной охраны и стрелковой охраны железной дороги), семеро красноармейцев и двое кустарей.

4.4.6. Сравнительный анализ социального положения репрессированных в пяти регионах РСФСР

Обратимся теперь к общему и различиям в арестах лиц различного социального положения в пяти регионах РСФСР. Можно ли утверждать, что людей определенного социального положения чаще приговаривали к смертной казни? Табл. 46 дает положительный ответ на этот вопрос.

Табл. 46. Доля арестованных и приговоренных к ВМН лиц различного социального положения в пяти регионах РСФСР.

Соц. положение	Алтайский край		Башкирская АССР		Горьковская область		Карельская АССР		Северо-Осетинская АССР	
	Арестованные	Осужд. к ВМН	Арестованные	Осужд. к ВМН	Арестованные	Осужд. к ВМН	Арестованные	Осужд. к ВМН	Арестованные	Осужд. к ВМН
колхозники	38,5 %	44,0 %	35,0 %	30,8 %	11,3 %	21,3 %	14,1 %	89,5 %	31,0 %	35,6 %
служащие	22,4 %	57,1 %	23,2 %	30,9 %	27,6 %	32,2 %	20,8 %	82,3 %	31,3 %	51,1 %
рабочие	21,8 %	50,4 %	16,2 %	33,1 %	26,2 %	34,1 %	35,7 %	85,2 %	29,0 %	43,6 %

единоличники	7,4%	52,2%	8,3%	43,2%	11,5%	40,1%	1,3%	92,6%	0,5%	90,9%
без определенных занятий	5,6%	63,7%	3,5%	35,5%	6,1%	35,1%	18,2%	81,2%	4,3%	57,5%
иждивенцы	1,7%	28,5%	2,6%	11,5%	3,1%	21,8%	1,0%	52,8%	2,3%	24,6%
служители культа	1,1%	89,5%	4,3%	64,7%	9,5%	80,2%	0,6%	100,0%	0,8%	78,9%
красноармейцы	0,7%	20,1%	0,8%	10,4%	0,6%	13,8%	0,3%	46,4%	0,3%	0,0%
кустари	0,3%	59,5%	1,1%	46,1%	1,6%	34,5%	0,1%	100,0%	0,1%	50,0%
сотрудники НКВД	0,3%	26,6%	0,4%	19,0%	1,2%	22,7%	0,7%	79,2%	0,4%	55,6%
комсостав РККА	0,1%	38,5%	0,4%	26,1%	1,4%	28,7%	0,0%	66,7%	0,0%	0,0%
нет данных	0,1%	34,4%	4,1%	46,2%	0,1%	17,6%	7,3%	88,4%	6,3%	48,4%

В целом во всех регионах социальная структура репрессированных повторяет структуру населения. Основными группами репрессированных по социальному положению во всех регионах стали колхозники, рабочие и служащие. В Горьковской области представители трех этих групп составили 65% арестованных, в Карельской АССР – 70%, в Башкирской АССР – 74%, в Алтайском крае – 83%, в Северо-Осетинской-АССР – 91%. При этом во всех регионах большинство репрессированных составляли именно представители тех групп, которые доминировали по переписи.

Во всех областях гораздо чаще к ВМН приговаривали представителей духовенства (в 65-100% случаев) и единоличников (в 40-93% случаев). При этом политика по отношению к колхозникам почти везде была более «мягкой» - их расстреливали «лишь» в 21%-44% случаев (последняя цифра низкая для Алтайского края). Исключение здесь представляет только Карельская АССР, где было расстреляно 89,5% колхозников при средних 85%. Остановимся на основных категориях репрессированных подробнее.

Колхозники. Как уже было сказано выше, колхозники являлись одной из основных групп репрессированных во всех изученных регионах. В Алтайском крае, Башкирской АССР и в Северо-Осетинской АССР их было больше всего среди других групп (31-38%). При этом политика по отношению к ним почти везде была чуть более мягкой, чем в среднем (за исключением Карелии).

Колхозники могли стать одной из основных групп, пострадавших в результате репрессий, из-за сельской направленности «кулацкой» операции. Именно в колхозы, по идее, должны были возвращаться бывшие раскулаченные¹⁵⁸, против которых и был направлен приказ № 00447. Кроме того, сохранились свидетельства о многочисленных фальсификациях социального происхождения колхозников, в результате которых им могло быть приписано и «кулацкое» прошлое¹⁵⁹.

Единоличники. Другой категорией лиц, которые часто страдали от репрессий и в отношении которых выносились чаще выносились приговоры к ВМН, были единоличники. Их доля среди репрессированных во всех регионах, за исключением Северо-Осетинской АССР (где единоличников было арестовано столько же, сколько составляла их доля в населении по переписи – 0,5%), значительно превышала долю в населении по переписи. В остальных четырех регионах единоличники составляли 1,3-11,5% от всех репрессированных. ВМН их ожидала чаще, чем в среднем, почти во всех регионах. Так, к ВМН были приговорены 40% репрессированных единоличников в Горьковской области, 43% – в Башкирской АССР, 52% – в Алтайском крае, 91% – в Северной Осетии и 93% в Карельской АССР. Объяснением этой жестокости может быть то, что многих единоличников могли осудить как бывших кулаков¹⁶⁰ (даже если они таковыми не являлись). Согласно динамике проведения операций, аресты единоличников почти везде начались сразу со стартом «кулацкой» операции и к началу 1938 г. фактически сошли на нет. Можно предположить, что единоличники являлись одной из основных целевых групп террора.

«Служители религиозного культа». «Служителей культа» среди репрессированных было немало во всех изученных регионах. Хотя во всех регионах их доля в населении региона составляла менее десятой доли процента, среди арестованных в изученных регионах «служителей культа»

¹⁵⁸ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». С. 158.

¹⁵⁹ Разгон В.Н. Указ. соч. С. 86.

¹⁶⁰ Там же. С. 160.

было от 0,6% до 9,5%. Даже по официальной статистике НКВД осужденные «духовенство, сектанты» составляли 3,2% от всех репрессированных в 1937-1938 гг.¹⁶¹. Стоит напомнить, что к категории «служителей культа» относились не только православные, католические, протестантские священнослужители и разного рода сектантские проповедники, но и представители ислама – в основном муллы и имамы, а также разного рода лица, имевшие отношение к церковной деятельности, но не носившие духовный сан – алтарники, псаломщики, члены церковного совета и т.д. В эту же категорию попали бывшие священники, монахи и монахини и т.д. Анализ «Книг памяти» показывает, что по отношению к этой категории лиц чаще всех остальных выносились приговоры к ВМН – их приговаривали к расстрелу в 65-100% случаев. Этому факту может быть несколько объяснений.

Во-первых, «служители культа» традиционно воспринимались как чуждый советскому строю «антисоветский элемент», поэтому они стали одной из ключевых целевых групп приказа № 00447. Не случайно во всех регионах, как показывает динамика, их аресты начались одними из первых и проходили в основном в 1937 г. К 1938 г., вероятно, многих из них уже просто не было в живых¹⁶². Во-вторых, на большее количество смертных приговоров мог повлиять возраст священнослужителей, многие из которых были людьми старшего поколения, часто – с «пятнами» в биографиях.

В-третьих, репрессировать священников органам НКВД было просто «удобно»¹⁶³ – духовенство отличала «иерархичность, корпоративность,

¹⁶¹ Посчитано по: Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 337, 341.

¹⁶² В церковной среде существует цифра в 136 900 «пострадавших за веру» (как священнослужителей, так и мирян) в 1937 г. и 28 00 репрессированных за веру в 1938 г., см.: Орловский Д. (игумен Дамаскин). Гонения на РПЦ в советский период // Русская православная церковь. ЦНЦ «Православная энциклопедия». М., 2000. С. 186. Во внутренней статистике НКВД также как одна из линий по «характеру преступлений» выделены «духовенство, сектанты», однако цифры ниже: в 1937 г. по этому направлению были осуждены 37331 человек, а в 1938 г. – 13428, см.: Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 337, 341. Как бы то ни было, из обоих статистик следует, что основной удар по «церковникам» был нанесен в 1937 г., а в 1938 г. репрессии против этой группы несколько уменьшились.

¹⁶³ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». С. 170-171.

широкая сеть личных связей»¹⁶⁴, что позволяло формировать из них фиктивные «повстанческие группы» и объединять их в групповые дела. «Нам известны многочисленные факты, когда антисоветский церковный актив использует в интересах проводимой антисоветской работы легально существующие «церковные двадцатки» как готовые организационные формы и как прикрытия»¹⁶⁵, – писал в июне 1937 г. Ежов Сталину. Не случайно среди репрессированных в различных регионах были не только рядовые священники, но и лица, имевшие высокий духовный сан. Больше всего таких лиц было в крупных городах: только среди расстрелянных в Бутово были митрополит, два архиепископа и четыре епископа. Наконец, вполне вероятно, что в церковной среде действительно было распространено недовольство советской властью, которое подогревала не исполнявшаяся на практике «сталинская» Конституция и выборы в Верховный совет¹⁶⁶. Имея организацию, а кое-где – и значительное влияние в деревне, верующие могли вызывать подозрение у сотрудников органов госбезопасности.

Жестокость Большого террора по отношению к священнослужителям – характерная черта далеко не только пяти регионов РСФСР, рассматриваемых в данной работе. Мы не имеем возможности посчитать, какой процент от общего числа священников в каждом из этих регионов был репрессирован, но в литературе есть примеры подобного анализа. Так, А. Казанков утверждает, что в Коми-Пермяцком округе в ходе Большого террора было репрессировано 100% духовенства¹⁶⁷.

Рабочие. Несмотря на то, что в приказе № 00447 о социальной группе рабочих напрямую ничего не говорилось, во всех регионах репрессированных рабочих профессий оказалось немало – от 16% (Башкирская АССР) до 36% (Карельская АССР). При этом особой

¹⁶⁴ Казанков А. Репрессии против духовенства в ходе проведения кулацкой операции в Прикамье (1937-1938 гг.) // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009. С. 234.

¹⁶⁵ Орловский Д. (игумен Дамаскин). Указ. соч. М., 2000. С. 186.

¹⁶⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». С. 169.

¹⁶⁷ Казанков А. Репрессии против духовенства. С. 265.

жестокости по отношению к ним не прослеживается – во всех регионах их приговаривали к ВМН в пределах средних значений.

Почему рабочих оказалось так много среди репрессированных? Пермские исследователи указывали на то, что рабочие «оказались скомпрометированы тем, что приняли в свою среду вчерашних классовых врагов – кулаков»¹⁶⁸. Однако это лишь одно из возможных объяснений. Можно также предположить, что «национальные» операции в первоначальном варианте были направлены на чистку лиц «инонациональностей» в промышленности.

Служащие. В целом служащие составляли значительную долю репрессированных – от 21% в Карельской АССР до 31% в Северо-Осетинской АССР. Однако определенной «политики» по отношению к ним в «Книгах памяти» не прослеживается. Так, в Алтайском крае и Северной Осетии служащие несколько чаще, чем в среднем, приговаривались к ВМН (в 57% случаев и в 51% случаев соответственно). В остальных регионах – реже. Возможно, что эти противоречивые тенденции связаны с разнородностью самой категории служащих – к ней относились как рядовые работники различных учреждений, так и партийное руководство. В следующем параграфе данной главы эти особенности будут рассмотрены подробнее.

Лица «без определенных занятий». Существенную долю репрессированных в пяти регионах – от 3,5% до 18% – составляли лица «без определенных занятий». В Алтайском крае и Северо-Осетинской АССР этих лиц приговаривали к ВМН существенно чаще, чем в среднем; в Башкирии и Горьковской области – незначительно чаще; в Карелии – реже, чем в среднем.

Исследователи М. Юнге, Б. Бонвеч и Р. Биннер отмечали в этой связи, что приказ № 00447 использовался в ходе Большого террора «как для политической, так и для социальной «чистки» советского общества». В итоге большая доля жертв «кулацкой операции» представляла собой различные

¹⁶⁸ Кабацков А. Репрессии против рабочих Прикамья. С. 180.

«социально вредные элементы», такие, как «тунеядцы, алкоголики, мелкие уголовники, бездомные, хулиганы»¹⁶⁹. Соглашаясь с этим тезисом, Д. Ширер подчеркивал, что эта самая «чистка» была вполне понятна рядовым чекистам и имела «профессиональную логику»¹⁷⁰. Возможно, сотрудники органов внутренних дел и милиции решили воспользоваться приказом № 00447, чтобы избавиться от беспокоивших их мелких преступников¹⁷¹. По данным Юнге, Бонвеча и Биннера, среди жертв «кулацкой» операции лиц «без определенных занятий» было около 17%¹⁷². В данном исследовании проверить эту цифру не представляется возможным – однозначно отделить «кулацкую» от «национальных» и др. операций по «Книгам памяти» непросто. Кроме того, как уже говорилось выше, часть лиц «без определенных занятий» могла быть в «Книгах памяти» переквалифицирована в другие группы по их прежнему занятию.

Прочие. Представителей «прочих» социальных групп среди репрессированных было немного. Кустари составляли от 0,1% до 1,1% репрессированных, причем, как уже говорилось выше, на самом деле их могло быть и больше – не во всех «Книгах памяти» достаточно четко прописано место работы и род занятий, чтобы можно было однозначно отделить рабочего от кустаря. Еще меньше среди репрессированных было красноармейцев (0,3% – 0,8%) и комсостава РККА (максимум 1,4%). Несмотря на то, что мы знаем о масштабных чистках в армии, вероятно, многие аресты могли проходить по «сталинским расстрельным спискам», многих могли арестовывать в Москве. Кроме того, «Книги памяти» больше ориентированы на «тройки», «двойки» и «особые тройки», а дела военных должны были проходить либо через Военную коллегия Верховного суда, либо через другие специфические судебные органы. Наконец, также мало в «Книгах памяти» репрессированных сотрудников НКВД (0,3% – 1,2%),

¹⁶⁹ Юнге М., Бонвеч Б. и Биннер Р. Оперативный приказ № 00447: выполнение в провинции //Сталинизм в советской провинции. С. 52.

¹⁷⁰ Ширер Д. Сталинский военный социализм. С. 326.

¹⁷¹ Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 226.

¹⁷² Юнге М., Бонвеч Б. и Биннер Р. Оперативный приказ № 00447. С. 52.

причем как правило речь идет о вспомогательном персонале. К системе НКВД в конце 1930-х гг. относились и милиция, и пожарная охрана. Хотя многие следователи НКВД, участвовавшие в репрессиях 1937-1938 гг., были впоследствии сами арестованы, далеко не все из них были реабилитированы.

4.5. Профессиональный состав репрессированных служащих

Категория служащих включает в себя лиц самого различного положения: как наркомов, так и секретарей в их кабинетах, как директоров заводов, так и помощников счетоводов. Поэтому в данном параграфе категория служащих рассмотрена более подробно для каждого из регионов. Используемая классификация служащих представляется нам довольно приблизительной и далекой от идеала, но все же она дает возможность представить, какого рода служащие попадали в базу данных. При составлении таблиц с категориями служащих учитывались классификации, существовавшие в источниках того времени¹⁷³, материалы переписи населения¹⁷⁴, а также классификации, предложенные другими современными исследователями¹⁷⁵. Остановимся для начала на служащих, репрессированных в Алтайском крае (см. прил. 8.1).

Алтайский край. Анализ материалов «Книг памяти» показывает, что управленцы самых разных уровней (22%) составляли значительную часть репрессированных в Алтайском крае служащих (прил. 8.1). Среди них было больше всего управленцев в промышленных предприятиях (454 человека, в том числе 43 директора заводов, 13 председателей артелей и т.д.), а также в сельском хозяйстве (444 человека, в том числе 306 председателей колхозов и 16 директоров МТС).

Среди служащих было немало работников промышленности и транспорта (1200 человек, 20,3%). Из них низший технический персонал –

¹⁷³ Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. Москва, 1936. С. 35.

¹⁷⁴ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»... С. 78-79.

¹⁷⁵ Аналитические данные // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том III, часть II. С. 430-431.

244 человека, средний – 178, высший – 198 (в том числе 192 инженера, конструктора и механика). Также значительную часть репрессированных составляли специалисты в промышленных и государственных учреждениях (1101 человек, 18,7%). Из них больше всего было арестовано бухгалтеров и счетоводов – суммарно 820 человек. Также немало в этой категории было репрессировано врачей и медработников – 128 человек (в абсолютных числах это больше, чем в любом другом из изученных регионов). В архивах сохранились свидетельства о «разоблачении» большой группы медработников Барнаула¹⁷⁶, чуть более подробно об этом деле будет сказано ниже.

Относительно немного было репрессировано в Алтайском крае работников культуры, искусства, просвещения и науки – их доля среди служащих составила 10,1%. Самая массовая группа из этой категории – учителя и преподаватели, которых в «Книгах памяти» оказалось 492 человека. В чем же их обвиняли? Например, одного из учителей обвинили в том, что он «вредительски преподавал учение детям 5-6 классов», другую – в том, что она «вредительски преподавала по предмету русскому языку и литературе»¹⁷⁷.

Еще меньше среди репрессированных было представителей органов власти различных уровней – 3,4%. Среди репрессированных в Алтайском крае было 16 председателей РИК и 12 председателей сельпо. Партработники составляли 1,5% репрессированных в Алтайском крае служащих.

Башкирская АССР. В целом можно сказать, что в Башкирской АССР самой крупной группой репрессированных служащих (см. прил. 8.2) оказалась группа специалистов в промышленности и госучреждениях (24%), в которой доминировали бухгалтеры и счетоводы (471 человек). В Башкирии также было репрессировано немало врачей и других медицинских

¹⁷⁶ Политические репрессии в Алтайском крае. С. 149.

¹⁷⁷ Там же. С. 149-150.

работников (67 человек в базе данных), экономистов, плановиков и статистиков (63 человека).

На втором месте по числу репрессированных служащих оказалась группа работников культуры, искусства, науки и образования (21%, 564 человека). Во многом этот результат объясняется большим количеством репрессированных учителей и преподавателей - 424 человека. Это лишь незначительно меньше, чем в Алтайском крае, где в целом было репрессировано гораздо большее число человек. Соответственно, Башкирию, где немалая часть населения оставалась неграмотной, отличала особая жестокость в репрессиях по отношению к учителям и преподавателям.

«Управленцы» составляют значительную долю в общем числе репрессированных (более 20%). Однако стоит учитывать, что управленцы - далеко не всегда секретари обкомов и директора заводов (их количество в абсолютном значении можно увидеть в таблице: 24 директора и замдиректора завода, 43 партработника областного уровня и выше), как правило, это начальники отделов, цехов, председатели районных исполнительных комитетов (РИКов – 25 человек) и сельсоветов (23 человека), партработники.

Среди репрессированных в Башкирии также было немало специалистов, работавших в промышленности и на транспорте (344 человека), а также в сельском хозяйстве (90 человек). К высшему техническому персоналу относятся 91 репрессированный, к среднему – 53 человека, к низшему – 21 человек. В Башкирии также были репрессированы 43 агронома и агротехника, 47 зоотехников и ветеринаров.

Горьковская область. Среди служащих Горьковской области (см. прил. 8.3) больше всего было репрессировано работников промышленности и транспорта (27%). Среди них высокую долю занимали все те же счетоводы и бухгалтеры, которых было очень много и в Башкирии, и в Алтайском крае. Среди счетоводов и бухгалтеров, работавших в промышленности, были репрессированы 271 человек, в других отраслях – еще 92 человека. Кроме

того, в Горьковской области значительно пострадал высший технический персонал предприятий – инженеры, конструкторы и др. (215 чел.). Местные историки обращали на то, что репрессии на заводах Горьковской области приобрели значительный размах, в частности, затронув Нижегородский автомобильный завод имени В. М. Молотова (ГАЗ), авиационный завод, завод «Красная Этна» и др.¹⁷⁸.

Среди группы «рядовых сотрудников различных учреждений» (25% от всех репрессированных в Горьковской области) больше всего пострадали мелкие служащие (464 человека - о том, кто попал в эту группу, см. приложение 4), а также работников торговли и сферы услуг (167 человек).

Управленцы разного рода также занимали значительную долю среди репрессированных в Горьковской области - 19%. Среди них было более 40 директоров и заместителей директоров заводов, 40 директоров магазинов, 40 председателей колхозов. Репрессии затронули промышленные предприятия самого разного профиля, которых в Горьковской области было немало: заводы и фабрики, железнодорожный транспорт, водный транспорт¹⁷⁹. По сравнению с Башкирией можно отметить, что в Горьковской области было репрессировано меньше «государственных управленцев» (2,9% против 5,2% в Башкирии).

Стоит отметить, что одной из наиболее пострадавших категорий репрессированных в Горьковской области, как и в Башкирии и на Алтае, стали учителя и преподаватели (296 человек). Работников институтской химической лаборатории, например, обвиняли в подготовке бомбы – чтобы устроить теракт против Сталина на Красной площади¹⁸⁰. В регионе было арестовано почти 90 врачей и других медработников, 70 важнейших для ведения сельского хозяйства специалистов - агрономов, агротехников, зоотехников и ветеринаров.

¹⁷⁸ Пономарев В.Л. Указ. соч. С. 10.

¹⁷⁹ Кулаков А.А., Гордеева Л.П. За правду истории. С. 26.

¹⁸⁰ Пономарев В.Л. Указ. соч. С. 9.

Карельская АССР. Обратимся к категориям служащих, репрессированных в Карельской АССР (см. прил. 8.4). Так как в «Книгах памяти» региона, как уже говорилось, часто отсутствуют данные о месте работы репрессированных, в 10% случаев определить характер деятельности служащих не представилось возможным. Кроме того, в ряде случаев из-за этой же особенности источника невозможно было разбить некоторые категории профессий на тех, кто работал на различных предприятиях промышленности и, например, в сельском хозяйстве.

В целом нужно сказать, что самой большой группой репрессированных служащих (999 человек) в Карелии оказалась группа специалистов в промышленных и государственных учреждениях, а также специалистов в сельском хозяйстве (см. прил. 8.4). Из них 184 человека – высший технический персонал (в том числе 131 человек – механики, инженеры, конструкторы), 178 – средний технический персонал (50 человек – техники, технологи) и еще 184 – низший технический персонал. В абсолютном значении самой крупной категорией оказались, как и в других регионах, бухгалтеры и счетоводы – их среди репрессированных 318 человек. Немало было репрессировано врачей и другого медицинского персонала – 40 человек. Наконец, пострадали и многие специалисты, работавшие в сельском хозяйстве, в частности, зоотехники, ветеринары и агрономы.

Среди репрессированных в Карелии было немало «управленцев» разных уровней: 180 управленцев в промышленности, в том числе 17 директоров заводов, 143 управленца в сельском хозяйстве, в том числе 131 председатель колхоза (!) и 8 директоров МТС, 74 управленца в госучреждениях (в том числе 9 директоров школ), 60 управленцев в сфере услуг (в том числе 40 директоров магазинов). Представителей органов власти, напротив, было не так много: несколько наркомов и заместителей наркомов республиканского уровня (5 человек) и 76 представителей органов власти уровня отдельных районов и ниже. В базе данных есть сведения о 9

репрессированных председателях РИК и 26 председателях сельсовета. Парработников в базе данных совсем немного – 15 человек.

Среди репрессированных было немало рядовых работников различных учреждений и предприятий: 53 инструктора и инспектора, а также 193 лица, отнесенных к категории «мелких служащих». Наконец, в «Книгах памяти» Карелии есть сведения о 177 репрессированных работниках культуры, просвещения, образования и науки. Из них больше всех – 83 человека – были учителями и преподавателями.

Северо-Осетинская АССР. В данном регионе (см. прил. 8.5) самая массовая группа репрессированных – это работники промышленности и транспорта (24%). Существенную часть из них составляли счетоводы и бухгалтеры, работавшие на различных промышленных предприятиях (67 человек). С учетом счетоводов и бухгалтеров, работавших на других типах предприятий, общая численность пострадавших представителей этих профессий в Северной Осетии составила 117 человек. Среди арестованных было немало инженеров, конструкторов и механиков – 21 человек, а общая численность высшего технического персонала составила 48 человек.

Среди репрессированных в Северной Осетии было также немало разного рода управленцев (суммарно в различных отраслях и в органах власти – 30%). В абсолютном значении больше всего было репрессировано управленцев в промышленности – 95 человек, в том числе 10 директоров заводов, 7 председателей артелей. Среди управленцев в госучреждениях было немало директоров школ и техникумов – 10 человек. Существенно пострадало сельское хозяйство: были репрессированы 22 председателя колхозов, 4 директора МТС. Среди управленцев различных уровней пятую часть составляли председатели сельсоветов (10 человек).

Немалую долю среди репрессированных в Северной Осетии составляли работники культуры, искусства и просвещения (14,5%). В абсолютном значении больше всего среди них учителей и преподавателей – 75 человек.

Таким образом, мы видим, что во всех регионах было репрессировано достаточно много тех, кого отнесли к различным группам управленцев (21-30% от общего числа репрессированных). Несмотря на их высокий статус, многие из них были осуждены тройками и двойками. Ситуация была типична и для других регионов. На это же обращали внимание пермские исследователи – тройками по «кулацкой» операции в регионе приговорили, в частности, двух секретарей райкомов, хотя можно было бы предположить, что людей такого ранга будет осуждать Военная коллегия Верховного суда и вовсе не по «кулацкой операции». Из этого авторы делают вывод о «полной бессистемности действий сотрудников НКВД»¹⁸¹.

Тем не менее, основную массу репрессированных служащих во всех регионах составляли рядовые работники различных учреждений и предприятий, а также специалисты в различных отраслях экономики (в промышленности, сельском хозяйстве и т.д.). Между тем, некоторые категории профессий были подвержены репрессиям особенно часто.

В результате репрессий во всех регионах пострадало очень много бухгалтеров и счетоводов. Представители этих профессий составляли 19% репрессированных служащих в Алтайском крае, 18% всех арестованных служащих в Башкирской АССР, 15% служащих Северо-Осетинской АССР, 14% арестованных служащих в Карельской АССР, а также 11,5% арестованных служащих в Горьковской области. Немало их было и, например, на Бутовском полигоне – вместе с другими финансовыми работниками около 6%¹⁸² (подчеркнем, что не только от служащих, а от всех репрессированных).

Объясняя, почему репрессии так сильно затронули эту категорию служащих, пермские исследователи отмечали специфические черты

¹⁸¹ Колдушко А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий. С. 113.

¹⁸² Бутовский полигон 1937-1938 гг. Вып. 7. С. 305-306.

профессий: «Работа с деньгами не способствовала чистоте репутации в советском обществе»¹⁸³. Люди этих профессий часто вызывали недовольство рабочих, так как им казалось, что их ущемляют в заработной плате, и на бухгалтеров и счетоводов сыпались доносы. А. Киммерлинг отмечает, что во время «кулацкой» операции в Пермском крае нескольких бухгалтеров, помимо антисоветской деятельности, при аресте сразу обвинили в «массовых обсчетах рабочих в заработной плате»¹⁸⁴. Тем не менее, в материалах архивно-следственных дел, хранящихся в ГАРФ, обнаружить свидетельства «особого отношения» к бухгалтерам и счетоводам не удалось.

Однако на наш взгляд, в первую очередь массовость арестов бухгалтеров и счетоводов может объясняется просто тем, что их было много. По данным переписи 1937 г., из 11 миллионов служащих в СССР бухгалтеров и счетоводов было 1 млн 600 тысяч человек (14,5%), тогда как учителей – 969 тысяч (9%), работников сферы торговли и услуг – 1 миллион 283 тысячи человек (12%), врачей и медицинского персонала – 443 тысячи (4%)¹⁸⁵.

Другой массово пострадавшей группой служащих были учителя и преподаватели школ, техникумов и ВУЗов, а также дошкольных учреждений. Учителя составляли 16% всех репрессированных служащих в Башкирской АССР, 10% репрессированных служащих в Северной Осетии, 9% в Горьковской области, 8% в Алтайском крае и 4% в Карельской АССР. В выборке архивно-следственных дел репрессированных в Московской области, которая изучалась в данном исследовании, некоторые учителя были арестованы из-за знания языков.

Массово, однако не столь масштабно, как учителя, были затронуты репрессиями врачи и другие медицинские работники. Они составляли 2,8% репрессированных служащих в Горьковской области, 2,5% в Башкирской АССР, 2,2% в Алтайском крае, 1,8% в Карельской АССР и 1% в Северо-

¹⁸³ Киммерлинг А. Репрессии против служащих Прикамья. С. 206.

¹⁸⁴ Там же. С. 206.

¹⁸⁵ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»... С. 78-79.

Осетинской АССР. Как показывает анализ, во многих случаях врачей и других медработников обвиняли в заговорах, связанных с их профессиональной деятельностью. В «Книгах памяти» Алтайского края особо говорилось о врачах, репрессированных в ходе Большого террора – в нашей базе врачей и медработников 128 человек, вероятно, что многие из них проходили по так называемому «делу врачей» в Барнауле. Всего по этому делу был арестован 61 человек, «из них 28 врачей и фельдшеров во главе с заведующим городским отделом здравоохранения Елкиной Е.П., 4 ветеринарных работника, 7 жен врачей – «врагов народа» и 22 человека различных профессий». Эти люди якобы хотели «по заданию иностранных разведок сеять эпидемии и смерть путем отравления воды и продуктов, готовили террористические акты». 45 человек тройка при УНКВД по Алтайскому краю приговорила к ВМН, остальных – к 10 годам лишения свободы¹⁸⁶.

По данным «Книг памяти», основную часть репрессированных в ряде регионов РСФСР составляли малограмотные и неграмотные люди, проживавшими в сельской местности, а по роду занятий они были колхозниками, рабочими и мелкими служащими. Тем не менее, анализ также показывает, что чаще других арестам подвергались образованные горожане соответствующих профессий. Возможно, что власти больше других опасались именно этого слоя.

¹⁸⁶ Безруков Г.Н. Предисловие // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том 3. С. 21-22.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало данное диссертационное исследование, «Книги памяти» жертв политических репрессий обладают достаточным информационным потенциалом для детального анализа социального портрета репрессированных в годы Большого террора и процессов 1937-1938 гг. в целом. Большинство количественных результатов о половозрастном и национальном составе, социальном положении жертв террора удалось получить именно благодаря анализу масштабной электронной базы данных «Жертвы политического террора в СССР», основанной на «Книгах памяти» и включающей более 2,6 миллионов записей. Проведенный в работе первичный анализ содержания базы данных показал, что ее наполненность в различных регионах существенно отличается. Так, в некоторых регионах бывшего СССР справок на репрессированных достаточно много и они включают почти всех жертв террора, в других союзных республиках, краях и областях справок на репрессированных нет совсем, в третьих их недостаточно. В ходе исследования впервые были выделены перспективные для изучения по «Книгам памяти» регионы.

Кроме того, впервые было проведено сопоставление «Книг памяти» «Бутовский полигон» с архивно-следственными делами, которое выявило несущественные искажения информации при переносе информации из архивов в базы данных. В большинстве случаев эти искажения относятся к неправильному написанию имен собственных и другим деталям, не имеющим значения при статистическом анализе социального портрета. Был сделан вывод о том, что при проведении исследования стоит учитывать особенности «Книг памяти», однако в целом это вполне достоверный источник.

Для анализа в данном диссертационном исследовании были выбраны пять регионов РСФСР (Алтайский край, Башкирская АССР, Горьковская область, Карельская АССР и Северо-Осетинская АССР). Эти автономные

республики, край и область представляют как крупные промышленные центры, так и аграрные районы, как национальные республики, так и с доминированием русского населения и т.д. Из-за того, что обращение к первоисточнику в формате MySQL требовало большого количества времени, из основной базы были выделены пять вспомогательных баз в формате Microsoft Access. В дальнейшем проводился их анализ. Методический инструментарий проведенного анализа включал запросы к базе данных, как простые, так и сложные, а также статистическую обработку их результатов. Активно использовался сравнительный метод.

Благодаря анализу более чем 61 тысячи биографических справок из «Книг памяти» в данном диссертационном исследовании впервые были представлены в комплексе основные социальные характеристики репрессированных в ходе Большого террора в пяти регионах РСФСР. Сравнительный анализ социального портрета репрессированных в этих регионах выявил как общие черты, так и показал различия.

Динамика репрессий во всех пяти регионах схожа: они активно начались в последние дни июля – начале августа 1937 г. Пик Большого террора и массовых операций, очевидно, приходился на ноябрь-декабрь 1937 г. Во всех пяти регионах в 1938 г. было арестовано и осуждено меньшее число человек, чем в 1937 г. Не случайно именно первый год проведения «массовых операций» в народной памяти стал именем нарицательным, характеризующим весь период. Тем не менее, в Алтайском крае и Карельской АССР, где в 1938 г. продолжилась «кулацкая» операция, «вклад» второго года «массовых операций» оказался существенным (36% и 48% соответственно от общего числа арестованных в период Большого террора). Масштаб арестов может быть связан с пограничным положением регионов, со спецификой местного руководства и рядом других факторов.

Также была проанализирована продолжительность следствия – количество дней от ареста до осуждения (в одном случае расстрела) – на разных этапах операций. Анализ продолжительности следствия по четырем

регионам (в которых можно было посчитать эту характеристику) показал, что этот показатель в 1937 г. был значительно меньше, чем в 1938 г. Быстрее всего «расследовали» дела в последние месяцы 1937 г. При этом продолжительность следствия имела и региональную специфику: в среднем в Алтайском крае следствие длилось 83 дня, в Башкирской АССР – 94 дня, в Горьковской области – 85 дней и в Карельской АССР – 51 день.

Анализ гендерного состава репрессированных показал, что подавляющее большинство репрессированных в пяти регионах было мужчинами. Женщины составляли 4-8% арестованных. Их существенно реже, чем мужчин, приговаривали к ВМН, что говорит не столько о «гуманности следствия», сколько о том, что социальная роль женщин в конце 1930-х гг. оставалась достаточно низкой. Если женщин все-таки арестовывали, то согласно статистическим сведениям и данным изученных архивно-следственных дел, это нередко было связано с репрессиями против их мужей, с их национальностью или же с их принадлежностью к церковным организациям.

В основном репрессированные в пяти регионах были людьми среднего возраста, на самом пике их трудовых возможностей – от 30 до 59 лет (73-77%). Тем не менее, прослеживаются некоторые региональные различия. Так, в Алтайском крае и Карельской АССР, где в целом было больше репрессированных, «контингент» был более молодым. В Алтайском крае это явно было связано с расширением размаха репрессий – следователям постепенно приходилось обращаться к арестам в целом более лояльных лиц среди молодого населения. В Карелии аресты молодежи могли быть связаны с огромной ролью национальных операций.

Во всех регионах прослеживается следующая тенденция: молодежь реже приговаривали к расстрелу, а пожилых людей – существенно чаще. Последнее можно объяснить как тем, что у взрослых людей можно было найти больше «пятен» в биографиях, так и исключительно «практическими» соображениями: немощные люди в ГУЛАГе были не нужны. В архивах

сохранились сведения о массовых расстрелах инвалидов – власти не планировали содержать их в тюрьмах и ГУЛАГе.

В каждом из регионов национальный состав репрессированных был различным и доминировали разные национальные группы. Как правило, национальный состав репрессированных в общих чертах повторяет структуру населения рассматриваемых регионов РСФСР, выявленную переписями населения 1937 и 1939 гг. Тем не менее, массовые операции имели явно выраженный национальный уклон. Лица «инонациональностей» – поляки, немцы, латыши, финны и др. – гораздо чаще становились жертвами репрессий, чем русские и представители других доминировавших в РСФСР национальностей. В отношении лиц «инонациональностей» существенно чаще выносились приговоры «по первой категории». Так, в пяти регионах расстрельный приговор ожидал поляков в 51-90% случаев, немцев – в 32-90% случаев, латышей – в 56-78% случаев, т.е. чаще, чем в среднем всех репрессированных. «Инонациональность» потенциальных жертв репрессий была одновременно и «причиной» для ареста, и поводом для вынесения наиболее сурового приговора – высшей меры наказания.

Анализ соотношения численности городских и сельских жителей среди репрессированных в Алтайском крае и Горьковской области показал, что в обоих регионах большинство арестованных были «изъяты» из сельской местности (66% в Алтайском крае и 53% в Горьковской области). Тем не менее, в этих регионах у городских жителей было больше шансов подвергнуться репрессиям, чем у сельских.

Хотя существует распространенное мнение, что Большой террор был направлен в основном против номенклатуры и интеллигенции, анализ уровня образования репрессированных позволяет усомниться в этой версии. Большинство репрессированных в двух регионах РСФСР, по которым у нас есть данные, были неграмотными, малограмотными или с начальным образованием (79%-88%). По крайней мере в этих регионах люди с высшим образованием приговаривались к ВМН не чаще других – хотя исходя из

широко распространенных представлений о направленности репрессий против интеллигенции и номенклатуры можно было бы предположить иное. В Башкирской АССР и Карельской АССР членов и бывших членов ВКП(б) и ВЛКСМ было 5% и 8% от всех арестованных соответственно. В других регионах, по которым есть такие данные – от 3-4% (Смоленск, Алтайский край) до 13-14% (крупные города и области – Москва и Ленинград).

Несмотря на представления о «классовой борьбе», социальное положение репрессированных в каждом из пяти регионов РСФСР напрямую зависело от экономического профиля региона и основных занятий населения. Везде основной удар наносился по колхозникам, рабочим, служащим. Суммарно представители этих трех групп составляли от 65% (Горьковская область) до 91% (Северо-Осетинская АССР) всех арестованных. Во всех регионах было репрессировано непропорционально много людей без определенных занятий (3-18%), а также «церковников» – лиц, названных в документах НКВД «служителями культа» (1-9%). Самые жестокие приговоры выносились священникам (высшая мера наказания в 65-100% случаев) и единоличникам (высшая мера наказания в 40-93% случаев). Напротив, во всех изученных регионах кроме Карелии менее жестокие приговоры ожидали колхозников (высшая мера наказания в 21-44% случаев).

Более подробный анализ социального положения служащих выявил, что среди них значительную долю составляли управленцы различного рода – как в органах власти и государственных учреждениях, так и на промышленных предприятиях. Тем не менее, во всех регионах среди служащих доминировали счетоводы, бухгалтеры, учителя, работники сферы услуг и рядовые сотрудники госучреждений.

В целом исследование показало, что проведение репрессий в изученных регионах определялось решениями центральных властей. Массовые операции начались и завершились по указам из центра, определенные пики в арестах, как правило, объясняются выделением

местным властям новых лимитов или разрешением проводить тот или иной тип национальных операций.

Тем не менее, определенная свобода в выборе жертв у руководителей регионов была. «Книги памяти» помогают выявить различия между теми, кого в НКВД намечали к арестам (бывшие «кулаки», члены антисоветских партий, активные «антисоветские элементы» из лагерей и тюрем и др. категории приказа № 00447), и теми, кого в реальности «изъяли» из общества, кого на самом деле больше всего затронул Большой террор. Большинство пострадавших от репрессий были в возрасте 30-59 лет, т.е. режим опасался лиц, сформировавшихся до 1917 г. Чаще всего арестам подвергались лица тех национальностей, которых в этом регионе проживало больше всего – например, русских (32-70% в различных регионах), башкир, татар, осетин, карел и т.д. Также прослеживается и серьезный уклон в сторону арестов лиц «инонациональностей», которых власти подозревали в принадлежности к потенциальной «пятой колонне». Большинство репрессированных были плохо образованы – неграмотными, малограмотными или с начальным образованием (79%-88%), а также беспартийными (86-95%), но по образованным и партийным наносился гораздо более серьезный удар. В основном репрессированные были представителями самых массовых слоев населения – колхозников, рабочих и служащих (65-91%), но было среди них и немало представителей советской номенклатуры и интеллигенции.

В целом исследование показало, что «Книги памяти» позволяют детально реконструировать социальный портрет репрессированных в период Большого террора. Информационный потенциал статистики, полученной в результате анализа этого источника, оказался значимым. Именно обобщенные данные «Книг памяти», а не статистика НКВД (описывавшая тысячи арестованных «кулаков» и «белогвардейцев» в соответствии с категориями приказа № 00447) позволяют понять, кто был в реальности «изъят» из советского общества в ходе Большого террора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные документы:

1. Государственный архив Российской Федерации
ГА РФ. Ф. 10035: Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области.
Оп.1. Д. П-40747, П-26323, П-73733, П-60951, П-36037, П-54813, П-25090, П-32320, П-38850, П-28805, П-51251, П-35299, П-32338, Д. П-38129, П-49657, П-31783, П-73224, П-27076, П-44840, П-29097, П-32314, П-60120, П-59614, П-72328, П-29736, П-63656, П-25421, П-29326, П-29694, П-35807, П-65917, П-78607, П-29694, П- 33674, П-25961, П-71432.
Оп.2. Д. 20745, 19454, 28931, 22837, 26111, 27905, 21531, 21104.

Опубликованные источники:

2. Алфавитный словарь занятий: пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1939.
3. Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 1–8. М., 1997–2004.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. СПб, 1999.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960. М., 2000.
7. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том III, часть I. Барнаул, 2000. Часть II. Барнаул, 2001. 1938-июнь 1941. Том IV. Барнаул, 2004. 1920-1965. Том VII, часть 1. Барнаул, 2005.
8. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
9. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.

10. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956: Биограф. справ. М., 1997.
11. Инструкция к шифровке переписных листов. Пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ч. II. М., 1939.
12. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания М., 2004.
13. Книга памяти [граждан польской национальности, расстрелянных в 1937 — 1938 годах по приговору тройки УНКВД Ленинградской области, а также Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР]. Т. 1. СПб, 1995.
14. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. Т.1. Нижний Новгород, 1997. Т. 2. Нижний Новгород, 2001.
15. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том I. Горно-Алтайск, 1996. Том II. Горно-Алтайск, 1998. Том III. Горно-Алтайск, 2003.
16. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.1. Владикавказ, 1999. Т. 2. Владикавказ, 2006. Т. 3. Владикавказ, 2007.
17. Книга памяти республики Башкортостан. Т. 1. Уфа, 1997.
18. Книги памяти жертв политических репрессий в СССР: Аннотированный указатель. СПб., 2004.
19. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Тюмень, 1999. Т.1, 2.
20. Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2004.
21. Место расстрела Сандармох. Петрозаводск, 1999.
22. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1909-1939 / Отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М., 2000.
23. Новые книги памяти жертв политических репрессий в СССР. СПб, 2007.

24. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: 1934–1941. Справочник. [Электронный ресурс]: справочник // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». [М., 1999.] URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/index.htm> (дата обращения: 30.03.2015).
25. Поляков Ю. А., Исупов А. А.. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992.
26. Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия. Часть II: Большой террор. 1937-1938. Петрозаводск, 2002.
27. Помнить поименно. Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М., 2002.
28. «Рано или поздно Сталина все равно убьют»: Оппозиционеры под ударом Кремля и Лубянки. 1926–1936 гг. // [Электронный ресурс]. Россия XX век: альманах. Архив А. Яковлева. – URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1012583> (дата обращения: 09.05.2015).
29. Распятые. Писатели – жертвы политических репрессий. Вып.1. СПб., 1993.
30. Репрессированные геологи: (Биогр. материалы). СПб., 1992.
31. Систематический словарь занятий: пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Л., 1939.
32. Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1936.
33. Сталин и его роль в истории страны [Электронный ресурс] // Аналитический центр Юрия Левады: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/> (дата обращения: 12.12.2015).
34. Сталинские расстрельные списки. [Электронный ресурс]. - URL: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (дата обращения: 13.05.2015).
35. Трагедия советской деревни / Под ред. В. Данилова. Т.5. Кн. 1, 2. М., 2004, 2006.

36. Узницы «АЛЖИРа»: Список женщин — заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003.
37. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
38. Яковенко М. М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король. М., 1997.

Литература

1. Абдин Н. Лимит на расстрел [Электронный ресурс] // Хакасия. [2007]. [№ 126]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20070710.htm> (дата обращения: 20.08.2015).
2. Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 343-362.
3. Аналитические данные // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том III, часть II. Барнаул, 2001.
4. Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920-1939. М., 2011.
5. Бахтин В.В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 538-545.
6. Безруков Г.Н. Предисловие // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Том 3.
7. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006.
8. Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936-1941 гг. М., 2012.
9. Ватлин А.Ю. Следственные дела 1937-1938 гг. // Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2004.
10. Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004.
11. Введение [Электронный ресурс]: Сталинские расстрельные списки // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (дата обращения: 01.09.2015).
12. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 237.

13. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. М., 2009.
14. Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992.
15. Волкогонов Д.В. Сталин. Политический портрет. М., 1992.
16. Головкова Л. В родном краю // Бутовский полигон. Вып. 8. М., 2004.
17. Головкова Л. А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации Новомучеников и Исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26).
18. Грегори П. Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011.
19. Данилов В.П. Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. 1937. М., 2004.
20. Деннингхаус В. В тени Большого Брата. Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.). М., 2011.
21. Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 718-745.
22. Жеребцова И. И., Мартынов Ю.И. База данных «Репрессированные немцы в Коми» и ее анализ // Информационный бюллетень ассоциации «Историк и компьютер». 2004. № 32. С. 95-96.
23. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М., 2003.
24. Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина. М., 2010.
25. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000.
26. Журавлев С.В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010.

27. Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.
28. Журавлев С.В. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005.
29. Закиров Г.С. История репрессий в среде нижегородских мусульман // Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс]: МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина / сост. Т.В. Кучерова, Н.П. Шахмайкина. Нижний Новгород, 2012. URL: <http://www.gorbibl.nnov.ru/files/bibliographies/politrepessii.doc> (дата обращения: 01.09.2015).
30. Иргалин Г.Д. Политические репрессии в Башкирии // Трудный путь к правде. Уфа, 1997.
31. Кабацков А. Репрессии против рабочих Прикамья. 1937-1938 // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009.
32. Кабацков А.Н. Репрессии 1937-1938 гг. против рабочих Прикамья Свердловской области в рамках приказа 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
33. Казанков А. Репрессии против духовенства в ходе проведения кулацкой операции в Прикамье (1937-1938 гг.) // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009.
34. Кимерлинг А.С. Репрессии 1937-1938 гг. против служащих Прикамья Свердловской области в рамках приказа № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
35. Киммерлинг А. Репрессии против служащих Прикамья // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009.

36. Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.
37. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е-начало 1950-х гг. Ч. 1. Нижний Тагил, 1996.
38. Кириллов В.М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. М., 2011. № 5.
39. Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблемы формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917-1980-е годы. Нижний Тагил, 1997.
40. Кириллов В.М. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России (по материалам Книг памяти) [Электронный ресурс] // Возвращенные имена. URL: <http://vi.krsk.ru/Mat/KP3.doc> (дата обращения: 13.05.2015).
41. Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953. М., 2011.
42. Козин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011.
43. Колдушко А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009.
44. Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.
45. Константинов П., Стуканов А. Институт реабилитации // Законность. М., 2004, № 7. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.juristlib.ru/book_2713.html (дата обращения: 20.04.2015).
46. Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М., 1988.

47. Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937-1945 гг. : масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012.
48. Кропачев. С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937-1938 годах. Российская история. № 1, 2010.
49. Кропачев С. А. От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937-1945 годах. СПб, 2011.
50. Кулаков А.А., Гордеева Л.П. За правду истории, честь и достоинство личности // Забвению не подлежит: О репрессиях 30-х — начала 50-х годов в Нижегородской области. Книга первая / Сост. А. П. Арефьев, В. А. Казаков, В. В. Смирнов. Нижний Новгород, 1993.
51. Литвин А. Российская историография большого террора [Электронный ресурс]: издательский дом «Первое сентября» // История. 1999. № 33. URL: <http://his.1september.ru/1999/his33.htm> (дата обращения: 01.06.2015)
52. Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2.
53. Лягушкина Л.А. Репрессии как элемент мобилизационного развития СССР 1930-х годов: к оценке информационного потенциала книг памяти // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Т.7. Челябинск, 2013.
54. Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. Серия "История". 2014. № 3.
55. Лягушкина Л. А. Социальное положение репрессированных в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Вып. 8 (41) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных

пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001226-7-1> (дата обращения: 19.01.2016).

56. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «книгам памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18-20 октября 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М., 2013.
57. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе большого террора в Северо-Осетинской АССР: анализ базы данных по региональным «Книгам памяти» // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 4. Том 1. С. 399-406.
58. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе «Большого террора» (1937-1938 годы): анализ базы данных по книгам памяти Алтайского края и Республики Алтай // Per aspera... Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ 2011-2012 гг. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып.4. М., 2012.
59. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012, №1 (сентябрь).
60. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ № 00447 / сост.: Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010.
61. Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990.
62. Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена». Сборник материалов по итогам первого этапа проекта. 2000-2003 годы. Нижний Тагил, 2003.

63. Меньковский В.И. Изучение репрессий сталинского периода в англо-американской ревизионистской историографии // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011.
64. Мишина Е.М. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // Историческая информатика. 2013. № 3.
65. Мишина Е.М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 3.
66. Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953). М., 2011.
67. Московский мартиролог [Электронный ресурс]: Списки расстрелянных по политическим обвинениям в годы советской власти // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/memory/preface/martyr.htm> (дата обращения: 12.04.2014).
68. Мусиенко Н.С., Ватлин А.Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924-1938. М., 2014.
69. Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010.
70. Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2013.
71. Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
72. Никольский В.Н. «Кулацкая операция» НКВД 1937-1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.

73. Никольский В.М. Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в СССР, 1937-1938 годы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1, апрель-июнь 2010 г. С. 21-32.
74. Орловский Д. (игумен Дамаскин). Гонения на РПЦ в советский период // Русская православная церковь. ЦНЦ «Православная энциклопедия». М., 2000.
75. Осипов А.В., Харламов В.А. История Нижегородских органов безопасности: 1917-2006 гг. Т. 2. Нижний Новгород, 2007.
76. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.
77. Павлова В. И. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. М., 2003. № 10.
78. Павлова Э.В. Репрессии против духовенства в 1920 - 30-х гг. в Башкирии // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и культуры Башкортостана. Сб. материалов республиканской научно-практической конференции, 3 октября 2001 г. Стерлитамак, 2001.
79. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012.
80. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: 1934–1941. Справочник. М., 1999. // [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/index.htm> (дата обращения: 30.03.2012).
81. Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.
82. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009.
83. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965. Барнаул, 2005.

84. Пономарев В.Л. История «Большого террора» на Нижегородской земле // Политические репрессии на Нижегородской земле. Нижний Новгород, 2012.
85. Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация). // Отечественные архивы. 1992, № 2.
86. Послесловие к спискам захороненных в «Коммунарке» [Электронный ресурс]: захоронение в Коммунарке // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/memory/communarka/> (дата обращения: 01.09.2015)
87. Предисловие [Электронный ресурс]: жертвы политического террора в СССР // Историко-просветительское общество «Мемориал». URL: <http://lists.memo.ru/index.htm> (дата обращения: 01.09.2015)
88. Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР: Сборник докладов участников международной научно-практической конференции 18-21 мая 2000 г. Нижний Тагил, 2000.
89. Проект «Возвращенные имена» - единый банк данных о всех репрессированных в СССР [Электронный ресурс] // Возвращенные имена. URL: <http://vi.krsk.ru/about.asp> (дата обращения: 01.09.2015)
90. Пурлевский Александр Александрович (арх. Фотий) [Электронный ресурс]: архивная коллекция рязанского общества «Мемориал» // Сайт рязанского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». URL: <http://stopgulag.org/object/83778865?lc=ru> (дата обращения: 05.05.2015)
91. Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
92. Раков А.А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.). М., 2012.

93. Резникова А. Книги памяти как исторический источник [Электронный ресурс] // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»: сайт. URL: <http://www.memo.ru/memory/martirol/books.htm> (дата обращения: 13.05.2015).
94. Роговин В.З. 1937. М., 1996.
95. Самуэльсон Л. Черты чисток в Челябинске, 1936-1939 годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной конференции. М., 2011.
96. Сводные статистические сведения о гражданах, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных [Электронный ресурс]: возвращенные имена // URL: <http://visz.nlr.ru/search/stat.html> (дата обращения: 13.05.2015).
97. Серегина И.Г. Крестьянство Калининской области в Большом терроре: следственные дела бывших кулаков как исторический источник // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. М., 2009.
98. Силина И.Г. Архивно-следственные дела как источник по профессиональному составу населения Алтайской губернии в 1919-1930 гг. // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа. Барнаул, 2008.
99. Смирнова Т.М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917-1920 годов // Социальная история. М., 2000.
100. Состояние работы над книгами памяти жертв политических репрессий в России, Казахстане и Украине: сборник материалов по проекту «Возвращенные имена» / Сост. В.М. Кириллов. Нижний Тагил, 2002.
101. Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
102. Степанов А.Ф. Большой террор в Татарской АССР: Массовая «кулацкая» операция по приказу НКВД СССР № 00447 (по материалам протоколов республиканской тройки НКВД) // История сталинизма:

репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011.

103. Степанов А.Ф. Политические репрессии 20-30-х годов в СССР: этноконфессиональные и социальные аспекты (на примере Татарской АССР) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953-2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции. Часть II. Краснодар, 2013. С. 198-207.
104. Степанов А. Проведение «кулацкой» операции в Татарии // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003.
105. Суслов А.Б. Дети под следствием НКВД в годы Большого террора (по материалам Пермского края) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М., 2011.
106. Табаев Д.И. Политические репрессии 20-50-х гг. (Политико-исторические, правовые и моральные аспекты) // Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том III. Горно-Алтайск, 2003.
107. Такала И.Р. «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР. Репрессии в Карелии 20-х-30-х годов. Петрозаводск, 1992.
108. Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998.
109. Такала И.Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.
110. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008.

111. Тепляков А.Г. Органы НКВД Западной Сибири в «Кулацкой операции» 1937-1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
112. Топография террора: Лубянка и окрестности [Электронный ресурс] // Возвращение имен. URL: <http://october29.ru/wp/gorod/> (дата обращения: 12.06.2014).
113. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.). Томск, 2012.
114. Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362.
115. Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... : (Западная Сибирь в конце 20-х - начале 50-х годов). Томск, 1995.
116. Ушвицкая Э.Е. Жертвы политических репрессий в России. 1918-1922 годы // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции АИК. М., 1997.
117. Фаворская И.М. Деятельность по восстановлению прав и увековечению памяти нижегородцев – жертв репрессий // Политические репрессии на Нижегородской земле. Нижний Новгород, 2012.
118. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 г. М., 2009.
119. Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
120. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015.
121. Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
122. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997.

123. Чухин И. Карелия – 37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.
124. Шабалин В.В. Сельское население Прикамья как жертва массовой операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
125. Шафиков Г.Г. И совесть, и жертвы эпохи. Уфа, 1991.
126. Ширер Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском союзе в 1920-1950 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 208-218.
127. Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 гг. М., 2014.
128. Шульгина О.В. Историческая география России XX века: социально-политические аспекты. Москва: МГПУ, 2003.
129. Шурыгина А.Б. История политических репрессий 1930–1950-х годов по документам Государственного общественно-политического архива Нижегородской области // Политические репрессии на Нижегородской земле. Нижний Новгород, 2012.
130. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.
131. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003.
132. Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
133. Юсупова Е.Р. Преследование участников Сорокинского восстания 1921 г. в Алтайском крае // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.
134. Baron N. Production and Terror: The Operation of the Karelian GULAG, 1933-1939 // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol. 43.

135. Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // *Europe-Asia Studies*. 2010. N. 62 (6).
136. Ellman M. Soviet Repression Statistics: Some Comments // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54, No. 7.
137. Etkind A. Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror // *Constellations*. 2009. Vol. 16. № 1.
138. Getty J. A. 'Excesses are not permitted:' Mass Terror Operations in the Late 1930s and Stalinist Governance // *The Russian Review*. 2002. № 61.
139. Gregory P. R., Schröder P.J.H., Sonin K. Rational dictators and the killing of innocents: Data from Stalin's archives // *Journal of Comparative Economics*. 2011. № 34.
140. Getty J.A., Naymov O. *The road to terror: Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932-1939*. New Haven and London, 1999.
141. Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938*. New York, 1985.
142. Gregory P. Simplified methods and efficiency: Stalin's terror managers // *Journal of Comparative Economics*. 2009. № 37.
143. Gregory P. *Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin (an Archival Study)*. Yale, 2009.
144. Hagenloh P. *Stalin's police: public order and mass repressions in the USSR, 1926-1941*. Washington D.C., Baltimore, 2009.
145. Ilič M. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis // *Challenging traditional views on Russian history* / Ed. Stephen G. Wheatcroft. London, 2002.
146. Ilič M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, No. 8.
147. Kostianen A. Genocide in Soviet Karelia: Stalin's Terror and the Finns of Soviet Karelia // *Scandinavian journal of history*. 1996. № 4.

148. McLoughlin B. Documenting the Death Toll: Research into the Mass Murder of Foreigners in Moscow, 1937-38 // Perspectives (American Historical Association Newsletter). Vol. 37. № 5. 1999.
149. McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937–1938: a survey // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. London, 2003.
150. Rivers of blood in Moscow: The Great Purge personified [Электронный ресурс] // Блог Дмитрия Скугаревского. URL: <http://memoryfull.ru/purge/repressions.html> (дата обращения: 12.06.2014)
151. Shearer D., Khaustov V. Stalin and the Lubianka: A Documentary History of the Political Police and Security Organs in the Soviet Union, 1922-1953. In Annals of Communism. New Haven, 2015.
152. Stephen G. Wheatcroft. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror. Australian Journal of Politics and History: Volume 53, Number 1, 2007.
153. Thurston R. Life and terror in Stalin's Russia, 1934-1941. New Haven, 1996.
154. Wheatcroft S. Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s: Mass Killings // Challenging traditional views on Russian history. London, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Процент заполненных полей в электронных версиях «Книг памяти», используемых в данной работе (подсчет проведен в справках периода Большого террора)¹⁸⁷

	Алтайский край	Республика Алтай	РСО-Алания	Республика Башкортостан	Нижегородская область	Республика Карелия	Московская область ("Бутовский полигон")
Фамилия	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Имя	100%	99%	100%	99%	100%	100%	99%
Отчество	99%	82%	100%	97%	98%	99%	98%
Год рождения	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Пол репрессированного	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Место рождения	97%	99%	100%	100%	66%	100%	100%
Национальность	99%	100%	98%	100%	88%	100%	100%
Место работы	100%	100%	94%	96%	100%	100%	98%
Уровень образования	0%	97%	0%	99%	0%	0%	97%
Партийность	0%	6%	0%	100%	0%	97%	99%
Место жительства	99%	96%	32%	0%	99%	100%	99%
Дата ареста	100%	100%	2%	100%	100%	100%	100%
Арестовавший орган	0%	2%	1%	0%	0%	0%	0%
Осудивший орган	100%	0%	100%	0%	83%	100%	100%
Дата вынесения приговора	100%	3%	100%	0%	67%	100%	100%
Статья обвинения	100%	0%	0%	90%	100%	100%	100%
Приговор	100%	96%	100%	85%	100%	100%	0%
Был расстрелян или нет	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Дата смерти	51%	42%	0%	34%	35%	83%	100%
Место расстрела	41%	0%	0%	0%	0%	84%	100%
Дата реабилитации	94%	1%	0%	100%	0%	82%	100%
Реабилитировавший орган	94%	0%	0%	4%	0%	83%	1%
Причина реабилитации	74%	0%	0%	1%	0%	0%	0%
Отличные от основного варианты написания ФИО	7%	2%	9%	1%	0%	2%	2%
Отличные от основного варианты года	0%	0%	1%	0%	0%	0%	0%

¹⁸⁷ Посчитано по базе данных «Жертвы политического террора в СССР».

рождения							
Номер или место хранения дела	0%	0%	0%	0%	100%	3%	100%

Приложение 2. Анализ репрезентативности региональных «Книг памяти», включенных в базу данных «Жертвы политических репрессий в СССР», применительно к периоду Большого террора.

	Количество справок в базе данных за период 1937-1938 гг. ¹⁸⁸	Данные об арестованных в опубликованных документах ¹⁸⁹		Данные О. Мозохина ¹⁹⁰	
		Суммарное число	Кол-во справок в БД в %	Суммарное число	Кол-во справок в БД в %
Азербайджанская ССР	0	11360	0%	26349	0%
Азово-Черноморский край - Ростовская область	375	13781	3%	27696	1%
Азово-Черноморский край - Краснодарский край	2443	20772	12%	29872	8%
Армянская ССР	0	7767	0%	9804	0%
Башкирская АССР	11456	10451	110%	16035	78%
Белорусская ССР	20903	46244	45%	58967	35%
Бурят-Монгольская АССР	1624	5698	29%	7847	21%
Воронежская обл.	2190	16491	13%	22796	10%
Воронеж-Тамбовская область	3948	5772	68%	7982	49%
Восточно-Сибирский край - Иркутская область	15730	7727	204%	25720	61%
Восточно-Сибирский край - Читинская область	9082	10938	83%	19582	46%
Горьковская обл.	11417	10490	109%	15461	80%
Грузинская ССР	0	8023	0%	30512	0%
Дагестанская АССР	3569	5076	70%	6822	52%
Дальневосточный край	26284	13502	195%	60830	43%
Западная обл. - Смоленская обл.	11094	20714	54%	27253	41%
Западная обл.-Орловская обл.	861	11740	7%	17772	5%
Западно-Сибирский край-Новосибирская обл.	15273	31860	48%	67825	23%
Западно-Сибирский край-Алтайский край	25531	20702	123%	24925	111%
Ивановская обл.	0	8350	0%	12997	0%
Кабардино-Балкарская АССР	2867	3392	85%	4220	68%
Казахская ССР	33309	21942	152%	45563	73%
Калининская обл.	6533	10306	63%	17252	38%
Калмыцкая АССР	0	799	0%	1012	0%
Карельская АССР	9455	5059	187%	10484	90%
Киргизская ССР	2509	3282	76%	12000	21%
Кировская обл.	3558	3150	113%	6761	53%
Коми АССР	4808	542	887%	1334	360%
Красноярский край	17994	20150	89%	31942	56%
Крымская АССР	0	7526	0%	16252	0%

¹⁸⁸ Посчитано по базе данных «Жертвы политического террора в СССР».

¹⁸⁹ Суммированы следующие данные о числе репрессированных: по «кулацкой операции»: Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 2. С. 161-162; по «немецкой операции»: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой» операции НКВД; по «польской операции»: Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937-1938 гг.; по «сталинским расстрельным спискам» суммированы в: Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2013. С. 331-332.

¹⁹⁰ Данные О.Б. Мозохина, опубликованы в его кн.: Право на репрессии. С. 334-336, 339-340.

Куйбышевская обл.	13161	12860	102%	18108	73%
Курская обл.	4520	8540	53%	13198	34%
Ленинградская обл.	42356	43243	98%	73045	58%
Марийская АССР	2502	2998	83%	5050	50%
Мордовская АССР	3620	2696	134%	5205	70%
Московская обл. и Москва	20920	52087	40%	83277	25%
Московская-Рязанская	1062	4400	24%	4106	26%
Московская-Тульская	5826	9449	62%	14507	40%
Мурманская область	0	80	0%	1394	0%
Немцев Поволжья АССР	0	7596	0%	9287	0%
Омская обл.	25008	24490	102%	30122	83%
Орджоникидзевский край	8875	11113	80%	17017	52%
Оренбургская обл.	5337	10450	51%	12085	44%
Саратовская обл.	9062	20495	44%	28884	31%
Свердловская обл.	25973	27592	94%	45740	57%
Северная область- Архангельская	4198	7199	58%	11055	38%
Северная область- Вологодская	1643	Нет данных	Нет данных	10320	16%
Северо-Осетинская АССР	2607	2039	128%	2721	100%
Сталинградская обл.	2008	9336	22%	15883	13%
Таджикская ССР	0	10495	0%	15704	0%
Татарская АССР	8774	5813	151%	11277	78%
Туркменская ССР	0	12005	0%	19586	0%
Удмурдская АССР	2017	1839	110%	3184	63%
Узбекская ССР	18003	14172	127%	35514	51%
Украинская ССР	2771	194358	1%	265692	1%
Челябинская обл.	16213	17223	94%	27107	60%
Чечено-Ингушская АССР	0	7036	0%	9410	0%
Чувашская АССР	2140	2777	77%	4095	52%
Якутская АССР	1852	69	2684%	3648	51%
Ярославская обл.	3251	3420	95%	6171	53%

Приложение 3. «Степень репрессий» 1937-1938 гг. (доля репрессированных среди населения) в различных регионах СССР.

	Всего арест. в 1937-1938 гг. ¹⁹¹	Население 1939 г. ¹⁹²	Степень репрессий
Дальневосточный край ¹⁹³	60830	2481185	2,45%
Карельская АССР	10484	468898	2,24%
Иркутская область	25720	1303997	1,97%
Свердловская область	45740	2511309	1,82%
Читинская область	19582	1158574	1,69%
Новосибирская область	67825	4050260	1,67%
Красноярский край	31942	1960524	1,63%
Саратовская область	28884	1798514	1,61%
Туркменская ССР	19586	1251883	1,56%
Немцев Поволжья АССР	9287	606532	1,53%
Крымская АССР	16252	1126429	1,44%
Бурят-Монгольская АССР	7847	545766	1,44%
Чечено-Ингушская АССР	9410	697009	1,35%
Омская область	30122	2378410	1,27%
Кабардино-Балкарская АССР	4220	359219	1,17%
Ленинградская область	73045	6432052	1,14%
Белорусская ССР	58967	5568994	1,06%
Таджикская ССР	15704	1484440	1,06%
Смоленская область	27253	2686029	1,01%
Алтайский край	24925	2498597	1,00%
Челябинская область	27107	2801853	0,97%

¹⁹¹ Данные О.Б. Мозохина, опубликованы в его кн.: Право на репрессии. С. 334-336, 339-340.

¹⁹² Использовалось издание: Поляков Ю. А., Исупов А. А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992.

¹⁹³ По Дальне-Восточному краю использованы данные переписи 1937 г., т.к. к 1939 г. он был упразднен. См.: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом секретно. С. 35.

Ростовская область	27696	2892580	0,96%
Краснодарский край	29872	3172674	0,94%
Московская обл. и Москва	83277	8917311	0,93%
Архангельская область	11055	1216730	0,91%
Якутская АССР	3648	413198	0,88%
Орджоникидзевский край	17017	1950887	0,87%
Марийская АССР	5050	579610	0,87%
Грузинская ССР	30512	3540028	0,86%
Украинская ССР	265692	30946218	0,86%
Северо-Осетинская АССР	2721	329205	0,83%
Киргизская ССР	12000	1458213	0,82%
Азербайджанская ССР	26349	3205150	0,82%
Армянская ССР	9804	1282338	0,76%
Казахская ССР	45563	6151102	0,74%
Дагестанская АССР	6822	930416	0,73%
Оренбургская область	12085	1676668	0,72%
Тульская область	14507	2048695	0,71%
Сталинградская область	15883	2288139	0,69%
Куйбышевская область	18108	2766436	0,65%
Воронежская область	22796	3551329	0,64%
Вологодская область	10320	1661285	0,62%
Узбекская ССР	35514	6271269	0,57%
Калининская область	17252	3213139	0,54%
Башкирская АССР	16035	3158969	0,51%
Орловская область	17772	3532713	0,50%
Ивановская область	12997	2649429	0,49%
Мурманская область	1394	291178	0,48%
Калмыцкая АССР	1012	220684	0,46%
Мордовская АССР	5205	1188004	0,44%

Тамбовская область	7982	1877900	0,43%
Курская область	13198	3143067	0,42%
Коми АССР	1334	318996	0,42%
Горьковская область	15461	3869887	0,40%
Татарская АССР	11277	2915277	0,39%
Чувашская АССР	4095	1076810	0,38%
Кировская область	6761	2226193	0,30%
Ярославская область	6171	2284255	0,27%
Удмурдская АССР	3184	1219350	0,26%
Рязанская область	4106	2267908	0,18%
Всего	1575135¹⁹⁴	170557093	0,92%

¹⁹⁴ Даны суммарные данные, включающие 108876 репрессированных ДТО ГУГБ НКВД.

Приложение 4. Краткий классификатор профессий, который был разработан и применялся при формировании графы «социальное положение» базы данных жертв политического террора.

Служащие:

- Служащие в административных органах управления разных уровней:
 - Областной уровень (*например, председатель областного суда, органов областного управления*), республиканский уровень (*например, директор республиканского торгового управления, республиканского «Заготскота»*), общесоюзный уровень (*работник союзного наркомата*)
 - Районный уровень (*председатель РИК, председатель райсовета, председатель районного отдела, управления по здоровью, райпо*), городской уровень (*заведующий городским «Заготскотом», городским управлением, гороно, завсектором горфо*), сельский уровень (*председатели и заместители председателей сельсоветов*)
- Руководители промышленных предприятий:
 - директор завода, фабрики, технические и коммерческие директора;
 - руководители отделов (*групп, цехов, пролетов, мастерских, участков, а также: шахт, лесопунктов, секторов*);
 - завхозы в промышленных предприятиях, завскладами там же;
 - председатели и заместители председателей промартелей и промколхозов;
 - руководители леспромхозов, лесхозов, строителей, стройплощадок;
- Руководители сельскохозяйственных предприятий:
 - председатели и заместители председателей совхозов и колхозов;
 - директора МТС;
 - руководители отделений и ферм совхозов;
 - прочие.
- Руководители транспортных предприятий:
 - железных дорог;
 - отделений транспортных предприятий (*станций железных дорог, отделов станций, дорожных профсоюзов железных дорог*);
 - управляющих в пароходстве;
 - капитаны судов.
- Руководители предприятий в сфере услуг и торговли:
 - директора и заведующие магазинами;
 - директора и заведующие предприятиями общественного питания;

- прочие.
- Руководители прочих госпредприятий (управленцы в госучреждениях):
 - медицинских учреждений (директора больниц, завхозы);
 - учебных заведений (школ);
 - научно-исследовательских учреждений, театров, кино;
 - руководители заготовительных предприятий;
 - руководители предприятий связи;
 - руководители коммунальных предприятий (*зав. коммунхозом*);
 - руководители банков (*в т.ч. - заведующий сберкассой*);
 - руководители тюрем;
- Партработники:
 - партработник уровня обкома и выше;
 - партработник уровня райкома или горкома;
 - партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах.
- Работники промышленности и транспорта:
 - высший технический персонал (инженер, конструктор, механик, лесник)
 - средний технический персонал, в т.ч. (техник, технолог, прораб, капитан, бригадир);
 - низший технический персонал (десятник, дорожный мастер).
 - инспектора в промышленности;
 - инструктора в промышленности;
 - счетоводы, бухгалтера в промышленности;
 - юристы в промышленности.
- Рядовые работники различных учреждений:
 - агенты;
 - инспектора, инструктора в госучреждениях;
 - работники сферы услуг (*официант, продавец, повар в столовой, парикмахер в салоне*);
 - делопроизводственный персонал (*секретарь учреждения, машинистка, переписчик, картотечник*);
 - мелкие служащие (в т.ч.: *кассир, браковщик, табельщик, претензионист, комендант дома, вахтер, ревизор, телеграфист, садовод, связист, диспетчер, консультант на госпредприятии, инкассатор, тарифовед, таксировщик, товаровед, сотрудник отдела кадров, нормировщик, экспедитор*).

- Работники культуры, искусства, просвещения, науки:
 - учителя и работники образования (*учителя, завхозы, завучи, няни в детском саду, инструкторы в шахматном кружке, дворце пионеров, инструктор института, автошколы*);
 - научные работники (*лаборант, научный сотрудник, сотрудник в лаборатории, руководитель лаборатории в НИИ, доцент*);
 - культурно-просветительный персонал (*библиотекарь, заведующий клубами*)
 - журналисты, редактора газет.
- Специалисты в разных отраслях хозяйства:
 - в промышленности (*экономисты, плановики, статистики, и, напр., химики*);
 - в госучреждениях:
 - бухгалтера, счетоводы;
 - врачи, фельдшеры, медсестры, медработники (*медсестры, сестры-хозяйки, санинспекторы, зубные техники, дезинфекторы, фармацевты, хирурги*);
 - юристы, адвокаты, следователи, прокуроры, судьи;
 - в сельском хозяйстве (*агрономы, агротехники, зоотехники, ветеринары, агрономы совхоза, агрономы райзо, техники-полеводы*);

Рабочие:

- сторож, швейцар; гардеробщик; уборщик, уборщица; садовник; почтальон; няня, сиделка; объездчик лесхоза; конюх (езде кроме колхоза); пекарь, повар (не в ресторане, кафе); извозчик, возчик, шофер на заводе и везде; жестянщик, кузнец, шорник (кроме как в колхозах); кочегар; сцепщик вагонов; железнодорожный работник (осмотрщик вагонов, ревизор грузов, кондуктор, диспетчер, проводник, составитель поездов) штукатур, печник, плотник; матрос (шкипер, моряк, штурвальный); тракторист в МТС и в колхозе; моторист; охотник (кроме работников колхоза); фотограф; формовщик; электромонтер, электросварщик; мастер (кроме дорожного мастера); машинист.

Служители религиозного культа:

- священник, бывший священник; протоиерей, иерей, архиепископ; монах, бывший монах; председатель церковного совета, член церковного совета; псаломщик; певчий; просвирня; проповедник секты; церковный староста; дьякон; мулла; прочие.

Колхозники:

- колхозник; мастер колхоза; кладовщик в колхозе; скотник; работник фермы; сторож колхоза; кузнец, плотник, шороник колхоза; мельник в колхозе; учетчик в колхозе; прочие.

Единоличники:

- единоличники, крестьяне-единоличники.

Кустари:

- кустарь; надомник.

Красноармейцы и младший начсостав (рядовой состав армии и флота):

- красноармеец, краснофлотец; старшина; младший комвзвод.

Комсостав (РККА):

- старший лейтенант; комвзвод; военврач; военветврач; комдив; пилот, и т.д.

Сотрудники НКВД:

- сотрудник НКВД, милиционер; сотрудник пожарной охраны; сотрудник стрелковой охраны ж.д.; сотрудник пограничных войск; сотрудник колонии.

Домашние хозяйки, иждивенцы, пенсионеры:

- домохозяйки, иждивенцы, пенсионеры, инвалиды; учащиеся школ, ВУЗов, курсов и одновременно не работающие.

Без определенных занятий и другие деклассированные элементы:

- без определенных занятий; без определенного места работы; заключенные.

Приложение 5. Копии документов из архивно-следственных дел репрессированных в годы Большого террора, содержащих биографическую информацию.

5.1. Дело репрессированной: анкета арестованной Веры Ильиничны Ни.

Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-35807. Л. 4-4(об).

Ф. 909

НКВД

Анкета арестованного

В О П Р О С Ы:	О Т В Е Т Ы:
1. Фамилия	Ни (Тяк).
2. Имя и отчество	Вера Ильинична
3. Год и место рождения	Родился 16 "декабря" 1913 г. обл. край ДВК р-н Суйфунский гор. село Туниньба
4. Постоянное местожительство (адрес)	совхоз ИДФ "Октябрьск" Бодольского района
5. Место службы и должность или род занятий	г. Бодольск М.О. районный фин. отдел Экономической.
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, № билета	Ординарщик Экономической или профсоюза с 1931 г. фин. отдела районного.
7. Имущественное положение в момент ареста. (Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые с.-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и прочее; сумма налога с.-х. и индивид. Если колхозник, указать имущ. полож. до вступления в колхоз, время вступления в колхоз)	Имущества во не имею.
8. То же до 1929 года	тоже самое
9. То же до 1917 года	тоже самое
10. Социальное положение в момент ареста	служащая
11. Служба в царской армии и чин	нет -
12. Служба в белой армии и чин	нет -
13. Служба в Красной армии: а) сроки службы б) воинская категория	нет -

— 2 —

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
14. Социальное происхождение	из крестьян бедняков
15. Политическое прошлое	
16. Национальность и гражданство	корейка зка СССР
17. Партийная принадлежность, с какого времени и № билета	с 1930 по 1934 год состояла членом ВККей за скрытия ареста брата
18. Образование (подчеркнуть и указать точно, что закончил):	Высшее, среднее низшее, неграмотность окончила Ленинградский университет, экономический факультет в 1936г.
19. Категория воинского учета	из военком
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение	из военком
21. Состояние здоровья	

22. Состав семьи: перечислить: отца, мать, сестер, братьев, сыновей и дочерей (их фамилия, имя и отчество, место службы и должность или род занятий и адрес):

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	М/работы, должность или профессия	Место жительства
Мать.	Бак Серафима Вас.	67	инженерка	совхоз "Осетр" д. 60
дочь	Ни Людмила Алекс.	47	" " "	" " " "
сестра	Бак Тамара	15	ученица	" " " "
брат	Бак Илья Ильич	31	арестован	
сестра	Бой Маргар	24	домохозяйка	1. Близ д. Свердлов дом № 7

Подпись арестованного

В.К.М.

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован а Подольским районным УНКВД 17/9
3. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету

Подпись

17. сентября 1937 г.

Примечание 1-е. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными.

Примечание 2-е. Анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу.

5.2. Дело репрессированной: первый лист протокола допроса арестованной
В. Ни. Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-35807. Л. 44-44(об).

Ф. 910
94

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № 8536.

1937 г. сентябрь мес. 17 дня. Я полковник Уполномоченного УГБ
Григорий Григорьевич допросил в качестве обвиняемой
(должн., наименов. органа, фамилия)

1. Фамилия Ни
2. Имя и отчество Вера Ильинична
3. Дата рождения 1913 г. октябрь
4. Место рождения с. Бухинское Суйдунского рна ДВК.
5. Местожительство совхоз ГВФ. "Осиповское" Подольского рна
6. Нац. и гражд. (подданство) корейка гражд. СССР.

7. Паспорт выдан 15.10.1937 г. Уполномоченным Г. М. Милославским
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)

8. Род занятий Подольск районный отдел экономики.
(место службы и должность)

9. Социальное происхождение из крестьян бедняков родителей
(род занятий родителей и их имущественное положение)

мать, Франца, Мухоморова. Завела хозяйство на земельном наделе
земли, хозяйство с 1929 по 1930 год совместно с колхозом не
было.

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции на иждивении родителей

б) после революции тоже самое до 1929 года

11. Состав семьи Мать так сестра Вера Ильинична 6 лет
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

иждивенка, до 6 лет в возрасте 4х лет, т.е. 1933
6 лет. сестра Маша 15 лет.

В. Ни

12. Образование (общее, специальное) Высшее военное Академический финансовый экономический институт в 1936 году.

13. Партийность (в прошлом и в настоящем) с 1920 по 1937 год состоял членом ВЛКСМ исключен Столовский горкома ВЛКСМ за скрывание приговора родного брата

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)

а) до революции не судился

б) после революции не судился

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти

не имеет

16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете не имеет

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах) когда и в качестве кого, отношение к воинской повинности не служил

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда и в качестве кого)

нет

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях

нет

20. Сведения об общественно-политической деятельности

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последняя и допрашивающего.

В.К.

5.3. Дело репрессированной.

А. Копия письма В.И. Ни, которое она постаралась передать арестованному мужу, зашив в пальто. Записка послужила поводом для ареста В. Ни. Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-35807. Л. 55-55(об).

Милый друг Саша! 55

Знаешь ты страдания ни за что? Очень общно
для человека мучают не только враг.
Зачем же так забрала? не понимаю.
Вчера сиди в заточен говорю что забрала
оригинала 26/11. Момент был тебе под-
воят связь с ней? Выходит, дело не могу
содить вместе. При чем же ты. Наконец
и все в жизни и органы не могу право
перого подозревать и проверить. так что
первоначал все выяснит. твой друг
Саша так же не страшно. Если тебе
хотелось бы и все равно так дело не
таково тогда же востановлю, до каких
добиться правды. За тобой же до конца
идти буду и все равно буду правду
и тебе буду почти каждый день писать
каждый и против передачи хотел бы увидеть
сегодня только мне разрешении передать
сейчас пока. Завтра еще пишу и добьюсь
тоб разрешении передать деньги тогда заману
из дежурного палатки. Буду сидеть каждый
день за тобой. Вот уже три дня с каждой
днем и ночи около тюрьмы и охрана там.
ты бы знала как мне тяжело у меня не
много сил, а много черной каменной крови
от плачет и кричит такую боль все плачет
моя поверно скоро ее уже сойдет.
Саша милый не падай духом и держи себя
крепко если твой друг Саша так

не кто не будет тебе отвечать. Если
тебя переведут срочное или в Москву
все равно приеду и буду сидеть с тобой
а когда вседневные контакты пойдут
свидание, а мне будет тебе отпустить
как обычно, когда не знаешь за что об
мне кажется, что тебе так через чур
даже больше себя, я в тебе уверена
словами ругаюсь, что ты ни когда не
совершишь никаких преступлений.

Я @ 1^ю я присутствую к работе, буду
тебе работать. Беременность сохр
аю концы и приведу тебе сына.
Вчера всю ночь сидела на работе
и караулила тебя, думала а все
поведут. Не знаю как ты переживаешь все
это горе, лучше увидишь.

Нет решила себя дергать. Вмне все
хотят мне будет могу болен
нас и порозрывают, но я на них
напишется под наша совесть
чиста.

целую крепко тебя все

Вера.

Догадается отга.

Завтра опять пишу и пишу
любим.

Б. Расшифровка письма.

«Милый друг Саша!

Бедный ты страдаешь ни за что? Очень обидно, когда человека мучают ни по чем зря. Спрашивается, зачем тебя забрали? Не понимаю. Когда ездил в Загорск говорил, что забрали Марштадта 26/VIII. Может быть, тебе подсовывают связь с ним? Выходит дело, нельзя и ходить вместе. При чем же ты. [Неразборчиво]... органу НКВД дано право каждого подозревать и проверить. Так что не нервничай, все выяснится. Твоя душа чистая, так что не страшно. Если будут обвинять, то я все равно так дело не оставлю, дойду до Вышинского, до Калинина, добьюсь правды. За тобой я до конца смерти пойду и все равно найду правоту. Как тебя взяли почти каждый день езжу в НКВД и прошу передачи хотя бы деньгами, но сегодня только лишь разрешили передать пальто пока. Завтра еще приеду и добьюсь чтоб разрешили передать деньги, тогда закажешь у дежурного помывку. Буду ездить каждый день за тобой. Вот уже три дня я нахожусь день и ночь около тюрьмы и охраняю тебя. Если бы ты знал, как мне тяжело, у меня не льются слезы, а льются черные капли крови. Дочь плачет и кричит папу, дома все плачут, мама наверное скоро с ума сойдет. Саша, милый, не падай духом и держи себя крепко, если твоя душа чиста, то никто не будет тебя обвинять. Если тебя переведут в Серпухов или в Москву, все равно приеду и буду ездить... а когда следствие кончится попрошу свидание, а может быть тебя отпустят. Как обидно, когда не знаешь за что обвиняют, мне кажется я знаю тебя чересчур и больше себя, я в тебе уверена, головой ручаюсь, что ты бы никогда не совершил никакого преступления.

С 1-го я приступила к работе, буду теперь работать. Беременность сохраню до конца и приведу тебе сына. Вчера всю ночь сидела на работе и караулила тебя, думала авось поведут. Не знаю как перенесу все это горе, лучше умереть.

Нет, решила себя держать выше всего, хотя может быть могу бояться что нас и подозревают, но я на них наплевала, ибо наша совесть чиста.

Целую крепко, твоя всегда

Вера

Дочь целует отца.

Завтра опять приеду пошлю деньги».

5.4. Дело рабочего «кулацкого» происхождения: анкета арестованного
Ивана Марковича Панкратова. Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-
61625. Л.3-3(об).

Н К В Д

3

Анкета арестованного

В О П Р О С Ы:	О Т В Е Т Ы:
1. Фамилия	<i>Панкратов</i>
2. Имя и отчество	<i>Иван Маркович</i>
3. Год и место рождения	Родился <i>8. сентября 1889 г.</i> <i>Московской</i> обл., край р-н <i>Воскресенского</i> гор. — село <i>Ворошино</i>
4. Постоянное место жительства (адрес)	<i>м. Серпухов, ул. Чехова 984</i> <i>кв 24.</i>
5. Место службы и должность или род занятий	<i>подмастер швейн фзуз. Серпухов</i> <i>и в это время работает наемным</i> <i>каменщиком.</i>
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, № билета	<i>Ткацкий подмастер.</i>
7. Имущественное положение в момент ареста. (Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые с.-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и прочее; сумма налога с.-х. и индивид. Если колхозник, указать имущ. положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз)	<i>Земли 8х6, коровы.</i>
8. То же до 1929 года	<i>Малотынка, ведется, лошади 2,</i> <i>1 корова, овцы 2, свиней 1, сад 1 акр.</i>
9. То же до 1917 года	<i>То же, что до 1929 г.</i>
10. Социальное положение в момент ареста	<i>из Крестьян-Земледельцев.</i>
11. Служба в царской армии и чин	<i>не служил по болезни.</i>
12. Служба в белой армии и чин	<i>не служил</i>
13. Служба в Красной армии: а) сроки службы б) воинская категория	<i>не служил.</i> <i>Панкрат</i>

3

В О П Р О С Ы:	О Т В Е Т Ы:
14. Социальное происхождение	из крестьян - (кулаков) зачинщик.
15. Политическое прошлое	судим Нятин раз по распискам Стотиндн, в том числе по ст. 58 ч. к.
16. Национальность и гражданство	русский и ссср.
17. Партийная принадлежность, с какого времени и № билета	бессмартный.
18. Образование (подчеркнуть и указать точно что закончил):	Высшее, среднее, низшее, неграмотен Нисшее.
19. Категория воинского учета	Служит.
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение	Судимая Нятин раз; в том числе раз по распискам Стотиндн, в том числе по ст. 58 ч. к. раз по ст. 58 ч. к. по УК ч. 1 ст. 58 ч. к.
21. Состояние здоровья	Здоров.

22. Состав семьи: перечислить отца, мать, сестер, братьев, сыновей и дочерей (их фамилия, имя и отчество, место службы и должность или род занятий и адрес):

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Место работы, должность или профессия	Место жительства
мать	Ивановна Вера Ивановна	1889	кашафиска в д. Воронинце, Сутуровск. рай.	Сутуровск. рай.
сын	Александр Ив.	1925	ученик	С. Воронинце
сын	Николай Ив.	1914	слесарь в д. Воронинце	д. Воронинце

Подпись арестованного

Таня

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован 30/1-44. Сутуровский № 111111
3. Особые примечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

З. О. Ю. 1934 г.

Примечание 1-е. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными.

Примечание 2-е. Анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу.

5.5. Дело рабочего «кулацкого» происхождения: первый лист протокола допроса И.М. Панкратова. Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-61625. Л.9-9(об)

Ф. 910

ПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

937. Октябрь мес. 21 дня. Я Игорь Иосифович Свирин
 (должн., наимен. органа, фамилия)
Иван Иванович Федоров допросил в качестве _____

1. Фамилия Панкратов
2. Имя и отчество Иван Иванович
3. Дата рождения 1889г.
4. Место рождения г. Воронино, Серпуховского уезда, МО.
5. Местожительство г. Серпухов, ул. им. Чехова, дом 84.
6. Нац. и гражд. (подданство) русский.
и СССР.
7. Паспорт Выдан Серпуховским Уездом 5 мая.
 (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)
8. Род занятий Технич. редактор Искра Фабрики.
 (место службы и должность)
9. Социальное происхождение отцы и мамы с/хоз-во.
 (род занятий родителей и их имущественное положение)
молотильщик, вязальщик, с/хд. рабочий, колхозник 12,
Корова, овца 2, свиней 2, лошадей и коров отобранных
в колхоз.
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
 - а) до революции с/х-во.
 - б) после революции с/х-во.
11. Состав семьи жена Панкратова Владимир Александровна,
 (близкие родственники, их имена, фамилия, адреса и род занятий)
сын Алексей Иванович, ученик Д. Воронино.
сын Николай Иванович, с/х-во г. Серпухов Т.

Панкратов

12. Образование (общее, специальное) Ничего.

13. Партийность (в прошлом и в настоящем) Беспартийный.
Ничего в партиях не состоял.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)

а) до революции

Не судился.

б) после революции Судился Метель КОР; в них Чепыре
что Сп. ст. 74, 76 и 162 в суде в уголовное преступление
в 1931 году по ст. 88 и. Не за криминализацию, амнистия

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти

Наград не имеет.

16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете

Не состоит.

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого, отношение к воинской повинности

Не служил.

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда и в качестве кого)

Не служил.

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях

Не участвовал.

20. Сведения об общественно-политической деятельности

Нет.

Панора

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последней и допрашивающего.

5.6. Дело рабочего «кулацкого» происхождения: выписка из протокола тройки с решением относительно И.М. Панкратова. Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-61625. Л.28.

ф. 33

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „29“ XI 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 11985 по обвин. ПАНКРАТОВА Ивана рож. 1889 г. р. ур. МО, р-на, дер. Воронино кулак, судим 6 раз. До ткацкий подмастер Серпухове. находится в а/о с/с ни.	ПАНКРАТОВА Ивана Марковича - РА СТРЕЛЯТЬ.

Секретарь тройки

5.7. Дело рабочего «кулацкого» происхождения: выписка из акта о расстреле И.М. Панкратова. Место хранения: ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-61625. Л.30.

30

Дело № 11985.

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление тройки НКВД по МО от „29/XI“ 1937 г.

ссылке: Панкратова
 Ивана Марковича

сделано в исполнении „8“ XII 1937 г. в „“ часов.

ПОДПИСИ:

Приложение 6. Возрастной состав репрессированных¹⁹⁵ в сравнении с данными переписи населения 1939 г.¹⁹⁶

6.1. Алтайский край

Возраст, лет	Арестованные				Население старше 15 лет по переписи
	Кол-во человек	Доля среди общего числа	Из них к ВМН	Доля ВМН среди арестованных, в %	
До 19	249	0,9%	31	12,4%	16,7%
20-29	4291	16,0%	1436	33,5%	27,6%
30-39	8047	30,1%	3779	47,0%	22,8%
40-49	7065	26,4%	3884	55,0%	12,9%
50-59	4486	16,8%	2576	57,4%	9,0%
60-69	2221	8,3%	1585	71,4%	10,9%
Больше 70	393	1,5%	293	74,6%	

6.2. Башкирская АССР

Возраст, лет	Арестованные				Население старше 15 лет по переписи 1939 г.
	Кол-во	В % от общего числа	Из них к ВМН	Доля ВМН среди арестованных, в %	
До 19	65	0,6%	0	0,0%	13,4%
20-29	1130	9,9%	153	13,5%	26,7%
30-39	2802	24,5%	705	25,2%	23,5%
40-49	3332	29,1%	1110	33,3%	14,3%
50-59	2370	20,7%	888	37,5%	10,3%
60-69	1438	12,6%	825	57,4%	
Больше 70	318	2,8%	206	64,8%	11,8%
Нет данных	2	0,0%	0	0,0%	0%

6.3. Горьковская область

Возраст, лет	Арестованные				Население старше 15 лет по переписи 1939 г.
	Кол-во	В % от общего числа	Из них к ВМН	Доля ВМН среди арестованных, в %	
До 19	68	0,6%	10	14,7%	14,2%

¹⁹⁵ Посчитано по базе данных «Жертвы политического террора в СССР».

¹⁹⁶ Процент населения различного возраста по переписи рассчитывался только в отношении взрослых – за 100% было принято население от 15 лет. Хотя в книгах памяти есть и более молодые репрессированные, перепись 1939 г. объединяет лиц 12-14 лет и 15-19 лет. Поскольку счет репрессированных 13 и 14 лет идет на единицы, а 18-19-летних в базе больше, нижнюю планку было решено выбрать в 15-19 лет.

20-29	991	8,7%	197	19,9%	27,8%
30-39	2609	22,8%	657	25,2%	23,1%
40-49	3269	28,6%	1069	32,7%	13,9%
50-59	2648	23,2%	1076	40,6%	10,4%
60-69	1490	13,0%	915	61,4%	10,7%
Больше 70	341	3,0%	251	73,6%	
Нет данных	2	0,0%	1	50,0%	0,0%

6.4. Карельская АССР

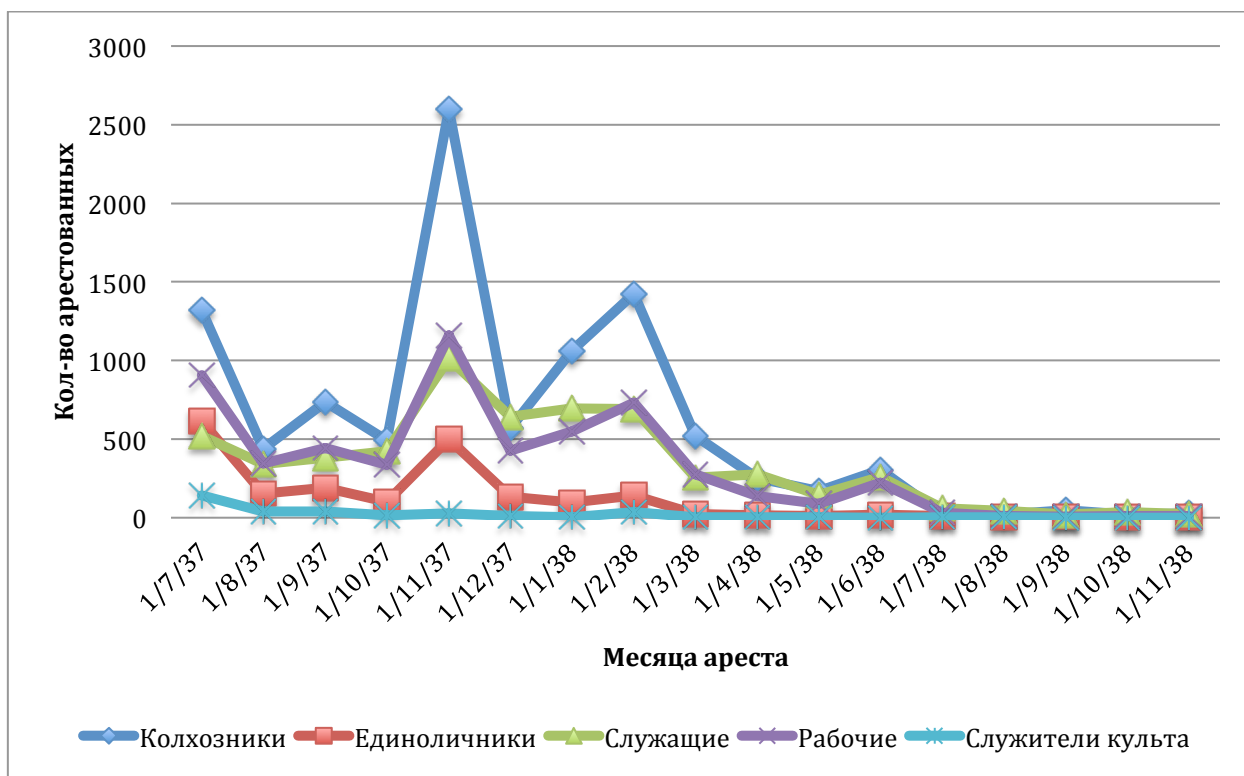
Возраст, лет	Арестованные				Население старше 15 лет по переписи 1939 г.
	Кол-во	В % от общего числа	Из них к ВМН	Доля ВМН среди арестованных, в %	
До 19	209	1,9%	106	50,7%	14,1%
20-29	2251	20,7%	1727	76,7%	33,0%
30-39	3547	32,6%	2997	84,5%	22,5%
40-49	2874	26,4%	2520	87,7%	13,0%
50-59	1620	14,9%	1463	90,3%	9,2%
60-69	335	3,1%	316	94,3%	8,1%
Больше 70	36	0,3%	35	97,2%	
нет данных	1	0,0%	0	0,0%	

6.4. Северо-Осетинская АССР.

Возраст, лет	Арестованные				Население старше 15 лет по переписи 1939 г.
	Кол-во	В % от общего числа	Из них к ВМН	Доля ВМН среди арестованных, в %	
До 19	16	0,6%	2	12,5%	14,7%
20-29	276	10,6%	72	26,1%	29,8%
30-39	751	28,8%	291	38,7%	22,5%
40-49	801	30,7%	421	52,6%	12,8%
50-59	459	17,6%	223	48,6%	9,4%
60-69	230	8,8%	119	51,7%	10,8%
Больше 70	74	2,8%	25	33,8%	
Нет данных	1	0,0%	0	0,0%	0%

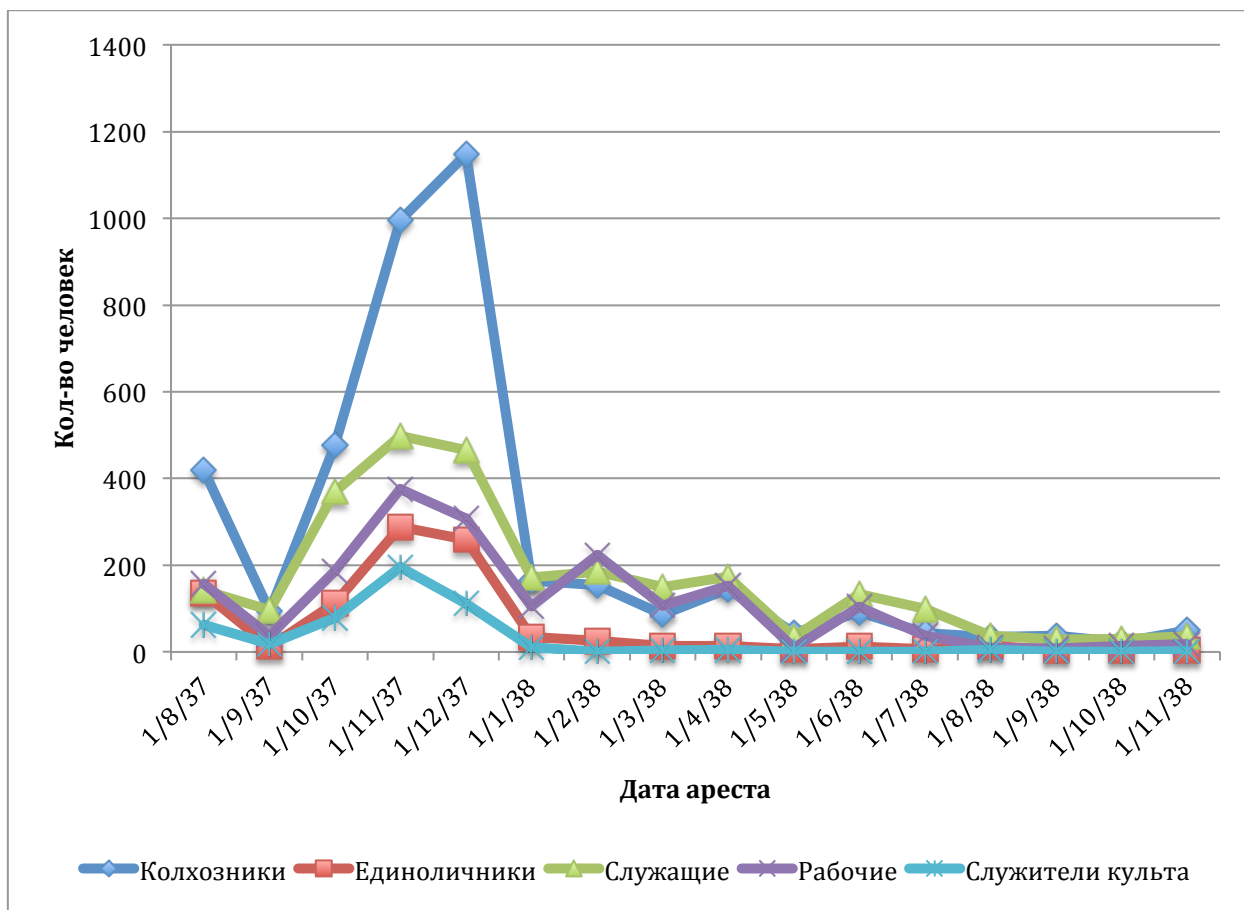
Приложение 7. Динамика арестов лиц различного социального положения в пяти регионах РСФСР¹⁹⁷.

7.1. Алтайский край

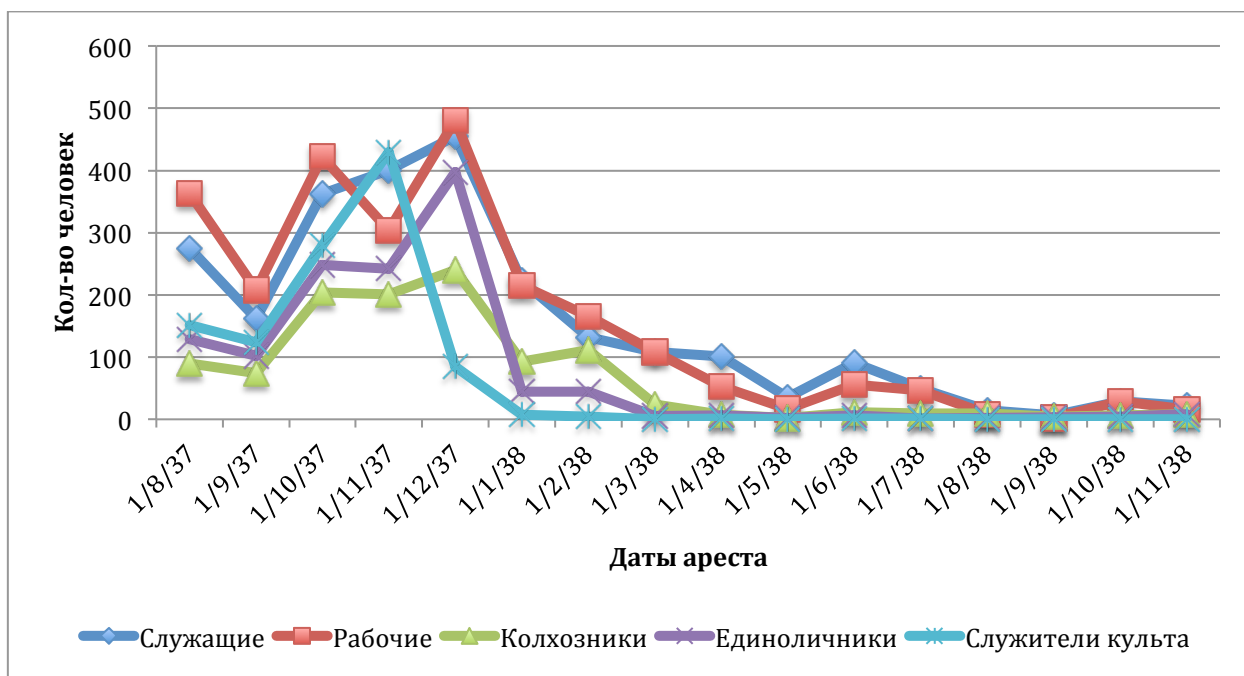

7.2. Башкирская АССР

¹⁹⁷ Посчитано по базе данных «Жертвы политического террора в СССР».

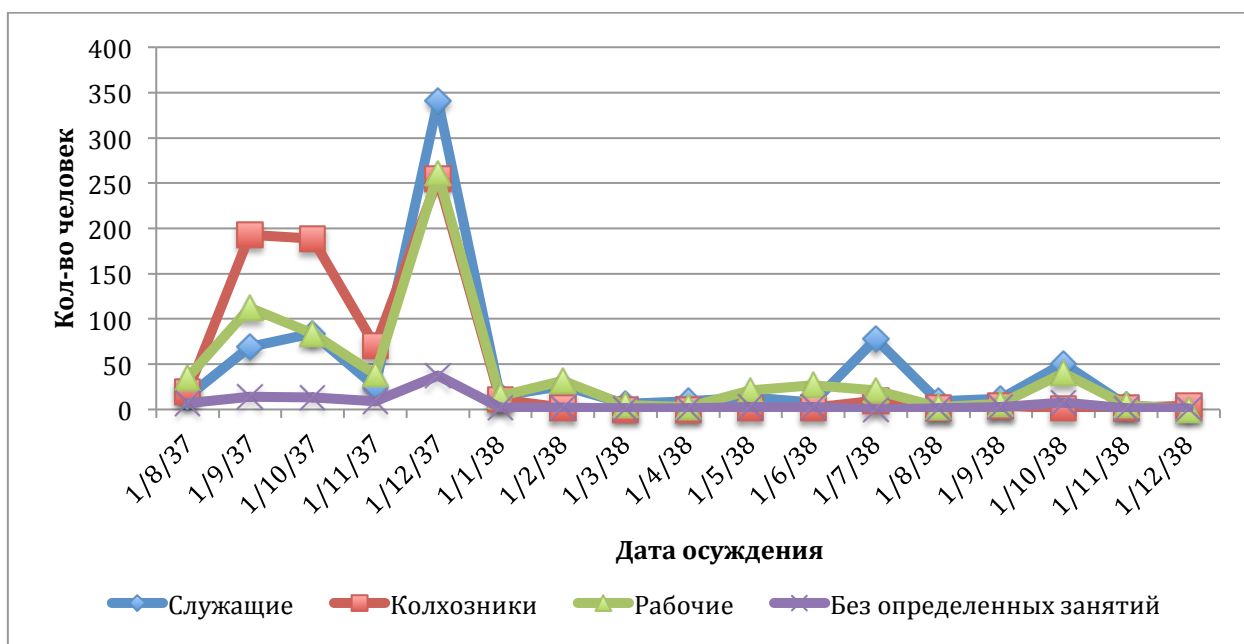
7.3. Горьковская область

7.4. Карельская АССР

7.5. Северо-Осетинская АССР

Приложение 8. Категории служащих, репрессированных в различных регионах¹⁹⁸.

8.1. Алтайский край.

Категории служащих		Кол-во арестованных	В процентах
Управленцы в различных отраслях	управленцы в промышленности, в т.ч.:	454	22%
	<i>директора заводов</i>	43	
	<i>завхозы в промышленности</i>	44	
	<i>председатели артелей</i>	13	
	управленцы в госучреждениях, в т.ч.:	269	
	<i>завхозы в госпредприятиях</i>	53	
	<i>директора школ, техникумов</i>	86	
	управленцы в сфере услуг, в т.ч.:	132	
	<i>директора магазинов</i>	53	
	<i>завхозы в сфере услуг</i>	7	
	управленцы в с.х., в т.ч.:	444	
	<i>председатели колхозов</i>	306	
	<i>директора МТС</i>	16	
	<i>завхозы в с.х.</i>	49	
	итого	1299	
Служащие в органах управления разных уровней	управленцы областного уровня и выше	41	3,4%
	управленцы районного уровня и ниже, в т.ч.	160	
	<i>председатели РИК</i>	16	
	<i>председатели сельсовета</i>	12	
	итого	201	
Партработники	партработники уровня обкома и выше	9	1,5%
	партработники уровня райкома или горкома	60	
	партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах	20	
	итого	89	

¹⁹⁸ Посчитано по базе данных «Жертвы политического террора в СССР».

Работники промышленности и транспорта	высший технический персонал, в т.ч.	198	20,3%
	<i>инженеры, конструкторы, механики</i>	192	
	<i>лесники</i>	4	
	средний технический персонал, в т.ч.	178	
	<i>техники, технологи</i>	77	
	низший технический персонал	244	
	другие:		
	<i>инспекторы в промышленности</i>	20	
	<i>инструкторы в промышленности</i>	15	
	<i>счетоводы, бухгалтеры в промышленности</i>	317	
	<i>юристы в промышленности</i>	11	
	итого	1200	
Специалисты в пром. и в госучрежд.	<i>бухгалтеры, счетоводы в госучреждениях</i>	351	18,7%
	<i>бухгалтеры, счетоводы в с.х.</i>	408	
	<i>счетоводы в сфере услуг</i>	61	
	<i>врачи, медработники</i>	128	
	<i>экономисты, плановики, статистики в госучреждениях</i>	32	
	<i>экономисты, плановики, статистики в сфере услуг</i>	5	
	<i>экономисты, плановики, статистики в промышленности</i>	49	
	<i>экономисты, плановики, статистики в с.х.</i>	14	
	<i>юристы, адвокаты, следователи, прокуроры, судьи</i>	41	
	<i>специалисты в промышленности</i>	12	
	итого	1101	
Специалисты в с.х.	агрономы, агротехники	92	6,9%
	зоотехники, ветеринары	271	
	итого	409	
Рядовые работники разл. учреждений	инспекторы в госучреждениях	81	17,0%
	инструкторы в госучреждениях	20	
	сфера услуг	286	
	мелкие служащие	493	

	агенты	22	
	делопроизводственный персонал	101	
	итого	1003	
Работники культ., искусства, просвещения, науки	работники культуры и искусства	56	10,1%
	журналисты, редактора газет	30	
	научные работники	21	
	учителя, преподаватели	492	
	итого	599	

8.2. Башкирская АССР.

Тип служащих		Кол-во чел.	В %
Управленцы в различных отраслях	управленцы в промышленности, в т.ч.	164	14,6%
	<i>директора заводов</i>	24	
	управленцы в госучреждениях	70	
	управленцы в сфере услуг, в т.ч.	53	
	<i>директора магазинов</i>	17	
	управленцы в с.х., в т.ч.	104	
	<i>председатели колхозов</i>	87	
	<i>директора МТС</i>	17	
	всего	391	
Государственные управленцы	управленцы областного уровня и выше	43	5,2%
	управленцы районного уровня и ниже, в т.ч.:	96	
	<i>председатели РИК</i>	25	
	<i>председатели сельсоветов</i>	23	
	всего	139	
Партработники	партработники областного уровня	19	2,7%
	партработники районного уровня	39	
	партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах	14	
	всего	72	
Работники промышленности и транспорта	высший технический персонал, в т.ч.	91	12,9%
	<i>инженеры, конструкторы</i>	53	
	<i>лесники</i>	36	
	средний технический персонал, в т.ч.	53	
	<i>техники, технологи</i>	37	

	низший технический персонал	21	
	Другие:		
	<i>работники связи</i>	27	
	<i>инспекторы в промышленности</i>	15	
	<i>инструкторы в промышленности</i>	8	
	всего	344	
Специалисты в пром. и в госучрежд.	<i>бухгалтеры, счетоводы</i>	471	24,0%
	<i>врачи, медработники</i>	67	
	<i>экономисты, плановики, статистики</i>	63	
	<i>юристы, адвокаты, прокуроры</i>	39	
	всего	640	
Специалисты в с.х.	<i>агрономы, агротехники</i>	43	3,4%
	<i>зоотехники, ветеринары</i>	47	
	всего	90	
Рядовые работники разл. учреждений	<i>инспекторы в госучреждениях</i>	31	16,1%
	<i>инструкторы в госучреждениях</i>	18	
	<i>работники сферы услуг</i>	120	
	<i>мелкие служащие</i>	171	
	<i>агенты</i>	54	
	<i>делопроизводственный персонал</i>	35	
	всего	429	
Работники культ., искусства, просвещения, науки	<i>работники культуры и искусства</i>	73	21,1%
	<i>журналисты, редактора газет</i>	28	
	<i>научные работники</i>	39	
	<i>учителя, преподаватели</i>	424	
	всего	564	

8.3. Горьковская область.

Тип служащих		Кол-во чел.	В %
управленцы в различных отраслях	управленцы в промышленности, в т.ч.	267	16,2%
	<i>директора заводов</i>	41	
	<i>завхозы в промышленности</i>	12	
	<i>председатели артелей</i>	12	
	управленцы в госучреждениях	99	
	<i>завхозы в госпредприятиях</i>	17	
	<i>управляющие конторами</i>	17	
	управленцы в сфере услуг, в т.ч.	82	
	<i>директора магазинов</i>	40	
	управленцы в с.х., в т.ч.	48	
	<i>председатели колхозов</i>	40	

	<i>директора МТС</i>	7	
	всего	496	
государственные управленцы	управленцы федерального уровня	7	2,9%
	управленцы областного уровня и выше	41	
	управленцы районного уровня и ниже, в т.ч.:	40	
	<i>председатели РИК</i>	7	
	<i>председатели сельсоветов</i>	1	
	всего	88	
партработники	партработники областного уровня	23	2,1%
	партработники районного уровня	17	
	партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах	20	
	всего	63	
работники промышленности и транспорта	высший технический персонал, в т.ч.	215	26,7%
	<i>инженеры, конструкторы, механики</i>	188	
	<i>лесники</i>	27	
	средний технический персонал, в т.ч.	17	
	<i>техники, технологи</i>	104	
	низший технический персонал	93	
	другие:		
	<i>ж.д. работники</i>	163	
	<i>работники связи</i>	10	
	<i>инспекторы в промышленности</i>	19	
	<i>инструкторы в промышленности</i>	4	
	<i>счетоводы, бухгалтеры в промышленности</i>	271	
	<i>юристы в промышленности</i>	23	
	всего	815	
специалисты в пром. и в госучрежд.	<i>бухгалтеры, счетоводы в госучреждениях</i>	11	10,5%
	<i>счетоводы в с.х.</i>	53	
	<i>счетоводы в сфере услуг</i>	28	
	<i>врачи, медработники</i>	89	
	<i>экономисты, плановики, статистики</i>	116	
	<i>юристы в госучреждениях</i>	24	
	всего	321	
специалисты в	<i>агрономы, агротехники</i>	28	2,3%

с.х.	<i>зоотехники, ветеринары</i>	42	
	всего	70	
рядовые работники разл. учреждений	<i>инспекторы в госучреждениях</i>	29	25,3%
	<i>инструкторы в госучреждениях</i>	9	
	<i>работники сферы услуг</i>	167	
	<i>мелкие служащие</i>	464	
	<i>агенты</i>	72	
	<i>делопроизводственный персонал</i>	34	
	всего	775	
работники культ., искусства, просвещения, науки	<i>работники культуры и искусства</i>	69	14,1%
	<i>журналисты, редактора газет</i>	14	
	<i>научные работники</i>	51	
	<i>учителя, преподаватели</i>	296	
	всего	430	

8.4. Карельская АССР.

Категории арестованных служащих		Кол-во арестованн х	В процента х
Управленцы разных отраслях	в управленцы промышленности, в т.ч.:	180	21,6%
	<i>директора заводов</i>	17	
	в управленцы в госучреждениях	74	
	<i>директора школ</i>	9	
	в управленцы в сфере услуг, в т.ч.:	60	
	<i>директора магазинов</i>	40	
	в управленцы в с.х., в т.ч.:	143	
	<i>председатели колхозов</i>	131	
	<i>директора МТС</i>	8	
	в управленцы на транспорте	42	
	итого	490	
Служащие органах власти разных уровней	в управленцы областного и республиканского уровней	5	3,6%
	в управленцы районного уровня и ниже, в т.ч.:	76	
	<i>председатели РИК</i>	9	
	<i>председатели сельсоветов</i>	26	
	итого	81	
Партработники	партработники уровня райкома или горкома	9	0,7%

	партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах	6	
	ИТОГО	15	
Специалисты в пром. и в госучрежд., а также в с.х.	высший технический персонал, в т.ч.:	184	44,0%
	<i>механики, инженеры, конструкторы</i>	131	
	<i>лесники</i>	53	
	средний технический персонал, в т.ч.	178	
	<i>техники, технологи</i>	50	
	низший технический персонал	184	
	другие:	453	
	<i>счетоводы, бухгалтеры</i>	318	
	<i>врачи, медработники</i>	40	
	<i>экономисты, плановики, статистики</i>	46	
	<i>юристы, адвокаты, прокуроры, судьи</i>	10	
	<i>зоотехники, ветеринары, агрономы</i>	39	
	ИТОГО	999	
Рядовые работники разл. учреждений	<i>инструкторы, инспектора</i>	53	11,5%
	<i>работники сферы услуг</i>	4	
	<i>мелкие служащие</i>	193	
	<i>делопроизводственный персонал</i>	10	
	ИТОГО	260	
Работники культуры, искусства, просвещения, науки	<i>работники культуры и искусства</i>	62	7,8%
	<i>журналисты, редактора газет</i>	21	
	<i>научные работники</i>	11	
	<i>учителя, преподаватели</i>	83	
	ИТОГО	177	
Нет данных		239	10,5%
Всего		2270	100%

8.5. Северо-Осетинская АССР.

Тип служащих	Кол-во чел.	В %
--------------	-------------	-----

управленцы в различных отраслях	управленцы в промышленности, в т.ч.	95	22,8%
	<i>директора заводов</i>	10	
	<i>завхозы в промышленности</i>	12	
	<i>председатели артелей</i>	7	
	управленцы в госучреждениях	23	
	<i>завхозы в госпредприятиях</i>	5	
	<i>директора школ, техникумов</i>	10	
	управленцы в сфере услуг, в т.ч.	15	
	<i>директора магазинов</i>	6	
	<i>завхозы, завскладами в сфере услуг</i>	3	
	управленцы в с.х., в т.ч.	43	
	<i>председатели колхозов</i>	22	
	<i>директора МТС</i>	4	
	<i>завхозы в с.х.</i>	11	
	всего	176	
служащие в административных органах управления разных уровней	управленцы областного уровня и выше	27	7,2%
	управленцы районного уровня и ниже, в т.ч.:	29	
	<i>председатели РИК</i>	2	
	<i>председатели сельсоветов</i>	10	
	всего	56	
партработники	партработники областного уровня	3	4,1%
	партработники районного уровня	13	
	партработники на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах	16	
	всего	32	
работники промышленности и транспорта	высший технический персонал, в т.ч.	48	24,1%
	<i>инженеры, конструкторы, механики</i>	21	
	<i>лесники</i>	3	
	средний технический персонал, в т.ч.	41	
	<i>техники, технологи</i>	23	
	низший технический персонал	23	
	Другие:		
	<i>инспекторы в промышленности</i>	3	

	<i>инструкторы в промышленности</i>	4	
	<i>счетоводы, бухгалтеры в промышленности</i>	67	
	всего	186	
специалисты в пром. и в госучрежд.	<i>бухгалтеры, счетоводы в госучреждениях</i>	14	11,9%
	<i>счетоводы в с.х.</i>	24	
	<i>счетоводы в сфере услуг</i>	12	
	<i>врачи, медработники</i>	8	
	<i>экономисты, плановики, статистики</i>	15	
	<i>юристы, адвокаты, следователи, прокуроры, судьи</i>	17	
	<i>другие специалисты в промышленности</i>	2	
	всего	92	
специалисты в с.х.	<i>агрономы, агротехники</i>	4	3,8%
	<i>зоотехники, ветеринары</i>	25	
	всего	29	
рядовые работники разл. учреждений	<i>инспекторы в госучреждениях</i>	13	11,6%
	<i>инструкторы в госучреждениях</i>	3	
	<i>работники сферы услуг</i>	24	
	<i>мелкие служащие</i>	33	
	<i>агенты</i>	4	
	<i>делопроизводственный персонал</i>	13	
	всего	90	
работники культ., искусства, просвещения, науки	<i>работники культуры и искусства</i>	24	14,5%
	<i>журналисты, редактора газет</i>	7	
	<i>научные работники</i>	6	
	<i>учителя, преподаватели</i>	75	
	всего	112	